АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

شاہنامۂ فردوسی

ФИРДОУСИ

ШАХНАМЕ

ТОМ ВТОРОЙ

ОТ СКАЗАНИЯ О РОСТЕМЕ И СОХРАБЕ ДО СКАЗАНИЯ О РОСТЕМЕ И ХАКАНЕ ЧИНА

ПЕРЕВОД Ц. Б. БАНУ-ЛАХУТИ,
КОММЕНТАРИИ А. А. СТАРИКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА
1960

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

Академики: *В. П. Волгин* (председатель),
В. В. Виноградов, *Н. И. Конрад* (зам. председателя),
И. А. Орбели, *М. Н. Тихомиров*,
члены-корреспонденты АН СССР: *И. И. Анисимов*, *Д. Д. Благой*,
В. М. Жирмунский, *Д. С. Лихачев*,
профессора: *А. А. Елистратова*, *Ю. Г. Оксман*
кандидат исторических наук *Д. В. Обнобишин* (ученый секретарь)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
А. А. СТАРИКОВ

Редактор перевода
А. АЗЕР

От редакции

Второй том перевода «Шахнаме» является продолжением первого тома, вышедшего в 1957 г. За время подготовки второго тома коллектив понес тяжелые утраты: в день выхода в свет первого тома скончался редактор перевода Абулькасим Лахути, который много работал и над вторым томом. Его труд продолжен новым редактором перевода А. Азером. Вскоре после выхода в свет первого тома скончался также ответственный редактор издания, член-корреспондент АН СССР профессор Е. Э. Бертельс.

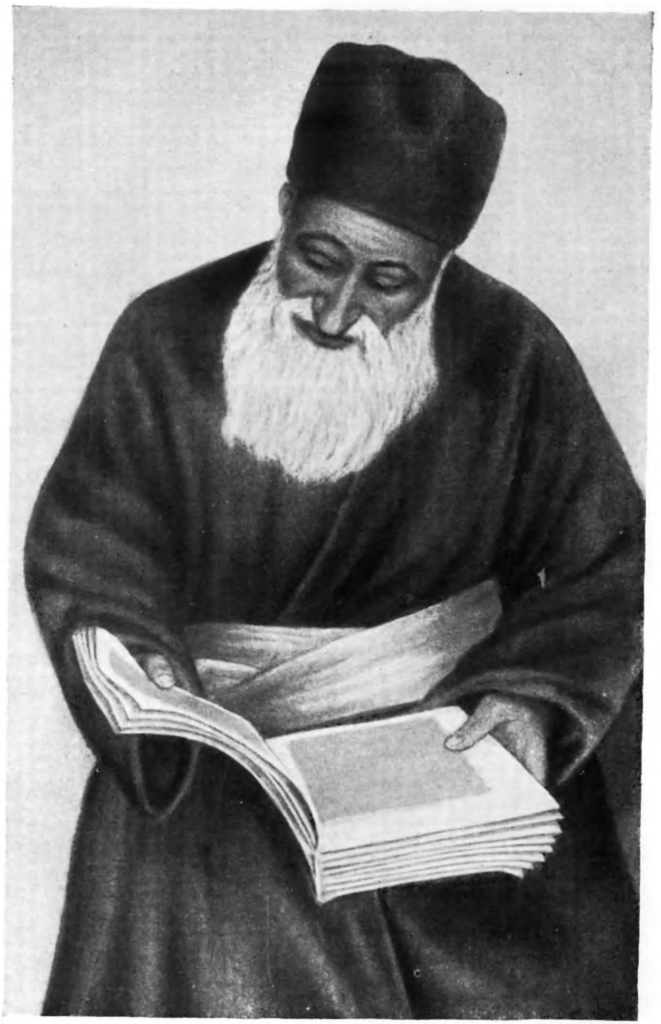
Предлагаемый второй том содержит:

стихотворный перевод «Шахнаме» от сказания о Ростеме и Сохрабе до сказания о Ростеме и хакане Чина, сделанный Ц. Б. Бану-Лахути, под редакцией А. Азера;

комментарии к тексту и переводу поэмы А. А. Старикова;

именной, географический и предметный указатели.

Принципы работы над первым томом сохранены и в настоящем издании.



Народный чтец «Шахнаме» (Иран, XX в.)
С оригинальной фотографии из частной коллекции.

КЕЙ-КАВУС

(Продолжение)

[СКАЗ О СОХРАБЕ]

[14515] О многом ты слышал, послушай сейчас*
О битве Ростема с Сохрабом рассказ.*
Без слез эту повесть кто б выслушать мог?
Чье сердце бы гневом Ростем не зажег?
Коль с ветки зеленой невызревший плод*
Нежданно примчавшийся вихрь унесет —
Сочтешь его правым и доблестным ты,
Иль чужд он и доблести, и правоты?
Когда справедлив умиранья закон,
О чем этот вопль и рыданья, и стон?
К сей тайне извечной заказан нам путь,
За эту завесу нельзя заглянуть.
Кого не манила заветная цель?
Но дверь ни пред кем не открылась досель.*
Быть может, кончину ты благом сочтешь,
Блаженство в приюте ином обретешь...
Ведь если бы хищницу-смерть укротить,
То старых и юных земле не вместить.
Где пламя свирепое вспыхнуло вдруг,
Там все неминуемо вспыхнет вокруг.
В том бедствии грозном конца б не избег
Ствола одряхлевшего свежий побег.
Любого, не глядя, он молод иль стар,

Сжигает безжалостно смерти пожар.
И юноши радость — увы! — не прочна:
Ведь смерти причина — не старость одна...*
Таков бытия непреложный закон.
Коль чистою верой твой дух озарен,
И если с тобою не знается бес —
Смиренно склонись перед волей небес!
Будь рьян в благочестьи, откинувши лень,
Чтоб встретить достойно последний свой день.
Стремись к одному лишь, готовясь к пути,—
Благие деянья с собой унести.*
Теперь запою о Сохрабе, о том,
Как юный воитель сражался с отцом.

[*Ростем едет на охоту*]

Поведаю сказ миновавших времен,*
Который дехканом до нас донесен.
Дехкану рассказывал старый мобед:
Однажды Ростем пробудился чуть свет.
Соскучась, на лов собрался великан;
Он стан опоясал, наполнил колчан,
Затем оседлав своего скакуна,
Которому сила слоновья дана,
Помчался к Тӯрану, взметая траву,
Подобный голодному ярому льву.
Равнина пред ним на просторе легла,
Онагры там носятся, нет им числа.
От радости вспыхнув, к охоте готов,
Коня погоняет Даритель венцов.*
Немало онагров ездок удалой
Сгубил булавою, арканом, стрелой.
Из хвороста после костер он развел,
И выбрав ему приглянувшийся ствол,
Могучей рукою тотчас ухватил

И вырвал, и в вертел его обратил.
Онагра огромного, легче пера
Вращая, изжарил на углях костра.
Съел целую тушу, пируя один,
И высосал мозг из костей исполин.
Насытясь, воды в роднике зачерпнул,
Испил и в тени, утомленный, уснул.
Тем временем Рехш, его конь боевой,
Бродил, насыщаясь травой луговой.
Нагрянул внезапно дозор верховых
Туранских бойцов—семь ли, восемь ли их.
Заметили резвого Рехша следы
И стали искать в тростниках, у воды.
Лишь только увидели чудо-коня,
Решились его увести, полоня.
Уже за арканом аркан занесен,
Помчались наездники с разных сторон,
Но конь боевой, их завидев едва,
Навстречу кидается яростней льва.
Лягнул одного и убил наповал,
Другому он голову вмиг оторвал.
Лежит уже третий поверженный враг,
А все скакуна не осилят никак.
Но вот изловчились—накинут аркан,
И пойман туранцами конь-ураган.
Поймали и в город угнали, спеша,
Чтоб верного не упустить барыша.
[Среди кобылиц очутился скакун —*
А было их сорок — отборный табун.
Из тех сорока, из всего табуна
Желанный приплод принесла лишь одна.]
От сладкого сна пробудившись, меж тем,
Коня боевого окликнул Ростем,
Весь луг исходил, но любимца нигде

Не видит. Об этой нежданной беде
Горюя безмерно, боец-великан
На поиски Рехша спешит в Семенган.*
Себе говорил он: «Куда я пойду
Пешком, обреченный тоске и стыду,
Груз палицы тяжкой и стрел, и меча,
И барсову шкуру, и шлем волоча?*
Как стану пустыни теперь проезжать,
Как стану отныне врагов поражать?
Что скажут туранцы? — Вот Рехша проспал
Ростем: видно спать, словно мертвый, он стал! —
Что делать? Терпи, коли так суждено.
Горюй, не горюй, остается одно:
В доспехах, с оружием, пешим идти;
Быть может, удастся на след набрести».
Под ношею тяжкой, утратив покой,
Угрюмо шагал он, терзаясь тоской.

[*Ростем приходит в Семенган*]

И вот Семенгана достиг великан.
Дошло до царя и вельмож в Семенган,
Что пеший идет к ним Даритель корон,
Что Рехш, его конь огневой, уведен.
Властитель и вся венценосная знать
Помчались верхом исполина встречать,
И мыслят, увидя Ростема чело:
То ясное солнце над миром взошло!
Могучий приветные слышит слова;
Ему говорит Семенгана глава:
«Что сталось? О взысканный щедро судьбой!*
Кто, дерзостный, вздумал тягаться с тобой?
Друзья тебе все в этом мирном краю,
Охотно мы волю исполним твою.

Владыкою будь над страной и людьми,
Сокровища наши и жизни возьми».
Та речь успокоила богатыря,
Поверил он дружеской речи царя
И так говорит: «На лугу, у воды
Похищен мой конь без седла и узды.
Ища скакуна, неустанно я шел,
След Рехша меня к Семенгану привел.
Признателен буду, коль сыщешь коня,
Награды заслуженной жди от меня.
А если мой Рехш не найдется, готов
Снести я немало строптивых голов!»
«О муж именитый, — ответ был на то —
Перечить тебе не решится никто.
Ты гостем моим почитаемым будь.
Все будет по-твоему, гнев позабудь!
Мы сердце потешим вином в эту ночь,
Из сердца заботу изгоним мы прочь.
Спеша, не добьемся удачи ни в чем,*
Терпеньем — из щели змею извлечем...
О Рехше могучем весь свет говорит,
Недолго он будет от взоров укрыт.
Поверь, богатырь, закаленный в борьбе:
Отыщется Рехш и вернется к тебе».
Тревогу забыв, ободренный Ростем
С надеждой внимал увереньям тем;
Готов он за стол властелина воссесть,
За доброе слово воздать ему честь.
Направились вместе они ко дворцу,
И служит почтительно царь удальцу.
Призвав городскую и ратную знать,
Владыка гостей усадил пировать,
И вот уже яства несут повара,
И кравчему кубки наполнить пора.

Порхают плясуньи, свежее весны;
Их розовы лица и очи темны,
И руд сладкозвучный в руках у певца *
Звенит, разгоняя печаль удальца.
Когда же Ростем захмелел и устал
И с места, подумав об отдыхе, встал —
Достойное витязя ложе нашлось,
Манившее благоуханием роз.

[*К Ростему приходит Техмине, дочь царя семенганского*]

Уж за полночь было, и в небе звезда,
Предвестница утра, блеснула. Тогда
Послышался шопот, и в спальный покой
Дверь кто-то открыл боязливой рукой.
Рабыня, с душистой свечою войдя,
Поспешно приблизилась к ложу вождя;
С ней дева, красою слепящая взор,
Подобная солнцу над высями гор.
Не брови, а луки, не косы — аркан;
Стройней кипариса пленительный стан,
Румянец — Йемена пылающий лал,
А рот, словно сердце стесненное, мал.
Ей словно душа вместо плоти дана,
Как будто не праха созданье она.
И дрогнуло львиное сердце бойца;
Восторженно он поминает творца
И молвит ей: «Имя свое мне открой.
Зачем ты пришла полуночной порой?»
«Зовусь — отвечает она — Техмине.*
Рвет сердце на части страдание мне.
Родитель мой, царь Семенгана, свой род
От витязей неустрашимых ведет.

Нет пары мне между царями, красой
Не многие девы сравнятся со мной.
Никто вне завесы не видел меня,
Не слышал, как голос мой льется, звеня.
Узнай, о тебе я слыхала не раз
На дивную сказку похожий рассказ.
Слыхала я: див и пантера, и змей —
Ничто перед грозною силой твоей.
Не знающий отдыха муж-исполин,
В Туран среди ночи ты мчишься один.
Онагра не ты ль целиком поглощал,
И небу не твой ли кинжал угрожал?
Сердца разорвутся у барса и льва,
Едва засверкает твоя булава.
Орел, чуть завидев твой острый булат,
От верной добычи отпрянет назад.
Настигнешь ты тигра, бесстрашен, могуч,
Кровавые слезы исторгнешь у туч.
Дивилась твоей небывалой судьбе,
Душой изнывала в тоске по тебе,*
Мечтала к тебе я склониться на грудь,—
И в край наш Изед указал тебе путь.
Твоя, коли хочешь, я с этого дня,*
Другому вовеки не видеть меня.
Ты видишь, к тебе я попала во власть,
Затмила мне разум всесильная страсть.
К тому же я в сердце надежду таю,
Что сына рожу, что отвагу твою
В наследье получит он, силу и рост,
Отмеченный щедрою милостью звезд.
И резвого Рехша тебе я верну;
Верь, на ноги всю подниму я страну».
Красавица кончила слово свое;
Ростем со вниманием слушал ее.

Волшебною той красотой восхищен,
И мудростью, и чистотой восхищен,
О Рехше любимом услышав к тому ж,
Исполнился радостью доблестный муж.
Мобеда зовет он, велит мудрецу
Отправиться сватом к владыке-отцу.
Мобеду внимал, торжеством осиян,
Властитель; как тополь, он выпрямил стан
И отдал, закон и обычай блюдя,
Прекрасную дочь за героя-вождя.
Исполнил желание витязя он,
И брачный союз договором скреплен.
Когда исполину он дочь отдавал,—
Весельем объятый, весь край пировал.
Ростема-вождя величали мужи,
Полны ликованья, кричали мужи:
«Будь счастлив с подругою множество лет,
А недруга злого да сгинет и след!»
И вот именитый в ночной тишине *
С супругою милою наедине.
Носил богатырь на руке амулет,
О том амулете наслышан был свет.
Его отдавая, Ростем говорит:
«Храни: коль судьба тебе дочь подарит,
К косе прикрепи ей на счастье; всегда
Над нею да светит благая звезда!
А если бы сына послал тебе рок —
Надень ему на руку отчий залог:
Пусть вырастет мощным, как Сам, удальцом,*
Искусным, не знающим страха бойцом,
Который бы солнцу грозил, чья стрела
С небесных высот низвергала б орла».
О многом великий беседовал с ней,
Всю ночь он провел с луноликой своей.

Когда же лучистое солнце взошло,
На мир изливая и свет, и тепло
Прощаясь, он к сердцу подругу прижал,
С любовью в чело и глаза целовал.
Печаль расставанья застлала ей взор,
И горе ей спутником стало с тех пор...
Пришел семенганской земли властелин
Спросить, хорошо ль почивал исполин,
Сказал: «Отыскался твой Рехш, наконец!».
Благое известье услышав, боец
Покой покидает, седлает коня.
Рад Рехшу и царское рвенье ценя,
В Забул богатырь прискакал без помех,
Что видел и слышал, сокрыл он от всех.*

[*Рождение Сохраба*]

Родился, когда девять лун протекло,
Младенец, как месяц, сиявший светло.
Сказал бы, то новый Ростем-великан,
Иль Сам-богатырь, иль боец Нериман.
Лишь сын улыбнулся, подобный весне,
Сохрабом его нарекла Техмине.
Осанкой — в Ростема и буйно растет:
Лишь месяц младенцу, а кажется — год.
В три года о грохоте битв он мечтал,
На пятом отвагой героя блистал;
А в десять уж был он сильнейшим в краю,
Никто не дерзал с ним тягаться в бою.
Пришел он и смело промолвил: «О мать,
Ответствуй, мне истину должно узнать:
Я сверстников всех отчего перерос,
Главу до высокого неба вознес?
Из рода какого происхожу?

Чей сын,— коли спросят, что людям скажу?
Когда вместо правды ты ложь изречешь —
Сама на погибель себя обречешь».
Мать сыну ответила речью такой:
«Не гневайся, выслушай, дух успокой!
Отец твой — могучий воитель Ростем,
А предки — Заль храбрый и Сам, и Нейрем.
Твоя голова до небес достает
Затем, что таков твой прославленный род.
С тех пор, как творец сотворил этот свет,
Бойцов, как Ростем, не бывало и нет.
Мир витязя, равного Саму, не знал,
Коснуться его небосвод не дерзал».
И втайне письмо от Ростема ему
Вручила она; приложила к письму
Три яхонта, с золотом три кошелька,—
Подарки, которые издалека,
Когда родился у красавицы сын,
Прислал из Ирана Ростем-исполин.
Дала и сказала: «Их свято храни,
Родителем присланы сыну они».
Добавила после: «О сын мой, Сохраб,
Не должен об этом узнать Афрасьяб!*
За то, что Ростемом Туран разорен,
Отмстить замышляет Могучему он;
К отцу пламенеет он давней враждой,—
Пасть жертвою мог бы тут сын молодой.
Страшусь и другого: услышит отец,
Что сын уж не отрок, а храбрый боец,
И без промедленья тебя призовет.
Разлука мне сердце тогда разорвет».
Сын молвил: «Кто в мире, о робкая мать,
Подобную истину стал бы скрывать!
Потомок великих, чья слава жива,

Герой, о котором не смолкнет молва,
Могучий, прославленный доблестью муж —
Отец мне; от сына таиться к чему ж?
Я рать соберу из туранских бойцов,
Немало их съедется с разных концов.
Мной будет с престола низвергнут Кавус,*
В Иране вовек не покажется Тус.
Гудерз и Новзер, Гостехем и Бехрам,
И Гив, и Горгин — все погибнут! Отдам
Ростему иранский державный венец,
Казну и престол, и высокий дворец.
Иран покорю и пойду на Туран,
Здесь бой будет мною властителю дан.
Престол Афрасьяба себе я возьму,
Я к самому солнцу копье подниму.
Ты станешь Ирана царицей, поверь!
Я буду по-львиному биться, поверь!
Родитель — Ростем, я — Сохраб, его сын:
Останется ль в мире еще властелин?
Где властвует солнце и месяца свет,
Там звездам сияньем гордиться не след».

[*Сохраб выбирает себе коня*]

И матери молвит отважный: «В бою
Увидишь могучую хватку мою!
Конь добрый мне нужен, булатом копыт
В стремительном беге дробящий гранит,
По резвости равный газели степной
И птице пернатой и рыбе речной,
Который не ведал бы устали, мча
Доспехи мои и меня, силача.
Нельзя же мне пешим идти воевать,
Когда поведу против недруга рать!»

Внимая отважному, мать расцвела,
До ясного солнца главу вознесла.
Велела она пастухам поскорей
Пригнать табуны резвоногих коней:
Сохрабу, мол, надобен конь не простой —
Чтоб силу в бою сочетал с быстротой.
В степях и горах, изо всех табунов
Ретивых, лихих отобрав скакунов,
В столицу пригнали, и взяв свой аркан,
Навстречу пришел молодой великан.
Завидев коня посильнее, тотчас
Петлей настигает его, изловчась,
Кладет ему на спину руку потом,—
И тут же скакун, с перебитым хребтом,
Пред ним распростерт, недвижимый, без сил...
Немало отборных коней сокрушил,
Но силе своей небывалой подстать
Он так и не смог скакуна отыскать.
Сохраб опечален. Внезапно пред ним
Явился воитель с известьем благим:
«От Рехша рожденный есть конь у меня,
Могучее льва, горячее огня.
Он степью бежит, будто мчится гора,—
Не столь поднебесная птица быстра;
Как солнце, красой ослепляет он взор,
Несется могуч и неистов, и скор;
Кита раздавил бы ударом копыт;*
Прыжок — словно молния, грудь — что гранит;
По круче он легкою серной скользнет,
В реке, словно юркая рыба, мелькнет;
И если в погоню помчится стрелой,
Не спрячется недруг, не скроется злой».
Послышался князя ликующий смех.
Воспрянув от слов утешительных тех,

Он двинулся в путь, нетерпеньем гоним,
И вот уж невиданный конь перед ним.
Рукой надавил ему спину Сохраб
И видит: годится для боя, не слаб.
Погладил, растер, оседлал он коня,
Вскочил на него с быстротою огня.
Под всадником, схожим с горой Бисотун,
Под палицей-сваей не дрогнул скакун.
И молвил Сохраб, именитый герой:
«Итак, отыскался мой конь боевой!
Без страха я в битву теперь поскачу,
Кавусу-царю белый свет омрачу».
Вернулся он, радостью полон живой,
Готов устремиться в поход боевой.
К вождю собрались отовсюду полки;
Он знатен и славится силой руки.
И просит Сохраб, чтобы царственный дед
Подал ему помощь и мудрый совет:
Он хочет, мол, войско в Иран повести,
Родителя славного хочет найти.
Услышав от внука такие слова,
Собрал для него Семенгана глава
Великое множество мулов, коней,
Динаров, престолов, уборов, камней,
Доспехов, какие нужны для бойца...
Дивится владыка отваге юнца;
Во славу его, не жалея щедрот,
Как должно царю, одаряет народ.

[*Афрасьяб посылает к Сохрабу Бармана и Хумана*]

Дошло до владыки туранской страны,
Что спущены в воду Сохраба челны, *
Бойцы отовсюду к нему собрались,

Меж них он — как тополь, вознесшийся ввысь;
Уста его пахнут еще молоком,
А он уж мечтою к сраженьям влеком;
Он кровью поля заливает уже,
С Кавусом войну затевает уже,
Огромное войско ведет за собой,
Врагов не страшась, порывается в бой...
Короче, тот витязь исполненный сил
Отвагой свой род именитый затмил.
В душе Афрасьяба зажглось торжество,
И вырвался радостный смех у него.
Из витязей храбрых туранской земли,
Что в бой с булавами тяжелыми шли,
Им выбраны были Хуман и Барман;*
Любой и на льва бы накинул аркан!
Приказано к ним собираться на зов
Двенадцати тысячам лучших бойцов.
Двум витязям так говорит Афрасьяб:
«Вам к хитрости должно прибегнуть: Сохраб
С Ростемом, столкнувшись на поле войны,—
Смотрите — друг друга узнать не должны.
С Сохрабом, надеясь на силу свою,
Сразится Ростем, без сомненья. В бою,
Быть может, погибнет отец-исполин:
Ведь славится силою львиною сын.
Лишившись Ростема, нам сдастся Иран,
И будет смятеньем Кавус обуян.
Потом и с Сохрабом расправимся мы,
Нагрянув к нему средь полуночной тьмы...
А если Сохраб в поединке падет —
Раскаянья мука отца изведет».
Два витязя тут же отправились в путь,
Спеша к ополченью Сохраба примкнуть.
И посланы в дар Афрасьябом-царем

Десятки коней, мулов с разным добром,
Престол бирюзовый с подножьем резным
Сверкающей кости слоновой, и с ним
Горящий рубинами царский венец
И полное лести письмо наконец:
«Когда бы взошел на иранский престол,
Ты землю бы к миру и счастью привел.
Иран с Семенганом, с Тураном — одно,
Соседствовать им не напрасно дано.
Добудь же венец властелина в борьбе!
Бойцов, сколько хочешь, пришлю я тебе.
Туранцы не ведают богатырей
Искусней Бармана, Хумана храбрей.
Позволь им в гостях у тебя побывать,
Позволь под началом твоим воевать.
Клич кликнешь, и ринутся в битву они,
И мраком окутают недруга дни».
С посланьем таким и дарами царя
Помчались два всадника-богатыря.
Услышав об их приближении весть,
Навстречу — воздать им достойную честь —
Сохраб вместе с дедом спешит, и душой
Расцвел он при виде той рати большой.
Взирая на мощные плечи и стан,
Дивится сохрабовой силе Хуман.
С письмом исполину дары вручены
И мулы, и полные сил скакуны.
Затем от посланцев услышал Сохраб
Слова, что ему передал Афрасьяб.
Посланье прочел он, и выстроил рать
И дал повеление в путь выступать.
Литавры гремят, призывая в поход,
И грохот военный над миром встает.
Никто не осилил бы рати такой;

Ни львы, чи чудовища бездны морской.
Как гибель несущий степной ураган,
Сохрабовы ратники вторглись в Иран.

[*Набег Сохраба*
на Белую крепость]

Вот Белая Крепость пред ними встает —
Ирана дотоле надежный оплот.
Был вверен Хеджиру прославленный град; *
Вождь храбрый, он в битвах испытан стократ.
А княжил над краем и городом тем *
Муж славного рода — седой Гождехем.
Дочь юная князя красою цвела,
Наездницей дерзкой, бесстрашной слыла.
Лишь только завидел Сохраба вдали
Пред войском, несущимся в черной пыли,—
Покинул твердыню Хеджир удалой,
Вскочил на коня и помчался стрелой.
Все ближе к воителям смелый седок.
Сохраб, разъярясь, обнажает клинок
И скачет навстречу, оставив ряды.
«Злосчастный! — вскричал он,— добыча беды!
Сражаться выходишь один? Берегись,
Покрепче, смотри, за поводья держись!
Не хочешь ли имя и род свой назвать?*
Заплачет тебя породившая мать!»
В ответ раздается: «Оставь хвастовство!
В подмогу не надобно мне никого.
Хеджир я, воителей храбрых глава,
Мной срублена будет твоя голова,
Гонец Кей-Кавусу ее повезет,
А тело поганое коршун склюет».
Презрительно юноша захохотал
Над речью Хеджира; ногами он сжал

Подобного горной громаде коня*
И ринулся в битву быстрее огня.
Так яростно скрещивал с вражьим копье,
Что не отличал от чужого свое.
Хеджир исполина ударил копьем,
Но тщетно: Сохраб не задет острием;
Удар отражает стремительно он —
И недруг своим же копьем поражен.
Хеджира Сохраб повергает с седла;
Не чуя, что ноша его тяжела,
Как горная глыба,— кидает во прах;
Сжал сердце упавшему тягостный страх.
С коня поспешил победитель сойти,
Чтоб голову вражью булатом снести.
Хеджир приподнялся, знак подал рукой,
К нему о пощаде взмолился с тоской.
И мести прощенье Сохраб предпочел;
Прощенному он наставленье прочел,
И накрепко руки арканом связал,
И тут же к Хуману вести приказал.
Услышали в замке, что витязь поверг
Хеджира,— и день для иранцев померк.
Скорбят о вожде, уведенном в полон,
Бойцы, и не молкнут рыдания жен.

[*Поединок Сохраба с Гордаферид*]

Услышала дочь Гождехема о том,
Что сдался Хеджир, побежденный врагом,
И вздрогнула дева, как смерть побледнев,
Вздох тяжкий исторгли обида и гнев.
Душа ратоборца была ей дана,
Молва прославляла ее издавна.
Ей Гордаферид было имя, в борьбе *
Не знала отважная равных себе.

В шафран обратились тюльпаны ланит —
Такой за Хеджира терзал ее стыд.
Исполнясь отваги в решительный час,
В доспехи воителя вмиг облачась,
Запрятала косы в румийский шелом,
Завязки кольчуги скрепила узлом,
Кушак затянула, как муж на войне;
Покинув твердыню, на вихре-коне
Несется отважная Гордаферид,
И клич ее грозный над полем гремит.
«Где витязи, где предводитель у вас?
Кто полный отваги воитель у вас?
Кто, равный чудовищам глуби речной,
Захочет померяться силой со мной?»
Но отклика нет на воинственный зов,
Никто не выходит из ратных рядов.
Смеется в ответ, словно тешась игрой,
Сохраб, повергающий тигров герой.
Кричит он: «Булат не напрасно мне дан,
Второго онагра поймаю в капкан!».
Надел, быстротою подобен огню,
Китайский шелом, боевую броню,*
Не зная, кто недруг, он мчится вперед;
Наездница лук оснастила, и вот
Под тучею стрел смертоносных Сохраб,
От них даже птица спастись не могла б.
И видит он: рати опасность грозит,
Бойца за бойцом неизвестный разит.
Тогда уязвленный, томимый стыдом,
Неистовой жаждою мщенья ведом,
Огромным щитом заслоняясь от стрел,
Навстречу врагу богатырь полетел,
И яростью гордое сердце горит.
Поспешно повесила Гордаферид

Свой лук на плечо: разогнав скакуна,
Как птица взвилась и рванулась она *
К Сохрабу: напрягши поводья, свое
Воителю в грудь устремила копье.
От этого натиска рассвирепев,
Сохраб зарычал словно яростный лев
И сам, с быстротой грозового огня,*
Узду натянул, бурно вздыбил коня,
Своим смертоносным огромным копьем
Сплеча размахнулся, стальным острием
Ударил, и панцирь мгновенно пробит,
Но сердцем не дрогнула Гордаферид.
Ее совлекает с коня великан,—
Так мяч похищает проворный човган.*
Но всадница, сбитая наземь с седла,
Булатом копье удальца рассекла,
В седло боевое вскочила опять
И тучею пыль возмутила опять.
Однако сражаться ей дольше невмочь;
Коня повернула и ринулась прочь.
Боец буйным бегом дракона-коня,
Ты скажешь, сиянье похитил у дня;
Пыль черную к небу взметая столбом,
Летит, настигает, срывает шелом...
И вдруг по кольчуге скользнула коса;
Как солнце, девичья сверкнула краса.
И видит он: дева пред ним — не боец,
Не шлем бы носить ей — царицы венец.
Дивится герой: «Коль иранская рать
В бой деву подобную может послать,
Так верно мужи, как придет их черед,
Прах темный взметут до небесных высот!»
Воитель заносит летучий аркан,
И схвачен мгновенно красавицы стан.

«Теперь не уйдешь! — закричал он.— Войны
Тебе ли искать, с этим ликом луны?
Добычи такой не ловил я досель.
Не вырвешься, бьешься напрасно, газель!»
И дева, поняв, что спасение в том,
К бойцу повернулась прекрасным лицом
И молвит: «Воитель, всех в мире мужей
Затмивший отвагою львиной своей!
На наше сраженье два войска глядят,
За каждым движеньем усердно следят.
Лишь косы девичьи рассмотрят — беда!
Насмешки посыплются градом тогда:
''Им прах в поединке до неба взметен,
Но бился не с витязем, с девушкой он!''
Длить битву тебе не пристало: ведь стыд
Сраженье подобное мужу сулит.
Не лучше ль поладить нам этой порой?
Внять голосу разума должен герой.
Ужель из-за девушки витязь готов
Посмешищем стать для друзей и врагов?
Поверь мне, ты встретишь покорную рать;
Коль мир предлагают, не рвись воевать.
Богатства и замок, и все мы — твои.
Ты цели добился, к чему же бои?»
Сохраб загляделся на Гордаферид:
Меж лалами уст ровный жемчуг блестит;
Лик прелести райской, пленительный стан
Стройней тополей, что лелеет дехкан;
Не очи, а лани, бровь каждая — лук;
Свежа, что весной расцветающий луг.
Промолвил он: «Помни же клятву свою!
Ты видела нынче, каков я в бою.
Твердыня тебя обольщать не должна,
Небесного свода не выше она;

Ее булавою низвергну. Ничье
В сраженьи меня не коснется копье!»
И деву боец отпустил; вороной
Помчал ее степью к твердыне родной.
С ней рядом несется Сохраб. Между тем
С бойцами стоит за стеной Гождехем.
Открыли ворота, и деву спасли,
Всю в путах, в твердыню ее увлекли.
И снова ворота на крепком замке,
И вновь стар и млад зарыдали в тоске:
Все в ярости от нанесенных обид
Хеджиру и доблестной Гордаферид.
Подходит к отважной правитель седой,
Бойцов именитых ведя за собой.
«О, дева бесстрашная! — вымолвил князь —
Как долго мы ждали, тревогой томясь.
И храбрость и хитрость пустила ты в ход,
И доблестный не посрамила свой род.
Рука неприятеля — небу хвала! —
Тебе в поединке не сделала зла».
Смеется отважная Гордаферид
Восходит на башню и так говорит,
Сохраба увидев с высокой стены:
«Эй, доблестный витязь туранской страны!
Зря тратишь ты силы, не время ли в путь?
Осаду оставь, о вторженьи забудь!».
«Добро, — отвечает он, мрачен лицом.—
Я солнцем, луною, престолом, венцом
Клянусь, победителем в замок войду
Тебя, вероломную, в плен уведу.
Когда попадешь ты в неволю ко мне,
Раскаешься в дерзкой своей болтовне.
Но проку в раскаяньи позднем твоем
Не будет, и грянет возмездия гром!*

Забыла ты данный тобою обет?»
Но Гордаферид улыбнулась в ответ
И молвит: «Воитель туранский, прости!
Туранцу в Иране жены не найти.
Должно быть, меня не судил тебе рок.
О славный, ты б лучше себя поберег!
Ты вправду ли родом туранец? Скажи.
Тебя и в Иране бы чтили мужи.
Плечами, осанкой, лицом ни один
Не может сравниться с тобой исполин.
Услышит Кавус про туранца-вождя,
Что в край наш ворвался, дружину ведя,—
И двинет полки, и примчится Ростем;
Не сладишь ты с грозным воителем тем.
Он войско твое уничтожит, тогда
Тебя бы, смотри, не постигла беда!
Жаль мощи твоей богатырской; попасть
Не должен ты тигру свирепому в пасть.
Ты, силой кичась, не кидайся вперед,—
Лишь бык сам себя, разъярившись, грызет.
Назад поверни с рокового пути,
Лик ясный к туранской земле обрати!»
Внимает воитель, обида горька.
А так ведь, казалось, победа близка!
Весь край у подножия крепости той
В отмщение сделать равниной пустой
Велел он: жилища без жалости сжечь,
Людей разоренью и горю обречь.
Промолвил он: «Поздно сражаться, уж день
Померк, и ночная надвинулась тень.
Но завтра твердыню мы в пыль превратим.
Бой грянет великий!». Досадой томим,
Хлестнул он коня и помчался к шатру,
Решив наступленье начать поутру.

[*Посланье Гождехема Кавусу*]

Умчался Сохраб, и писца вслед за тем
Призвал удрученный бедой Гождехем.
Послание шаху составил писец,
Сбирается в путь расторопный гонец.
В письме воздается владыке почет,
А дальше рассказ о событьях течет:
«О доблестный царь! Из Турана примчась,
Дружина внезапно напала на нас.
Вождю той дружины, питомцу побед,
Едва ли минуло четырнадцать лет.
Он станом стройней молодых тополей,
А ликом — небесного солнца светлей.
Где видан воитель с рукою такой,
Столь мощный, с большой булавою такой?
Как ринется в битву с индийским мечом,
И горы и реки ему нипочем.
Пройди весь Иран и Туран — силачу *
В сраженьях соперника нет по плечу.
Героя Сохрабом зовут; не страшны
Ему ни драконы, ни львы, ни слоны.
Ты скажешь, то сам несравненный Ростем,
Воитель, которому прадед Нейрем.
Хеджир, чья отвага повсюду славна,
Помчался, на бурного сев скакуна, —
С Сохрабом померяться силой в войне:
Его столько времени я на коне
Видал, сколько нужно, чтоб глазом моргнуть
Иль запах цветка мимоходом вдохнуть,—
Столь быстро Сохраб его сбросил с седла...
Рать, глядя на то, в изумленье пришла.
Хеджир, уцелевший, но взятый в полон
Изранен, измучен, душой уязвлен.

Хоть всадников видел умелых, лихих,
Не видел в Туране я смелых таких.
Пропал, кто к нему попадется в тиски
На поле, где сходятся в битве полки!
Мощь грозная кроется в богатыре,
Пред доблестным не устоять и горе;
Поскачет он к ней, попирая поля,
Заплачет над нею сырая земля.
Коль станешь ты мешкать, не вступишь в войну,
Не вышлешь дружин, защищая страну,—
Родной наш Иран разоренным считай,
Враждебной рукой покоренным считай.
Тот витязь другим не чета храбрецам;*
Сказал бы, в нем ожил воинственный Сам.
Сильнейшие витязи дрогнут пред ним;
Их свалит он рукопожатьем одним.
Не нам состязаться с подобной рукой,
С такой булавой и отвагой такой.
Нас битва погубит, его ж вознесет
Победной главой до небесных высот.
Мы с вечера в путь собираться начнем,
В глубь края отступим во мраке ночном.
Но если еще мы промедлим хоть час,
Ничто не спасет от погибели нас.
В твердыню он вторгнется, рать одолев:
Где он наступает, отступит и лев».
Письмо запечатав, посланца затем
Призвал, и ему повелел Гождехем:
«Отправься, лишь первые вспыхнут лучи;
Тропою, врагам неизвестной, скачи».
Отправил он шаху посланье, а сам
В поход приказал собираться бойцам.

[*Вторжение Сохраба*
В Белую крепость]

Лишь солнце взошло над высокой горой,
Сомкнули туранцы воинственный строй.
С копьем смертоносным, на быстром коне
Сохраб их возглавил, готовый к войне;
Защитников крепости, словно овец,
Схватить и связать замышлял удалец.
На стены он смотрит — людей не видать.
С воинственным кличем за витязем рать
Помчалась; разбив на воротах засов,
Как смерч, ворвались, но не видно бойцов.
В ночи осажденным воителям всем
Бежать удалось: их увел Гождехем.
Под крепостью ход был подземный — про то
Дотоль из туранцев не ведал никто.
Бесследно исчезли и войско и князь,
Твердыню Сохрабу оставить решась.
Виновны ль, безвинны ль, один за другим
Все жители края предстали пред ним,
Прощенья, пощады прося у вождя,
Ему о покорности вечной твердя.
Но тот не внимает, любовью горит;
Все ищет он милую Гордаферид
И сетует, плача, не ведая сна:
«О горе, за тучами скрылась луна!
[У цели я был, но добычу злой рок *
Из рук моих вырвал, безмерно жесток.
На дивную лань я накинул аркан —
Ушла, а меня залучила в капкан.
Со мной колдовские творила дела:
Мечом не коснулась, а кровь пролила.
Подобно пери промелькнула, и вот
Похищено сердце, а боль все растет

В груди опустевшей, все злее печаль:
Любимая скрылась в безвестную даль!
Увы, ускользнула, исчезла во мгле...
Нет участи горше моей на земле!»
И ночью и днем богатырь горевал,
От взора чужого любовь укрывал;
Но муку не скроешь — таи не таи —
Когда из очей заструятся ручьи;
И как ни хитрил бы, душой удручен,
В груди не удержишь отчаянья стон.
Бледнеет и вянет Сохраб, с каждым днем
Сильнее сжигаемый тайным огнем.
Вначале о ране сердечной его
Хуман именитый не знал ничего;
Но видя, что блекнет воителя лик,
Он в тайну умом прозорливым проник.
Он понял: как будто коварным силком,
Сохраб молодой полонен завитком.
Невмочь ему, сон убегает от глаз,
И рад бы уйти, да в трясине увяз...
Чтоб мысли Сохраба направить к войне,
Хуман с ним беседует наедине;
Твердит он: «Никто из владык в старину
Не бился у страсти безумной в плену,
Желаньем неистовым не пламенел,
Сверх меры от кубка любви не пьянел.
Газель за газелью арканом лови,
Но бойся попасться в тенета любви!,
О витязь, искусством войны овладев
Забудь о пленительной прелести дев.
Бойца привлекает лишь славы краса;
Орлу подобает любить небеса!
Успешно мы начали ратный поход,
Без боя нам сдался Ирана оплот,

Но битва не кончена, путь наш суров,
Немало нас ждет и невзгод и трудов.
С могучим Ростемом могучая рать,
Привыкшая славы в сраженьях искать,
Примчится, решимости ярой полна...
Кто ведает, как обернется война!
Тебе одному — удальцу, силачу —
С дружиной иранскою спор по плечу.
Ты сердца влюбленного жар охлади,
Не то — пораженья бесславного жди.
Коль страсти поддашься — ты жертвой падешь,
Коль страсть обуздаешь — ты к цели придешь:
Одержит победу твой грозный клинок,
И деву тогда ты увидишь у ног».
Очнулся Сохраб, назиданию вняв:
«О витязь туранский,— вскричал он, — ты прав!
Меня исцелил ты словами. Клянусь,
Навек нерушим наш священный союз».]
Меж тем до Кавуса посланье дошло.
Как только узнал про нежданное зло,
Созвал он мужей, возглавляющих рать,
Чтоб вести тревожные им рассказать.
В раздумьи сидят с властелином бойцы,
Ирана прославленные храбрецы:
Тус гордый, Гудерз, чей родитель Гошвад,
Гив храбрый, Горгин и Бехрам, и Ферхад.
Посланье бойцам прочитал властелин,
Поведал, каков молодой исполин,
И, с ними советуясь, вымолвил так:
«Коль прав Гождехем, угрожает нам враг
Невиданной мощи. Лишился я сна,
Тоской и тревогой душа пронзена.
Ему средь иранцев соперника нет;
Где средство сыскать от нагрянувших бед?»

На том порешили, что доблестный Гив,
Тотчас же к Ростему в Забул поспешив,
Доставит Могучему грозную весть
О том, что в опасности царство и честь;
Пусть витязь могучий, державы оплот,
На помощь иранской дружине придет.
Готовить послание стал властелин,
Страшась наступающих грозных годин.

[*Послание Кавуса Ростему*]

Составил писец, повинуясь царю,
Посланье забульскому богатырю;
Ростему вначале хвалу возносил:
«Живи, непоборный, исполненный сил!
Знай, доблестный, к нам из туранских долин
Войною пришел молодой исполин.
Уж в Белую Крепость успел он войти,
Иранцам к спасенью отрезав пути.
Тот витязь невиданно храбр и силен.
Как тигр, он бесстрашен, огромен, как слон.
Из всех меченосцев иранских дружин
Затмишь его доблестью ты лишь один.
Знай, в целой вселенной, о витязь благой,
Нет, кроме тебя, нам защиты другой.
Ирана опора единая ты,
Прославился хваткою львиною ты.
Ты в Мазендеране врагов истребил,
Ты в Хамаверане оковы разбил.
Ты палицей солнце заставишь рыдать,
Твой меч и с Бехрамом бы мог совладать.*
Пыль стычек твоих даже Нила темней,*
Слоны устрашились бы силы твоей.
Ты тигра настигнешь петлей боевой,

Ты гору повергнешь стальной булавой.
Дружина тобой несказанно горда,
Стоял ты на страже Ирана всегда,
Но снова нам рок посылает беду,
Я с часу на час нападения жду.
Все витязи наши к престолу пришли,
Письмо Годжехема мы вместе прочли
И Гиву отважному дали наказ —
К тебе, о Могучий, без отдыха мчась,
Скорее доставить тревожную весть.
Как только успеешь посланье прочесть, —
Глубокою ночью иль солнечным днем,
Еще не обмолвившись словом о нем,
И запаха сорванной розы вдохнуть
Еще не успев,— разом трогайся в путь!
Ведь закаленных забульских бойцов,
И пусть раздается воинственный зов!
Ведь кроме тебя, коли прав Гождехем,
Не сладит никто с грозным недругом тем».
К посланью печать приложили; оно
Воителю Гиву тотчас вручено.
Царь молвил: «Скачи, не жалея коня,
И ночью и днем неустанно гоня.
К Ростему добравшись, о славный ездок,
Смотри, не растягивай отдыха срок,—
Средь ночи примчась, возвращайся с зарей!
Скажи: приближается вражеский строй;
Ждем с мига на миг неизбежной войны;
Врага мы ничтожным считать не должны».
Помчался, забыв о покое и сне,
Гонец именитый на добром коне.
Дорогою витязь не пил и не ел,
И ночью и днем, словно ветер, летел.
Лишь только Забула успел он достичь,

Донесся к Дестану дозорного клич:
«К нам вихрем летит из Ирана боец,
Его быстроногий несет жеребец».
И вот уже скачет навстречу Ростем;
С ним — каждый, носящий кольчугу и шлем.
Отважному Гиву навстречу примчась,
С коней боевых соскочили тотчас.
Ростем у прибывшего богатыря
Расспрашивать стал про Иран, про царя.
К Могучему в замок высокий вступив,
Воссели беседуя. Доблестный Гив
Добавил к цареву письму и словам
Все то, что слыхал о Сохрабе он сам;
Не скрыл ни худых новостей, ни благих,
Немало вручил и даров дорогих.
Письмо прочитав, усмехнулся Ростем,
И, втайне смущенный известием тем,
Промолвил: «Ужели те слухи — не ложь,
И вправду воитель на Сама похож?
Будь он из иранцев, дивиться б не след;*
Туранцев столь мощных не видывал свет.
Узнать я хотел бы, откуда храбрец,
Из рода какого тот чудо-храбрец.
Был сын от меня в Семенгане рожден,
Но где ему биться! Дитя еще он;
Не знает, как двинуть в сражение рать,
Когда защищаться, когда наступать.
Я матери в дар для него посылал
Алмазы и золото. «Сын еще мал,—
Она отвечала,— но быстро растет,
И скоро воителя мощь обретет.
Уста его пахнут еще молоком,
А любит вино; будет храбрым стрелком!
Дай срок, занесет он блистающий меч

И станет воителям головы сечь».
Ты ныне поведал нам, славный боец,
Что этот напавший на вас удалец
Хеджира отважного сбросил с коня,
Арканом опутал его, полоня.
Такое свершить бы еще не сумел
Мой львенок, хотя и невиданно смел.
Вставай, именитый, с тобою вдвоем
Теперь мы к почтенному Залю пойдем.*
Попробуем узел беды развязать,
Кто этот туранский герой, разгадать».
К Дестану пришел во дворец родовой
Ростем, прославляемый громкой молвой.
С ним вместе в чертоги Нейрема и Гив
Вступает; нируют, заботы забыв...
Опомнился Гив и вождю говорит:
«О витязь, чья слава по свету гремит!
Венец украшаешь ты, царственный трон
Да будет тобою и впредь озарен!
Мне шах Кей-Кавус отдыхать не велел.
„Коль ночью примчишься в забульский предел,—
Сказал он,— с зарей возвращайся назад:
Враги, приближаясь, бедою грозят".
Здесь мешкая, мы не дождемся добра.
В Иран, о Могучий, помчаться пора!»
Ответ был: «К чему колебанья и страх!
Не все ль под конец обратимся мы в прах?
Забудем Кавуса, походы, бойцов.
Сегодня, пируя под лютни певцов,
Сухие уста увлажняя вином,
Беседуя весело, день проведем,
А завтра к царю поскачу я с тобой,
Иранскую рать поведу я на бой.
Когда не погасла Ростема звезда,

Он в этом бою победит без труда.
Лишь дай разыграться стихии морской,
Не справится с нею огонь никакой!
Забавы забыв, дрогнет в ужасе враг,
Едва издалека завидит мой стяг.
Ведь если с Ростемом он схож — силачом,
Разящим врагов булавой и мечом,
И если подобен он Саму-бойцу,
Искусному в битвах вождю-мудрецу —
Он вмиг безрассудно не ринется в бой,
И некуда нам торопиться с тобой».
Наполнились чаши во славу царя*
И Заля, достойного богатыря.
Наутро с похмелья могучий герой
Вновь кравчего кличет, проснувшись с зарей
Уж полдень, пора выступать им давно,
А в чашах по-прежнему рдеет вино.
Обильные яства приносят опять
И снова садятся мужи пировать.
Ел досыта каждый и пил допьяна:
Звенела певучего руда струна.
До ночи Ростем пировать не устал;
Просторный чертог ярче солнца блистал.
День третий проходит — веселье кипит,
И всеми давно Кей-Кавус позабыт...
На утро четвертое, с места вскочив,
Ростему напомнить отважился Гив:
«Ты знаешь, горяч от природы Кавус;
Безмерно его распалишь ты, боюсь.
Встревоженный вестью о близкой войне,
Забыл он о пище, покое и сне.
И если в Забуле продлится наш пир,
Властителю тесным покажется мир.
Гнев может рассудок царю помутить;

Тебе за обиду захочет он мстить».
«Тревогу забудь! — был Ростема ответ.—
На целой земле мне соперника нет».
Знак подан, и вот уже Рехш под седлом,
И грянул трубы оглушительный гром,
И ржаньем откликнулись кони на зов,
Помчав закаленных забульских бойцов.
С дружиной выходит Ростем на заре,
Дружину ведет богатырь Зеваре.*

[*Кавус гневается на Ростема*]

За день до прибытья, Ростема встречать
Пришла на дорогу иранская рать.
Тус гордый, Гудерз, чей родитель Гошвад,
И прочие, спешась, к Ростему спешат.
И, пеший, Ростем устремился к бойцам,
Привету внимая, приветствует сам.
Все двинулись вместе к воротам дворца,
Для дружбы и блага раскрыты сердца.
Пришли и склонились пред ликом царя,
Но тот не ответил, досадой горя,
Почтившим хвалою венец и престол;
Нахмурены брови, лик — мрачен и зол.
На Гива, как яростный лев, зарычав,
Вскричал без стыда повелитель держав:*
«Ростем кто таков, чтобы долг нарушать
И все против воли моей совершать!
Как с дерева плод,— будь со мною мой меч,—
Я тотчас бы сшиб ему голову с плеч!
Его уведи и немедля повесь,
И память о нем пусть изгладится здесь!»
Боль Гиву отважному стиснула грудь:
Ему ль на ростемову жизнь посягнуть!

Сильней закипел в повелителе гнев,
И слышит собранье мужей, онемев,
Что Тусу-бойцу отдает он приказ:
«Повесь и Ростема и Гива тотчас!»
Кавус то садился, то снова вставал;
В нем гнев, что огонь в тростниках, бушевал.
Тогда, в изумленье мужей приведя,
Взял за руку Тус исполина-вождя;
Хотел он, должно быть, его увести,
Уловкой от царского гнева спасти.
Но грозно Могучий взглянул на царя
И крикнул: «Себя распаляешь ты зря!
Чем дальше, твои злодеянья черней.
Клянусь, не достоин ты званья царей!
Ты б лучше туранца повесил в сердцах,
Врага, разъярившись, поверг бы во прах!
Сегсар и воинственный Мазендеран, *
Чин с Мысром и Румом, и Хамаверан
Склонились пред Рехшем крылатым моим,
Пред меткой стрелой и булатом моим.
От смерти спасен ты моею рукой,
Тебе ли пылать ярой злобой такой!».
И Туса слоновьим ударом свалив,
И через лежащего переступив,
Направился к Рехшу. Нахмурив чело,
Вскочил исполин в боевое седло.
И грозно вскричал, разъярен и суров:
«Я — львов победитель, даритель венцов!
Я страха не ведаю, что мне Кавус!
Как смеет коснуться руки моей Тус!
Мне сила победная богом дана,
Не царь ее дал, не от войска она.
Земля мне — держава, и Рехш — мой дворец,
Мне палица — жезл, и шелом — мой венец.

Могучая длань, булава, и копье,
И смелое сердце — вот войско мое!
Тьму ночи мой меч озаряет лучом,
Я по полю головы сею мечом.
Свободным родился, тебе я не раб!
Мной править лишь воля Йездана могла б.
Просили бойцы, чтобы я на престол
Царем венценосным Ирана взошел,
Но я от престола свой взор отвратил,
Я долг, и закон и обычай хранил.
А если пошел бы я царской судьбе
Навстречу — страной не владеть бы тебе.
Меня ты зато поделом наказал,—
Всего я достоин, что здесь ты сказал,
Но гнев твой — ничто для меня, Кей-Кавус!
Кобада венчал я, и этим горжусь.
А если б Кобад, славной памяти царь,*
С Эльборза, где жил он в забвении встарь,
Со мной не примчался, и в грохоте сеч
Врагов за него не крушил бы мой меч —
Ты здесь не сидел бы на троне царя,
Дестанова сына браня и коря!»
Сказал он иранцам: «Нагрянет Сохраб,
И каждый падет, будь он крепок иль слаб.
Пусть каждый теперь о спасеньи своем
Подумает, разум поможет вам в том.
В Иране меня не увидите впредь:
Вам ползать, мне соколом в небо взлететь!»
Хлестнул скакуна и помчался он прочь,
От гнева Могучему стало невмочь.
Бойцы, словно стадо, что бросил пастух,
Растеряны; мрачен у каждого дух.
Сказали Гудерзу: «Разорвана нить,
Но то, что разорвано, соединить

Под силу тебе. Твой разумный совет
Вождем будет принят, сомненья в том нет.
Но должно сперва образумить царя;
О мире и благе ему говоря,
Ты сердце безумца, быть может, смягчишь
И счастье ушедшее нам возвратишь».
Сидят, совещаясь, мужи-храбрецы,
Верховные рати иранской бойцы:
Воинственный Гив и отважный Бехрам,
Премудрый Гудерз и Горгин, и Рохҳам,*
И слышатся речи: «Неправеден шах,
Не ценит он верности в славных мужах.
Могучий Ростем — первый витязь у нас;
Не он ли Кавуса от гибели спас?
В годину тревожную тягот и бед
Державе надежней защитника нет.
Мы с шахом, покинув родную страну,
У нечисти мазендеранской в плену *
Томились. Трудов не жалея и сил,
Ростем нас избавил, он Дива убил.
Он радостно шаха возвел на престол,
К нему на поклон именитых привел.
И в Хамаверане, где схвачен был шах.
Где долго томился он в тяжких цепях,
Разил супостатов Ростем удалой,
К опасности не повернулся спиной.
И снова Кавусу престол он вернул,
И снова на верность ему присягнул...
Петля — вот награда для богатыря!
Что ж нам остается? Бежать от царя!
Но время деяний теперь, не речей.
Все ближе опасность и день все мрачней».
К царю поспешив, именитый Гудерз
Уста пред Кавусом без страха отверз.

Промолвил он: «В чем провинился Ростем?
На гибель Иран обрекаешь зачем?
Забыл, как ворвался он в Хамаверан,
Как сдался Могучему Мазендеран?
Повесить Ростема грозишь самого?
Пустое царям не к лицу хвастовство.
Коль нас он покинет и вторгнется рать
С вождем, что свирепостью волку подстать,—
Кого из иранцев пошлешь ты, о шах,
Того исполина повергнуть во прах?
Про лучших бойцов твоих слышал давно
И видел их всех Гождехем, но одно
Твердит: не спасется от гибели тот,
Кто с мощным Сохрабом сразиться дерзнет
Властитель, которым боец оскорблен,
Подобный Ростему,— умом обделен».
И царь, услыхав наставления те,
Поверил Гудерзу, его правоте;
В словах неразумных, жестоких своих
Раскаялся; гнев повелителя стих.
«Ты истине учишь,— сказал он в ответ —
Премудрого старца нам дорог совет.
Глава властелина должна быть мудра,
Горячность и гнев не сулят ей добра.
Ростема должны вы теперь воротить,
Его успокоить, умиротворить,
О прошлом напомнить, суля ему вновь
И благоволенье мое и любовь.
Ко мне убеди его снова прийти,
Душе удрученной покой возврати».
Гудерз властелина покинул тотчас;
Ростему вдогонку дорогою мчась,
Он вел за собою друзей боевых,
Иранских мужей на конях огневых.

Ростема увидя в пустынной дали,
Догнали, горячую речь повели;
Бойцу-исполину воздали хвалу:
«Живи, недоступный печали и злу!
Весь мир да склонится пред волей твоей!
Престолом владей до скончания дней!
Ты знаешь, умом Кей-Кавус небогат,*
Он скажет и лишнее, гневом объят,
Но в сказанном вмиг повиниться готов
И к дружбе он снова склониться готов.
Коль шахом обижен Могучий, скажи,
Виновны ли в этом Ирана мужи?
Ужели расстаться нам время пришло?
Ужель благородное скроешь чело?
В отчаяньи руки грызет себе шах;
Раскаялся он в безрассудных речах».
На это Могучий промолвил в ответ:
«До шаха Кавуса и дела мне нет!
Что трон для того, кто гордится седлом!
Мне мантия — панцирь, венец мой — шелом.
Горсть пыли — Кавус для Ростема: с чего
Страшиться мне ярого гнева его!
Тех слов непристойных я стою, клянусь,
Какими меня поносил Кей-Кавус:
Зачем из темницы его я увел,
Вернул ему царский венец и престол,
Воителей Мазендерана разил,
Властителей Хамаверана разил!
Зачем Кей-Кавуса из вражеских рук
Я вырвал, избавил от плена и мук!..
По горло я сыт. Не страшусь никого,
Создателя только страшусь одного!»
Излил накипевшую горечь обид
И смолк. Исполину Гудерз говорит:

«Уйдешь — подозренье обидное вдруг
Охватит и шаха и витязей круг.
— Знать, мощи туранца страшится герой.—
Так станут шептаться мужи меж собой.—
Послушать, что пишет о нем Гождехем,
Так впору готовиться к гибели всем.
Когда устрашил он Ростема — в борьбе
Не сладить с туранцем ни мне, ни тебе —.
Про гнев Кей-Кавуса, Ростема уход
Средь витязей толков немало идет.
Сохраба мужи поминают не зря.
Смотри же, не вздумай покинуть царя!
Чтут гордое имя твое на земле,
Но бегством его ты схоронишь во мгле.
К тому же в опасности древний наш край,
Державе и славе угаснуть не дай!
Грозят нам туранцы; позора не снесть
Тому, в ком отвага и вера, и честь».
Внимал увещаньям Гудерза Ростем
И думу глубокую думал меж тем.
Сказал он: «Коль в сердце я чувствую страх,
Пусть дух испущу у тебя на глазах!
Ты знаешь, от битв я бежать не привык,
Но дух мой унизил владыка владык».
И ясно Ростему: закрыта стезя,
Дворец ему нынче покинуть нельзя.
Бесчестья страшась, возвратился с пути
И снова к владыке решился войти.
Кавус, лишь увидел воителя, встал
И жарко молить о прощении стал:
«Нрав пылкий самою природой мне дан,
Такими родимся, как хочет Йездан.
О недруге весть — будто меч надо мной;
Сравнишь мое сердце с ущербной луной.*

Послал за тобою, но тщетно я ждал.
Увидел, и гнева — увы — не сдержал.
О, витязь, тебя оскорбил я в сердцах,
Я каюсь, уста да засыпет мне прах!».
Ответ был: «Над нами ведь ты вознесен.
Мы — слуги, для нас твоя воля — закон.
Я подданный скромный, не больше того,
Коль подданства я заслужил твоего.
Пришел я твоим повелениям внять,
Готов пред владыкой склониться опять».*
Шах молвил: «О славный, живи много лет,
В душе сохраняя немеркнущий свет!
Сегодня веселого пира черед,
А завтра дружины мы двинем в поход».
Для пиршества все приготовлено вмиг,
Украшен чертог словно вешний цветник.
Вся знать собралась и пред славным вождем
На радостях сыплет алмазы дождем.
Звон лютней, свирелей протяжный напев;
Кружится рой нежных, как лилии, дев.
Сгущается сумрак, а пир все шумней,
Вздымаются чаши за славных мужей.
Так пили они до полуночной тьмы,
Пока от вина не затмились умы.
Пир кончен, расходятся богатыри,
Чтоб сном безмятежным проспать до зари.

[*Кавус и Ростем ведут войско в поход*]

Лишь солнце покров смоляной прорвало
И свет разливая, над миром взошло —
Бить громко в литавры велел Кей-Кавус,
Возглавили войско Гив храбрый и Тус.

Открыты хранилища царской казны,
Обоз и воители снаряжены.
Сто тысяч отборных бойцов верховых,
Одетых в броню, на конях огневых,
Покинули град; над простором степным
Пыль ратную вздыбив столбом смоляным,
Как вихрь, от стоянки к стоянке летят.
Лик ясного солнца темней, чем агат;
Все вдруг почернело — и высь и поля;
От гула кимвалов трясется земля.
Кинжалы, секиры... за пылью они —
Как будто за темной завесой огни.
На копьях, щитах иль на древках знамен
Вдруг золото вспыхнет, и мрак озарен.
Во мгле увидав это злато и медь,
Ты скажешь: струится с агата камедь.
Не стало различья меж ночью и днем;
Казалось, и небо, и звезды на нем
Исчезли: не видно ни скал, ни песка...
И вот перед Крепостью Белой войска
Раскинули стан. Столько конских копыт,*
Что степь неоглядная будто кипит.
Вот с башни дозорной донесшийся зов
Вождю возвещает прибытье бойцов.
Сохраб на высокую башню взошел,
Равнину широкую взглядом обвел
И молча Хуману он рать показал;
Конец ее в темной пыли исчезал.
На полчища вражьи взирает Хуман,
Невольным смятеньем боец обуян.
Но юноша доблестный молвит ему:
«Тревогою сердце терзаешь к чему?
Средь этих рядов, хоть бесчисленна рать,
Такого бойца с булавой не сыскать,

Что мог бы вступить в поединок со мной —
Приди на подмогу хоть солнце с луной.
Оружья немало, немало бойцов,
Но славных не вижу средь них удальцов.
Клич кликну, и в честь Афрасьяба в бою
Равнину я вражеской кровью залью».
И радостен сердцем, и духом не слаб,
Спускается с башни могучий Сохраб.
У кравчего просит он чашу вина,
Грядущая битва ему не страшна.
Иранцы к твердыне меж тем подошли;
Раскинута ставка владыки земли,
Нет воинам счета, все поле в шатрах,
И негде ступить ни в степи, ни в горах.

[*Ростем убивает Жендерезма*]

Лишь солнце сокрылось от глаз, и пола́
Таинственной ночи на землю легла,
Предстал богатырь перед ликом царя,
Сражений и подвигов жаждой горя.
Сказал он: «Дозволь, государь, мне дерзнуть
Войти без доспехов к туранцам — взглянуть,
Каков этот новый воитель у них,
Кто витязи, кто предводитель у них?».
Царь молвил: «О витязь великой души,
Умножь свою славу, сей подвиг сверши!
Тебя да хранит неизменно Йездан,
Да будет удачей твой путь осиян!».
Могучий оделся туранским стрелком
И к Белому Замку пробрался тайком.
Гул пира ушей исполина достиг —
Туранских воителей говор и крик.
И тигром, к добыче подкравшимся, вмиг

Бесстрашный боец за ворота проник.
Глядит, притаившись, лицом заалел
От радости: видит он все, что хотел.
К себе призывала Сохрабова мать,—
Когда собирался он в путь выступать,—
Бойца Жендерезма, который фиал *
С Ростемом на давних пирах поднимал.
Он с нею из царской семьи был одной — *
Сохрабу могучему дядя родной.
Его провожая с рыданьями в путь,
Сказала: «Опорою отроку будь!
Лишь юный воитель примчится в Иран,
Увидит властителя гордого стан,
И в битве кровавой столкнутся мужи,—
Ты славному сыну отца укажи».*
Пирует Сохраб, а Могучий глядит.
От витязя справа на троне сидит
Женд, витязь могучий, а слева — Хуман
И львиной отвагой известный Барман;
Но всех затмевает Сохраб - исполин,
Как будто на троне сидит он один.
Он статен, румян, что железо — рука;
Не столь и нога у верблюда крепка;
И сотнею он окружен удальцов,
Исполненных львиной отваги бойцов.
Рабы молодые — числом пятьдесят —
В уборах блестящих у трона стоят.
Слышна в честь героя хвалебная речь,
Все мощь его славят и перстень, и меч.
Глядит, притаившись, Ростем издали
На пир меченосцев туранской земли.
Женд, выйти собравшись, к порогу идет,
Глядит: притаился гигант у ворот,—
Таких не бывало в туранских полках,—

И мигом Могучий у Женда в тисках.
Воскликнул туранец: «Эй, кто ты, скажи!
На свет выходи да лицо покажи!».
Ростем кулаком его в шею хватил,
Тот наземь свалился и дух испустил.
Лежит, коченея, поверженный князь,
С боями, с пирами навек распростясь...
А время уходит, и молвит Сохраб:
«Давно Жендерезму вернуться пора б!».
На поиски вышли и видят: убит,
От битв и пиров отдыхая, лежит.
Рыдая, стеная, вернулись мужи,
Судьбу проклиная, вернулись мужи.
Сказали вождю: «Жендерезма уж нет.
О горе, до срока покинул он свет!».
Вскочил, услыхав роковые слова,
Летит, легче дыма, дружины глава;
Рабы со свечами, певцы вслед за ним;
Склонились над Жендом, а тот недвижим.
Сохраб содрогнулся; бедой удручен,
Сзывает воинственных витязей он
И так говорит: «О мои храбрецы,
О полные разума други-бойцы!
Вы копий из рук не роняйте всю ночь,
Дремоту от глаз отгоняйте вы прочь.
Волк жертву похитил в ночные часы,
Пока веселились и стража, и псы.
Нежданно поверженный из-за угла,
Пал витязь добычей коварства и зла.
Клянусь, коль поможет всевышний творец,—
Лишь вихрем меня понесет жеребец,—
Аркан смертоносный закину, врагам
За смерть храбреца полной мерой воздам».
Вернулся, воссел на престол и опять

Мужей именитых зовет пировать,
Промолвив: «Хоть Женда навек потерял,
Я свой подымать не устану фиал!».*
Твердыню покинув, могучий Ростем
К шатру Кей-Кавуса спешил между тем.
В ту ночь был дозорным воинственный Гив.
Огромную тень вдалеке различив,
Меч вырвал из ножен и ринулся он
Вперед, заревев словно яростный слон.
Могучий при окрике том боевом
Отважного Гива узнал в часовом.
Смеясь, отвечает он витязю; тот
Ростема-бойца в свой черед узнает
И, спешась, подходит. «О славный герой,—
Сказал он Ростему, — мне правду открой:
Куда уходил ты во мраке ночном?»
И Гиву Могучий поведал о том,
Что в стане туранском он тайно свершил,
Какого бойца кулаком сокрушил,
И слышит в ответ: «Неразлучен с тобой
Да будет во век добрый конь боевой!»
Могучий, к владыке в шатер возвратясь,
О пире туранцев повел там рассказ,
О силе Сохраба, внушающей страх,
О росте его и плечах, и руках.
Таких не рождал, мол, доныне Туран,
Высок он и статен, как будто платан;
Нет равных ему и в Иране: то сам
Воскрес, ты сказал бы, воинственный Сам.
Поведал он, как Жендерезма поверг,
Как свет пред очами туранца померк.
Взяв чаши, велели на руде играть;
До света к сраженью готовили рать.

[*Сохраб спрашивает у Хеджира имена иранских богатырей*]

Заря запылала, слепя красотой, *
И подняло солнце свой щит золотой.
Готовый к сраженью, в кольчуге, в броне
Сохраб выезжает на резвом коне.*
У пояса ножны с индийским мечом,
Надвинут на голову царский шелом,
Аркан приторочен — колец в шестьдесят,
Лик витязя гневен и брови грозят.
На холм крутобокий поднявшись, герой
Увидел иранских водителей строй;
Хеджира затем повелел он призвать
И молвил: «Стреле кривизна не подстать.
Душою будь истине верен всегда,
Не то над тобой разразится беда.
Про все, что спрошу я, ты мне расскажи,
Не вздумай прибегнуть к обману и лжи.
Коль хочешь из рук моих целым уйти,
Меж витязей славных почет обрести —
О войске, с которым веду я войну,
Ты должен мне правду поведать одну.
Я щедрой наградой за это воздам,
Ты счет потеряешь богатым дарам.
Но если измыслишь коварную ложь,—
На плен и оковы себя обречешь».
Ответ был: «Коль спросит меня властелин,
Что знаю о стане иранских дружин —
Отвечу я прямо, я враг кривизне,
Про все расскажу я, что ведомо мне.
Увидишь: обычай мой — правда одна,
Мне чуждо коварство и ложь не нужна
Ведь правда священней всего на земле,
А кривда презренней всего на земле».

Промолвил Сохраб: «Я тебя вопрошать
Про витязей стану, про шахскую рать.
Покажешь мне знатных иранских бойцов,
Таких как Гудерз и как Гив удальцов;
Кто Тус, кто Бехрам, кто могучий Ростем —
Спрошу я, а ты мне ответишь затем.
Взгляни вон туда, где толпятся шатры,
Как барсова шкура, узорно-пестры;
Слоны перед ставкой; слепящий глаза
Престол, чья синеет, как Нил, бирюза;
Стяг желтого шелка, диск солнечный — герб,
На древке блестит полумесяца серп;
Вон там, в середине — скажи поскорей,
Чья ставка? Кто муж обитающий в ней?»
Ответил Хеджир: «Это ставка главы
Ирана; слоны ему служат и львы».
Сохраб вопрошает: «А справа, где строй
Слонов возвышается грозной стеной,
Чья ставка чернеет? Построились в ряд
За ней меченосцы, обозы стоят;
Несчетны шатры вкруг нее, погляди;
Пред ставкою тигры, слоны позади;
В броне, в сапогах золотых — с двух сторон
Бойцы на конях, а на знамени — слон».
Ответ был: «Владельца назвать я берусь:
То отпрыск Новзера, воинственный Тус».
Вождь молвил: «О пурпурной ставке скажи:
Пред нею в строю верховые мужи;
Стоят копьеносцы, готовы к войне,*
У каждого щит, каждый в крепкой броне;
Над ними лиловое знамя со львом,
Алмазы на знамени том боевом.
Чья ставка, ответствуй, да только смотри:
Обманом себя не позорь, не хитри».

Ответ раздается: «В ней муж-великан —
Гудерз, сын Гошвада, им славен Иран.
В лесу носорогу, пантере в горах *
И барсу в пустыне внушил бы он страх.
Взрастил богатырь дважды сорок сынов,
Отважнее тигров, сильнее слонов».
Вождь молвит: «Скажи про зеленый шатер;
Там стройную рать различает мой взор;
Высокий, богато украшенный трон
Сверкающим стягом Каве осенен.*
С плечами, осанкою богатырей
Там кто восседает? Ответь поскорей!
Стоят у престола бойцы, но герой,
Хотя и сидит, выше их головой.
Подстать исполину и конь-ураган:
Свисая, колыт достигает аркан.
Уносится ржанье коня в небосвод,
Сказал бы, то грохот бушующих вод.
Слоны перед ставкой, одетые в бронь.
В очах исполина — отваги огонь;
Не вижу средь витязей равных ему,
Нет пары коню огневому тому.
На стяге — дракон, извергающий дым,
А древко увенчано львом золотым».
Задумался пленник: «Когда назову
Ростема свирепому этому льву —
С Могучим сразится он, гневом горя,
Повергнет великого богатыря.
Средь витязей прочих его не назвав,
Сокрыв его имя, не буду ли прав?»
Сказал он: «То чуждой земли исполин,
На помощь Кавусу прислал его Чин».*
«Как звать его?» — сердце Сохраба в огне,—
И слышит он: «Имя неведомо мне.

Здесь в крепости я пребывал той порой,
Когда к повелителю прибыл герой».
Сохраб омрачился: Хеджира ответ
Гласил, что Ростема средь витязей нет.
Сын видел отца, но не верил глазам.
Хоть слышал приметы от матери сам,
Сохраб от Хеджира услышать хотел
То имя, к которому дух тяготел.
Но роком назначено было не то,
А рок переспорить не в силах никто.
И снова спросил он: «А там, на краю,
Кто ставку, скажи мне, раскинул свою?
Пред нею бойцы, боевые слоны,
И трубные звуки далеко слышны.
На знамени — волк, золотою главой
До неба вознесся тот стяг боевой.
У пышного трона построившись в ряд,
Рабы молодые недвижно стоят».
Ответ был: «То Гив, сын Гудерза,— боец,
Иранцами прозванный: Гив-удалец.
Украшен им древний, воинственный род;
Он рати иранской две трети ведет.
Счастливец — Ростема великого зять.*
В Иране второго, как Гив, не сыскать».
Сохраб: «Там, откуда льет солнце лучи,
Белеет шатер из румийской парчи;
Пред ним больше тысячи конных бойцов,
Их строй нападение встретить готов.
Несчетное пешее войско стоит,
У воина каждого — дротик и щит.
Кто с роскошью большей в шатре восседал?
Трон — кости слоновой, сиденье — сандал;
Завеса парчи златотканной цветной,
И встали рабы у престола стеной».

«Владелец шатра — Фериборз, — был ответ,—
Сын шаха; гордится им витязей цвет».
Промолвил Сохраб: «Для величья рожден:
Ведь сын миродержца великого он».
Затем вопросил он: «Чей желтый шатер?
Там солнечный стяг, ослепляющий взор,
Парит в вышине; гордо высится он
Средь алых, лазоревых, желтых знамен.
Стяг с вепрем лесным вознесен над шатром,
И месяц на древке блестит серебром».
Хеджир отвечает: «В той ставке — Гораз,*
Он с лютыми львами боролся не раз;
Сын Гива, он светлым умом наделен,
В бою побеждает, не зная препон».
Сын жаждал отца отыскать, но хитрил
Хеджир, он от юноши истину скрыл.
Что делать! Бывает лишь то свершено,
Что властью создателя предрешено.
Так было начертано грозной судьбой;
Чему суждено быть, то будет с тобой.
Коль бренное ты возлюбил бытие,
Знай, горечь и боль достоянье твое...
И снова Хеджиру он задал вопрос
О муже, к которому сердце рвалось,
О ставке зеленой, о мощном коне,
О длинном аркане, о крепкой броне.
Ответил Хеджир, предводитель бойцов:
«Верь, лживых тебе не сказал бы я слов.
Китайца я лишь оттого не назвал,
Что имени витязя сам я не знал».
Сохраб восклицает: «Слова твои — ложь!
Когда же Ростема ты мне назовешь?
Прославленный муж, первый воин страны
Не скрылся б от взоров на поле войны.

Не ты ль говорил: он над войском глава,
И край охраняет его булава.
Кавус, на слона водрузив свой престол,
На поле сраженья дружину привел:
В час битвы грохочущей — сам посуди —
Не должно ль Ростему стоять впереди?»
На это Хеджир отвечает: «Как знать!
Быть может, на время оставил он рать —
Отправился в Забулистан, где пиры
Шумят с наступленьем весенней поры».
Промолвил Сохраб: «Поразмысли ты сам:
Рать вышла навстречу враждебным бойцам
И всадники мчатся из всех областей,
Спеша на подмогу владыке царей,
А первый боец пировать ускакал!
Пойми, посмеется над тем стар и мал.
Должны уговор мы с тобою беречь.
Скажу я — и будет короткою речь!
Когда мне укажешь героя черты —
Меж витязей знатных возвысишься ты,
Свои кладовые тогда отворю,
И щедрой рукою тебя одарю.
Но если Ростема дерзнешь утаить,
Мне взоры и разум обманом затмить —
Тебя обезглавлю булатом своим:
Теперь выбирай между тем и другим.
Властителю в древности молвил мудрец,
Пред ним раскрывая познанья ларец:
Знай, неизреченное слово — алмаз,
Еще не граненный, сокрытый от глаз,
Но сбросив оковы, явившись на свет,
Как луч оно блещет, цены ему нет».
Ответ был: «Меж гордых царей и князей
Лишь тот, кто пресытился властью своей,

Искал бы сраженья с таким силачом,
Кому и слона одолеть нипочем.
Его булава наковальни крушит,
Несметную рать он один устрашит.
Врага — пусть главой достигает он туч —
Повергнет Ростем, беспримерно могуч.
Пыль в скачке поднимет — и Нил посрамлен.
Схватиться с таким не решится и слон.
В нем более силы, чем в ста силачах,
Он выше платана, и чужд ему страх.
Когда разъярится на поле войны —
Лоев, слон и боец — все с пути сметены».
С презреньем уста для ответа отверз
Сохраб именитый: «Злосчастен Гудерз!
Тебя, что отваги и чести лишен,
Он сыном своим называть обречен.
Ты, верно, не видывал храбрых стрелков,
Не слыхивал ты про лихих ездоков,
Коль сыплешь Ростему столь много похвал,
И славить его твой язык не устал.
Огонь устрашающий может пылать,
Доколе морская чуть зыблется гладь,
Но с морем не в силах он выдержать спор,
Когда забушует зеленый простор;
И солнце заносит сверкающий меч
Затем, чтобы ночь на погибель обречь».
Не ведая истины, мыслит Хеджир:
«Коль витязя, силой дивящего мир,
Я выдам туранцу, чей царственный вид
О мощи великой такой говорит —
Он грозное войско свое соберет,
Коня слоновидного двинет вперед
И всю небывалую силу свою
Тотчас на Ростема обрушит в бою.

А если погибнет в бою роковом
Ростем — то с Сохрабом сражаться потом
Не выйдет никто из иранских дружин,
И трон Кей-Кавуса займет исполин.
Я верю: достойней со славою пасть,
Чем недругу злому отдаться во власть.
Коль вражья меня уничтожит рука,
Что ж, день станет ночью, иль кровью — река?
Сыны у Гудерза почтенного есть
Другие — их, доблестных, семьдесят шесть:*
Гив славный, что в битвах летит впереди,
Испытанный воин с отвагой в груди;
Шейдуш, угрожающий гибелью львам,*
И славный Роххам и бесстрашный Бехрам...
Умру я, но братья утешат отца,
И враг не избегнет худого конца.
Стерпеть, чтоб Гудерза и с ним сыновей
Лишился Иран? Соглашусь я скорей,
Чтоб голову тут же срубили мне с плеч!
Я помню мобеда премудрого речь:
„Где тополь возносится гордой главой,
Фазан не прельстится чуть видной травой“».
Сказал он Сохрабу: «Что гневом горишь!
Что все о Ростеме со мной говоришь!
Вражду распаляя в злом сердце своем,
К чему ты спешишь допытаться о нем?
О том, что неведомо мне самому,
Меня вопрошаешь упорно к чему?
Прах жаждешь ты кровью моей обагрить —
К чему же предлога искать и хитрить?
Ростема ты мыслишь осилить в борьбе:
Не думай, что это удастся тебе.
С могучим бойцом в поединок не рвись;
Ты будешь им в пыль обращен, берегись!»

[*Сохраб нападает на войско Кавуса*]

Услышав суровые эти слова,
Спиной повернулся отважных глава
К Хеджиру; прервал пререкания с ним,
Умолк, неразгаданной тайной томим;
Во гневе он мощную руку простер,
Иранца свалил и вернулся в шатер.
Исполнен сомнений, душой удручен,
Грядущие битвы обдумывал он...
Исполнен решимости, встал, наконец,
Сложил с головы драгоценный венец,
В кольчугу и панцирь облекся затем,
Румийский надвинул на голову шлем;
Взял палицу, лук и копье, и аркан
Сражающий дивов боец-великан;
Покинул шатер, и вскочил на коня,
И к полю сраженья быстрее огня,
Грозней, чем пылающий яростью слон,
Сжимая копье, бурно ринулся он.
Уже богатырь перед шахским шатром;*
Навес золоченный низринув копьем,
Пыль черную стал он до неба вздымать,
Иранцев он стал на борьбу вызывать.
Но в страхе любой отступает пред ним,
Подобно онагру, что тигром гоним.
Ирана мужи, возглавлявшие рать,
Не смели на витязя даже взирать.
Он грозной осанкою, силою рук,
Мечом смертоносным поверг их в испуг.
Объятый смятеньем, рассыпался строй,
И слышится: «Тигра сильнее герой!
Кто б, дерзостный, с ним в поединок вступил?
Взглянув на него, остаешься без сил».

Стал кликать воитель Кавуса-царя,
Над ним насмехаясь и так говоря:
«Что скажешь, владыка, воспетый молвой?
Гордишься ль удачей своей боевой?
Ты зря имя Кея присвоил себе!
Львов ярых тебе не осилить в борьбе.
Лишь в битве мое засверкает копье,
На поле поляжет все войско твое.
Той ночью, когда Жендерезм был убит,
Я клялся: в отмщенье за горечь обид
Иранских воителей ввергну в беду,
Кавуса повешу у всех на виду.
Кого из своих быстроруких бойцов
Ты вышлешь в ответ на воинственный зов?»
Он ждал, но из стана иранцев никто
И словом одним не ответил на то.
Копьем он ударил в шатер во всю мочь,
И колышков семьдесят вырвано прочь,—
И наполовину шатер уж снесен,
И слышится трубный пронзительный стон.
Кавус венценосный воззвал, омрачась:
«Настал, о мужи, испытания час!
Ростема посланец пускай известит,
Что нас беспощадно туранец теснит.
Меж витязей наших нет равных ему,
Сломить исполина невмочь никому».
К Ростему стремительно Тус поскакал,
Что слышал, ему слово в слово сказал.
Ответил Могучий: «Владыка любой
Ростема бы звал и на пир и на бой.
Зовет лишь для ратных трудов Кей-Кавус,
Иного вовек от него не дождусь!»
Он Рехша седлать удальцам повелел,
В бой ринуться гневно бойцам повелел.*

И видит, из ставки наружу ступив,
С великой поспешностью доблестный Гив
Кидается к Рехшу, рукою своей
Седлает его, а Горгин: «Поскорей!»
Роххамом уж палица принесена,
А Тус облачает в броню скакуна.
Друг другу кричат: «Поживей, торопись!»
Лишь те голоса до него донеслись,
Подумал Ростем: «Так напуган весь стан
Одним лишь бойцом? Видно, он Ахриман!»
И в барсову шкуру облекся герой,
Покрепче стянул он кушак боевой;*
Готовый сражаться, на Рехша вскочил,
И ставку и рать Зеваре поручил,
Сказав: «Повеленье мое соблюди:
Не двигайся с места, известия жди».
С воинственным кличем помчался затем;
И вот пред собою увидел Ростем
Сохраба: невиданной мощи рука,
А грудь, как у Сама-бойца, широка.
Воскликнул Ростем: «Удалимся вдвоем,
Бой честный один на один поведем!».
Ладонь о ладонь витязь-юноша трет,
Ряды покидает, выходит вперед
И молвит Ростему: «Добро, я готов!
С тобою нас двое могучих бойцов.
Подмоги от станов своих не хотим:
Где мы, там уж нечего делать другим.
Да только напрасно стремишься ты в бой
Кулак мой ударом покончит с тобой!
Хоть ростом высок и в плечах ты широк
Но бременем лет отягчил тебя рок».
Ростем поглядел на врага своего,
На плечи, на длинное стремя его

И молвит: «Полегче, полегче, юнец!
Увидим, кому здесь назначен конец.*
Кто резок и сух — тех равняют с землей;
Будь мягок, и будешь, как небо, герой!
Я, старый, выигрывал битвы не раз,
Я целые рати крушил, разъярясь.
Немало я дивов сгубил иль изгнал,
Нигде я досель пораженья не знал.
Когда от тисков ты спасешься моих—
Не станешь страшиться и чудищ морских.
Как бился я, помнят хребты и моря;
С туранцами, гневом великим горя,
Что сделал я — ведомо светлой звезде,
Отвага моя побеждала везде.
Но жизнь я щажу молодую твою,
Тебя не хочу ниспровергнуть в бою.
С туранцем ты, право, осанкой не схож;
Клянусь, и в Иране таких не найдешь!»
Вождь юный ростемова голоса звук
Услышал, и сердце в нем дрогнуло вдруг.
Сказал он: «Я речь напрямик поведу,
Ответа правдивого, ясного жду.
Мне речью незлобною дух успокой,
Поведай мне имя, свой род мне открой.
Я думаю, ты — именитый Ростем,
Которому прадед — великий Нейрем».
Ответ был: «Зовусь не Ростемом, о нет!
Основан мой род не Нейремом, о нет!
Ростем — богатырь, я же — скромный боец;
Ведь мне не даны ни венец, ни дворец».
Утратил надежду Сохраб удалой,
И свет перед славным подернулся мглой.*
С копьем он сражаться выходит, а сам
Дивится в душе материнским словам.

[*Поединок Ростема с Сохрабом*]

На тесной поляне сразились они,
Короткими копьями бились они.
От копий остались обломки, тогда
Откинули влево бойцы повода,
И два закаленных индийских меча
Скрестились стремительно, искры меча,
И каждый с размаху крушит и разит,
И, кажется, гибель вселенной грозит.
Сломались мечи, тяжких палиц черед:
То та, то другая неистово бьет,—
И согнуты обе; готов, наконец,
В успехе отчаяться каждый боец.
Шатаются кони, уж нет их щитков;
Кольчуги трещат на плечах седоков.
Исчерпана витязей сила до дна —
Победа еще никому не дана.
По лицам воителей катится пот
И пылью наполнен у каждого рот.
Истерзанный сын, удрученный отец
Разъехались, бой прекратив, наконец.
Твоим ли, о рок, не дивиться делам!*
Что целым ты создал — ломаешь ты сам.
Увы, не зажглась в них любовь ни на миг,
И правды из них ни один не постиг.
От буйвола до обитателя вод — *
Зверь всякий потомство свое узнает;
Корыстью томим, человек лишь один
Не видит, где враг, где родной его сын...
В раздумьи Ростем: «И чудовищ морских
Не видел я — в битве свирепых таких.
Я страха не знал с Белым Дивом в бою,— *
Сегодня на мощь не надеюсь свою.

Дрожу пред неопытным этим юнцом,
Доселе неведомым миру бойцом.
Позора страшусь я и жизни не рад:
Два войска на наш поединок глядят!»
И вот отдохнули уже скакуны,
И снова соперники силы полны.
Тут взялся за лук и воитель седой,
И полный отваги боец молодой.
Но крепкой брони не пробила стрела,
И барсова шкура осталась цела.
Тогда в рукопашную, гневом горя,
Схватились два доблестных богатыря.
Ростем и скалу сокрушил бы: себе
Он равных не знал в рукопашной борьбе.
Сохраба схватил он за пояс, напряг
Могучие руки, но юный смельчак
В седле и не дрогнул, исполненный сил,
И руки в бессильи Ростем опустил.
Стан витязя юного выпустил он,
Невиданной мощью такой изумлен.
Пресытились битвою два удальца,
А схватка все длится, не видно конца.
Сохраб разъярился, взыграла в нем кровь,
Заносит он тяжкую палицу вновь,
Ростема в плечо поражает, и тот
Поник, но страдания не выдает.
«Эй, витязь! — кричит, засмеявшись, Сохраб —
Удара не вынес, как видно, ты слаб!
Старик — будь он строен, как тополь,— глупцом *
Слывет, коли хочет казаться юнцом.»
И вот уже стало обоим невмочь,
Иссякло терпенье; воители прочь
Один от другого умчались, мрачны,
В раздумье тяжелое погружены.

Вдруг тигром, готовым добычу терзать,
Ростем налетел на туранскую рать.
Коню боевому вручив повода,
К иранцам Сохраб устремился тогда;
Ворвался в ряды, бросил яростный клич
И многих успел он булатом настичь;
И знатных бойцов, и простых он косил,
Что лев разъяренный, исполненный сил.
Ростема сомненье объяло: «Боюсь —
Подумал он — как бы не пал Кей-Кавус
В бою с многомощным, неведомым тем
Туранцем, носящим кольчугу и шлем».
Таким подозреньем томим все сильней,
Назад он понесся к дружине своей,
И видит: мелькает Сохраба рука,
Струится пред ней алой крови река;
В крови булава и броня: будто лев
Добычу схватил и когтит, опьянев.
Ростем, омрачившись, несется вперед,
Как лев разъяренный, рыча в свой черед,
Кричит: «Кровожадный, назад воротись!
С тобой ведь не бились иранцы. Стыдись!
Меня устрашился, а здесь, удалец,
Ты рыщешь, как волк среди стада овец!»
Ответ был: «Но также туранская рать
Не думала против тебя воевать.
Ни в чем не повинна она пред тобой,
Зачем же с туранцами начал ты бой?».
Промолвил Ростем: «Потемнел небосвод.
Лишь солнце блестящий клинок занесет,
Мы снова сразимся: кому здесь полечь — *
Рассудит всесильный карающий меч.
Хоть детства пора для тебя не прошла,

Но дружен ты с верным булатом — хвала!*
С зарею сразимся, бой будет суров.
Да сбудется воля владыки миров!»

[*Ростем и Сохраб возвращаются в свои станы*]

Расстались; вечерняя пала роса.
Дивясь, на Сохраба глядят небеса.
Казалось, он весь для войны сотворен,
В борьбе колебаний не ведает он;
И словно из стали конь верный под ним,
На диво стремителен, неуязвим.
Усталый от битвы, ночною порой
К туранским шатрам возвратился герой.
Хуману сказал он: «Сегодня рассвет*
Войною и смутой наполнил весь свет.
Тот витязь, иранской дружины глава,
Силач с устрашающей хваткою льва,
Мне равный соперник в недавнем бою,
Свирепствовал долго ли в нашем строю?
Тяжелый ли войску нанес он урон?
В бою насыщенья не ведает он;
Не знаю средь витязей ни одного,
Отважнее старого мужа того».
«Приказ я исполнил,— поведал Хуман,—
Не двигался с места наш воинский стан;
Стояла, построившись, мощная рать,
Готова сраженье не медля начать.
Внезапно из вражьих рядов исполин
Ворвался в средину туранских дружин;
Бесстрашен, беспечен, как будто хмельной,
Один против войска пошел он войной;
Но вдруг скакуна повернул, и назад *
К дружине своей ускакал супостат».

«Так в нашей дружине — Сохраб говорит —
Из витязей славных никто не убит?
Я вражеских воинов много скосил,
Их кровью, как глину, я прах замесил,
А он только глянул, не стал вас разить.
Никто не решился мне путь преградить.
Когда бы напали свирепые львы,
И те б не ушли от моей булавы!
Я тигров сметаю в борьбе удалой,
Я пламя из туч высекаю стрелой.
Лишь в гневе я ринусь на витязей — вдруг
Рассыплются звенья их крепких кольчуг.
Но завтрашний день — величайший из дней,
Покажет он, кто в поединке сильней.
Враждебное войско — величьем творца
Клянусь! — до последнего скосим бойца.
Теперь позаботься о пире ночном,
Печали из сердца изгоним вином».
А в стане дружины иранской, меж тем,
Расспрашивал Гива могучий Ростем:
«Поведай мне, что тут Сохраб натворил,
Тот витязь бесстрашный, исполненный сил».
Гив доблестный молвит Ростему в ответ:
«Сильней и свирепей воителя нет.
До самой средины иранских рядов
Он вихрем домчался, сразиться готов.
То наземь с седла соскользнет он легко,
То вихрем взовьется над ним высоко...
И Туса-вождя увидав на коне,
С копьем богатырским, в железной броне,
Он палицей согнутой так поразил,
Что крепкий шелом с именитого сбил.
Тус дрогнул, от витязя ринулся прочь.
Другие сразиться пытались: невмочь

Соперничать с ним никому из мужей;
Равна его сила одной лишь твоей.
К тому же я старый обычай берег:*
Коль скоро никто из иранцев не смог
Сразиться с напавшим один на один —
Не двинул я рать на него. Исполин
Владыкою поля увидел себя.
Направо, налево разя и губя,
Вдоль ратного стана летел он стрелой,
Без устали нес его конь удалой».
В раздумьи Могучий; душой омрачен,
К шатру Кей-Кавуса направился он.
Властитель героя хвалою почтил
И рядом с собой на престол усадил.
Беседа зашла о Сохрабе тотчас;
Ростем о воителе юном рассказ
Заводит: «Доселе никто не видал,
Чтоб юноша мощью такой обладал.
Насилу земля его носит, а рост
Такой, что главой достает он до звезд;
Широкая длань, наводящая страх,
И сила верблюжья в могучих ногах.
Стрелой, булавой и булатным мечом
Сражался я с тем молодым силачом.
Затем пронеслось в голове у меня:
— Бывало, врага совлекал я с коня.—
И вот ухватил я за пояс юнца;
Все силы напрягши, хотел удальца
Поднять над седлом и повергнуть во прах,
Как прежде мужей повергал я в боях.
Но сдвинуться с места скорее скале,
Чем витязю этому дрогнуть в седле!
Расстались мы: ночь надвигалась, темна,
С угрюмых небес не светила луна.

С рассветом на поле сойдемся опять —
Себя в рукопашном бою испытать.
Увидим, кому ниспошлет торжество
Йездан, какова будет воля его:
Он — мудрый создатель небесных планет,
Всесильный податель удач и побед».
Кавус отвечает: «Изед нам оплот.
Врагов наших гибель позорная ждет.
Я ночь проведу, пав на землю лицом,
Склоняясь в мольбе пред небесным творцом,
Чтоб дал он тебе торжество обрести
Над злобным туранцем, сошедшим с пути,
Чтоб ярко звезда твоя снова зажглась,
Чтоб слава твоя до небес вознеслась».
«Под сенью твоей,— отвечает Ростем,—
Свершиться благим пожеланиям всем».
В шатер он вернулся, покинув царя,
Терзаясь тревогой и местью горя.
Его удрученный спросил Зеваре:
«Что нынче услышу о богатыре?».
Сначала еды попросил, а затем
Излил сокровенные думы Ростем.
Промолвил он брату: «В час трудный крепись,
Будь стоек и бдителен, не торопись.
Пойду, лишь забрезжит сияние дня,
К врагу, что на бой вызывает меня.
А ты, лишь увидишь: диск солнца взошел,
Держи наготове шатер и престол,
И знамя, и пару сапог золотых,—
Владычества знак,— и бойцов удалых.
Когда одержу я победу в борьбе,
Не мешкая, с поля вернусь я к тебе.
А если иное свершится, не дай
Печали собой овладеть, не рыдай.

Сраженья с врагом избежать вы должны,
Напрасно не длите кровавой войны!
Направься с дружиною в Забулистан,
Туда, где живет именитый Дестан.
Ты матери сердце утешь, успокой.
Что делать: назначен мне жребий такой!
Скажи, от меня, что о смерти моей
Рыдать не должна до скончания дней.
Мне тот же конец уготован, что всем.
К тому ж на судьбу не пеняет Ростем!
Ведь смерти безжалостной в пасть я метнул
Немало чудовищ и львов, и акул;
Немало во прах повергал крепостей;
Нет в мире сильнее десницы моей.
Кто сел на коня и пустился в поход,
Сам смерть призывает, стучась у ворот.
Пускай проживем больше тысячи лет,
Конец не минуем, спасения нет.
Джемшида возьми, что сиял как заря,*
Иль дивов грозу, Тахмуреса-царя:
Могучие были владыки земли,
А кончили тем же, из мира ушли.
Столь гордые жизни угасли! О мать,
Удела всех смертных могу ль избежать?..
Родную утешь, а Дестану вели:
„Уз дружбы не рви с властелином земли.
Войну он замыслит — с ним рядом сразись,
Противиться воле владыки не тщись".
Для смерти мы все, стар и млад, рождены,
И каждого смертного дни сочтены».
До полночи речь о Сохрабе текла,
На сон половина другая ушла.*
Спит воинский стан, но никто кушака
Не снял: в двух фарсангах — Турана войска.

Лишь солнце явило сияющий лик
И мрак — черный ворон — главою поник,
Облекся Могучий в свой панцирь из шкур;
На вихреподобном, задумчив и хмур,
К поляне помчался; железный шелом
Темнел над его омраченным челом.
Взалкаешь господства — дни станут горьки.
Да будем от алчности мы далеки!..

[*Сохраб повергает Ростема*]

Той ночью Сохраб, поднимая фиал,
Под пение руда, вино распивал.
Сказал он Хуману: «Что хищник лесной —
Тот витязь, дерзнувший сразиться со мной!
В нем рост и осанку свою узнаю;
Как я, нападает он яро в бою;
Грудь та же и плечи. Сказал бы мудрец:
По мерке одной создавал нас творец.
Мне душу тревожит воителя вид;
Взгляну — и лицо от смущенья горит,
Речь матери вспомню, и весь я в огне,
Приметы родителя чудятся мне.
Все думаю: это не сам ли Ростем,
Муж доблестный, непревзойденный никем?
Страшусь, как бы здесь, в ослепленьи своем,
Копья не скрестил я с отцовским копьем».
На это Сохрабу Хуман отвечал:
«Ростема не раз я в сраженьях встречал.
Ты слышал, в походе на Мазендеран
Как все на пути сокрушал великан?
Хоть с Рехшем Ростема и схож этот конь,
Но сила не та и не тот в нем огонь».
И вот уже в небе заря занялась;

Вскочили бойцы, ото сна пробудясь.
В броню облачился Сохраб, не спеша;
Бой в мыслях, но к миру стремится душа.*
К Ростему затем, бросив клич боевой,
Примчался он с тяжкой своей булавой
И молвит, а сам улыбнуться не прочь,
Как будто вдвоем пировали в ту ночь.
«Каков был твой сон, пробужденье твое,
О битве какое решенье твое?
Не лучше ли бросить булатный клинок?
Жестокость и злобу зарыть бы в песок,
Усевшись за чашу, не помнить бы зла,
Угрюмую думу согнать бы с чела,
Творцом всемогущим поклясться, что впредь
Не будем враждою и гневом гореть.
Кто хочет, пусть яро кидается в бой,
А мы попируем сегодня с тобой!
Знай, витязь, мне в сердце закралась любовь:
В лицо от смущения бросилась кровь.
Ты род свой, должно быть, от богатырей
Ведешь: назови своих предков скорей!
Негоже тебе свое имя скрывать
От мужа, с которым идешь воевать.
Не Сама ль ты внук, не Дестана ли сын,
Не вождь ли Забула, Ростем-исполин?»
«О жаждущий славы! — ответил Ростем —
Вчера о другом шла беседа, меж тем:
Про бой рукопашный здесь речи велись.
Меня ты опутать обманом не тщись!
Пусть юноша ты, я зато не дитя,
Мы будем бороться с тобой не шутя.
Сразимся же! Как всемогущий творец
Захочет, такой будет делу конец.
Не раз испытал я паденье и взлет,

Меня пустословие не проведет».
«Эй, старый! — Сохраб восклицает в ответ —
Напрасно ты мой отвергаешь совет.
Хотел я, чтоб ты не в кровавом бою —
В положенный срок жизнь окончил свою,
Тебя чтоб наследник гробнице вручил,
Дав духу парить, плоть темнице вручил.
Что ж, если в руках твою жизнь я держу,
Я в путь ее, волей творца, провожу!»
И вот соскочили с коней боевых
В шеломах и ратных кольчугах своих.
Сердца у обоих страданья полны;
Привязаны накрепко их скакуны.
Схватились, как львы, в рукопашном бою,
Кровавую с потом мешая струю.
Так бились до полдня; то сын, то отец
В бою пересиливал. И наконец,
Вскипел, словно буйством охваченный слон,
Боец молодой; прянул бешено он,
Простер богатырские длани и так*
Ростема схватил и рванул за кушак,
Что впору разверзнуться было земле!
С морщинами гнева на юном челе,
Натужась, поверг он Ростема: взревев,
Так валит онагра огромного лев;
Могучему не дал подняться с земли,
На грудь ему сел, весь в поту и в пыли;
Уже обезглавить его помышлял
Сохраб, обнажив свой булатный кинжал.
Но речь обращает Ростем к силачу:
«Я правду скрывать от тебя не хочу.*
Каков, расскажу я, обычай у нас;
Никто б не нарушил приличий у нас;
Коль витязь, ведя врукопашную бой,

Соперника бросит во прах пред собой,
И на спину тот опрокинут лишь раз —
Он голову вражью не рубит тотчас;
Но если не раз его свалит, а два —
Заслужено витязем звание льва;
Пусть рубит сопернику голову он:
Таков наш обычай, наш ратный закон».
Так, выбрав подсказанный хитростью путь,
Сумел он от смертных тисков ускользнуть;
Юнца убедил искушенный старик;
Совет простодушному в сердце проник.*
Не диво: доверчива юность, чиста,
Мила ей отвага, сродни доброта.
Врага отпустил и, как ветер в степи,
Помчался: газелей заметил в степи.
Охотиться стал и совсем позабыл
О муже, который поверженным был.
Вождя не дождавшись, туда прискакал
Хуман и про схватку расспрашивать стал.
Сохраб рассказал ему все до конца
Про битву, про речи Ростема-бойца.
«Жаль, юноша! — витязь в ответ говорит —
Иль жизнью своею по горло ты сыт?
Жаль стана и плеч мне твоих, великан,
Жаль ног богатырских и длинных стремян!
Зачем беззаботно раскрыл ты силок,
В который свирепого тигра завлек?
Страшусь за тебя: снова ринувшись в бой,
Кто ведает, что совершит он с тобой?
Я помню властителя мудрую речь:*
Как недруг ни слаб, им нельзя пренебречь».
Умолк он, сраженный известием тем,
Боясь, что победу одержит Ростем.
Ответил бойцу молодой исполин:

«Утешься и сердце избавь от кручин!
Я завтра в бою одолею врага,
В аркане увидишь ты шею врага».
Так молвив, Сохраб воротился в шатер,
А в сердце твердил он Ростему укор.
Из рук храбреца ускользнувший Ростем
Стальною горою поднялся, меж тем,
Как мертвый, вновь душу обретший свою,
И к ближнему он устремился ручью;
Напившись, омыл свое тело и лик,
Взывая к создателю, к праху приник,
Молил даровать над врагом торжество,—
Не знал, что судьба обездолит его,
Не ведал про горестный жребий земной,
Что солнцем ему предречен и луной...
Слыхал о Ростеме я: сызмала он *
Был силой такою творцом наделен,
Что если гранит попирали ступни,
Всей тяжестью в камень врезались они.
Не раз тяготился он силой такой,
Мешала она, отнимала покой.
К творцу он взмолился, печалью томим,
Желанье в молитве излил перед ним,
Чтоб хоть вполовину Йездан сократил
Избыток его отягчающих сил.
Услышал создатель молитву, и вождь
Утратил свою непомерную мощь...
А ныне борьба небывалая ждет,
И голову мысль о сопернике жжет,
И вновь он взывает к Йездану: «Творец!
Защиты прошу я, твой раб, твой боец.
Всемощный владыка небес и земли,
Мне силу былую опять ниспошли!».
И голос бойца до Йездана дошел,

И прежнюю силу Могучий обрел.
Вернулся к поляне, покинув ручей,
Душой удручен, ликом воска желтей;
Примчался туда и Сохраб-великан;
Лук добрый в руке, за плечами аркан.
Воинственный клич оглашает поля,
От конского бега трясется земля.
Могучий, Сохраба увидев таким,
Дивится, тоской и тревогой томим,
Себя вопрошает, что бой принесет?
Предчувствия злого все тягостней гнет.
Не дрогнул Сохраб пред нависшей бедой,
Задор загорелся в душе молодой.
Приблизясь, вгляделся в соперника он;
Величьем и мощью его поражен,
Воскликнул: «Ушедший от львиных когтей!
Ты снова погибели ищешь своей!
Почто поединка со мной не избег?
Но знаю, ты правды не скажешь вовек».

[*Ростем повергает Сохраба*]

Коней привязали, и ринуться в бой
Готовы, теснимые грозной судьбой.
Ведь если злой рок разъярится — гранит
Он силой свирепою в воск обратит.
Опять врукопашную богатыри
Схватились, и в это мгновенье, смотри,
Как будто всю мощь у сохрабовых рук
Высокое небо похитило вдруг.
Во гневе, исполнясь невиданных сил,
Ростем исполина за шею схватил,
Рванул, и согнул, и Сохраб изнемог;
Истек предназначенный юноше срок.

Повергнув Сохраба, но зная, что тот
Не сдастся, повергнет его в свой черед,
Ростем свой клинок извлекает рывком
И юноше грудь рассекает клинком.
Тот — замер от боли, приникнув к земле, *
Оставил заботы о благе и зле.
Как только ты смерти чужой возжелал
И кровью людской обагрил свой кинжал —
Уж крови твоей жаждет мстительный рок,
Как нож для тебя — каждый твой волосок...
Промолвил Сохраб: «Сам себе я злодей!
Вручен тебе ключ был от жизни моей,
Вина не твоя: то горбун-небосвод
Сегодня мне гибель без времени шлет.
В забавах промчится ровесников день,
Меня же укроет могильная сень.
Мать знак, чтоб отца отыскать, мне дала;
Любовь на погибель меня обрекла.
Так пламенно жаждал я встретить отца,
Но смерть стерегла на дороге юнца.
Я рвался увидеть родные черты,
Увы, не сбылись молодые мечты.
Но стань ты хоть рыбой в глубоких водах,
Иль ночью, таящейся вечно впотьмах,
Иль в небе далеком явись, как звезда,
И узы расторгни с землей навсегда —
Настигнет тебя мой отец-исполин,
Узнав, что под камнем покоится сын.
Найдется кому средь воителей снесть
Ростему, бойцу знаменитому, весть:
Сохраб в поединке повергнут во прах,
Он умер со словом — Ростем — на устах».
Ростем, это выслушав, оцепенел,
Пред взором его белый свет потемнел.

Качнулся, смертельною болью пронзен,
И рухнул на землю без памяти он.
Очнувшись, остаток слабеющих сил
Собрал и со стоном юнца вопросил:
«Где знак от Ростема? Скажи, не томи.
Навеки да будет он проклят людьми!
Ростем я, меня да забудет Систан,
О смерти моей да заплачет Дестан!».
Схватился за волосы, горем убит,
И вопль, раздирающий душу, звучит.
Тут юноша обмер, от муки ослаб;
Опомнившись после, чуть слышно Сохраб
Промолвил: «Так значит, Ростем это ты!
Я, стало быть, жертва твоей слепоты.
Я к истине звал, но не внял ты мольбе,
Ни разу не дрогнуло сердце в тебе.
Кольчугу мою расстегни на груди,
И свой амулет под кольчугой найди.
Лишь стали кимвалы в поход призывать,
В слезах подошла удрученная мать.
Рыдая, родная меня обняла,
Родительский дар мне в дорогу дала,
И молвила: — Памятку свято храни,
Тебе пригодится она в эти дни...—
И вот пригодилась — ненужною став,
Сраженного сына отцу показав».
Кольчугу Сохраба Ростем расстегнул,
Увидел свой знак и к страдальцу прильнул,
Стеная: «Ужели погублен ты мной,
О доблестный витязь, о сын мой родной!».
Рыдает и сыплет на голову прах;
Ланиты в крови и в горючих слезах.
Но слышит он: «Слезы напрасно не лей!
Мне слезы твои — смертных мук тяжелей.

Что проку теперь убиваться тебе!
Так сталось, так было угодно судьбе».
Уж ясное солнце спустилось с небес —
Нет в стане Ростема, Могучий исчез.
Разведчиков двадцать покинули рать,
Надеясь исход поединка узнать.
Двоих увидали в пыли и грязи
Коней, а Ростема не видно вблизи.
Могучего мужа нигде — ни в седле
Не видят воители, ни на земле.
Сочли умерщвленным главу храбрецов,
И головы кругом пошли у бойцов.
К Кавусу с известьем гонец отряжен:
Лишились Ростема держава и трон!
Стан воинский тяжким унынъем объят,
Стенания громкие к небу летят.
В кимвалы ударить велит Кей-Кавус,
Построил ряды пред владыкою Тус
И молвит владыка иранским бойцам:
«Лазутчиков в поле пошлите, и там
Разведайте, что замышляет Сохраб:
Рыдать об Иране пора не пришла б!
Коль пал в поединке Ростем-исполин,
Кто выйдет на битву из наших дружин?
С драконом таким не под силу нам спор;
Бежать приведется, приемля позор!».
Услышав из стана донесшийся гул,
В тревоге Сохраб на Ростема взглянул
И молвил: «Страшусь я, со смертью моей
Невзгоды пойдут у туранских мужей.*
О них позаботиться мне обещай,
Напасть на туранцев Кавусу не дай.
Пусть их не настигнут в дороге враги, *
Уйти невредимыми им помоги.

Они ведь ко мне на подмогу пришли
Сражаться с бойцами иранской земли.
Немало я воинам благ обещал,
Надеждами многими их обольщал.
Кто мог бы подумать о доле такой,
Что буду убит я отцовской рукой!..
Здесь в крепости витязь иранский: в полон
Он был на аркане моем уведен.
Его о тебе вопрошал я не раз,
Душа моя лик твой увидеть рвалась.
Но низкий — с земли бы исчезнуть ему! —
Желанию сбыться не дал моему.
Он ложью надежду украл у меня,
Затмил предо мною сияние дня.
Иранца того отыщи и верни,
Но мстя за меня, ты его не казни.
Приметы, что мать мне поведала, сам
Я видел, да только не верил глазам.
Должно быть, судил мне безжалостный рок,
Чтоб я от отцовской руки изнемог.
Как молния вспыхнув, как вихрь я исчез.
Мы свидимся в светлом чертоге небес».
Дыханье стеснилось в груди у отца,
И не было горьким стенаньям конца.
В груди его пламень, и влага в очах.
На Рехша вскочив, темный вздыбил он прах;
Раскаяньем горьким томим все сильней,
Рыдая, предстал перед ратью своей.
Иранцы увидели войска главу,
И каждый склонил пред Могучим главу.
К создателю их славословье неслось:
Ростема увидеть живым привелось!
Но видя на темени витязя прах,
И в клочьях одежду, и кровь на щеках,

Расспрашивать стали: «Рыдаешь о ком?
Почто возвратился ты в горе таком?».
Сказал он, какое злодейство свершил,
Как милого сына в бою сокрушил.
С ним вместе бойцы зарыдали; совсем
От горя тогда обезумел Ростем.
Дружине своей богатырь говорит:
«Лишился я сердца и телом разбит.
Нельзя вам идти на туранцев войной.
Довольно и зла, совершенного мной!».
В одеждах разорванных, скорбью объят,
Рыдая, приблизился к витязю брат.
Поведал ему удрученный Ростем
Про все, что от сына слыхал перед тем.
Воскликнул он: «Каюсь я в тяжкой вине,
И тяжкая кара ниспослана мне.
Мной, старым, погублен мой сын молодой,
Повержен во прах исполин молодой.
Рожденного мной, уничтожил я сам,
Оплакивать вечно его небесам!».
Хуману послание он написал:
«Я в ножны влагаю возмездья кинжал.
Остался ты рати туранской вождем,
Так бодрствуй над нею и ночью и днем.
Не время теперь мне с тобой воевать,
И нечего больше о том толковать.
Ты правду, злонравный, от юноши скрыл,
Ты кровью мне сердце и лик обагрил!»
И брата Могучий торопит: «Спеши
В дорогу, о витязь великой души!
Хумана и рать до реки проводи,
От бед и опасностей их огради».
С посланием тем богатырь Зеваре
К Хуману-вождю поскакал на заре.

Ответил ему предводитель Хуман:
«Сохраба обрек на погибель обман
Хеджира. Он, злобный, от сына-юнца
Умышленно скрыл исполина-отца.
Ростема стремился Сохраб отыскать,
А низкий решился Сохрабу солгать.
Причина несчастья — коварная речь,
Снеси вероломному голову с плеч!».
К Ростему прийдя, рассказал Зеваре
О войске туранском, о богатыре,
О том, что Сохраба на смерть обрекло
Иранцем Хеджиром свершенное зло.
Ростем потрясен был речами его,
И мир потемнел пред очами его.
Он, с поля сраженья к Хеджиру примчась.
Схватил и поверг его наземь тотчас;
Спеша обезглавить, из ножен кинжал
Извлек; ярый гнев ему сердце сжигал.
Смягчиться бойцы умоляли вождя,
Хеджира от смерти спасли, уведя.
Поспешно направился муж-исполин
Туда, где покоился раненый сын.
Вослед исполину примчавшись затем,
Гудерз опечаленный, Тус, Гостехем
И витязи все, возглавлявшие рать,
Вождя своего принялись утешать:
«Тебе в этом горе поможет Йездан,
Пошлет исцеленье, быть может, Йездан».
Схватился Ростем за отточенный меч,
В отчаяньи грудь себе хочет рассечь,
Но в горе к Ростему взывают бойцы,
Кровь сердца из глаз проливают бойцы.
Промолвил Гудерз: «Полно, будет ли прок,
Хотя бы весь мир ты в отчаяньи сжег?

Хоть сотней мечей свое сердце пронзишь,
Страданий любимого не облегчишь;
С тобою в живых он пребудет, коль срок,
Назначенный небом, ему не истек;
А если окончится витязя век,
Подумай, кто в мире сей доли избег?
Ведь смерти объятья откроются всем.
Венец ли мы носим, иль воинский шлем —
Нас всех не забудут из жизни изгнать.
Что встретим затем — не дано нам узнать.
Никто не помилован грозной судьбой,
Нам впору, о друг, зарыдать над собой!
Шагаем вразброд, а дорога — одна,
Будь долгою или короткой она».

[*Ростем просит у Кей-Кавуса целебное снадобье*]

Гудерзу-бойцу говорит исполин:
«О праведный муж, украшенье дружин!
Ты к шаху скачи и поведай, что мной,
Злосчастным, повержен был сын мой родной.
Пусть гибель Ростема оплачут мужи!..
Еще от меня Кей-Кавусу скажи:
Когда мою службу хоть сколько-нибудь
Ты помнишь, молю, мне спасителем будь!
Ни мига не медля, в сосуде с вином,
То зелье, что в царственном замке твоем
Хранится, мгновенно целящее боль,
С моим же посланцем прислать соизволь.
Коль сына звезда мне благая твоя
Вернет — он служить тебе станет, как я».
Как ветер, пространство Гудерз побеждал
И вскоре посланье царю передал.

Царь вымолвил: «Чту я Могучего, он
Превыше всех витязей мной вознесен.
Свершившего столько блистательных дел
Я видеть в беде ни за что б не хотел.
Но если ты зелье мое отвезешь
И сына его молодого спасешь,
То, силы великой набравшись, затем,*
Меня ниспровергнет, погубит Ростем.
Того, от кого нападения жду,
Не лучше ль заранее ввергнуть в беду?
Давно ли кричал он: — Кто этот Кавус?
Не он повелитель законный, а Тус! —.
Так полон тот витязь величья и сил,
Что вряд ли весь мир бы такого вместил.
Столь мощный захочет ли трону служить,
Величьем моим покоренный, служить?
Ты помнишь, как здесь, понося и браня,
При витязях всех он бесчестил меня?
Коль сына в живых сохранит он, лишь прах —
Не царство в моих сохранится руках.
Сохрабовы речи припомни к тому ж,
О доблестный, жизнью испытанный муж:
— В Иране снесу, мол, немало голов,
Кавуса при всех я повесить готов! —
Коль выживет — нашу раздавит он рать,
Простому и знатному не сдобровать.
Как печься о том, кто желает нам зла?
Худая молва про меня бы пошла».
Гудерз, опечален известьем дурным,
К Ростему помчался, летит словно дым,
Сказал: «Что анчар — повелителя нрав;*
Он — вечный источник все новых отрав
Суров и горяч, как никто из царей,

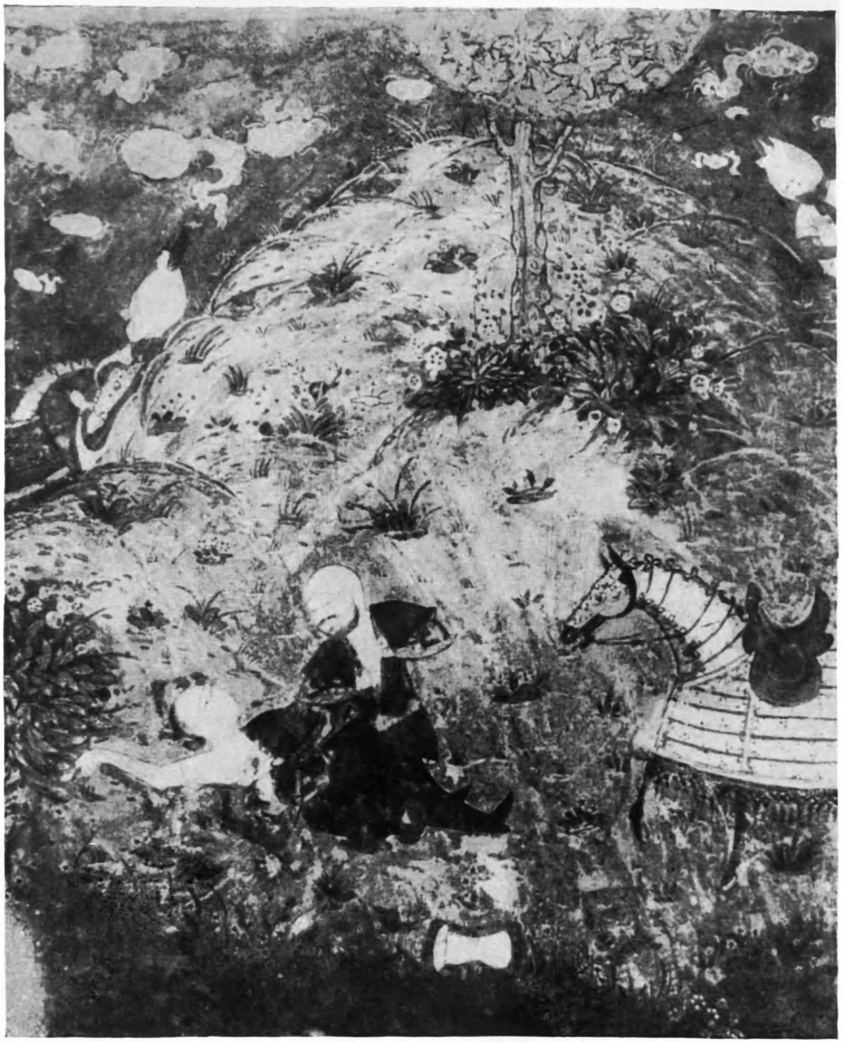
Не ценит он доблести богатырей.
Тебе повидаться бы с ним самому,
В душе озлобленной рассеять бы тьму!».

[*Ростем оплакивает Сохраба*]

По воле вождя принесен был слугой
Узорчатый плащ из парчи дорогой.
Окутав юнца одеянием тем,
Собрался к властителю мчаться Ростем.
Но только лишь ногу успел он занесть
В седло, как услышал печальную весть:
«Сохраб из просторного мира ушел.
Гроб нужен ему, не дворец, не престол!
Позвал он отца, тяжко-тяжко вздохнул,
Со стоном ресницы навеки сомкнул».
И спешился, вихря быстрее, Ростем,
И вот на главе его прах, а не шлем.
Воззвал он, и хлынули слезы дождем,
И плачут воители вместе с вождем:
«Мой отрок, отмеченный славной судьбой,
Род витязей гордых венчавший собой!
Ты шлем и кольчугу, венец и престол
Навеки покинул, навеки ушел!
Тягчайшая это из тягостных бед —
Стать сыноубийцей на старости лет.
Внук Сама, чье имя повсюду гремит,
Сын матери славной — повержен, убит!
Со мной ни один богатырь несравним,
А в битве я был — что младенец пред ним.
Мне обе руки да отрубят, кляня,
Во прахе отныне да видят меня!
Что молвить, коль спросит о юноше мать,
Как черную весть ей посмею послать?
За что он убит — как найду я ответ,

За что пред невинным померк белый свет?
Позор мне! Один я виновен во всем.
Кто слышал, чтоб сын был повержен отцом?
Кто б сына своею рукою убил,
Отважного, мудрого, полного сил?
Царь славный, родитель чистейшей из жен,
Что дочери скажет, бедою сражен?
Род Сама-воителя гневно кляня,
Жестоким, коварным сочтет он меня.
Кто ж думал, что отрок блистательный тот
Столь рано, как тополь высокий, взрастет,
И двинется против Ирана войной,
И день мой окутает мглою ночной!».
По воле Могучего, юноша-сын
Покрыт багряницею, как властелин.
Мерещились царство ему и престол,
Гроб тесный — увы — вместо них он обрел!
С поляны в гробу исполин унесен,
В шатре у Ростема покоится он.
А ставку погибшего в битве вождя
Сожгли, вековые обряды блюдя:
Предали огню и седло, и шатер,
И трон, и доспехи, слепившие взор.
Степная, бескрайная дрогнула ширь,
Рыдает по сыну Ростем-богатырь:
«Не видеть уж миру героя в борьбе
Подобного львиной отвагой тебе!
Где разум, что многое в мире постиг,
Где мощные плечи, где ясный твой лик?
Увы, как страдал ты, простертый в пыли,
Томясь по отцу, от родимой вдали!».
Одежды свои раздирал он в слезах,
Лил кровь из очей, грыз в отчаяньи прах,
Твердил: «Будет сына Заль-Зер проклинать*

И с ним Рудабе — добронравная мать.
Ростем, скажут, верх над юнцом одержал,
Вонзил ему в грудь смертоносный кинжал!
О, что я скажу в оправдание им?
И кто оправданьям поверит моим?
Что витязи скажут в родной стороне,
Услышав недобрую весть обо мне,
Узнав, что подкошен рукою моей
Столь доблестный муж, украшенье мужей!».
Тогда меченосцы Кавуса-царя
На землю вкруг скорбного богатыря
Уселись, и хор увещаний звучит,
Но тот не внимает, печалью убит.
«То рока обычай: одною рукой
Дарит он венец, петлю держит в другой.
Лишь сел ты на трон, торжеством осиян,
Уж с трона тебя совлекает аркан.
К земному душой не тянись, все равно
С землею расстаться тебе суждено.
Подольше пожить загадаешь едва —
А глядь, уж во прахе твоя голова.
Такую нам долю судил небосвод,
Разумный безумцем его назовет,
С ним тщетно ты споришь — разгадка проста:
Незрячие очи, немые уста...
Не плачь, и родного напрасно не кличь!
Ведь смысл происшедшего нам не постичь».
Услышав, что умер Сохраб-исполин,
С бойцами примчался Кавус-властелин,
И речь полилась, благосклонна, сладка:
«Все бренно, от кряжа Эльборз до листка;
Всё сферы, вращаясь, с собой унесут;
Не должен земной обольщать нас приют.
Кто знает, чей раньше наступит черед,



Ростем над поверженным Сохрабом
С рукописи Института востоковедения АН СССР

Но только от смерти никто не уйдет.
Не плачь об ушедшем, печаль отгони
И к слову разумному слух преклони:
Хотя бы на землю ты сверг небосвод,
Весь мир бы зажег от низин до высот,
Ушедшего ты не вернул бы, поверь!
Душа его в горнем чертоге теперь.
Мне издали только пришлось увидать
Ту палицу, плечи, могучую стать.
То рок побудил его двинуть полки,
Судил ему пасть от отцовской руки.
Беде не поможешь; доколе страдать,
Доколе о мертвом стенать и рыдать!»
Промолвил Ростем: «Больше нет его. Стан
Остался на поле: там витязь Хуман,
Бойцы, чья отчизна — Туран и Китай;
Ты гнева в душе против них не питай.
С йездановой помощью, волей твоей,
Пусть их Зеваре уведет поскорей».
«Да, с ними не должно теперь воевать.—
Шах молвил,— хоть много туранская рать
Досель причинила мне горя и зла,
И тяжким страданьям Иран обрекла,
Но горестью ранил ты сердце и мне.
Конец положу я кровавой войне!»

[*Ростем возвращается в Забулистан*]

Шах с войском в Иран воротился затем;
На месте оставшись, печальный Ростем
Ждал брата, что послан был им проводить
Туранцев — от бед их в пути оградить.
И вскоре вернулся к нему Зеваре,
И вывел дружину Ростем на заре.

Привел он воителей в Забулистан,
И вышел Ростему навстречу Дестан.
Все люди Систана встречали его,
Встречали в тоске и печали его.
Землею посыпала головы знать;
Пред гробом в безмолвии ехала рать,
Прорвав барабаны, литавры разбив,
Хвосты боевым скакунам обрубив.
Лишь гроб показался, сын Сама седой
Покинул коня с золотою уздой,
И спешился витязь, навстречу спеша;
Вся в клочьях одежда и в клочьях душа.
Бойцы именитые, сняв кушаки,
Склонились, полны неутешной тоски,
У гроба, поникнув главами, стоят,
Скорбя о прославленном, слезы струят.
Могучий, лишаясь от горести сил,
Блистающий золотом гроб отворил
И молвил отцу: «Видишь, дремлет мой сын.
Ты скажешь, то Сам, твой отец-исполин!».
Кровавые слезы Дестан проливал,
В печали к создателю громко взывал.
«Сын доблестный! — слышен Ростема призыв —
Ушел ты, а я, злополучный, все жив!»
Заль скорбно взывает: «То сон наяву!
Сохраб малолетний вознес булаву
И славу снискал среди знатных!.. О нет,
Подобный ему не рождался на свет!».
Слезам дозволяя без удержу течь,
Все вел он о доблестном юноше речь.
Под своды чертога Могучий вступил,
С рыданьями громкими гроб опустил.
Увидела гроб Рудабе — обмерла,
Кровавые реки из глаз пролила,

Вскричала в отчаяньи: «Вождь-исполин,
Восстань же из гроба на миг хоть один!»,
И полная скорби, стенала она,
И плач над юнцом начинала она:
«О львенок, героем рожденный герой!
Такой не родится воитель второй.
Ты матери старой ответь на вопрос:
Что в пору цветенья с тобою стряслось?
Зачем — роковую мне тайну открой —
Дворец ты отверг для темницы сырой?
Зачем был отец так безмерно жесток,
За что твою грудь он кинжалом рассек?».
К Кейвану тот плач непрестанный вставал.*
Кто слышал, тот слезы ручьем проливал.
За темной завесой сокрылась в тоске;
Ланиты несчастной в пыли и песке.
И горько рыдает Ростем: из очей
Не слезы струятся — кровавый ручей.
Сказал бы, готовится мира конец,
Так радость была далека от сердец.
Вот с гробом Сохраба, почившего льва,
К бойцам воротился их скорбный глава,
Откинул покров, и героя чело
Явилось мужам, безмятежно, светло.
Лишь взорам предстала Сохраба краса,
Дым вздохов, ты скажешь, застлал небеса.
Не в силах очей оторвать стар и мал,
Горючие слезы любой проливал,
У каждого темен от горести лик,
И каждый у гроба главою поник.
Ты скажешь, был гробом весь княжий дворец,
Где тихо покоился юный храбрец.
Казалось, то Сам, возглавляющий рать,
От битвы устал и прилег подремать.

Укутанный желтой парчою, он спит,
И вот уж приют его тесный забит.
«Построить бы,— молвил Ростем,— не простой,
Усыпанный мускусом склеп золотой,
Достойный великой утраты, но он
По смерти моей был бы весь разорен».
Из крепкой породы воздвигнули склеп.*
От слез не один горевавший ослеп.
Был гроб из алоя, и цепи на нем
Глаза золотым ослепляли огнем.
Повсюду молва разгласила, меж тем,
Что сына убил в поединке Ростем.
Той грустною вестью весь мир потрясен,
И каждый внимавший печалью пронзен.
И дни для Ростема текли, как года,
И радость была его сердцу чужда;
Терпеть и мужаться решил, наконец;
Унынье почел недостойным боец.
И прежде такие свершались дела,
И многие души печаль обожгла.
Кто в мире — коль мудростью он одарен —
Приманками жизни земной покорен?
Узнали о горшей из горьких утрат
В Иране, и каждый был грустью объят.
Ту скорбную весть предводитель Хуман
Принес Афрасьябу, вернувшись в Туран.
Немало дивился ей царь, и урок
Из сказанных слов для себя он извлек.

[*Мать узнает о смерти Сохраба*]

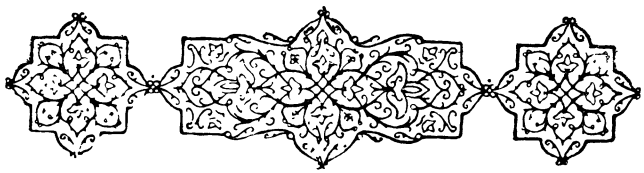
Разносится вопль над туранской землей:
Пал в битве кровавой Сохраб удалой!
И горем убит Семенгана глава.

Уже донеслись роковые слова
До матери бедной; узнала о том,
Что сын в поединке повержен отцом.
Рванула шелка на себе, засиял
Ее наготы розовеющий лал.
Раздался пронзительный, горестный крик,
Покрылся смертельною бледностью лик.
Терзая ланиты, льет алую кровь,*
То падает, то поднимается вновь.
Своих шелковистых волос завитки
На кисть намотав, вырывает с тоски,
И плечи ногтями терзает себе,
И прахом главу посыпает себе.
Огонь на своей голове разожгла,
Душистые кудри огню предала,
Рыдала: «О матери жизнь и душа!
Где ныне лежишь ты, в крови, не дыша?
Я глаз не могла от дороги отвесть,
Ждала: не пришлют ли желанную весть
Сохраб и Ростем. Ты, очей моих свет,—
Гадала я,— верно, объехал весь свет,
Ростема искал и нашел ты, и рад
К родимой теперь воротиться назад...
Ждала ли я, сын мой, такого конца,
Что будешь ты скошен булатом отца!
Над юной и чистой красою такой,
Над станом могучим, могучей рукой,
Не сжалился, сердцем не дрогнул ничуть,
Кинжалом пронзил неповинную грудь!
Как нежно пеклась я о жизни твоей
При блеске лучей и во мраке ночей!
А ныне ты плавать в крови обречен,
Не в мантию — в саван отцом облачен!
Кого же я ныне в объятья приму,

Заботу и горе открою кому?
Кого призову я, надеясь, любя?
Кто сердце утешит мне вместо тебя?
Мой светоч! Исполненный жизни и сил,
Ты сад и чертоги на яму сменил.
Мой витязь! Отца помышлял ты найти,
Но только могилу нашел на пути.
Ты, полный надежд, безнадежность узнал,
Ты злобу — не ласку и нежность — узнал.
Пред тем, как занес он булатный клинок
И белую грудь без пощады рассек,
Зачем не решился ты правду сказать,
Хранимый тобой амулет показать?
Приметы отца от родимой своей
Ты слышал — зачем не доверился ей?
Ушел, а меня ты оставил в плену.
Как скорбный свой век до конца дотяну!
О, доблестью в мире успевший блеснуть,
Зачем я с тобой не отправилась в путь!
Меня издалека узнал бы Ростем
И нас обласкал бы обоих затем,
И бросил бы острую сталь исполин,
И ею, пронзенный, не пал бы мой сын!»
Тоскуя, схватилась за голову мать,
Вновь стала ланиты ногтями терзать.
Такие стенанья неслись в небеса,
Что людям глаза увлажняла роса.
Так рухнула наземь, не снесши тоски,
Что сердце любого рвалось на куски.
Лежит, недвижима, бела, словно снег:
В ней кровь, ты сказал бы, застыла навек.
Очнулась и вновь принялась проклинать
Свой жребий, о сыне убитом стенать.
Увидела сына блестящий венец —

Кровь сердца окрасила слезы в багрец.
Над троном склоняет в отчаяньи стан,
Взывает: «О царственный, стройный платан!»
Велит подвести боевого коня,
Чей блеск затмевал и сияние дня,
И крепко за шею обняв скакуна,
Всех тронула, всех изумила она.
То гриву погладит, то к ней припадет,
То слезы над нею горючие льет,
И горько рыдая, подковы ему
Целует, коню огневому тому.
Вот мантия царская принесена —
Как сына, покров обнимает она.
Внесли и кольчугу по воле ее,
Лук добрый, колчан, булаву и копье,
Седло, и уздечку и щит боевой—
Несчастная бьется о щит головой.
Длины непомерной аркан перед ней —
Глядит и рыдает она все сильней.
На шлем, на стальную броню поглядев,
Взывает: «О грозный воинственный лев!»
Меч острый Сохраба схватила, стеня,
Отрезала гриву и хвост у коня;
Убогих своим оделила добром —
Конями и золотом, и серебром;
Велела, чтоб царственный сдвинули трон,
Затем с возвышенья низринули трон,
Окрасили в черное входы дворца,
Разрушили арки и своды дворца,
Цветник разорили, где сын пировал,
Откуда призвал его к бою кимвал.
Скорбя день и ночь неутешно, без слов,
Окутана в траурно-синий покров,*
Ручьями кровавые слезы лила.

Лишь год после сына она прожила;
Тоскуя, к могиле желанной спеша,
Сохрабу вослед улетела душа.
Учил златоуст несравненный Бехрам: *
Душой не стремись к дорогим мертвецам.
Здесь долго и сам не задержишься: будь
Всегда наготове отправиться в путь.
Родитель тебе уступил свой черед,
Но срок неизбежно и твой истечет.
Так было, так будет. Не сыщется ключ
К загадке извечной. Себя ты не мучь,
На поиски дни понапрасну не трать;
Врата не откроешь, не сломишь печать.
Не будь же земным бытием обольщен,*
Оно — скоротечный, обманчивый сон...
Душа к Сиавушу теперь повлеклась.*
Пора, приведу к завершению сказ.
Без слез эту повесть кто б выслушать мог?*
Чье сердце бы гневом Ростем не зажег?



[СКАЗ О СИАВУШЕ]

Сказ новый сложи, вдохновенный поэт,*
И пусть красотою чарует он свет.
Поэту гордиться твореньем дано,*
Которое разумом озарено.
А если в тисках заблуждения он
И если порочною мыслью прельщен,
Хотя б распинался, трудясь без конца,—*
Себя опозорит в глазах мудреца.
Но кто у себя обнаружит порок?
Свой нрав для любого и чист и высок.
Неси знатоку завершенный свой труд,
Услышь справедливый, взыскательный суд,
И если услышал хвалу знатока —
Достиг благодатного ты родника.*
Поведаю сказ миновавших времен,*
Который дехканом для нас сохранен.
Забыты предания древние,— их
Пусть вновь оживит для народа мой стих.
Коль дни мои в радостном мире земном
Продлятся, то долгим усердным трудом
Такую смоковницу выращу я,*
Что ввек не увянет в саду бытия.
Без малого мне шестьдесят уже лет,*

Я многое видел, но все еще свет *
Душе не постыл. Жаждой жизни горю,
Гадаю по звездному календарю...
Однажды мне мудрый сказал человек:
«Состарившись, не обновишься вовек!
Слагай свои песни, доколе ты жив,
Будь нравом приветлив, умом прозорлив.
О каждом деяньи, благом иль худом,
Отчет пред изедовым дашь ты судом.
Что сеял — пожнешь ты. Каков твой привет,
Таков, без сомнения, будет ответ.
Кто сдержан, хулы не услышит и сам,
Привержен будь мудрым делам и речам».
Но к сказу дехкана вернусь, наконец,
Послушай, о чем повествует мудрец.*

[*О матери Сиавуша*]

Такое преданье сберег его слух:*
Однажды, лишь первый проснулся петух,
Тус, храбрый Гудерз и воинственный Гив
К равнине Дагуй поскакали, решив *
Охотой потешиться. Мчатся на лов
Борзые и соколы; толпы бойцов *
Стреляют и травят, вдоль речки скача,
Добыче вдогонку свистя и крича.
И дичи подстрелено было в тот раз
Немало — дней на сорок полный запас.
Поодаль просторы Турана легли,
Где столько шатров, что не видно земли.
Вблизи от туранских степных рубежей
Лесок заприметили взоры мужей.
Гив с Тусом туда поскакали вдвоем,
Других обгоняя в усердьи своем.

Примчались, и в роще тенистой одни
За дичью охотиться стали они.
Вдруг взорам их дева предстала; смеясь,
Охотники к ней поспешили тотчас.
Невиданной прелестью дева цвела,
Ее красота безупречна была:
Стройней кипариса, прекрасней луны —
Красавицей витязи ослеплены.*
«Ответь, луноликая! — Тус ей сказал —
Кто путь в эту рощу тебе указал?»
Сказала: «Покинуть родительский дом
Пришлось мне, обиженной тяжко отцом:
Он с пира вернулся, неистов и пьян;
Увидев меня, гневом вдруг обуян,
Из ножен извлек свой отравленный меч
И голову мне порывался отсечь».
О роде и племени спрашивать стал
Красавицу Тус, и в ответ услыхал:
«Сродни Герсивезу я, богатырю,*
Восходит мой род к Феридуну-царю».*
Спросил: «Отчего же ты пешая шла?
Почто провожатых с собой не взяла?»
Сказала: «Не мог меня дальше нести
Мой конь; обессиленный, пал он в пути.
Была я в богатой короне, на ней
Немало блистало бесценных камней.
Дорогой алмазов лишили меня,
Ножнами меча оглушили меня.
Бежала я, душу спасая свою.
Здесь, в роще теперь слезы горькие лью.
Отец мой — сомненья в том нет — спохватясь,
За мною погоню отправит тотчас;
В тревоге и мать устремится за мной,
Не даст мне расстаться с родною страной».

Девица обоим по сердцу пришлась
И Тус над собою теряет уж власть.
«Добыча моя! — так он стал говорить,—
Недаром я гнал скакуна во всю прыть».
Но Гив возразил: «Предводитель полков!
Не разом ли мы обогнали стрелков?».
Сильней горячится, упорствует Тус:
«Я первый приблизился к роще, клянусь!»
А Гив ему: «Правды в том нет и следа.
Я раньше, охотясь, примчался сюда!
Негоже бойцу благородному лгать,
Со мной из-за пленницы ссоры искать».
Зашла уж о том — слово за слово — речь,
Что голову должно прекрасной отсечь.
Пылает у каждого яростью взор,
Но мудрый посредник уладил их спор,
Промолвив: «К чему препираться вам тут?
Владыке Ирана отдайтесь на суд».
Те вняли совету, и вскоре втроем
Предстали они пред иранским царем.
Увидев пленительной пленницы лик,
Ее полюбил повелитель владык.
И слышат воители слово царя:
«Сюда, удальцы, вы спешили не зря.
Пусть ловкая серна, иль нежная лань,
Она — властелина достойная дань.
Рассказом теперь скоротаем мы час —
Как солнце поймали вы, по лесу мчась».
Царь молвит: «Прекрасная, словно пери!
Свой род от кого ты ведешь? Говори!».
«Мать носит,— сказала, — туранский венец,
Из рода царя Феридуна отец.
Мой дед— Герсивез, предводитель дружин,
Богатых шатров и земель властелин».

Сказал повелитель: «Зачем же в лесу
Тебе свою знатность губить и красу?
В чертоге златом поселишься. Любя,
Среди луноликих возвышу тебя».
Ответила: «С первого взгляда ты мной
Средь витязей избран, не нужен иной».
Послал он для двух именитых бойцов
Престолы, венцы, огневых жеребцов,
А деву в покой озаренный отвел.
Из кости слоновой поставил престол;
Увенчана дева короной резной,
Украшенной жемчугом и бирюзой;
В парчу, где горит золотое шитье,
В топазы и лалы убрали ее.
Сидела на троне, блистая, лучась,—
Красы и невинности светлый алмаз.

[*Рождение Сиавуша*]

Дни мчатся; неможется шахской жене,
Пленительно-юной, цветущей весне.
Лишь в беге небесного свода истек
Начертанный девятимесячный срок,
Пришли к повелителю с вестью благой:
«Порадуйся дару жены дорогой!
До неба теперь вознесешь свой престол.
О царь, ты не чадо, а чудо обрел!*
Младенца такого не видывал мир:
Хорош, как пери, как священный кумир»
О прелести дивной лица и кудрей
Мгновенно молва донеслась до людей.
Владеть небосводом достоин был сын;
Его Сиавушем нарек властелин.
Гадал о младенце седой звездочет,

И вскоре поведал ему небосвод
Свое предсказанье; гласило оно,
Что много царевичу бед суждено.
И сердце гадателя сжалось в тоске.
Младенца он вверил Йездана руке,
И шаха-родителя предостерег,
Поведал, что к сыну немилостив рок...
Года миновали. К царю во дворец
Примчался могучий забульский боец.
Просил он: «Мне львенка доверь своего,
Воспитывать мне подобает его.
Здесь нянек немало, да грош им цена;
Ты лучше меня не найдешь пестуна».
Раздумывал долго над тем властелин,
Затем, для отказа не видя причин,
Он отрока храброго, полного сил,
Свой светоч — заботам бойца поручил.
Могучий в Забул Сиавуша увез,
Жилище воздвиг для него среди роз.*
Арканом и луком владеть, и уздой,
И тешиться в поле лихою ездой,
С гепардом и соколом мчаться на лов,
Обряд соблюдать богатырских пиров,
Страной управлять, строить грозную рать,
Добро от насилья и зла отличать —
Всему Сиавуша Ростем обучил,
Немало на это затратил он сил.
И вырос таким молодой Сиавуш,
Что с ним ни один не сравнился бы муж.
Не раз, выходя с удальцами на лов,
Герой зааркanивал яростных львов.
И молвил царевич Ростему-бойцу:
«О витязь, меня потянуло к отцу.
Меня обучая искусству царей,

Трудился ты рьяно. Хочу поскорей
Отцовское сердце порадовать всем,
Чему обучил меня славный Ростем».
Царевича выслушал вождь удальцов
И в разные стороны шлет он гонцов.
Оружие, перстни, венцы, кушаки,
И с золотом, и с серебром кошельки,
Одежда, сосуды, рабы, скакуны
Ростему во множестве привезены.
А что не сыскалось на месте — за тем
Послал в отдаленные земли Ростем.
Столь много даров погрузили, что рать
Дивилась, юнца выходя провожать.
И витязь немалый проехал с ним путь,
Чтоб грусть не стеснила царевичу грудь.
Весь край, словно в праздник огнями горя,
Украсился, радуя богатыря.
Осыпали амброй и златом юнца,
Повсюду полны ликованья сердца.
На улице каждой веселье кипит,
И каждая кровля убранством слепит.
Ступают копыта лихих кобылиц
По грудам монет. Озабоченных лиц
Не встретишь — хоть весь обойди ты Иран;
И мускус на гривах коней, и шафран.*

[*Возвращение Сиавуша из Забулистана*]

Гонцы Кей-Кавусу спешат принести
Отрадные вести: царевич в пути.
Приказано Тусу и Гиву скакать,
Навстречу с литаврами вывести рать.
Вот к царскому замку идут удальцы,
К властителю сына ведут удальцы.

«Дорогу! Дорогу!» — глашатай кричит;*
И путь им широкий к престолу открыт.
Курильницы благоуханье струят,
Склонившись, вокруг царедворцы стоят,
К царевичу юному взор приковав;
Он — строен, как тополь, могуч, величав.
И все восхищаются юным вождем;
Алмазы и золото льются дождем.
Как только увидел царевич отца
На царском престоле, в сияньи венца,*
К престолу припал он и долго лежал
Ничком, словно тайну земле поверял.
Поднявшись, к Кавусу приблизился сын,
И ласково обнял его властелин.
С собой усадив на сапфировый трон,*
О славном Ростеме расспрашивал он.
Восторженно имя Йездана твердя,
Очей не сводил с молодого вождя;
Дивился осанке, величью, уму,
Всесветную славу пророчил ему.
Его добродетель и мудрость познав,
Был счастлив и горд повелитель держав.
На землю упав, к ней приникнув лицом,
Он душу свою изливал пред творцом,
Взывая: «О ты, кто воздвиг небеса,
Кем созданы разум, любовь и краса —
Все лучшее в мире! Тебе возношу
Моленья — о счастьи для сына прошу».
С дарами пришли к властелину страны
Ирана мужи. Ликованья полны,
Глядят на юнца, восхваляют его,
И славят, и благословляют его.
Пред ним, по веленью владыки земли,
Иранские воины строем прошли.

Украшены пышно палаты и сад,
Несчетные гости на праздник спешат.
Звенит сладкозвучного руда струна,
Повсюду веселье и реки вина.
Такой был устроен властителем пир,
Какого дотоле не видывал мир.
Семь дней веселились: властитель страны
Затем повелел из державной казны
Дары для любимого сына достать.
Здесь перстень, и шлем, и престол, и печать,
Арабские кони, оружье, броня,*
Седло боевое, щитки для коня,
Динары, дирхемы в сумах расписных,
Алмазы, парча и немало иных
Сокровищ заветных: все, кроме венца,—
Затем, что венчать еще рано юнца.
Столь щедро дарами его наделив,
Надеждой отрадной в нем дух окрылив,
Семь лет он испытывал сына, и тот
Ничем не унизил свой царственный род.
Восьмой наступает — несут, наконец,
Из золота цепь и кушак, и венец.
На шелке — указа блестят письмена;
Так в мире велось у владык издавна.
Достойный величья, достойный венца,
Сын в дар Кухистан получил от отца,—*
Так звали обширный тот край искони,
Но Мавераннахром зовут в наши дни *.

[*Смерть матери Сиавуша*]

Нежданно беда к Сиавушу пришла,
Любимую матушку смерть унесла.
С престола вскочил он, душой удручен,*

Взлетел к небесам раздирающий стон.
Царевич одежды свои разрывал,
Землею посыпав главу, горевал.
В безумном отчаяньи плечи и грудь
Терзал он, себя не жалея ничуть.
С улыбкой расстались уста, и с огнем
Глаза разлучились; и ночью и днем
Не знал он покоя, стеная, скорбя,
Печалью, постом изнуряя себя.
Так месяц минул; к Сиавушу пришли
Знатнейшие люди иранской земли:
Гив, Тус и Гудерз и другие друзья —*
Вождей и воителей славных семья.
Едва Сиавуш на вошедших взглянул,
Он снова печально и тяжко вздохнул,
Вновь стал безутешно стенать и рыдать,
Печали сердечной дал волю опять.
Увидя томимого жгучей тоской,
Гудерз опечаленный с речью такой
К нему обратился: «Совету внемли,
Царевич, и скорбь от себя отдали.
Ведь каждый умрет, кто родился на свет,
От смерти спасения смертному нет.
Не плачь, потеряв дорогую свою:
Дано ей блаженствовать вечно в раю...»
Мольбы, увещания длил он дотоль,
Пока не утихла царевича боль.

[*Судабе влюбляется в Сиавуша*]

Шло время, душой расцветал властелин;
Его утешеньем был доблестный сын.
Однажды сидел, с ним беседуя, шах,
Как вдруг Судабе показалась в дверях.*

Едва увидав Сиавуша, она
Любовью внезапно была пронзена.
Томилась и таяла, стала, как нить,
Ты лед над огнем с нею мог бы сравнить.
К царевичу вестника шлет: «От меня
Спеши передать, осторожность храня:
„В гарем заглянул бы к отцу своему,*
Никто удивляться не стал бы тому“».
Слуге Сиавуш, возмущен и суров,
Промолвил: «Царице ответ мой таков:
В гарем повелителя я не ходок;
Мне хитрость чужда, ненавистен порок».
Всю ночь пролежала царица без сна,*
Наутро к царю поспешила она:
«Вождь рати! — ему говорит Судабе —*
Не видело солнце подобных тебе.
И юного мир прославляет царя:
Да здравствует, радость народу даря!
Ему повели навестить поскорей
Супругу твою и твоих дочерей.
Пусть ходит свободно в гарем с этих пор,
Почаще пускай навещает сестер;
Так любят его и тоскуют по нем,
Что льют они слезы и ночью и днем.
Придет он — склонимся, почет воздадим,
Дарами и рвеньем ему угодим».
Кавус отвечает: «Нет речи мудрей.
К нему ты добрее чем сто матерей».
И сына призвав, говорит Кей-Кавус:
«От голоса крови, от родственных уз
Не скрыться. Любовь ты вселяешь в сердца,
Таким уж ты создан по воле творца.*
С тобою ведь в близком родстве Судабе —
Недаром душой потянулась к тебе.

В гареме ты сможешь сестер повидать,
В царице найдешь благосклонную мать.
Тебя обласкают, почтят от души
Затворницы, их навестить поспеши».
Такие слова говорит властелин.
В тревоге, в смущении слушает сын
И так размышляет, молчанье храня,
Печаль и глухое сомненье гоня:
«Царь, видно, испытывать верность мою
Задумал — проверить, что в мыслях таю».
Царевич умом был остер, прозорлив
И знаний исполнен, и красноречив.
Начало такое недобрый конец
Ему предвещало; страшился мудрец,
Что в сеть попадет он к жестокой судьбе —
В гареме погубит его Судабе.
«Властитель державы! — так вымолвил он —
Не ты ль даровал мне и царство и трон?
Повсюду, где солнце с небесных высот
На землю лучи животворные льет,
Ты славишься, всех превзошел ты вождей
И мудростью, и добротою своей.
Ты путь укажи мне к мужам-мудрецам,
К прославленным, неустрашимым бойцам:
В науке у них изощрюсь боевой,
В стрельбе, во владеньи копьем, булавой,
В державных делах и в веселье ночном —
Под пение руда, за пенным вином.
А в женских покоях учиться чему?
У жен ли познаний набраться уму?
Но если решенье царя таково —
Пойду я, покорный приказу его».
«О сын мой, будь счастлив! — царь молвит в ответ —
Столп мудрости — так да зовет тебя свет!

Так пламенна речь твоя, так хороша,
Что разум расцвел, просветлела душа.
Тревожные помыслы прочь отгони,
Да будут светлы твои думы и дни!
Сестер дорогих навести поскорей,
Их братской любовью и лаской согрей». *
И сын отвечает: «Готов я идти,
Чтоб царскую волю твою соблюсти».

[*Сиавуш приходит к Судабе*]

Был старый слуга у владыки — Хирбед.*
Блюдя неусыпно служенья обет,
Дом жен охранял он и днем и в ночи;
Ему вручены от покоев ключи.
Такую от шаха услышал он речь:
«Лишь солнце исторгнет блистающий меч,
Иди к Сиавушу и каждый приказ,
Который услышишь, исполни тотчас.
Вели Судабе свой ларец отворить,
Алмазами щедро его одарить.
А сестры с рабынями пусть поднесут
Кто — мускус, кто — жемчуг, а кто — изумруд».
Когда над вершинами встала заря,
Предстал Сиавуш пред очами царя,
Поклон сотворил, и отец в тишине
С ним долго беседовал наедине.
Окончив беседу, Хирбеда призвал,
Ему наставления должные дал,
Сказал Сиавушу: «Иди вместе с ним,
Будь весел: впервые идешь ты к родным».
Направились к женским покоям дворца
Хирбед и царевич — покойны сердца.
Но только завесу успел приподнять

Хирбед — полон страха царевич опять.
В гареме с почетом встречают его,
В честь гостя великое там торжество.
Невиданным блеском чертог осиян,
С душистою амброю спорит шафран;
Нет счета пленяющим взор жемчугам;
Дирхемы царевичу сыплют к ногам.
Путь устлан китайской парчой золотой,
Алмазным сиянием сплошь залитой.
При говоре струн распевают певцы,
На юных красавицах блещут венцы.
Кружится пленительных дев хоровод,
Все к неге и райским усладам зовет.
В чертоге сверкающем том водружен
Высокий, из чистого золота трон.
Он дивно украшен слепящей глаза
Парчой, на которой цветет бирюза.
На троне, блистая красой неземной,*
Сидит Судабе, ликом схожа с луной.
Светила Йемена затмила она!*
Душистых кудрей смоляная волна
Струится, трепещет, спускаясь до пят;
Алмазы в венце драгоценном горят.
И держит рабыня, у трона склонясь,
Ее башмачки золотые. Лишь князь
К престолу направился — ликом светла,
Царица поспешно с престола сошла
И низкий отвесила гостю поклон,
И вот у прекрасной в объятиях он.
Целует она молодого вождя
И молвит, с прекрасного глаз не сводя:
«Заря ли на небе, ночная ли мгла,
Моя не смолкает Йездану хвала.
Еще у кого столь блистательный сын?

И в царском семействе такой — ты один».
Но чует смущенный царевич: грешны*
Объятья горячие царской жены,
Здесь дело неладно. Тревогой томим,
Поспешно подходит он к сестрам своим.
Царевны навстречу с приветом идут,
Его к золотому престолу ведут.
Немалое с ними он время провел,
И после, тепло распростившись, ушел.
В гареме толкуют о нем лишь одном:
«Вот истинный царь! Сколько доблести в нем!
И мудрости свет на высоком челе...
Таких не бывало еще на земле!».
В чертоги отца, между тем, Сиавуш
Вступает и молвит: «О, царственный муж!
Гарем посетил я: на жребий роптать
Тебе, о счастливейший царь, не подстать.
Хушенг и Джемшид с Феридуном, клянусь,*
Тебя бы затмить не могли, Кей-Кавус».
Речь сына услышав, отец просиял,
Украсил чертоги, наполнил фиал.
Пируют и слушают лютню, в вине
Топя помышленья о завтрашнем дне...
Как только стемнело, покинув престол,
В покои супруги властитель вошел
И молвит: «Скажи откровенно, жена,—
Ты правду скрывать от меня не должна:
Прекрасен ли юный мой сын? Какова
Осанка его и разумны ль слова?
Воистину ль мудростью он наделен,
И славы столь громкой достоин ли он?».
В ответ Судабе: «Не царил под луной
Подобный тебе повелитель иной.
И славному сыну нигде твоему

Нет равных,— замалчивать правду к чему?».
«Да станет он мужем! — царь молвил тогда —
Его да минуют и сглаз и беда!»
Сказала она: «Коли будут царю
Угодны слова, что ему говорю —
Царевичу дам я жену из своей
Семьи, не ища среди чуждых семей.
Царевичу сына подарит она,
В ком будет отцовская доблесть видна.
Средь юных царевен, что мной рождены,
Когда для себя не найдет он жены,
То пусть Кей-Ареша он дочь изберет
Иль дочь Кей-Пешина, чей царственен род».
Шах молвит на это: «Согласье даю,
Тем силу умножу и славу свою».
Наутро царевич явился к отцу,
Хвалу его трону воздал и венцу.
Других удалив, Кей-Кавус в тишине
Стал с сыном беседовать наедине.
Сказал венценосец: «Не раз я молил
Создателя мира, дарителя сил,
Чтоб славный твой род не угас, чтобы трон
Был царственным сыном твоим озарен;
И так же как стал ты отрадой моей,
Да станет он светом отцовских очей!
Жрецов о твоей вопрошал я судьбе;
Поведали мне мудрецы, что тебе
Такого наследника звезды сулят,
Чью память нетленной века сохранят.
Супругу теперь для себя избери
Высокого рода, чьи предки — цари.
Ищи у Пешина, Ареша в дому.*
Уж действовать время, готовься к тому».
И слышит сыновний ответ Кей-Кавус:

«Я воле державной твоей покорюсь.
Кого повелишь, назову я женой;
Я верный твой раб, о владыка земной!
Об этом решеньи узнав, Судабе,
Быть может, противиться станет тебе.
Но ей не пристало об этом судить,
И незачем впредь мне к царице ходить».
Кавус улыбнулся; в тот миг роковой
Он топь не сумел разглядеть под травой.
Сказал он: «По сердцу ты должен найти
Жену; опасения прочь отмети.
Царица, заботясь о благе твоем,
Тебя обласкает, поможет во всем».
Сын, выслушав речи отца своего,
Уверился в благоволенье его.
Он пал пред высоким престолом царя
Всевластного славя и благодаря.
Но думы царевича все же смутны,
Он чует: то замысел царской жены,
То ею раскинуты злые силки.
И сердце — в тисках затаенной тоски.

[*Сиавуш во второй раз приходит в покои Судабе*]

Вновь свод повернулся и ночь протекла,*
И снова земля молода и светла.
Сияя, взошла Судабе на престол,
Венец золотой изумрудами цвел.
Явились царевны; слепя красотой,
Воссели они на престол золотой.
Рой юных красавиц порхает, гарем
Цветет и сияет, как будто Эдем.
И слышит Хирбед луноликой приказ:
«Ступай, передай Сиавушу тотчас:

О, статный как тополь, тебя лицезреть
Хочу — лицезрением сердце согреть».
Торопит царица посланца, и тот
Исполнить ее повеленье идет.
Известьем таким Сиавуш удручен,
В тревоге взывает к создателю он,
Смятеньем объятый, не видит пути,
Как злую беду от себя отвести,
К царице направил стопы, наконец.
Блистает на ней драгоценный венец,
И ярче алмазов сиянье чела.
Вот к гостю, покинув престол, подошла,
Глубоким поклоном почтила его,
С собой на престол усадила его
И царских спешит показать дочерей:
Все блещут красою, достойны царей.
Сказала: «На трон обрати ты свой взгляд,
Там юные девы в коронах сидят,
Прекрасным кумирам Тераза равны,*
Из неги и прелести сотворены.
Вглядись и ответствуй, которой из них
Ты сердце даруешь, венчанный жених?»
Князь еле глядит на царевен, а те
Очей не отводят, его красоте
Дивятся, тайком меж собой говоря:
«Что месяц пред ликом такого царя!»
Вот каждая снова в светлице своей
И грезит: царевич достанется ей.
Невест отослав, говорит Судабе:
«Доколе скрывать свою волю тебе?
Какую из них изберешь? Говори.
Ты ликом прекрасным похож на пери.
Тебя лишь завидев, любая сама
Готова тебя полюбить без ума.

Прислушайся к голосу разума: что ж,
Какую невестой достойной сочтешь?».
В ответ не сказал Сиавуш ничего,
Тревожная дума смущает его:
«Мне лучше предаться могильному сну,
Чем взять из враждебного рода жену.
От витязей славных я слышал не раз
О хамаверанском владыке рассказ — *
Как шаха иранского он заточил,
Как витязей наших в оковах томил.
И дочери сердце коварства полно,*
Ей славный наш род ненавистен давно».
Молчанье хранят Сиавуша уста.
Тут с лика царицы упала фата,
Сказала красавица: «Рядом с луной
Лик солнца увидевший, житель земной
Не диво, коль бледной признает луну.
Взгляни, пред тобою как солнце сверкну!
Меня лицезрел ты в короне моей,
В лучах жемчугов и бесценных камней —
Кто мог бы теперь твое сердце привлечь?
Ты девами, вижу, готов пренебречь.
Решайся же в верности мне присягнуть,
Упорство оставь, опасенья забудь.
Рабою моя малолетняя дочь
Войдет в твой гарем. Опасения прочь!
Уста разомкни для обета любви,
Моей благосклонности счастье лови.
Умрет повелитель — ты в мире земном
Мне памятью милою будешь о нем.
Как душу свою, охраняя от бед,
Меня ты лелей до скончания лет.
Стою пред тобою, любви не тая,
Душою и телом отныне твоя.

Рабою к тебе я попала во власть,—
Сама в твои сети желала попасть».
И шею царевича крепко обвив,
Целует его, о стыде позабыв.
Но стыд Сиавушу ланиты обжег,
Из глаз заструился горячий поток.
Он думает: «Сети раскинул мне бес.*
Храни мою душу, владыка небес!
Могу ль вероломно отца обойти,
Предать его — с дьяволом дружбу свести!
Но если красавицу я оскорблю,
Холодным ответом в ней гнев распалю —
Прибегнет к коварству бесовских сетей,
Владыку опутает ложью своей.
Нет, лучше с ней ласково речь поведу,
Ее ублажив, отвращу я беду».
В ответ Сиавуш говорит Судабе:
«Нет в мире красавицы равной тебе.
Тебя не затмит и сиянье луны;
Достоин лишь царь столь прекрасной жены.
В супруги я ту, что тобой рождена,
Возьму: не нужна мне иная жена.
Решенье должна ты царю передать
И царского соизволения ждать.
Тебе приношу я священный обет
Дождаться, пока моих нынешних лет
Достигнет невеста моя. До тех пор
Никто не пленит мое сердце и взор.
Не должно мне слушать о лике моем,
О том, что пылаешь любовным огнем.
Забудется это, минует как сон...
Что делать, уж так я творцом сотворен!
Сокрытой останется тайна твоя,
От мира хранить ее стану и я.

Тебя, как царицу цариц, почитать
Готов я, любить, словно милую мать».
Так молвил и вышел. Меж тем все сильней
Преступная страсть разгорается в ней.
Вот ночь наступила, в покои жены
Вошел Кей-Кавус, повелитель страны.
Увидев его, Судабе подошла,
О сыне властителя речь повела:
«Здесь был и гарем он осматривал весь,
Всех дев чернооких, собравшихся здесь —
Столь дивных красавиц, что их бы сравнил
Ты с сонмом лучистых небесных светил.
Но он ни одной не пленился из них,
Дочь выбрал мою несравненный жених».
От радости так засиял Кей-Кавус,
Как будто луна с ним вступила в союз.
Ларя за ларем отворял он засов;
Собрал он немало венцов, поясов,
Уборов, достойных обличья царей,
Престолов, достойных величья царей,
Доспехов и много сокровищ иных...
Земля, ты сказал бы, ломилась от них.
Царице велит он: «Богатства храни;
Назначены в дар Сиавушу они.
Вручая, ты скажешь: здесь мало даров,
Их счет я стократно умножить готов».
Дивится богатым дарам Судабе,
А в сердце твердит непрестанно себе:
«Когда не смогу я себе подчинить
Желанного — лучше на свете не жить!
Открыто и тайно я к средствам любым
Прибегну; красавца, что мною любим,
Коль силою чар не сумею привлечь —
Решусь на позор всенародно обречь».

[*Сиавуш в третий раз приходит в покои Судабе*]

На трон в светозарной короне своей
Воссела, алмазные серьги на ней;
Призвать повелев Сиавуша, опять
Речами его начала искушать.
Сказала: «Готовит владыка дары,
Каких не видали до этой поры.
Несчетные собраны блага земли —
Их двести слонов бы едва довезли.
И юную дочь я тебе отдаю.
На кудри взгляни, на корону мою;
Найдешь ли предлог, чтоб отвергнуть меня,
Со взором блистающим ярче огня?
Тебя увидала, и гибну с тех пор,
И стражду, и жажду, и сердце — костер.
Твой лик меня в муку такую поверг,
Что день пред моими очами померк.
Семь лет от любви изнывая, томясь,
Кровавые слезы точу я из глаз.
Ты радостью тайной мне жизнь озари,
Ты новую молодость мне подари!
Я больше, чем царь, драгоценных даров
Тебе поднесу — лишь откликнись на зов!
А если не хочешь покорность явить
И юной любовью меня оживить —
Тебе отомщу я: престола лишу,
Свет солнца и звезд для тебя погашу!».
В ответ ей царевич: «Тому не бывать.
Мне ль, страсти покорствуя, честь забывать!
Отца обмануть, добродетель поправ,
Могут ли? Нет, чужд вероломству мой нрав!
О, солнце престола, владыки жена,

Подобным грехом ты гнушаться должна!»
Разгневан, хотел он вернуться к себе,
Но шепчет, вцепившись в него, Судабе:
«Тебе я отважилась душу излить,
А ты замышляешь мне злом отплатить!
Ты хочешь унизить, ославить меня,
Всем честным порочной представить меня!».

[*Судабе обманывает Кей-Кавуса*]

Ланиты себе исцарапала вмиг
И разорвала одеяния; крик
Донесся из женских покоев дворца.
Смятеньем и страхом наполнив сердца.
И весь зашумел, всполошился дворец,
Сказал бы ты: свету приходит конец!
Лишь вопль до ушей властелина дошел,
Он тотчас покинул державный престол.
Охвачен тревогой, душою смущен,
В гарем торопливо направился он.
На лике царицы кровь видит супруг,
Шум, крики прислужниц, смятенье, испуг...
Коварства жены Кей-Кавус не постиг.
Узнав о случившемся, вспыхнул он вмиг.
Рыдая, предстала пред ним Судабе,
Льет слезы и волосы рвет на себе,
Кричит: «Сын твой дерзостный миг улучил,
В объятья меня, как в тиски, заключил,
Шепча: — Я любовного полон огня.
Доколе тебе сторониться меня!
Душа моя рвется к одной лишь тебе,
Склонись же, прекрасная, к пылкой мольбе!—
Сорвал мой венец,— правду как утаю!—
Взгляни, разорвал и одежду мою».

Той речи в раздумьи владыка внимал,
И долго расспросы еще продолжал.
Он думал: «Коль правду сказала жена,
И замыслов черных не прячет она—
Снесу Сиавушу я голову с плеч!
Иначе мне узел беды не рассечь.
Что мудрые скажут про эти дела?
Тут кровь вместо пота закаплет с чела!».
Он прочь отослал верноподданных слуг,
В тоске и тревоге стоявших вокруг.
Затем на престоле оставшись один,
Жену с Сиавушем призвал властелин.
Спокойно повел он разумную речь:
«Ты истину должен из мрака извлечь.
В беде своей сам я повинен, не ты,
Я жертвою собственной стал слепоты.
Зачем я в гарем распахнул тебе дверь!
Я — в горе, ты бьешься в тенетах теперь.
Открой же уста, без утайки и лжи
Ты все происшедшее мне расскажи».
И правду услышал в ответ властелин,
Как речью царицы разгневан был сын,
Что сказано было... Одно за другим
Деянья неверной раскрыты пред ним.
В ответ Судабе: «Вероломный солгал!
Всех дев он отверг, лишь меня пожелал.
Ему все дары перечислила я,
Какие рука предлагала твоя:
Оружие, золото, царский венец,
Без счета сокровища, дочь, наконец!
Не меньше бы я уделила ему,
Все блага земные сулила ему.
Сказал он: „Богатств не хочу, не нужна
Ни дочь мне твоя, ни другая жена.

Хочу лишь тебя вместо мира всего,
А кроме тебя — никого, ничего".
Меня он сломить попытался, в руках
Сжимая, как будто в гранитных тисках.
Но я не сдавалась. И, яростен, дик,
Стал волосы рвать он, царапать мне лик.
Ношу твоего я младенца, внемли
Правдивому слову, владыка земли!
С испуга его потерять я могла;
Весь мир пред очами окутала мгла».
«Не вижу,— внимая, раздумывал шах —
Я правды ни в тех и ни в этих речах.
Нет, в деле таком торопиться не след,
В горячности, в гневе наделаешь бед.
Поглубже сначала я вникну в их спор,
Мне сердце подскажет тогда приговор.
Узнаю, кто грешен из этих двоих,
Кто кары жестокой достоин из них».
Чтоб дело расследовать, царства глава
К рукам Сиавуша склонился сперва,
Взяв сына за плечи, к себе притянул,
И запах кудрей и одежды вдохнул.
Склонился к жене: от ланит и волос
Дыхание амбры к нему донеслось,
Но ею не пахло от юноши. Нет,
Объятий преступных отсутствует след!
Царь гневной хулой оскорбил Судабе,
Хоть сердце он этим изранил себе,
И в ярости мыслит: «Не буду ли прав,
Ее на куски растерзать приказав?».
Но после подумал про Хамаверан,
Где тотчас войны запылает вулкан.
Припомнил еще опечаленный шах,
Как встарь одиноко томился в цепях;

О муже тогда Судабе лишь одна*
Пеклась, и без жалоб страдала она.
К тому же и сердце любовь ему жгла:
Какого, любя, не стерпел бы он зла!
И малых детей повелителю жаль:
Немалое бремя — о малых печаль!
Повинен в случившемся не Сиавуш.
Нет спора — он чистый и праведный муж...
И молвит владыка: «Все это забудь,
Будь мудр, избери осторожности путь.
Чтоб нас не порочили злою молвой,
От мира ты все происшедшее скрой».

[*Судабе прибегает к помощи колдуньи*]

Узнав о своем пораженьи в борьбе,
Царя обмануть не сумев, Судабе
Вновь хитрые козни плести начала
И семя посеяла нового зла.
Служила в гареме колдунья в те дни,
Обман и коварство ей были сродни;
Младенца носила в утробе, и ей
Та ноша была с каждым днем тяжелей.
Колдунью к себе Судабе позвала,
Дав золота, верности клятву взяла
И молвила: «Слову внемли моему,
Да только не выдай меня никому.
Ты снадобьем верным себе помоги,
И выкинь, а тайну мою сбереги.
Себя облегчишь и меня ты спасешь.
За истину выдам коварную ложь.
Скажу Кей-Кавусу: „Младенец тот — мой.
Убил его дьявол!“. Пред шахом с мольбой

Паду, Сиавуша в злодействе виня...
За дело возьмись, не теряя ни дня!
А если согласья не дашь ты, страшусь:
И милости царской, и трона лишусь».
На это колдунья ответствует ей:
«Готова склониться пред волей твоей».
На мир опустилась вечерняя мгла,
И женщина, зелья испив, родила
Два мерзких исчадия — двух близнецов;
От дива с колдуньей приплод был таков!
Тайком от прислужниц, тот дьявольский плод
Царица в лохань золотую кладет,
Колдунью затем водворяет в тайник,
Сама испускает пронзительный крик
И падает навзничь на ложе свое;
Гарем содрогнулся от вопля ее.
Прислужницы к ложу царевой жены
Все разом сбежались, тревоги полны.
Два мертвых младенца предстали глазам.
Рыданья, стенанья летят к небесам,
И прерван стенаньями этими сон
Властителя; вздрогнув, прислушался он,
Расспрашивать стал, что случилось и где.
Узнав о постигшей царицу беде,
Взъярился, но гнева не выдал ничем.
Наутро пришел, удрученный, в гарем.
На ложе увидел жену и вокруг
Печалью объятых, встревоженных слуг,
И мертворожденных увидел, четой
Лежавших в посудине той золотой.
Льет слезы рекою пред ним Судабе:
«Теперь, словно солнце, все ясно тебе.
Не я ль пред тобою злодея дела
Раскрыла? Но разум твой ложь оплела».

Проникли сомнения в душу царя.
В раздумьи ушел он, себе говоря:
«На что же решиться? Чем зло мне пресечь?
Подобной виною нельзя пренебречь».

[*Кавус расследует дело о младенцах*]

Собрав звездочетов иранской земли,
Которые тайны небес берегли,
Царь ласковым словом приветствовал их.
Затем, рассадив на скамьях золотых,
Рассказывать стал о венчанной жене,
Напомнил о хамаверанской войне,
Дабы прорицателей мудрость могла
Судить справедливо царицы дела.
Затем о младенцах заводит он речь,
Велев мудрецам тайну свято беречь.
Таблицы читая, сидели они,
Трудились не меньше недели они...
Сказали: «Коль чаша отравы полна,
Напрасно ты стал бы искать в ней вина.
Гадали мы чьим-то младенцам чужим —
Не ты и царица родители им.
О тех, что владыка держав породил,
Нетрудно прочесть предсказанья светил.
Но этих не видно ни здесь, на земле,
Ни в небе — их след исчезает во мгле».
Затем рассказали владыке земли
Все то, что узнать о колдунье смогли.
Стеная, взывает к владыке жена,
В слезах, правосудия просит она,
Твердит: «Мне не страшен царя приговор,
Побои, лишенье престола, позор,

Невмочь мне младенцев загубленных кровь
Забыть,— что ни час умираю я вновь!».
«Уймешься ли, женщина! — царь ей в ответ —
К речам твоим в сердце доверия нет».
И отдал он страже дворцовой приказ:
Собравшись, на поиски выйти тотчас,
Весь город от края до края пройти,
Виновницу зла отыскав, привести.
И стражи бывалые вскоре на след
Напали. Колдунью извлекши на свет,
Схватили и тут же к владыке земли
Насильно злосчастную поволокли.
С ней шах поначалу добром говорил,
Ей жизнь обещал и награды сулил.
Но тем увещаньям она не вняла,
От шаха свершенные скрыла дела.
Не веря, велит он колдунью схватить,
Все средства возможные в дело пустить:
«Солжет — пусть распилят ее пополам,
Ведь так указуют обычаи нам».
К упрямой колдунье идут с палачом
И ей угрожают петлей и мечом.
Она же одно повторяет в ответ:
«Вины за собою не ведаю, нет!».
Ни с чем воротились к царю во дворец:
Мол, истину знает один лишь творец.
Велит Кей-Кавус привести Судабе,
Велит звездочетам при ней, при себе
Поведать, что речь о младенцах — обман,
Что мать их — колдунья, отец — Ахриман. *
Ответ у жены и на это готов:
«Правдивых от них не дождешься ты слов.
Им правду сказать запретил Сиавуш,
Ослушаться князя под силу кому ж?

Кто мог бы тягаться с могучим таким?
Лев ярый, и тот задрожал бы пред ним.
Он восемь десятков слонов бы сразил,
Он Нилу бы силою путь преградил.
В сто тысяч бойцов закаленная рать
В бою от него бы пустилась бежать.
Мне, слабой, его одолеть не дано,
Лишь слезы кровавые лить суждено.
Кому, кроме князя, их речь угодит?
И кто их другой за нее наградит?
Ты холоден к детям, к их горькой судьбе,
А мне ведь не ближе они, чем тебе.
На зло равнодушно взираешь ты — что ж
В том мире зато от суда не уйдешь!».
И более влаги, чем Нил от лучей
Теряет, царица струит из очей.
Внимая коварной, и царь зарыдал,
С ней вместе младенцев оплакивать стал.
В печали затем проводил он жену;
Все думал он горькую думу одну,
И в поисках истины дальше идти
Решился, чтоб дело к концу привести.
Мобедов столицы владыка созвал
И мудрым мужам обо всем рассказал.
Ответил владыке верховный мобед:*
«От мира не скроешь негаданных бед.
Коль истину хочешь раскрыть, государь,
Ты камнем о ковш, размахнувшись, ударь.
Душа твоя тяжким сомненьем полна:
И сын их внушает тебе, и жена,
Властителя хамаверанского дочь;
Тебе отогнать подозренья невмочь.
Когда ты и в ней усомнился, и в нем —
Его иль ее испытай ты огнем.

Кто зла не свершил, на костре не сгорит —*
Так небо высокое нам говорит».
И вот объявил повелитель, к себе
Призвав Сиавуша и с ним Судабе:
«Покоя не знает мой дух и сейчас,
Не знаю досель, кто виновен из вас.
Одно остается: пусть жаркий костер
Виновнику вынесет свой приговор».
Ему отвечает на то Судабе:
«Я правды слова говорила тебе,
И мертворожденных ты видел детей:
Бывало ли в мире злодейство лютей!
В огонь Сиавуша пошли: это он
Свершил преступленье, грехом соблазнен».
Властитель на сына взглянул своего:
«Решенье твое — вопросил — каково?»
Ответ был: «Доколь от стыда мне гореть!
Мучения ада готов я презреть.
Велишь мне пройти через гору огня,
Пройду я — позор нестерпим для меня».

[*Сиавуш невредимым проходит через огонь*]

Кавус, изнывая в душевной борьбе,
О сыне скорбит и о злой Судабе:
«Его ли, ее ли постигнет позор,
Кто звать меня станет владыкой с тех пор?
Жена — мое сердце, и кровь моя — сын,
Добра не сулит мне исход ни один.
И все же готов я прибегнуть к огню,
Сомненья сей страшной ценой отгоню.
Вождь, мудрости полный, говаривал встарь:
В груди подозренье носящий — не царь...

Везиру погонщиков звать он велит,*
Им сто караванов пригнать он велит.
На рыжих верблюдах он множество дров
Доставить велит, непреклонен, суров.
И стали поленья везти без числа.
Все выше гора поднималась, росла;
Уж издали можно ее различить.
Царь дольше неведенья бремя влачить
Не мог. С каждым часом страдая сильней,
Искал он виновника боли своей.
Запомни, о сын мой, правдивую речь:*
От женских сетей должно сердце беречь.
Женись, коли честную выбрал жену:
С порочной — изведаешь муку одну...
В степи возвели две горы дровяных,
Народ с содроганьем взирает на них.
Меж теми горами проход неширок,
Там мог бы проехать один лишь ездок.
По воле владыки, обильно сперва
Горючею нефтью полили дрова.*
Вот с сотнями факелов слуги идут,
Подносят, и дуют все разом, и тут
День сделался ночью,— не видно ни зги.
Но встали из дыма огня языки,
И вот уж земля небосклона светлей,
И пламя бушует при воплях людей.
Явился в степи Сиавуш, между тем. *
На нем золотой, ослепительный шлем,
Вид бодрый, одежда бела и проста,
Дух полон надежды, смеются уста.
И всех в этот миг опалила печаль.
Цветущего юношу каждому жаль.
Себя Сиавуш осыпал камфорой,
Как будто свершая обряд гробовой,

Испытание огнем Сиавуш

С рукописи Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина.
Худ. Резайе-Мосаввер

Как будто его не в палящий огонь,*
А в рай унести приготовился конь.
На гордом своем вороном скакуне,*
Что тучею пыль поднимает к луне,
Приблизился к шаху и спешился он,
И отдал властителю низкий поклон.
На лике у шаха смущенье и стыд,
Он ласково с сыном своим говорит.
В ответ Сиавуш: «Не кручинься. Увы,
Превратности жизни людской таковы!
Удел мой сегодня — печаль и позор.
Да будет небесный свершен приговор!
Коль прав я — создателем буду спасен,
Коль грешен — меня не помилует он.
Но верю я, благость Йездана меня
Живым проведет сквозь громаду огня».
И вот уж пред самым костром Сиавуш,
И молит создателя праведный муж:
«О, дай мне живым через пламя пройти,
Меня от отцовской вражды защити!».
Стремительно, словно клубящийся дым,*
Уносится конь с седоком молодым.
Народ возмущеньем и горем объят,
Равнина и город от воплей дрожат.
До слуха царицы те вопли дошли;
На кровлю идет, видит пламя вдали,
И в бешенстве, мстительной злобы полна,
Погибели князю желает она.
А люди глядят на владыку страны
Сурово: слова осужденья слышны.
Несется, меж тем, вороной сквозь огонь:
Сдружился, сказал бы ты, с пламенем конь!
Багровое пламя встает, как стена,
Не видно ни всадника, ни скакуна.

Все замерли, тяжкой тревогой томясь:
Сквозь адское пламя прорвется ли князь?
И вдруг невредимым явился ездок,
Уста улыбаются, лик — что цветок.
И радостно грянуло: «Сладил с бедой,
Прошел сквозь огонь властелин молодой!».
Казалось, его лишь душистый жасмин
Касался — так светел и свеж властелин.
В воде был бы княжеский плащ увлажнен,
В огне — не покрылся и копотью он.
Сравнится, когда пожелает Йездан,
С дыханьем весны огневой ураган.
Веселья огонь в каждом взоре сверкнул,
В столице, в степи ликования гул.
Равнина дирхемами устлана сплошь.
И топотом конским повергнута в дрожь.
Ликуют и празднуют все, как один,
Пируют и знатный, и простолюдин.
Благое известье друг другу несут:
Свершился создателя праведный суд!
Льет в ярости слезы, меж тем, Судабе,
Рвет волосы, щеки терзает себе.
Предстал Сиавуш пред очами царя
В одежде нетронутой, свеж, как заря.
Спустился с коня своего властелин,
За пешим владыкой — строй пеших дружин.
И вот Сиавуш пред венчанным отцом
Склонился, к земле припадая лицом:
Мол, вышел из пламени я невредим
На горе врагам вероломным моим!
Восклинул Кавус: «Богатырь молодой,
Муж славного рода, с великой душой!
Да славится та, что тебя родила,
Такого властителя миру дала!».

И крепко обняв Сиавуша, в слезах
Прощенье просил даровать ему шах.
Ликуя, прошествовал он во дворец,
Надел драгоценный кеянский венец,*
Потребовал руд и певцов, и вина,
И с сыном пируя, сидел допоздна.
Три дня веселился он с кубком в руках:
Забыла казна о ключах и замках.

[*Сиавуш просит отца помиловать Судабе*]

Затем Кей-Кавус на престол родовой
Воссев с бычьеглавой своей булавой,*
Царицу призвал; вспыхнул яростью взор,
И слышит коварная гневный укор:
«Бесстыдно меня одурманила ты,
Жестоко мне сердце изранила ты.
Чего добивалась бесчестной игрой?
Чтоб сын мой погиб, благородный герой!
В огонь его ввергла — дошло до того
Коварное, злое твое колдовство!
Теперь о прощеньи молить ни к чему.
Иди, приготовься к концу своему!
Исчезнешь, преступная, с лика земли.
Ты лишь одного заслужила: петли!».
В ответ Судабе: «О, владыка, меня
Твой гнев обжигает сильнее огня.
За зло причиненное мне же, твой меч
Готов мою голову ныне отсечь.
Казни, государь! Свой приемлю удел.
Не должно, чтоб гнев властелином владел,
Пусть яростью сердце твое не горит,
Все истина, что Сиавуш говорит;

С ним пламень губительный не враждовал.
Но знаешь причину? То Заль колдовал!». *
«Ты снова хитришь! — был Кавуса ответ —
Еще твоей лжи не согнулся хребет!»
Иранцев спросил повелитель страны:
«Злодейские козни коварной жены
Как должно карать? Что велит нам обряд?»
Иранцы, восславив царя, говорят:
«Виновная с жизнью расстаться должна;
Зло сделав, пусть муки познает она!»
«Повесить — владыки звучит приговор —
И выставить тело ее на позор!»
Царицу повел, повинуясь, палач.
В гареме послышался горестный плач,
И тайным страданием грудь стеснена
У шаха; покрыла лицо желтизна.
Оставив униженную Судабе,
Все вышли, направился каждый к себе.
Подумал царевич: «Когда казнена
По воле властителя будет жена,
Он после раскаяньем будет убит
И в этой потере меня обвинит».
И стал он просить возглавлявшего край:
«Помилуй супругу, себя не терзай!
Прозреет, твоим наставлениям вняв,
Царица,— поверь, повелитель держав!».
Простить преступленье царю самому
Хотелось, и рад он предлогу тому.
Ответил: «Твоей уступая мольбе,
О праведный, жизнь я дарю Судабе».
Склонился царевич, целуя престол.
Веленье отца выполняя, пошел
Вослед за прощенною царской женой,
Отвел ее снова в покой расписной.

И радостно девы гарема уже
Бегут поклониться своей госпоже.
Дни мчатся за днями... Коварная вновь
У шаха в душе пробудила любовь.
С нее венценосец не сводит очей,
В нем страсть разгорается все горячей.
И вновь Кей-Кавуса с прямого пути
Царица свела, стала сети плести,
В нем к сыну вражду разжигает сильней,
Покорствуя злобной природе своей.
И вновь подозренье Кавуса томит,
Но черную думу от всех он таит...
Когда ты постигнут подобной бедой,
Спасение — в честности, в правде одной.
Будь мудр, осмотрителен, будь справедлив —
Добьешься победы, беду отразив.
Коль судьбы наполнили ядом сосуд,
В нем светлого меда уста не найдут.
Роптать бесполезно; когда ты не слеп,
Склонишься покорно пред волей судеб.
Таков небосвода изменчивый бег,
Тебе не постичь его тайны вовек.
Учил справедливо наставник благой,
Что кровная связь крепче всякой другой.
Лишь сына обрел — порожденье любви —
От женщины душу свою оторви!
Речь с сердцем в разладе у женщин: ты ждешь *
Добра, но одно лишь коварство найдешь.

[*Кавус узнает*
о набеге Афрасьяба]

Все жарче любовь Кей-Кавуса... Но вот
От верных разведчиков он узнает,
Что царь Афрасьяб, к новым битвам готов,
Возглавил сто тысяч отборных бойцов.
И мысли свои опечаленный шах
К войне обратил, позабыв о пирах.
Созвав меченосцев иранской страны,
Мужей, что короне кеянской верны,
Сказал: «Афрасьяб изумляет меня!
Из воздуха, праха, воды и огня*
Его, ты сказал бы, не создал Йездан;
Он выращен из неизвестных семян!
Охотно он дружбы обеты дает,
Теряя благим увереньям счет,
Но лишь соберет многомощную рать,
Все клятвы святые готов он попрать.
Я сам с ним оружие ныне скрещу,
День в темную ночь для него обращу,
Избавлю я землю от этого зла!
Иначе, быстрей чем несется стрела,
Он с войском нагрянет, помчится вперед,
Огню и разгрому Иран обречет».
Промолвил один из мобедов: «К чему
В поход снаряжаться тебе самому?
К чему понапрасну казну расточать,
С сокровищ заветных срывая печать?
Уж дважды, поддавшись горячности, сам
Державу свою уступал ты врагам.
Не лучше ль послать исполина тебе,
Стяжавшего славу в кровавой борьбе?».
Кавус отвечает: «Средь войска всего

Туранцу соперника ни одного
Не сыщем; лишь мне Афрасьяб по плечу.
На бой, словно челн по волнам, полечу!
Ступайте, с советником наедине
Останусь: готовиться должно к войне».
В волненье пришел Сиавуш — больше дум,
Чем в чаще деревьев,— заполнили ум.
Он думает: «Мне бы возглавить поход!
Смиренно царя попрошу я — пошлет.
Избавлюсь, быть может, по воле творца,
От козней царицы, от гнева отца.
К тому же я славное дело свершу —
Враждебное войско в борьбе сокрушу».
Пришел, опоясан, сказал: * «По плечу,
О царь многодоблестный, мне силачу
Сломить Афрасьяба. В кровавых боях
Я головы вражьи повергну во прах!».
Но голову сам он в Туране сложил —
Так, верно, создатель миров предрешил!
Невмочь нам вести с провидением спор,
Невмочь изменить роковой приговор...
Вняв сыну, дозволил ему властелин
Возглавить поход меченосных дружин.
Довольный, вождя обласкал Кей-Кавус,
Воздав ему почести, молвил: «Клянусь,
Все блага, что есть у меня — для тебя;
Все войско мое — что родня для тебя».
За славным Ростемом послал он гонца,
Герою хвалу воздавал без конца.
«Тебя бы и слон боевой не сразил,
Тебя не щедрее и царственный Нил.
Отважней, мудрее найдется ли муж?
Недаром воспитан тобой Сиавуш.
Железо растопит, исторгнув из скал,

Твоей сокрушительной воли накал.
Пылая отвагой, исполненный сил,
Меня Сиавуш молодой посетил.
На бой с Афрасьябом готов он идти,
Так будь ему верной защитой в пути!
Когда ты на страже — покоен мой сон,
А если ты дремлешь — мой дух устрашен.
Твой меч и стрела твоя — мира оплот,
С небес тебе месяц покорность несет».
«Слуга я — ответил глава храбрецов —
И воле твоей покориться готов.
Твой сын — словно око мое и душа;
Живу я, царевича славой дыша!» *
Царь молвил: «О доблестный муж-великан,
Будь разумом светлым весь век осиян!».

[*Сиавуш выступает в поход*]

Литавр и кимвалов разносится гром,
И Тусом, прославленным богатырем,
Построена рать у дворцовых ворот.
Царь сыну ключи от хранилищ несет,
Где груды монет и сокровищ других:
Блестящих уборов, камней дорогих,
Тяжелых булав, боевых кушаков,
Щитов и шеломов, кольчуг и клинков,
Где тканей богатых несметный запас,
И слышит царевич отцовский наказ:
«Всем этим добром безраздельно владей,
Дворец и богатства во власти твоей».
И рать из двенадцати тысяч бойцов
Владыка собрал средь мужей-храбрецов;
И столько же тысяч готовых к войне
Воителей пеших, в железной броне,

Прислали в подмогу Белудж кочевой,*
И Парс, и Сорудж, и Гилян боевой.
Примчались потомки знатнейших родов,
И каждый к решительной битве готов;
Отважны, искусны в сраженьях они,
И годы у них с Сиавушем одни;
Пять славных мобедов иранской земли,*
Что знамя Каве пред собою несли,*
И сын Шаворана Зенге, и Бехрам —*
Герои, внушавшие ужас врагам.
Всем двинуться в путь повелел властелин,—
И вот удальцы на просторе равнин.
И места на этом просторе уж нет,
Где конских подков не тянулся бы след.
Как месяц в небесной ночной синеве,
Плывет над дружиною знамя Каве.
Покинул столицу владевший страной,
Вдоль войска промчал его конь вороной.
И слышат бойцы Кей-Кавуса привет:*
«Мужи знаменитые, воинства цвет!
Удача везде да сопутствует вам,
Погибель несите заклятым врагам!
Счастливо свершите поход боевой,
С победой, с весельем вернитесь домой!».
Кимвал на слона водрузили: ведет
Царевич дружину в далекий поход.
Рыдая, его провожает отец.
День ехали рядом: с коней, наконец,
Сошли, обнялись на прощанье они
И оба, как тучи в весенние дни,
Льют слезы; разлукою дух удручен,
По степи разносится горестный стон.
Предчувствием тягостным каждый томим:
Уж больше вовеки не свидеться им!

Таков он, над нами кружащийся свод:
То яд поднесет, то целительный мед.
Вернулся к себе во дворец властелин,
А войско возглавивший доблестный сын
Вослед за Могучим коня повернул
К владеньям Дестана, в далекий Забул.
Примчался. Пирует и слушает руд,
В забавах часы неприметно бегут.
То с Залем беседует — мудрым вождем,
То чашу вздымает с Могучим вдвоем,
То ночью пирует с бойцом Зеваре,
То в зарослях ловит зверей на заре...
Срок минул, и с места снимается стан,
Умчался Могучий, остался Дестан.
В Забуле, в Кабуле, в индийском краю
Пополнил царевич дружину свою.
Любого бойца, что отвагой богат,
В ряды принимая, вступил он в Герат.
Там пеших прибавилось много бойцов —
Возглавил Зенге поспешивших на зов.
К Талкану, Мервруду царевич идет,*
Везде благосклонен к нему небосвод;
В пути никому не чинит он обид,
И вот уже путь ему к Балху открыт.*
С бойцами, меж тем, Герсивез и Барман
Навстречу неслись, как степной ураган,
И полчища те замыкал Сепехром;*
Узнали они о вожде молодом,
Который войной из Ирана идет,
Рать мощную против Турана ведет.
И вот Герсивез, предводитель бойцов,
Средь ночи быстрейшего шлет из гонцов
С известьем к владыке туранской земли:
«Бойцы Сиавуша войною пришли.

Ведет их Ростем, знаменитый герой;
Меч в длани могучей и саван — в другой.
Когда властелина услышу приказ,
Я войско в сражение двину тотчас.
С дружиной спеши на подмогу и ты:
Ведь буря огню придает быстроты».
И мчится быстрее огня самого
Посланец по воле вождя своего.
На месте, меж тем, не стоит Сиавуш;
Как буря, несется воинственный муж,
Ведя в наступленье иранскую рать.
Вождю Герсивезу уж некогда ждать
Ответа владыки. Он в битву идти
Решился, не видя иного пути.
Все ближе дружина к дружине, и вот
Столкнулись пред Балхом, у самых ворот.
Бой вспыхивал дважды, кровав и жесток;
Царевич, как только день третий истек,
Отрядами пеших бойцов заградил
Все выходы Балха, и в город вступил.
С бойцами за реку бежал Сепехром
И вскоре предстал пред туранским царем.

[*Письмо Сиавуша Кавусу*]

Лишь Балх сиавушева рать заняла,
С письмом предводитель отправил посла.
Написано мускусом было оно
На шелке, как издавна заведено.
Вначале хвалу Сиавуш воздавал
Творцу, что ему торжество даровал,
Создателю солнца и звезд, и луны,*
Кем троны державные вознесены:
«Захочет — дарует он власть и почет,

Захочет — на горе и боль обречет.
И должно велению разума внять,
Не споря, создателя волю принять.
Молю: вездесущий святой судия,
Благой, всемогущий творец бытия
Да будет опорой тебе, да пошлет
Твоим начинаньям счастливый исход!
Под сенью твоею, владыка владык,
Я города Балха счастливо достиг.
Сражения длились три дня, наконец,
Победу послал нам великий творец.
В Термед отступил Сепехром. Обуян *
Смятеньем, умчался стрелою Барман.
Джейхуна достиг мой воинственный строй,*
Здесь реет победно мой стяг боевой.
Привел Афрасьяб в Согдиану войска,*
От них отделяет нас только река.
Когда мне прикажет владыка, велю
Бойцам переправиться, битву продлю».

[*Ответ Кей-Кавуса Сиавушу*]

Посланье дошло до властителя. Он,
От этих вестей торжеством озарен,
Йездану молился, склоняя чело,
Чтоб юное древо плоды принесло.
В ответном послании радость излил
И красками рая его расцветил:
«Небесных светил всемогущий творец,
В чьей власти дарить и престол, и венец,
Тебя да хранит от негаданных бед!
Пусть вечно сияет в душе твоей свет.
Да будет величьем всегда озарен
Тобою прославленный царственный трон!

Ведом правотою и счастьем своим,
Вступил ты в сражение с недругом злым.
Твои еще пахнут уста молоком,
А ты уже сердцем к сраженьям влеком.
Победу одерживай в каждом бою,
Являя отвагу и силу свою.
Ликуй и сегодня, врага сокрушив,
Но будь осмотрителен, неторопliв.
На месте останься: не следует рать,
Преследуя вражьи войска, раздроблять.
Знай, царь Афрасьяб хитроумен и зол.
Венец ему дан и верховный престол:
Из рода великого, древнего он,
Главой до небесных светил вознесен.
Не рвись же с туранским владыкою в бой,
Знай, сам поспешит он сразиться с тобой.
Но если он первым Джейхун перейдет — *
Кровавая кара безумного ждет».
К посланью приложена шаха печать,
И вот уже вестник послание мчать
Готов, и ему повелел властелин
Скакать неустанно средь гор и долин.
Гонец, к Сиавушу примчавшись, ему
Посланье доставил, и рад был письму
Царевич, по сердцу пришелся совет;
Он свято исполнил отцовский завет.
Поспешно покинув Ирана предел,
Меж тем, Герсивез к Афрасьябу летел.
Примчавшись, владыке воинственный муж
Поведал: «Уж в Балхе стоит Сиавуш;
С ним грозная рать, полководец Ростем,
Герои, чьи подвиги ведомы всем.
На каждого нашего — их пятьдесят,
И все с булавами как буря летят. *

Из пеших бойцов, облаченных в броню,
Любой быстротою подобен огню;
Их стан бы орел облететь не дерзнул!
Никто из туранцев очей не сомкнул:
Три дня и три ночи не ведали сна,
Воителей силы иссякли до дна.
Но в стане иранцев — лишь сон одного
Охватит — уж новый сменяет его,
А первый на отдых идет; освежен,
В сражение снова кидается он».
Во гневе вскочил повелитель, едва
От брата услышал такие слова.
Так грозно взглянул, будто меч обнажить
Хотел, и на месте его уложить.
Осыпав хулою, прогнал его прочь,
Не в силах свирепый свой гнев превозмочь.
Сзывает он тысячи знатных гостей,
Велит приготовиться к пиру скорей,
Убрать, разукрасить равнины простор,
Одеть Согдиану в китайский убор.
Весь день веселились. Когда же родник,
На землю лучи изливающий, сник,
Властитель, простершись на ложе своем,
Забылся тревожным, томительным сном.

[*Афрасьяб видит зловещий сон*]

Лишь первая треть ночи темной прошла,
Царь вскрикнул со сна, словно вдруг затрясла
Его лихорадка; испугом пронзен,
На ложе трепещет и мечется он.
И слуги вскочили, смятенья полны,
Тем воплем отчаянным пробуждены.
Едва Герсивезу-вождю принесли

Известье, что худо владыке земли,
Он кинулся к Афрасиабу тотчас
И видит упавшим его; огорчась,
Его обхватил и, тревогой объят,
Спросил: «Что случилось с тобою, мой брат?».
«Не спрашивай,— царь говорит,— погоди,
Со мною речей ни о чем не веди,
Очнуться мне дай. Чтобы страх мой утих,
Держи лишь покрепче в объятьях своих!».
Но вот повелитель в сознанье пришел
И видит: все плачут вокруг. На престол
Воссел он, как ивовый лист трепеща;
В чертоге зажглась за свечою свеча,
И вновь Герсивез вопрошает: «С тобой
Что сталось, владыка? Мне правду открой».
На то Афрасьяб отвечает ему:
«О, я бы не мог пожелать никому
Увидеть, что нынче я видел во мгле.
Сна хуже не вспомнит никто на земле.
Мне виделись логова, полные змей,
Пустыня и коршуны злые над ней,
Угрюмых, бесплодных утесов гряда,
Не знавших улыбки небес никогда.*
Там видел я царскую ставку свою
И наших бойцов, закаленных в бою.
Вдруг вихрь налетел, нас повергнувший в страх,
Мой царственный стяг опрокинут во прах,
Кровь льется рекою и сорван покров
С шатра моего и со многих шатров.
Смерть воинов косит, нет павшим числа,
Кровавой горой громоздятся тела.
Несутся иранцы, что вихрь грозовой,—
Кто с луком натянутым, кто с булавой.
Сто тысяч воителей, каждый в броне,*

Весь в черном, на вихреподобном коне.
Лес копий; от крови дымится трава;
На каждом копье, словно плод,— голова.
Примчались и, с трона совлекши меня,*
Связали, помчали быстрее огня,
И сколько я взоры вокруг не кидал,
Из близких своих никого не видал.
Тут некий воинственный, гордый ездок
К ногам Кей-Кавуса меня приволок.
Владыки иранского царственный трон,
Казалось, до самых небес вознесен.
Сидел близ носящего царский венец
С сияющим месяцем схожий юнец.
Ты б только четырнадцать лет ему дал;
Лишь в путах меня пред собой увидал—
Свирепо взревев, ярым гневом объят,
Мне в грудь он вонзил закаленный булат.
От боли жестокой лишился я сил,
И крик мой меня же от сна пробудил».
В ответ предводитель: «К добру этот сон,
Друзей твоих, верь мне, порадует он.
И счастье и власть принесет он тебе,
А недругов злой обречет он судьбе.
Но должно найти толкователя снов,
Богатого мудростью мыслей и слов.
Клич кликни мобедам, которым ясны *
Небесные знаменья — вещие сны».

[*Истолкование мобедами сна Афрасьяба*]

И те, что владели премудростью сей,
Из царской столицы, из всех областей
Собравшись, пришли к властелину на зов;
Внимать повелению каждый готов.

Их царь усадил, оказал им почет;
О том и об этом беседа течет.
Затем говорит он почтенным жрецам,
Познавшим веления звезд мудрецам:
«Лишь вам я поведаю виденный сон,
Для прочих пусть тайной останется он.
Кто нашу беседу дерзнет разгласить,
Тому, поклянусь, головы не сносить».
Награду, чтоб их не пугать, посулил,
Их золотом и серебром оделил
И сон свой поведал. Владыки слова
Услышав, мобедов премудрый глава *
Сказал, устрашенный: «Я царскому сну
Правдивое дать толкованье дерзну.
Но раньше мне дай нерушимый обет,
Дай клятву, которой священнее нет,
Что если поведаю истину я,
На нас не обрушится кара твоя».
Поклялся владыка жрецов не казнить,
Безвинных в несчастьи своем не винить.
Мобед, умудренный познаньями муж,
Известный своим красноречьем к тому ж,
Промолвил: «Могучий владыка земли,
Разгадку тебе я открою, внемли.
Готовься теперь наяву увидать
Иранских воителей грозную рать.
Несется воинственный вождь перед ней,
Средь мудрых, войной закаленных мужей;
Светлее звезда не сияла ничья.
Погублена будет держава твоя.
Когда с Сиавушем завяжешь войну,
Ты кровью затопишь родную страну.
Тебе с ним соперничать будет невмочь,
Тебя из державы изгонит он прочь.*

А если тебе победить суждено,
Турану спасения нет все равно.
В возмездье за смерть Сиавуша страна
Разрушена будет, дотла сожжена.
Когда истребят ее пламя и меч,
Мою ты припомнишь правдивую речь.
Хоть птицей сквозь тучи стреми свой полет,
Тебе не осилить вертящийся свод;
Как раньше вращаться он будет и впредь,
То лаской светиться, то гневом гореть».
Внимает владыка, тревогой пронзен,
Уж в битву идти не торопится он.
Пророчество брату открыв своему,
Зловещую тайну поведав ему,
Сказал он: «Коль против царевича рать
Не двину — не станет он мщенья искать;
В бою не погибну и он не падет,
От распрей кровавых народ отдохнет;
Не станет сражаться со мною Кавус,
И мир не наполнится смутой. Клянусь:
Забуду земель покоренье, бои,
Лишь к миру отныне стремленья мои!
Пошлю Сиавушу немало добра,
Алмазов и золота, и серебра.
Был мир Менучехром-царем разделен *
Не поровну: долю взял меньшую он.
Теперь возвращу я уделы,что встарь
Мне сам уступил добродетельный царь.
Быть может, я средством таким отведу
Над нами нависшую злую беду.
Я щедростью грозной судьбине глаза
Закрою: быть может, промчится гроза.
Приемлю все то, что назначил мне рок:
Да всходит посеянный небом росток!».

[*Афрасьяб советуется со знатью*]

Вращаясь, полкруга свершил небосвод,
Взошло лучезарное солнце, и вот
Вожди-венценосцы туранской земли,
Как верные слуги, к владыке пришли.
И долго с вождями держал он совет.
Мужам многоопытным, видевшим свет,
Такие слова властелин говорил:
«Доселе мне жребий лишь войны дарил.
Немало убито рукою моей
В Иране отважных и славных мужей.
В пустырь обратил я немало садов,
Немало в крови потопил городов,
Немало долин, став добычей беды,
Набегов моих сохраняют следы.
Когда кровожадны владыки, во мгле
Скрывается счастье на этой земле:
Онагры степные в свой срок не родят,
И сокол выводит слепых соколят;
У серн молоко иссякает в сосцах,
И воды мутнеют в нагорных ключах,
И в руслах ручьям высыхать суждено,
И мускусу благоухать не дано,
И стонет народ от жестоких обид,
И кривда безжалостно правду теснит.
Пресытилось сердце войною и злом,
Отныне мы праведный путь изберем.*
Несчетные блага польются рекой,
На землю сойдет долгожданный покой.
Мы людям дадим отдохнуть от тревог,
И смерть застигать их не будет врасплох.
В Туране, в Иране — владенья мои,
Закон для владык — повеленья мои.

Две трети земли мне богатую дань*
Несут ежегодно: сильна моя длань!
К чему мне война? Лишь услышу от вас
Согласье — с Ростемом снесусь я тотчас,
Пошлю Сиавушу письмо и дары,
Чтоб в мире мы зажили с этой поры».
Раздался в ответ одобрения шум,
Все славят царя миролюбие, ум:
«Ты царь наш, а каждый из нас — твой слуга,
И воля владыки нам всем дорога».
Расстались, для радости души раскрыв,
Заботы откинув и страх позабыв.
Тогда Герсивезу сказал Афрасьяб:
«В дорогу тебе собираться пора б!
Две конные сотни с собою бери,
Без устали мчись от зари до зари.
Ты должен вождю Сиавушу во стан
Богатых даров отвезти караван:
Вези златоуздых коней молодых,
Булаты из Хинда в ножнах золотых,*
Венец, излучающий блеск жемчугов,
С коврами богатыми сотню вьюков.
Две сотни рабов и рабынь подари,
Учтиво, приветливо с ним говори.
Скажи от меня: «На Иран нападать
Не думает вовсе туранская рать.
Одну Согдиану моею считай:
От брега Джейхуна до Чина — мой край.
Тур ярый и Сельм в прошлом начали спор, *
Вверх дном и пошло все на свете с тех пор.
Иреджа невинная кровь пролилась,
И ярость в сердцах у иранцев зажглась.
А были Иран и Туран сплочены,
Не ведал никто ни вражды, ни войны.

Но должно надеяться нам на творца,
К согласью и счастью вернет он сердца.
Тебя из Ирана недаром сюда
Привел он: да сменится дружбой вражда!
Пусть миром звезда твоя мир озарит,
Век распрей и злобы да будет забыт!
Слова Герсивеза услышь, и в ответ
Дай мудрою мыслью внушенный совет:
Не лучше ль раздел совершить нам, как встарь*
Свершил Феридун, прозорливейший царь?
Мы этим бы путь заградили беде,
Конец положили старинной вражде.
Ты царь, и владыке ты мог бы внушить,
Что пламя раздора пора потушить».
Затем и Ростема ты к миру склони,
Все средства для цели благой примени.
Чтоб дружбу он принял и не был суров,
Ему не жалей драгоценных даров.
Лишь трон не дари, не царем он рожден;
Иметь не пристало Могучему трон».*

[*Герсивез прибывает к Сиавушу*]

Идет с Герсивезом даров караван.
Их блеском, ты скажешь, весь мир осиян.
Дошел до Джейхуна, идя все быстрей.
И выбрав из доблестных богатырей
Посланца, ему Герсивез повелел
Известье доставить. Гонец полетел
И волны реки пересек на челне,*
И вот уж он в Балхе, на той стороне.
Едва до вождя Сиавуша дошла
Нежданная весть о прибытьи посла,
Ростема призвал Сиавуш, и одни

Оставшись, ту весть обсудили они.
И вот Герсивез именитый вошел.
Дорога открыта, подходит посол
К престолу. Сын шаха иранского встал,
Являя учтивость, его обласкал.
Пал ниц Герсивез, лобызает он прах —
Его обуяли смущенье и страх.
У трона его Сиавуш усадил,
Приветствовал, об Афрасьябе спросил.*
Дивит ослепленного богатыря
Величье того молодого царя.
Внимает Ростем обращенью посла:
«Лишь весть о тебе к Афрасьябу пришла,
Мне мчаться велел он, не медля в пути,
Дары от него венценосцу везти».
Тут знак подает Герсивез-исполин,
И вот уж дары пред главою дружин.
До двери дворца от ворот городских —
Рабов вереницы, коней дорогих,
В коронах рабы, в кушаках золотых,*
Рабыни в запястьях, в серьгах золотых,
Динары, престолы, венцы без числа.
Их мысль бы измерить и счесть не могла.
Глядит на посланца, лицом прояснясь,
И внемлет ему благосклоннее князь.
Ответил Могучий: «Семь дней проведем
В весельи, а там и решенье найдем.
Обдумаем просьбу царя, на совет
Мужей созовем и составим ответ».
Склонясь до земли, лобызая престол,
Хвалой отвечал хитроумный посол.
Готовят высокому гостю покой,
Украшенный золототканной парчой,
И слуг посылают к нему. Между тем

Вдвоем с Сиавушем остался Ростем.
Раздумывать стали над речью посла:
Предвестие блага она или зла?
Сомненье закралось Могучему в грудь:
Зачем столь поспешно свершил этот путь
Туранец? И вот средь ночной темноты*
Расставлены всюду дозорных посты.
Ростему затем Сиавуш говорит:
«Верь, будет их умысел нами раскрыт.
И если коварством туранец ведом,
От этой отравы мы средство найдем.
Сто знатных туранцев из царской родни
В письме перечисли: пусть будут они
Отправлены к нам, как надежный залог.
Избавится сердце тогда от тревог.
Поймем, не притворно ли к миру он звал,
За мирной завесой не скрыт ли кимвал?
Залогом таким успокоив сердца,
Мы верного к шаху направим гонца.
Владыка, услышав подобную весть,
Быть может, забудет кровавую месть».
Ростем отвечал: «Твой разумен приказ,
Без этого мир невозможен для нас».

[*Сиавуш заключает договор с Афрасьябом*]

Наутро туранец, покинув покой,
Корону надев и кушак золотой,
Пришел к Сиавушу, к престолу припал,
Хвалой молодого царя осыпал.
Спросил Сиавуш: «Многошумная рать
В ночи не мешала ль тебе почивать?»
И после сказал: «Речь мне в душу твоя

Запала: немало раздумывал я.
К решенью мы оба пришли, наконец, —
Возмездия жажду изгнать из сердец.
Пошли Афрасьябу ответ: „С этих пор
Да будет окончен воинственный спор!
Кто дела недобрый конец разглядел,
Прозрев, от недобрых откажется дел.
Коль правдой и мудростью дух твой богат,
Обрел ты сокровищ невиданный клад.
Когда не таится отрава в меду
И в сердце не прячешь ты месть и вражду,
И верен ты клятве священной своей —
Пришли мне из родичей сотню мужей
Знатнейших, известных Ростему: сполна
Тебе перечислит он их имена.
Когда мне отдашь ты в заложники их —
Докажешь правдивость обетов своих.
А также из градов иранской земли,
Что ранее в руки к тебе перешли,
Ты должен в Туран отвести свою рать
И впредь нападений на них не свершать.
Пусть правда и мир воцарятся навек.
Не должен быть лютым, как тигр, человек.
Весть шаху отправлю: быть может, смягчен,
Войска отзовет без сражения он“».
Гонца Герсивез посылает: «Лети,
Будь вихрю степному подобен в пути!
Расстанься с покоем, не думай о сне,
Несясь к Афрасьябу на быстром коне.
Скажи, что, с пути не свернув ни на миг,
Я цели желанной счастливо достиг.
Сказал Сиавуш: будет мир заключен,
Но сотню заложников требует он».
И воин в пыли непроглядной исчез,

Известье везя, что послал Герсивез.
Был царь озадачен известьем таким,
Сомненьями тяжкими втайне томим,
Он мыслил: «Что если уловки одни
Все это, и сотню мужей из родни
Утрачу? Тогда пораженье грозит,
Без верных помощников буду разбит.
Но если заложников дать откажусь —
Лжецом я в глазах у него окажусь.
Решусь на уступку пойти; ведь иной
Согласья достигнуть не сможем ценой.
Приму, не отвергну рассудка совет,
Быть может, спасусь от нагрянувших бед».
И сотне мужей, что Могучий назвал,
Он тотчас отправиться в путь приказал.
Царю молодому иранской земли
Немало сокровищ они повезли.
Кимвал загудел, трубный слышится вой,
Снят с места державный шатер боевой.
Чач, Согд, Самарканд, Бухару, Сепиджаб, *
И земли и трон — бросил все Афрасьяб;
Предлогов и хитростей он не искал,
Не медля, с дружинами в Канг ускакал.*
Как только тот слух до Ростема дошел,
Он ожил, покой долгожданный обрел.
Стремительней ветра спешит он принесть
Царю Сиавушу отрадную весть.
И молвит: «Идет наше дело на лад,
Дозволь Герсивезу вернуться назад».
Дары приготовить велел Сиавуш:
Оружье, венцы, кушаки и к тому ж
Коня, что поспорить и с вихрем бы мог,
И в ножнах блестящих индийский клинок
Обрадован даром богатым таким

Посол — будто месяц блеснул перед ним.
В восторге он князю хвалы расточал;
Ты скажешь, по воздуху конь его мчал.

[*Сиавуш посылает Ростема к Кавусу*]

Трон кости слоновой блестит во дворце,
На нем Сиавуш в драгоценном венце.
Так вымолвил он: «Обозрев нашу рать,
Нам витязя должно такого избрать,
Который умен, красноречьем богат,
Чьи речи, быть может, царя убедят».
Могучий в ответ: «Где такого найти?
Кто шаху дерзнет эту весть отвезти?
Все тот же, что ранее был, Кей-Кавус,
Еще невоздержанней он, поклянусь.
Не лучше ли к шаху отправиться мне,
Открыть ему истину наедине?
Коль будет веленье тобою дано —
Помчусь я, в том вижу лишь благо одно».
По сердцу та речь Сиавушу была,
Искать уж не стал он другого посла. *
Советуясь, долго сидели вдвоем
Могучий Ростем с именитым вождем,
И после призвали писца, и ему
Тотчас приступить повелели к письму.
Восславил в начале послания вождь
Того, кто дарует отвагу и мощь:
«Создатель сознания, разума, сил,
Он мудростью души людей просветил
Ему неподвластного нет существа,
А тот, кто преступит завет божества
Суровую кару судьбы понесет.

Оплот благоденствия, правды оплот,
Небесных светил всемогущий творец,
Да благословит он твой трон и дворец,
О царь многославный, владыка владык.
Да будешь ты вечно могуч и велик!
К добру неизменно указывай путь,
Опорою правды и разума будь!
Я Балха весною победно достиг,
Мне счастье являло смеющийся лик.
От вести такой Афрасьяба вино
Вдруг сделалось в чаше хрустальной черно.*
Тогда, устрашенный нависшей бедой,
Поняв, что покинут благою звездой,
Навстречу с дарами он брата прислал,
Рабынь, облаченных богато, прислал.
Тебя умоляет о милости он,
Верховный венец уступает и трон.
Твое признает превосходство над ним.
Довольствуясь царством туранским одним, *
На землю Ирана не ступит он впредь,
Не будет враждою и злобой гореть.
Сто родичей знатных в залог он прислал.
К тебе именитый Ростем поскакал
Просить, чтобы внял ты смиренной мольбе
Того, кто явил дружелюбье тебе».
И мчится Могучий к владыке царей
С блистающим стягом, с дружиной своей.
Меж тем от вождя Сиавуша назад
Вернулся к владыке туранскому брат,
Поведал ему об иранском вожде:
Владыки подобного нет, мол, нигде.
Красы ослепительной, скромен, стыдлив,
Исполнен отваги, умен, прозорлив.
Снискал бы он в каждом бою торжество;

Ты скажешь, сам разум взлелеял его!».
Царь молвит с улыбкой: «Цель наша ясна,
Согласье нужнее теперь, чем война.
Во сне увидал я со страхом в груди:
Не взлет, а падение ждет впереди.
Отыскивать средства я начал тогда,
Чтоб нас миновала лихая беда;
Скупиться не стал, посылая дары, —
Идет все, как должно, до этой поры».

[*Ростем вручает Кавусу послание Сиавуша*]

Как буря простор покоряя, меж тем
К владыке Ирана примчался Ростем.
С поклоном вступил во дворец исполин,
Навстречу ему поднялся властелин,
С приветом в объятья его заключил,
О здравьи, о близких, о войске спросил,
О ходе боев, нападений, засад,
Спросил, отчего воротился назад?
Рассказ о делах Сиавуша ведет
Ростем, и посланье царю отдает,
Лишь строки, что мудрый писец прочитал,
Царь выслушал — тучи темнее он стал.*
Ответил Ростему: «Пусть юный мой сын
Еще не изведал суровых годин,
Но ты-то, над кем столько лет протекло —
Муж зрелый, познавший и благо, и зло.
Безмерно тебя превозносит молва,
Отвагою в битве затмишь ты и льва.
Ужели забыл ты, став памятью слаб,
Как сон и покой наш унес Афрасьяб?
Мне рать подобало вести самому!

Я рвался навстречу врагу своему,
Меня удержали, упорно твердя:
Уместней послать молодого вождя.
Чтоб быть справедливым возмездье могло,
Лишь злом воздавать подобает за зло.
А вы, на проклятые эти дары
Польстившись, к противнику стали добры!
У вас же добытое силой добро
Вам дарит — опутал вас недруг хитро!
Прислал худородных и жалких в залог —
Назвать и отца ни один бы не смог!
А сам и не вспомнит о них никогда,
Они для него — что в канаве вода.
Пускай вы покинули доблести путь,
Но я от сражений не рвусь отдохнуть.
Туда, где раскинул свой стан Сиавуш,
Помчится разумный, испытанный муж
С таким повеленьем: „Покорствуя мне,
Надень на заложников цепи. В огне,
Сожги все дары и по ветру развей,
Смотри, ни к чему прикоснуться не смей!“ —
Туранцев ко мне ты отправишь затем,
Велю отрубить я им головы всем.
А сам, распалив жажду мести в груди,
С дружиной своей на Туран нападй.
Обрушьте на недругов лютый свой гнев,
Как волки, на стадо ягнят налетев!
Когда занесешь ты губительный меч
И станешь селения грабить и жечь —
Встревоженный, чуждый покою и сну,
Начнет Афрасьяб поневоле войну».
Ему отвечает Могучий: «О царь,
Заботою сердце себе не мытарь.
Совет мой послушай, а там и решай:

Тебе ведь покорны и войско и край.
Не ты ль говорил: „На врага наступать
Не должно, на месте удерживай рать.
С ордою своей не замедлит он сам
Джейхун пересечь и направиться к вам".
Я ждал наступления вражеских сил,
Но дверь примирения недруг открыл.
Коль ищут согласья и мира с тобой,
Не должно кидаться в неистовый бой.
К тому же верны обещаньям князья, *
Поправшего клятву осудят друзья.
Положим, царевич, враждой обуян,
В кровавых боях разгромил бы Туран,
Ты что приобрел бы?—Престол и печать,
Ирана богатство, покой, благодать...
Всего ты достиг, для чего же война?
Да будет душа твоя света полна!
А если бы мы обманулись, когда б
Решился обет преступить Афрасьяб —
Что ж, мы не устали от грохота сеч!
Все те же и львиная хватка и меч.
Ты с сыном в Иране на троне златом
Сиди, не печалься, прошу, ни о чем.
С дружиной забульскою вихрем примчась,
Я вражий престол ниспровергну тотчас.
Взмахну булавой Афрасьябу на страх —
Дрожь схватит его, потемнеет в глазах.
Мы с ним не однажды встречались в бою.
Захочет — вновь мощь испытает мою.
Не требуй, чтоб клятву нарушил твой сын,
На душу греха не бери, властелин.
Открыто скажу я — таиться к чему ж?—
Обет не нарушит твой сын Сиавуш.
Твое повеленье, душой возмутясь,

Сурово отвергнет прославленный князь.
Сыновнее сердце, о царь, не терзай:
Сам после ты горько раскаешься, знай!»

[*Кей-Кавус отсылает Ростема в Систан*]

Речь выслушал царь, и сверкнули глаза,
И гнева его разразилась гроза.
Ростему сказал повелитель земли:
«Я речь поведу откровенно, внемли.
Внушил ему это решение ты,
Виной, что забыл он о мщении — ты.
Ты думой о благе своем поглощен,
Не ищешь возвысить державу и трон.
Останься, а Тус-полководец пойдет
С дружиной, с литаврами в ратный поход.
Отправлю я в Балх верхового гонца
Со словом суровым царя и отца.
А если веленье мое Сиавуш
Отвергнуть решится, то дерзостный муж
Пусть рать предводителю Тусу вручит,
А сам с приближенными к нам поспешит.
Я с ним по заслугам тогда поступлю,
Подобной строптивости не потерплю!
И другом тебя уж не стану я звать,
Не будешь ты впредь за меня воевать».
Во гневе воскликнул Ростем: «Небосвод,
И тот на Могучего не посягнет!
Тус, правда, Ростема воинственней — все ж*
Подобных Ростему едва ли найдешь!»
И тотчас Ростем покидает царя,
Насупившись, негодованьем горя,
Приказ отдает, и снимается стан,
И мчится Могучий с дружиной в Систан.

А шах предводителя Туса призвал,
Собраться в далекий поход приказал.
Ему торопиться велит Кей-Кавус.
Дружину скликает литаврами Тус,
И каждый воитель готовится в путь,
Себе говоря: «О покое забудь!»

[*Ответ Кей-Кавуса*
на послание Сиавуша]

Посланца избрал Кей-Кавус и ему
В дорогу велел собираться. К письму
Спеша приступить, он писца подозвал,
Сиденье у трона ему указал.
Враждою и гневом посланье полно,
Подобно стреле острожалой оно.
Царь славил вначале создавшего мир:
«Того, кто войну посылает на мир,
В чьей власти Луна и Бехрам, и Кейван,
Чьей милостью царский престол осиян,
Чьей волей над нами вращается свод
И солнце лучи животворные шлет.
Ведом негасимой своею звездой,
Ты здрав будь и счастлив, мой сын молодой!
Ужели завет мой ты ныне забыл,
Ужели угас твой воинственный пыл?
Врага ты жалеешь, а мало ли бед
На нас он обрушил в дни прежних побед?
Не вздумай искать примирения, край
В пучину несчастия вновь не ввергай.
Поддавшись по младости лет на обман,
Ты участи горькой обрек бы Иран!
Немедля пришли ты заложников нам,
Их крепко связав по рукам и ногам.
Не диво, что хитрому веришь врагу,

Об этом судить по себе я могу:
Поддавшись обманчивым, льстивым речам,
Не раз от войны отступался я сам.
Послал я тебя не мириться, а мстить,
Ты ж царскую волю дерзнул преступить!
Красавицам думы твои отданы —
Недаром стремишься избегнуть войны!
Дарами врага соблазнился Ростем —
Должно быть, его не насытить ничем!
А ты, возмечтавший о мире юнец,
Надеешься, верно, на царский венец?
Мечом проложи к благоденствию путь!
Чтоб царствовать — завоевателем будь!
Тус храбрый к тебе с удальцами спешит,
Тобой несвершенное он совершит.
Заложников ты, — супостату на страх,
Ко мне отошли на ослах, в кандалах.
Когда примиришься с врагом — небосвод
В возмездье пошлет нам немало невзгод.
В Иране о тяжкой напасти такой
Узнают, и смута нарушит покой.
На поле сражения выведи рать
И долее слов бесполезных не трать!
Взрывая воинственным грохотом тишь,
Прах черный в кровавый Джейхун обратишь,
И царь Афрасьяб позабудет о сне:
Его нападеньем принудишь к войне.
А если жалеешь заклятых врагов,
Злоречием их устрашен,— будь готов
Рать Тусу вручить и вернуться в свой дом,
Но впредь недостоин ты зваться бойцом!».
К письму приложили владыки печать,
Гонцу повелели послание мчать.
Доставлено князю посланье. Едва

Прочел он суровые эти слова,
Гонца подозвал и расспрашивать стал,
И многое тот Сиавушу сказал:
С Ростемом о чем говорил Кей-Кавус,
Как гневался яро, как призван был Тус.
Князь сумрачно повествованью гонца
Внимал, оскорблен за Ростема-бойца.
В глубокое впал он раздумье: как быть?
Царя ли ослушаться, клятву ль забыть?
Себя вопрошает он: «Сотню бойцов,
Знатнейших туранской страны храбрецов
Ужели владыке я выдать решусь?
Раздумывать долго не станет Кавус.
Несчастных, ни в чем не повинных, тотчас
Повесить прикажет он, разгорячась.
Как вымолю после прощенье творца?
В ответе мне быть за жестокость отца!
И если войною без важных причин
Пойду на владыку туранских дружин,
Меня покарает создатель миров,
И суд соплеменников будет суров.
Когда же к царю во дворец ворочусь
И войска главою останется Тус,
От грозного шаха пощады не жди —
Смерть справа и слева, и смерть впереди.
Злокозненной также страшусь Судабе...
Кто знает, какой обречен я судьбе?».

[*Сиавуш совещается с Бехрамом и Зенге*]

Воззвал он о помощи к богатырям,
Которые звались Зенге и Бехрам.
С тех пор как дружину покинул Ростем,
Во всем доверялся он витязям тем.
Других из шатра своего удалив,

Воителей рядом с собой усадив,
Князь вымолвил: «Шлет мне, вражды не тая,
Беду за бедою судьбина моя.
Всегда благосклонный и ласковый шах,
Чье щедрое сердце — что древо в плодах,
Попался в силки Судабе, и оно,
Сказал бы ты, стало отравы полно.
Как в мрачной темнице, в покоях ее
Поблекло цветущее счастье мое.
Гнев сердце отцовское вдруг охватил —
Такое мне рок испытанье судил!
Позору тогда предпочел я войну,
Я думал: от грозной беды ускользну.
Балх полон был вражеских мощных дружин,
Которые вел Герсивез-исполин,
А в Согде стоял Афрасьяб со своей
Воинственной ратью в сто тысяч мужей.
Мчась бурно и днем, и под пологом тьмы,
Врагу не давали опомниться мы.
Покинуть пришлось нашу землю врагам,
Прислать и дары, и заложников нам.
И все согласились мобеды со мной,
Что должно покончить с кровавой войной.
Коль шах увеличить богатства хотел,
Расширить иранского царства предел —
Всего он добился: к чему ж воевать
И мщения жаждать, и кровь проливать?
Кто б худшее лучшему мог предпочесть,
Когда хоть немного в нем разума есть?
Царил Кей-Кобад, но с престолом своим
Расстался и царство оставил другим...
Но я Кей-Кавусу не смог угодить,
Он стал наносить мне обиды, грозить.
К войне принуждает меня Кей-Кавус,

Но клятвопреступником стать я страшусь.
Кровавая мне ненавистна стезя,
Заветы отцов мне отринуть нельзя.
На гибель меня в двух мирах он обречь
Задумал, — в силки Ахримана завлечь.
Кто знает, победа кому суждена,
Коль грянет неправая эта война?
Уж лучше б я матерью не был рожден
Иль был бы на раннюю смерть осужден,
Чем столько страдать, не изведав отрад,
Вкушая на свете лишь гибельный яд!
Ты скажешь, высокое древо взросло,
Чьи листья и смоквы — отрава и зло...
Я клятвой священной скрепил договор
Клялся всемогущим Йезданом. Позор
Падет на меня, грянет множество бед,
Когда вероломно нарушу обет.
Меня за обман, столь бесчестный и злой,
Заслуженной люди осыплют хулой.
По свету о том разнесется молва,
Что предан был мною Турана глава.
Зов чести отвергнув, идти мне войной,
Презреть небеса для корысти земной?
Того не одобрит создатель миров,
Суд рока всевластного будет суров.*
Пойду отыщу уголок на земле,
Укроюсь от шаха, исчезну во мгле.
Жизнь наша то света полна, то мрачна —
Во власти творца мирозданья она...
Труд тяжкий возьми на себя, исполин
Зенге, Шаворана прославленный сын!
Спеши к Афрасьябу, и днем, и в ночи
Без отдыха, без остановки скачи.
Заложников всех и Турана дары:

Престолы, венцы, самоцветы, ковры
Доставь и владыке вручи самому,
Про все, что случилось, поведай ему.
Бехрам, сын Гудерза, о слава мужей!
Войска и защиту родных рубежей,
Слонов, и литавры, и княжий шатер
Я власти вверяю твоей до тех пор,
Пока не прибудет с дружиною Тус.
Ему передай ты и войско, и груз.
По счету пусть будут ему вручены
Престолы, венцы и богатства казны».
Узнав, что задумал свершить Сиавуш —
В смятеньи Бехрам, полный доблести муж,
И Хамаверан проклиная в тоске,
Льет слезы кровавые славный Зенге.
В тоске на царевича оба бойца
Глядят; обливаются кровью сердца.
Бахрам отвечает: «Не прав ты, о князь!
Приюта не сыщешь, с отцом разлучась.
Посланье пиши, убеди ты царя
Вернуть оскорбленного богатыря.
Шлет в битву родитель — ты должен идти.
Коль миг не упустишь, все можно спасти.
Беды еще нет, проясни только взор;
Прощенья просить у отца — не позор.
Заложников вышли вдогонку письму —
Рассеешь ты в сердце властителя тьму.
А если заложников жаль — отпусти.
Кто выдаст тебя? Пусть исчезнут в пути.
Нет боли, которой нельзя исцелить.
Велит он борьбу с неприятелем длить —
Царю покоримся, не спорить же с ним!
Туранскому войску разгром учиним.
Будь ласков с отцом, колебанья забудь!

К отцовскому сердцу отыщешь ты путь.
Опомнись, во мрак не ввергай наши дни.
Раскинулось древо величья, взгляни!
Его ты иссушишь упорства огнем,
Но после ты кровью заплачешь о нем.
Себя не лишай ты престола, венца,
И войска, и царских шатров, и дворца.
Властителя нрав — что огонь; ничего
Не значат хула и угрозы его.
А если иное сулил небосвод,
Что делать? Никто от судьбы не уйдет».
Но мудрых советов он слушать не стал,
Не то ему горестный рок начертал.
Ответил он: «Воля владыки страны,
Нет слов, выше солнца и выше луны.
Но воля Йездана — превыше, она
Над всем — от былинки до льва и слона.
Кто воли Йездана ослушался, тот,
Во тьме заблудившись, пути не найдет.
Ужель два народа я ввергну в войну
И руки в безвинную кровь окуну?
Шах в гневе, нужна ему пленников кровь.
Минувшим меня попрекает он вновь.
Покинуть мне поле сражения? Рать
С врагом не столкнув, пред владыкой предстать?
Обрушит он ярый свой гнев на меня
И дух мой повергнет в пучину огня.
Коль сердце вам замысел мой омрачил,
Приказ мой исполнить не сыщется сил —
Сам буду себе и посол, и вожак.
Здесь, в поле оставлю и ставку, и стяг.
Наград от меня вы не можете ждать,
К чему же вам службой себя утруждать?».
От тех укоризненных княжеских слов

Стеснились сердца именитых бойцов.
Рыдали они, изнывая, томясь
От мысли, что хочет покинуть их князь.
Предвидели множество тяжких невзгод,
Какие с Кавусом разрыв принесет.
И чуяло сердце — не свидеться впредь:
Как слезы не лить и душой не гореть!
«О князь,— восклицает Зенге, — мы верны,
К тебе неизменной любовью полны.
Обет нерушимый приносим, любя:
Бестрепетно жизнь отдадим за тебя».—
Доволен ответом, дружины глава
К Зенге обращает такие слова:
«Спеши властелину Турана отнесть
О горьких моих злоключениях весть:
Себя ради мира обрек я войне,
И счастье твое стало гибелью мне.
Я клятву сдержал и с пути не сошел,
Хоть знаю: за это утрачу престол.
Йездан всемогущий — мне щит и оплот,
Престол мне — земля, мой венец — небосвод.
Ослушником стал я царю своему,
Могу ли теперь воротиться к нему?
Меня через земли свои пропусти
Туда, где смогу я приют обрести.
В стране отдаленной, безвестной свое
Хочу от Кавуса укрыть бытие,
Уйти от хулы, от жестоких обид,
Которыми шах разъяренный грозит».

[*Зенге отправляется к Афрасьябу*]

Зенге опечаленный двинулся в путь.
Заложников знатных спешил он вернуть,
И с ними даров драгоценных обоз,

Что раньше посол Афрасьяба привез.
И вот он столицы туранской достиг.
Тут с вышки вгляделся дозорный, и крик,
Прибытье посла возвещавший, исторг.
Навстречу пришел знатный витязь Товорг.*
Как только Зенге к Афрасьябу вошел,
Властитель Турана покинул престол,
Воителя крепко в объятиях сжал,
Приветствовал, рядом с собою сажал. *
И витязь послание отдал сперва,
Затем повторил Сиавуша слова.
Был вестью такой Афрасьяб потрясен,
Исполнился гнева и горести он.
Посла повелел он в покой поместить,
Как должно, его обласкать и почтить,
А сам предводителя рати зовет.
Мгновенно предстал пред властителем тот.
С премудрым Пираном оставшись вдвоем,*
Его Афрасьяб известил обо всем:
О шахе, что столь неразумен и слеп
И жаждет войны, неуемно свиреп;
И как он обходится с сыном родным,
Поведал ему, возмущеньем палим;
Затем о прибытьи Зенге-храбреца
Сначала он все рассказал до конца.
«Что делать? — спросил он,— Давать ли обет,
Дорогу пред ним открывать или нет?»
«Владыка! — ему отвечает Пиран —
Да будешь ты счастьем весь век осиян!
Ты разумом нас прозорливей, мудрей,
Богаче казною, могучей, храбрей.
В познаньях никто не сравнится с тобой —
Столь щедро, о царь, одарен ты судьбой!
Знай, каждый, кто милости властен дарить,

Добро и открыто, и втайне творить,
Для князя, чей столь многотруден удел,
Ни злата б, ни помощи не пожалел.
К тому ж, говорят, среди знатных земли
Царевича верно нигде б не нашли
Прекрасней, стройнее, спокойней его,
Учтивей, скромнее, достойней его.
Не только он родом высок — по уму,
По доблести в мире нет равных ему.
Увидев его, убедишься, пленясь:
Недаром на свете прославился князь.
Да если б заслуг он других не имел —
Лишь ту, что вступился, разгневан и смел,
За сотню туранцев, восстал на отца,
Лишился престола, лишился венца —
Ему не должна ли туранская знать
В среде своей место почетное дать?
Коль будем велению чести верны,
Его не отпустим из нашей страны.
К тому ж постарел Кей-Кавус, и престол
Покинуть властителю срок подошел.
Князь молод и блеском царей озарен,
Верховный престол унаследует он.
Осудит тебя каждый доблестный муж,
Обиду в душе затаит Сиавуш.
Ему, по веленью высокой души,
Послание мудрое ты напиши.
Приют благородному юноше дай,
Как сына родного, его обласкай.
Пусть в нашей державе покой обретет,
Пусть должный его окружает почет.
Дочь дай ему в жены, исполнив обряд.
Средь милостей пусть он живет, средь услад.
И край твой родимый душой возлюбя,

Быть может, останется он у тебя.
А если вернется к родителю сын,
Умножится слава твоя, властелин;
Признателен будет владыка владык,
Услышишь хвалу ото всех, кто велик.
Сюда, знать, привел Сиавуша творец,
Чтоб войнам пришел долгожданный конец.*
Чтоб странам обеим опять процветать;
Всесильна святая его благодать!»
Когда отзвучали Пирана слова,
Над ними задумался царства глава:
То благо провидел в грядущем, то зло...
И долго в безмолвии время текло.
Пирану седому сказал он в ответ:
«Ты прав, о мудрейший, сомнения нет.
Меж славных мужей, закаленных в бою,
Кто доблесть и славу затмил бы твою?
Но мне не забыть многозначащих слов,
Что слышал я раньше из уст мудрецов:
„Коль вырастишь львенка, уму вопреки,
Поплатишься: когти его и клыки
Окрепнут. Исполнится ярости он
И кинется вдруг на того, кем взращен“».
На это ответ у Пирана готов:
«Рассудку внемли, повелитель бойцов!
Пусть злобен отец, если сын не в отца,
Возможно ль злонравия ждать от юнца?
Ужели не знаешь: Кавус одряхлел,
Уж близится старческой жизни предел.
Князь будет владыкой огромной страны,
Наследственных замков, богатой казны,
И станут твоими престолы двух стран.
Кто в мире был счастьем таким осиян?»

[*Послание Афрасьяба Сиавушу*]

Пиранова речь убедила царя.
Разумным решением дух озаря,
Писца подозвал он, видавшего свет,
И стал Сиавушу готовить ответ.
Когда повелитель уста разомкнул
И в амбру писавший перо окунул,*
Во славу создателя мира сперва
Хвалебные сказаны были слова:
«Вне времени он, вне пространства. К нему
Пути не сыскать никакому уму.
Взлелеян им каждый мыслитель, мудрец.
Души и рассудка людского творец,
Да бодрствует он над твоим бытием!
Да славится в мире твой меч и шелом,
О князь, чья душа непорочна, светла,
Чужда вероломству, свободна от зла!
Я выслушал все, что сказал исполин
Зенге, Шарована прославленный сын.
Тебе сострадаю, душою скорбя;
Мне жаль, что разгневался шах на тебя.
Но если ты ищешь венец и престол —
А дальше бы мудрый в желаньях не шел,—
Все это тебя, многодоблестный, ждет
У нас: и богатство найдешь, и почет.
Тебя преклонением встретит страна;
Поверь, мне тобою любовь внушена.
Отныне отец я, ты — сын дорогой,
И сыну отец будет верным слугой.
Улыбок еще никогда, поклянусь,
Столь щедро тебе не дарил Кей-Кавус,
Сколь щедро я ныне тебе отомкну
И верное сердце свое, и казну.

Дворец подарю, а умру я — в стране
Останешься памятью ты обо мне.
Но если уйдешь — надо мною свой суд
Простые и знатные произнесут.
Дорога трудна, по такому пути
Лишь сила изедова может вести.
Пришлось бы о суше надолго забыть,
Чин-море пришлось бы тебе переплыть.
День счастья Йезданом дарован тебе,
Отрадный приют уготован тебе.
Твои здесь — богатство и царство, и рать,
И незачем край наш тебе покидать.
А если решишься мириться с отцом —
Престолом тебя наделю и венцом,
С дружиною мощной в Иран отряжу,
С любовью и лаской в путь провожу.
Не вечно ведь гневаться будет отец:
Он стар, утомится враждой под конец.
Ведь каждый, хоть пламени будь он подстать,
Угаснет, прожив шесть десятков и пять.
Ирана законным владыкою став,
Ты станешь главою двух мощных держав.
В свидетели ныне Йездана беру:
Душою и телом привержен добру,
Чинить тебе зло не дозволю, и сам
Я сердцу в тебе усомниться не дам».
И шах, наложив на посланье печать,
Зенге именитому в путь выступать
Велит, подарив ему много добра,
Алмазов, и золота, и серебра,
А также подобного вихрю коня.
Понесся воитель быстрее огня
И вскоре явился к вождю своему,
Что видел и слышал, поведал ему.

Царевич известию доброму рад,
Но дух его тайной печалью объят.
Врага суждено ему другом назвать,
Но может ли пламя живительным стать?
От недруга мудрые блага не ждут,
Его ублажать — зря затраченный труд.

[*Сиавуш вверяет войско Бехраму*]

Посланца к отцу отрядил он с письмом,
Правдиво в письме рассказал обо всем:
«Меня с юных лет добродетель влекла,
И сердце чуждалось порока и зла.
Изведал я, царь, твой неправедный гнев,
В том пламени грозном душою сгорев.
Мне горе в гареме изведать пришлось,
Немало я пролил сжигающих слез.
В костер меня ввергла жестокая длань,
Рыдала в степи обо мне даже лань.
От срама спасенья искал я в войне,
Дракона смирить посчастливилось мне.
В обеих державах о мире твердят
С восторгом, лишь сердце твое — что булат.
Тебя не смягчить мне! Уйду от одной
Беды — уж другая висит надо мной.
Я вижу, властитель, тебе я постыл,
Постылым к тебе воротиться нет сил.
Твоими да будут и счастье и власть!
Я с горя кидаюсь чудовищу в пасть.
Кто ведает, что мне сулит небосвод:
Суровую кару иль милость пошлет?»
Бехраму затем говорит Сиавуш:
«Прославь свое имя, о доблестный муж!
Я ныне тебе отдаю под надзор

Престол, и казну, и верховный шатер,
Слонов, и кимвалы, и войско, и стяг.
Лишь Тус, вновь назначенный шахом вожак,
Прибудет — в сохранности все передай.
Будь бдительным, витязь, будь счастлив. Прощай!»
Царевич три сотни избрал верховых,
Привычных к походам мужей боевых;
Немало собрал драгоценных камней,
С динарами множество взял кошелей.
В уборах сверкающих сотня юнцов
И сто златоуздых лихих жеребцов
Готовы в дорогу. При князе сполна
Сосчитаны кони, оружье, казна.
Затем он воителей славных созвал.
«Джейхун переплыв,— так он рати сказал,—
Сюда направляется знатный Пиран
Послом от царя, в чьем владеньи Туран.
Доверием высшим мужей облечен,
К нам с тайною вестью торопится он.
Я встречу посланца туранской страны,
А вы оставаться на месте должны,
Над вами начальствовать станет Бехрам,
Отныне его повинуйтесь словам».
Мужи, лишь умолк многодоблестный князь,
Склонились, веленью его подчинясь.
Лишь спряталось ясное солнце, и мгла
На землю остывшую тихо легла,
Ушел он к Джейхуну с дружиной своей;
Горячие слезы текли из очей.
И вскоре царевич Термеза достиг;
Украсился город, как вешний цветник.
И Чач облачился в нарядный убор,
Подобно невесте, пленяющей взор.
Разостланы в каждом жилище ковры,

Готовится снедь, задаются пиры.
Князь далее в Качар-Баши поскакал,*
Тот город становищем славному стал.
Тус к Балху меж тем подъезжает и там
Внимает, встревоженный, горьким вестям:
«Кавуса, владыки иранского сын
Бежал к властелину туранских дружин».
И рать отозвав, возвращается Тус,
И вскоре увидел его Кей-Кавус.
Раздался властителя горестный стон;
Лицом пожелтел он, известьем сражен.
В груди его пламя и влага в очах;
Порочит и сына, и недруга шах.
И думает: что же сулит ему рок?
С ним милостив будет иль будет жесток?
Сражаться властителю было невмочь,
И мысли о мщеньи откинул он прочь...
Меж тем о прибытьи царевича весть
В Туране спешат Афрасьябу принесть:
С дружиной приплыл и на берег сошел,
И в царский дворец им отправлен посол.
Царь почести гостю велит оказать,
Навстречу вести с барабанами рать.
С дарами знатнейших из близких своих
Пиран отрядил: ровно тысяча их.
С невиданной пышностью рать убрана.
Вот белых четыре ступают слона.
На первом сверкнул бирюзовый престол;
И стяг, словно гордое древо, расцвел
Фиалковый, золотом сплошь залитой.
И месяц на древке блеснул золотой.
Блестят позади три сиденья других,
В роскошной парче и коврах дорогих.
Из золота седла ста резвых коней,

На золоте — блеск многоцветных камней.
Все светится, будто на небе горя,
Сиянием мир заливает заря.
Лишь весть о прибытьи бойцов донеслась,
К ним тотчас навстречу направился князь.
Вот знамя сверкнуло, и клики слонов
Он слышит, и ржанье лихих скакунов.
В объятья царевич вождя заключил,
О царстве, о славном владыке спросил
И молвил: «Ты, верно, устал, исполин,
Так долго скача среди гор и долин?
Веселым и здравым тебя пред собой
Узреть я стремился, о славный герой!»
Прекрасного князя Пиран без конца
Целует в чело. Прославляя творца,
Воззвал он: «О ты, что премудр и велик,
И в каждую тайну, всевластный, проник.
Увидел бы счастье такое во сне —
И то возвратилась бы юность ко мне».
И молвит он князю: «Йездану хвала!
Ты здесь, невредимый, спасенный от зла!
Заменит отца для тебя Афрасьяб.
Здесь каждый, поверь мне, твой преданный раб.
Князей больше тысячи в близкой родне
Имею, покорных и преданных мне.
Владыкой будь наших богатств и держав,
Будь радостен духом и телом будь здрав,
Счастливо живи, без тревог и забот!
Служить тебе верно весь будет народ.
Достойным признаешь меня, старика —
Служить и моя тебе станет рука!».
И радостно двинулись оба вперед,
О том и об этом беседа течет.
Робабов и лютней разносится звон,

Уснувший и тот бы вскочил, пробужден.
И улицы мускусом напоены,
И словно на крыльях летят скакуны.
На это глядит Сиавуш, из очей
Слез гневных и горестных хлынул ручей.
Припомнил Забула, Кабула пиры,
Похмелье и песни веселой поры,
Когда пребывал он с дружиной своей
В гостях у Ростема, меж славных мужей.
Вот так осыпали их амброй в те дни,
Вот так по алмазам ступали они...
И вспомнился князю родимый Иран,
И тяжко вздохнул он, тоской обуян.
Томился, к отчизне душою стремясь,
Раскаяньем горьким охваченный князь.
От спутника он отвернулся, печаль
Скрывая. Пирану царевича жаль;
Он горе изгнанника сердцем постиг
И, грустно умолкнув, главою поник. *
Стоянку устроили в Качар-Баши,
Уселись, и льется беседа в тиши.
На юного князя взирает Пиран:
Как лик его светел, а стан — что платан!
Прекрасным невольно любуется он,
Йездановo имя твердит, восхищен,
И так говорит Сиавушу: «Внемли,
Наследник былых властелинов земли!
Трех свойств обладатель, втройне ты велик,
Нет качеств подобных у прочих владык.
Вот первое — истину я говорю —
Во всем ты подобен Кобаду-царю.
Второе: отважен, свободен твой дух,
Ты речью правдивою радуешь слух.
А третье: людей ты влечешь добротой,

Сердца оживляет взор ласковый твой».
Пирану в ответ говорит Сиавуш:
«О старец почтенный, правдивейший муж,
Чья добрая слава весь свет обошла,
Чье сердце не знает коварства и зла!
Когда поклянешься мне в верности — я,
Поверив, что клятва священна твоя,
Останусь, как будто в родимом дому,
Себя милосердью вручу твоему.
Клянись, что окончится это добром,
Что каяться мне не придется потом,
Не то — через земли свои пропусти,
В другую страну укажи мне пути».
Пиран отвечает: «Сомненья отбрось!
С Ираном тебе разлучиться пришлось,
Так бойся любовь Афрасьяба-царя
Отвергнуть; твердишь об уходе ты зря.
Хоть царь повсеместно молвой осужден,
Ей верить не должно: муж праведный он.
Высоким умом одарен властелин,
Не станет обиды чинить без причин.
Советник я, первый боец у него,
Нас кровное также связует родство.
В почете я, брат властелина родной,
Владею престолом, войсками, казной.
Ко мне не замедлят явиться на зов
Сто тысяч и более конных бойцов.
И тысяч двенадцать из них мне родня,
И ночью и днем охраняют меня.
Несчетны стада, необъятен удел;
Немало коней, и арканов, и стрел,
Заветных сокровищ немало храню
И гордой главы ни пред кем не клоню.
Все в жертву тебе, преисполнен любви,

Отдать я готов: беззаботно живи!
Клянусь я — да слышит создатель благой! —
Я буду тебе неподкупным слугой,
Тебя ограждая от бед и обид.
Кто ведает, что провиденье сулит!».*
Воспрянув душою от этих речей,
Царевич забыл о тревоге своей.
Уселись беспечно, пируют вдвоем,
Стал сыном царевич, Пиран стал отцом.
Поднявшись, они продолжали поход,
Не ведая устали, мчались вперед,
И вскоре достигли, веселья полны,*
Цветущего Канга — столицы страны.

[*Встреча Сиавуша с Афрасьябом*]

Лишь в город вступил Сиавуш, донесли
Об этом владыке туранской земли.
И вот Афрасьяб из дворца своего
Выходит на улицу — встретить его.
Увидя, что пеший владыка идет,
Царевич покинул седло в свой черед.
И руку друг другу кладут на плечо,
Целуют в чело и в глаза горячо,
И так говорит Афрасьяб: «На земле
Отныне забудут о горе и зле.*
Рассеется распри зловещая тень,
В ручье рядом с тигром напьется олень.
Тур начал воинственный спор в старину,*
В пучину несчастия ввергнув страну.
О мире забыли в обоих краях,
Везде воцарились насилье и страх.
Ты людям усталым подаришь покой,
Кровь более литься не будет рекой.

В Туране, с любовью склонясь пред тобой,
Служить тебе преданно станет любой.
Пиран тебе родичей кровных родней,
Казною и жизнью моею владей.
Я буду всегда, словно сына любя,
С улыбкой приветной взирать на тебя».
Владыке хвалу Сиавуш воздает:
«Да здравствует твой многодоблестный род!
Восславим Йездана, кем жизнь создана,
Чьей волей сменяется миром война».
Взял за руку царь Сиавуша потом,
На троне с собой усадил золотом,
На юношу смотрит и молвит, дивясь:
«Подобных тебе я не ведаю, князь!
Красою, осанкой, величьем вождей
С тобой не сравнится никто из людей».
И снова слова Афрасьяба звучат:
«Кавус, одряхлевший, умом не богат,
Коль мог разлучиться он с сыном родным,
Столь доблестным богатырем молодым.
Лишь взорам моим ты явился, клянусь,
Поверг в изумленье меня Кей-Кавус:
Подобную в сыне снискав благодать,
Кто б счастья другого стал в мире искать?»
Для князя роскошный избрали чертог,
Парчой златотканной убрали чертог.
Доставлен туда и престол золотой,
Украшенный алой китайской тафтой,
На буйволовых головах золотых
Стоящий, и много сокровищ иных.
Зовут Сиавуша под своды вступить,
Под ними привольно и счастливо жить.
И арка дворца до небес вознеслась,
Как только под нею прошествовал князь.

Воссел Сиавуш на блистающий трон,
В глубокую думу душой погружен.
Сбираются гости к владыке, и вот
Посланец туда Сиавуша зовет.
С собою его усадив пировать,
Беседует с князем туранская знать.
Но вот уже гости в чертоге ином,
Фиалы наполнены алым вином.
Запели певцы, слышен сладостный руд,
Мужи веселятся, без устали пьют.
Пируя, сидели они дотемна,
Пока не затмились умы от вина.
Князь в замок вернулся, веселый, хмельной,
Забыв во хмелю про Иран свой родной.
Царевичем был Афрасьяб покорен,
Все думал о нем, забывая про сон.
И тою же ночью он мужа призвал,
Который в гостях у него пировал —
Шиде. Повеленье услышал сей муж:
«Лишь утром раскроет глаза Сиавуш,
Тебя пусть увидит он в замке своем,
Со знатью, с моею роднею притом.
Доставьте рабов, молодых удальцов,
Со сбруей златой дорогих жеребцов,
И много подарков богатых других;
С почтеньем вручите царевичу их».
Собрали вожди быстроногих коней,
Немало динаров и ярких камней,
Царевичу эти дары поднесли,
И речи хвалебные произнесли.
Немало добра и владыка прислал...
За днями шли дни, уж седьмой миновал.

[*Сиавуш отличается*
в присутствии Афрасьяба]

И вот на восьмой Сиавуш от царя
Услышал: «Лишь завтра заблещет заря,
Мы в поле поскачем с човганом, с мячом,
Игрой удалою сердца развлечем.
Ты в ней столь искусен — слыхал я не раз —
Что в поле човган твой невидим для глаз».*
«О славный властитель,— был князя ответ,—
Счастливо живи без печалей и бед!
Ты — доблести первый наставник, с тобой
Кто мог бы тягаться в затее любой!
О дней моих светоч, властитель-мудрец,
Ты лучший во всем для меня образец!».
Царь вымолвил: «Светел да будет твой путь!
О славный, везде победителем будь!
Ты царства достоин, властителя сын,
Краса властелинов, опора дружин!».
С зарей Сиавуш и Турана сыны
Помчались на поле, веселья полны.
Сказал возглавлявший туранскую рать:
«Теперь нам товарищей должно избрать.
Ты сторону эту возглавишь, а я —
Другую: примкнут к нам обоим друзья».
«О нет,— был ответ повелителю дан —
Рука не возьмется моя за човган.
Невмочь мне, о царь, состязаться с тобой;
Найдется достойный противник другой.
Я лучше — коль дружбу ты примешь мою —
На поле игры за тебя постою».
Обрадован ласковой речью его,
Царь более слушать не стал никого.*
Сказал он: «Меня ты достоин, клянусь

Главою владыки, чье имя Кавус!
Искусством своим пред мужами блесни,
Мой выбор пускай не осудят они;
Пусть каждый хвалою тебя подарит
И счастья улыбка мой лик озарит».
Князь молвил: «Приказ властелина — закон,
Здесь каждый наездник тебе подчинен».
Владыкой в товарищи избран Гольбад,*
Джехен удалой, Герсивез и Пулад,
Воинственный муж Нестихен, и Пиран,
И мяч настигающий в море Хуман.
В друзья Сиавушу назначен Руин,
Шиде, украшенье туранских дружин,
Эрджасп, что и льва б на аркане повлек,
И Эндериман, искушенный ездок.
«О славный! — царю говорит Сиавуш —
Найдется ль средь этих наездников муж,
Который к мячу прикоснулся б? Один
Я в поле, а все — за тебя, властелин.
Когда повелишь, из дружины своей
Сюда призову я иранских мужей;
Их взять подобает в товарищи мне,
Чтоб не быть сильней ни одной стороне».
И князю перечить не видя причин,
На это согласие дал властелин.
И князь меж иранцев в подмогу себе
Семь витязей выбрал, искусных в борьбе.
Уже барабан оглушительно бьет,
Вздымается пыль до небесных высот,
Рычанье кимвалов и труб разнеслось,
Ты скажешь, ристалище вдруг затряслось.
Човган повелитель Турана схватил,
Взмахнул им — и мяч в облака запустил.
Князь тронул коня, скрылся в темной пыли,

И мяч, воротясь, не коснулся земли:
Так сильно ударил несущийся вскачь,
Что, скрывшись, остался невидимым мяч.
И отдал туранский владыка приказ
Мяч новый нести Сиавушу тотчас.
Мяч царский к устам он подносит, труба
Зовет, и опять закипает борьба.
Князь сел на другого коня и на миг
Мяч бросил на землю, но тут же настиг
Чоуганом: удар был таков, что луне
С мячом повстречаться пришлось в вышине;
Вознесся, и тут же из виду исчез,
Как будто притянутый сводом небес.
Нет, не было на поле том удальца
Искуснее, не было краше лица.
Глядит Афрасьяб, ликованьем объят.
Очнувшись, туранцы ему говорят:
«Он доблести полон, бесстрашен, удал;
Подобного всадника мир не видал».
Царь молвил: «Дано ему мир восхищать,
На нем опочила творца благодать.
Красой богатырской, отвагой в борьбе,
Клянусь, превзошел он молву о себе!».
Поодаль поставили царский престол,
На царский престол повелитель взошел,
Сел рядом царевич; владыка с него
Не сводит очей, и в душе — торжество.
«Теперь — говорит венценосец бойцам —
И поле, и мяч предоставлены вам».
Сошлись две дружины в игре удалой,
И небо от пыли подернулось мглой.
Шум, клики... Несутся наездники вскачь,
То мяч у того, то у этого мяч.
Ярятся туранцы, коней горяча,

Но тщетно добраться хотят до мяча.
Уже Сиавуш на иранцев сердит
И так на родном языке им кричит:
«Здесь поле сраженья иль поле игры?
Забыли, как были к нам судьбы щедры?
Лишь срок подойдет, отступите тотчас,
Противнику мяч уступите хоть раз!».
И каждый иранец поводья без слов
Ослабил: не гонят мужи скакунов.
Соперники рвутся вперед впопыхах,
И вот уже мяч у туранца в руках.
Клич грянул, и тут Афрасьяб разгадал
Слова, что царевич иранцам сказал.
Промолвил затем повелитель дружин:
«Я помню, рассказывал витязь один,
Что равного князю нет в мире стрелка,
Не ведает промаха эта рука».
Царевич, услыша властителя речь,
Свой царственный лук не замедлил извлечь.
На лук пожелал повелитель взглянуть:
Достанет ли силы рукою согнуть?
И дрожь изумленья по телу прошла,
И долго звучала владыки хвала.
Лук дал Герсивезу сперва Афрасьяб:
«Согни, да надень тетиву, коль не слаб!»
Но лук не согнул, как ни тщился боец;
Взъяренный, оставил его, наконец.
Схватил Афрасьяб тот невиданный лук,—
Потер его крепко, всей силою рук
Налег, и согнул и воскликнул смеясь:
«Стрелою достанешь до месяца, князь!
Я луком владел в молодые года
Таким же, тех дней не вернуть никогда!
Никто ни в Иране, ни в нашем краю

Таким управлять не сумел бы в бою.
Он лишь Сиавушу подстать одному;
Лук меньший подобной руке ни к чему».
Мишень на ристалище укреплена:
И тут Сиавуш впереди! Скакуна
Он к цели погнал, словно яростный див;
Крик дружный раздался, простор огласив.
Дивятся бойцы: прямо в сердце стрелой
Мишени попал богатырь удалой.
Другую стрелу, где четыре пера,
Вложил в желобок и подумал: пора!
Поводья вкруг правой руки обмотал,
Прицелился метко и — снова попал.
Закинул свой лук за плечо исполин,
Примчался к владыке туранских дружин
И спешился. С трона владыка встает:
«Вновь,— молвит он,— славой покрыл ты свой род!».
Вернулись, горды и веселья полны,
В просторный дворец властелина страны.
Для пышного пира чертог уж готов;*
Зовут музыкантов, искусных певцов.
В рубиновых чашах — сверканье вина,
За славного их осушают до дна.
Дары приготовить владыка велит:
Тут кони и сбруи, оружье и щит,
Венец и престол, и дивящие взор
Шелка, что не видывал мир до тех пор;
Монеты; слепящие блеском глаза
Алмазы, и яхонты, и бирюза;
Рубины и жемчуг в сосудах златых,
И много рабов, и рабынь молодых.
Сокровища царские велено счесть,
Затем во дворец Сиавуша отнесть.
И всем, кто в Туране землею владел,

Кто сердцем к владыке страны тяготел,
Приказано слать Сиавушу дары,
Устраивать в честь Сиавуша пиры.
Царь молвил дружине своей боевой:
«Он пастырем будет, вы будьте паствой».

[*Афрасьяб и Сиавуш едут на охоту*]

Царевичу молвил владевшей страной:
«Не хочешь ли ты на охоту со мной
Поехать — веселье и радость познать,
Охотой заботу из сердца изгнать?».
Ответил царевич: «Готов я всегда;
Приказывай только, когда и куда».
И вот повелитель собрался на лов,
С собою и соколов взял он, и псов.
С ним едут обеих дружин удальцы —
Ирана бойцы и Турана бойцы.
Онагров царевич увидел вдали,
Как вихрь, полетел он и скрылся в пыли.
Поводья ослабив и сжав стремена,
Он гнал по холмам и лугам скакуна.
Онагра настиг и рассек пополам, —
Точней серебра не развесить весам,
Две доли равны, хоть на чаши клади.
Полны изумленья и царь, и вожди.
Царевича славя, толкуют о чем?
О том, как он ловко владеет мечом!
Твердят меченосцы: «Великой бедой
Грозит нам Ирана герой молодой.
Всех витязей наших обрек на позор;
Властителю нашему это в укор!».
Горами и степью царевич скакал,

Добычу копьем и стрелой настигал,
Огромных онагров горой громоздил:
Обильным запасом дружину снабдил.
Натешась охотой, мужи, наконец,
С весельем вернулись к царю во дворец.
Ликует ли царь, иль душой омрачен,
Всегда неразлучен с царевичем он.
Забыты Джехен, Герсивез... Лишь ему
Вверяет он тайны свои одному.
С ним ночью пирует, беседует днем,
Отраду для сердца находит лишь в нем,
С ним делит и радость, и горе. Уж год
Иранский царевич в Туране живет.

[*Пиран отдает свою дочь*
в жены Сиавушу]

Однажды Пиран с Сиавушем вдвоем
Сидели толкуя о том и о сем.
Промолвил Пиран: «Здесь живешь ты, как тот,
Кто мыслит, что вскоре отсюда уйдет.
Ты счастьем наполнил царя бытие,
И в снах повторяет он имя твое.
Цветенье весеннее ты для него,
Души утешение ты для него.
Ты — сын именитый Кавуса-царя,
Прославленный доблестью богатыря.*
Отец одряхлел, сыну — жить и цвести;
Престола кеянского не упусти!
Иран и Туран гордой мощи твоей
Должны покориться, о царь из царей!
Но кровной не вижу родни у тебя,
Что всюду б тебе помогала, любя.
Не смог и друзей ты в Туране сыскать,

Что были б тебе, удалому, подстать.
Без брата, сестры и жены — одинок,
Как будто вне сада взошедший росток.
Супругу достойную ты избери,
Тоску об Иране родном побори.
Уйдет и в наследье оставит отец
Тебе и страну, и престол, и венец.
Сокрыты в гареме владыки страны
В богатых уборах три девы-луны
Такие, что если бы месяц владел
Очами — на них неотрывно б глядел.
Трех также гарем Герсивеза таит,
Блистательный род их вдвойне именит:
Им дед — Феридун, Афрасьяб им — родня;
Блистают венчанные, взоры маня.
Четыре — взрастают в покоях моих,
Супругу ты можешь избрать среди них.
Все юны, и старшая дочь Джерире*
Соперниц не знает, подобна заре.
Коль взоры твои привлечет, пред тобой
Склонится красавица верной рабой».
Ответил царевич, исполнен любви:
«Прими благодарность и сыном зови!
Хочу породниться с семьею твоей,
Красавиц других Джерире мне милей.
Отрадою будет, любимой женой,
Искать я не стану супруги иной.
Признательность в сердце навек сберегу;
До гроба теперь у тебя я в долгу».
Пиран Сиавуша покинул тотчас;
К супруге, почтенной Гольшехр, воротясь,*
Сказал ей: «Готовь Джерире к торжеству;
Ее Сиавушу, могучему льву,
Вручаю. От радости как не сиять!

Внук шаха Кобада отныне наш зять».
Красавицу пышно Гольшехр убрала;
Венец состязался с сияньем чела.
Свежа, как весны благовонной расцвет,
Парчой, самоцветами, златом монет
Блистая и взору отраду даря,
Явилась невеста пред очи царя.
И вот Сиавуш близ жены молодой,
Сияющей ярче луны молодой
На золоте трона, в сверканьи камней;
Богатства давали без счета за ней.
Подругой прекрасной любуется князь,
Смеется, от счастья лицом прояснясь.
Он радостен ночью и днем с Джерире,
Забыл о Кавусе, суровом царе.
Дни мчатся за днями, вертящийся свод
Царевичу милость за милостью шлет.
Меж знатных мужей высоко вознесен,
Царю все милей и угоднее он.

[*Пиран беседует с Сиавушем о Ференгис*]

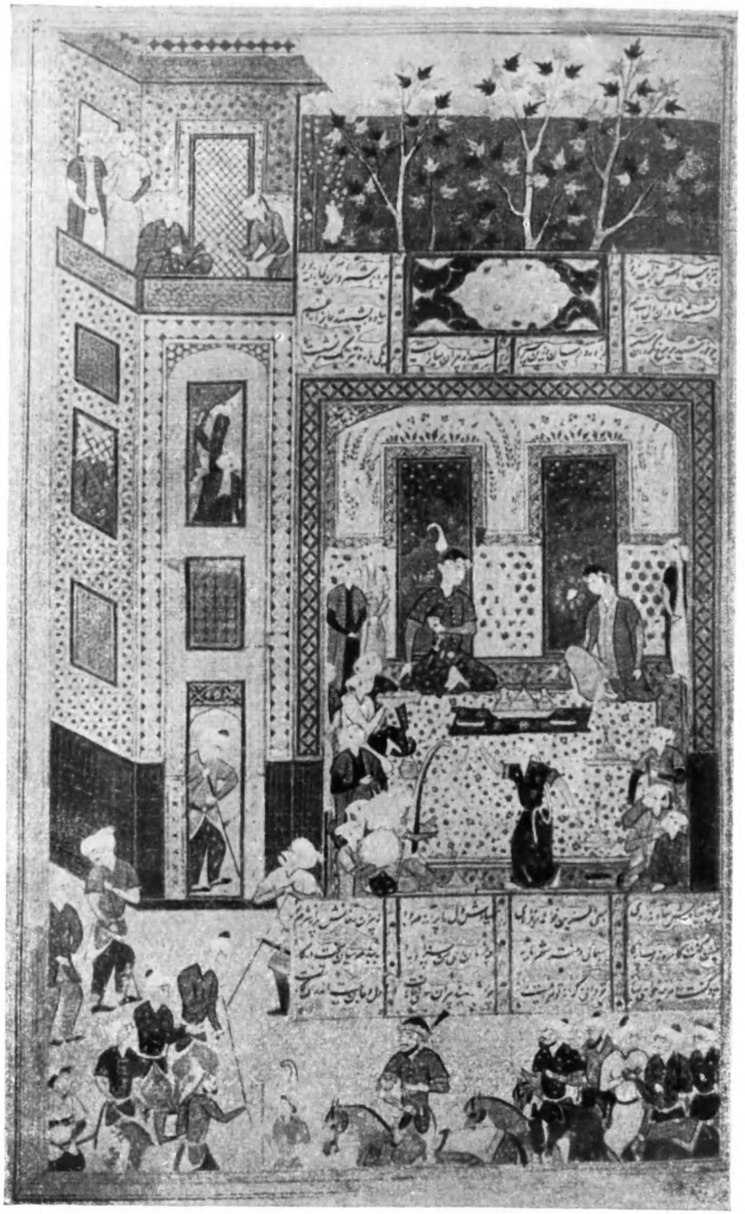
Однажды Пиран прозорливый, склонясь,
Сказал Сиавушу: «О доблестный князь!
Могуч предводитель туранских полков,
Главой он возносится до облаков;
На свете ему ты дороже всего;
Ты — сердце, и разум, и сила его.
Коль с ним породнишься, как учит закон,
Возвысит тебя больше прежнего он.
Хоть дочь моя стала твоею женой,
Но знаю, для доли ты создан иной.
Пускай Джерире — образец красоты

И стал ее милым избранником ты,
Но больше тебе подобает, мой зять,
Алмаз, Афрасьябом взлелеянный, взять.*
Всех лучше его дочерей — Ференгис,*
На лик и на кудри взгляни и дивись!
Стройней кипариса красавицы стан,
Венец ей из мускуса черного дан.
Нет девы прекрасней, достойней, умней,
Сам разум склонится, как раб перед ней.
Такой ни Кашмир, ни Кабул не видал;*
Хочу, чтобы в жены прекрасную дал
Тебе властелин. Породнившись с тобой,
Блестящей тебя одарит он судьбой.
Велишь — Афрасьябу об этом скажу
И тем у владыки почет заслужу».
На это Пирану сказал Сиавуш:
«С создателем спорить под силу кому ж?
Когда повеленье творца таково,
Напрасно противиться воле его.
О милом Иране, знать, грежу я зря!
Не видеть мне больше Кавуса-царя,
Дестана, родного душе пестуна,
Ростема, мне милого, словно весна,
Бехрама, Зенге, чей отец Шаворан,
Шапура и Гива, кем славен Иран.
С друзьями разлука навек суждена!
Отныне Туран мне — родная страна.
Готов я, сосватай, отца замени,
Но это до времени втайне храни».
И тяжко вздыхает он, грустью объят,
И очи без удержу влагу струят.
Ответил Пиран: «Кто рассудком не слеп,
Смирится пред волей всемощных судеб.
Над всеми владыка — вертящийся свод;

То грозную кару, то милость он шлет.
В Иране имел ты друзей дорогих,
Йездану вручил и оставил ты их.*
Здесь ныне твой дом, здесь оставишь ты след;
К престолу иранскому доступа нет».

[*Беседа Пирана с Афрасьябом*]

Царевича скрытые думы узнав,
Пиран именитый к владыке держав
Направился, радостью светлой лучась,
И все перед ним расступились тотчас.
Он долго стоял пред владыкой, и тот
Ему добродушно вопрос задает:
«В молчаньи зачем ты стоишь предо мной?
Чего ты желаешь от жизни земной?
Я в благе твоем вижу благо свое.
И рать и казну — всей страны бытие
Я вверил тебе. Много взятых в полон,
Хоть их избавлением я устрашен,
На волю я ради тебя отпустил.
Войну я по воле твоей прекратил.
Ни трона не жаль для тебя, ни мечей.
О многом иль малом — проси, не робей!».
Вождь мудрый промолвил владыке в ответ:
«Пусть вечно щедротами радуешь свет!
По милости царской я всем одарен:
И рать у меня, и богатства, и трон.
Поручено мне Сиавушем принесть
Царю от него сокровенную весть.
Просил он: владыке Турана скажи:
„Я счастлив, меня прославляют мужи.
Как милым отцом, я лелеем тобой,
Немало доселе я взыскан судьбой.



Свадебный пир Сиавуша и Ференгис

С рукописи Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина

Супружества счастье даруй мне теперь,
К блаженству открой мне заветную дверь.
Тобой несравненная дочь взращена;
Дворец мой украсить могла бы она.
Я честью почел бы супругой назвать
Ту деву — зовет Ферингис ее мать"».
Задумался царь, обуял его страх,
И вымолвил он со слезами в глазах:
«Когда-то я притчу тебе рассказал,
Но отклика в сердце твоем не сыскал.
Мне муж прозорливый, чей разум высок,
Такие слова в назидание рек:
О ты, что воспитывать львенка готов!
Добра от своих не дождешься трудов.
Усердствуя, вырастишь полного сил —
Смотри, чтоб расцветший тебя не сгубил.
Лишь когти окрепнут, он прежде всего
Набросится на пестуна своего...
Я помню, к тому ж, предсказанье жрецов,
Седых звездочетов, благих мудрецов.
Подняв астролябии к солнцу, они
Поведали мне, что в грядущие дни
Немало страданий великих и бед
Мне внук принесет, народившись на свет.
Державный венец и дворец, и казна,
И войско мое и родная страна —
Все будет разгромлено, сгинет в огне,
И в мире приюта не сыщется мне.
Престол мой наследственный вырвет из рук,
Погибели злой обречет меня внук.
Я вижу: гадатели были правы,
Судеб начертанье свершится, увы!
Воинственный отпрыск двух царских семей
Всю землю увидит под властью своей.

Безжалостно будет Туран разорен,
И рухнет во прах мой блистательный трон.
Как древо растить, если знаю: таят
И плод, и листва истребительный яд?
Сольются черты столь различные в нем,
Что их ты сравнил бы с водой и огнем.
Кто знает, к Турану потянется он
Иль дух его будет Ираном пленен?
К чему смертоносную трогать змею,
Опасности жизнь подвергая свою?
Доколе захочет, пребудет со мной,
Любимый и чтимый, как брат мой родной.
Когда пожелает — в Иран отряжу,
С почетом невиданным в путь провожу,
И сына верну я в объятья отца,
Покорен заветам благого творца».
Пиран отвечает ему: «Властелин,
Ты сердце избавь от забот и кручин.
Поверь, если станет отцом Сиавуш,
Сын будет разумный и праведный муж.
Припомни, нам лгут звездочеты порой.
Вняв разуму, брак Сиавуша устрой.
Двух тронов наследник, велик и могуч,
Венчанной главой вознесется до туч,
С кобадовой кровь Феридуна сольет:
Бывал ли знатней и блистательней род?
А если иное тебе суждено,
Уловкой судьбу не смягчить все равно.
То будет, чему предназначено быть;
Беду осторожностью нам не избыть.
Деянием столь благодетельным ты
Заветные все утолил бы мечты».
Промолвил владыка Пирану в ответ:
«К худому не может вести твой совет.

Тебе повинуясь, согласье даю:
Надеюсь на мудрую помощь твою».
Пиран поклонился царю до земли,
Уста славословие произнесли.
Затем удалился, и добрую весть
Тотчас поспешил Сиавушу принесть.
За чашей они просидели всю ночь,
Вином отгоняя все горести прочь.

[*Свадьба Сиавуша и Ференгис*]

Лишь солнце явилось, слепя красотой,
Сияя на небе, как щит золотой,
Свой замок покинул достойный Пиран.
Конь резвый, летя, как степной ураган,
Его ко дворцу Сиавуша принес.
Вошел он, и князю хвалу произнес,
И молвил: «Готовься же, царская дочь
Пожалует гостьей к тебе в эту ночь.
Приказывай, гостье готов я служить,
Заботой усердной ее окружить».
У князя горит от смущения лик;
Пирана стыдясь, головой он поник:
Тот дочь ему отдал — бесценный залог,
Как душу лелеял, как сына берег.
«Свершай все, что хочешь,— был князя ответ,—
Здесь тайн от тебя, многодоблестный, нет».
Лишь это услышал, домой поспешил
И все по обряду Пиран совершил.
Ключи от хранилищ, где тканей запас,
Голшехр умудренной вручил он тотчас.
(Та старшей в гареме Пирана была,
Разумною, доброй женою слыла.)
Все лучшее, взяв у супруга ключи,

Достала она: из Китая парчи
На тысячу мантий; и множество блюд,
С которых сапфиры сияние льют;
Иранских подносов, ковшей дорогих.*
Нош тридцать верблюжьих — сосудов других;
Два дивных венца, ослепляющих взор,
Цепь, серьги, подвески — весь царский убор;
Ковры расписные — вьюков шестьдесят,
Три царских одежды, что дивно блестят
Узорами лалов на поле златом...
Нет счета дарам, как посмотришь кругом!
Престол и скамьи золотые с боков,
Три пары алмазно-златых башмачков.
Две сотни нарядных рабынь, — у любой —
Две чаши, в них мускус и лучший алой;
И триста рабов — все в шеломах они.
Сто знатных мужей из ближайшей родни,
Взяв чаши с шафраном и амброй, пошли;
За ними Гольшехр и сестер понесли
В носилках златых, под богатой парчой;
Ряды за рядами проходят чредой.
Сто тысяч динаров с собою взяла
Гольшехр и народу затем раздала.
Со всеми дарами пришли к Ференгис,
Во славу ее похвалы раздались.
И землю целуя, Гольшехр говорит:
«Привет сочетавшейся с Солнцем Нахид!».
Меж тем поспешил к Сиавушу Пиран
И с ним властелин, возглавлявший Туран.
Царевичу в жены царевну отдав,
Как требовал веры священный устав,
Свидетелям брак узаконить велят;
Скреплен договор и закончен обряд.
Шлет вестника, ветра быстрее, Пиран

К супруге; наказ ей торжественно дан
Скорей Ференгис к Сиавушу привесть.
И вот до невесты доносится весть:
«Лишь вечер наступит, царевна-луна
Дворец Сиавуша украсить должна».
Спешат Ференгис нарядить поскорей,
Цветами украсили волны кудрей.
В чертоги царя молодого идут,
К нему луноликую деву ведут.
И пробыли вместе они до светла,
И с каждым мгновеньем любовь их росла.
Вокруг все живое не спало семь дней,
Семь дней пустовали жилища людей.
Весь край — что огнями сияющий сад,
Повсюду веселье и песни звучат.

[*Афрасьяб вручает царство Сиавушу*]

Еще миновало семь дней с той поры.
Готовит владыка для князя дары:
Немало коней и овечьих отар,
Кольчуг и шеломов, горящих, как жар,
Арканов, булав и одежд дорогих,
Динаров и много сокровищ других.
И земли ему до Чин-моря даны,
Где грады богатые возведены —
В уделе том сотни фарсангов длины,
Никто б не измерил его ширины.
Владыка, по царским законам, указ
Велев нанести на тончайший атлас,
Его к Сиавушу послал во дворец,
С указом престол золотой и венец.
Большое устроил затем торжество:

Откуда б и кто ни пришел, у него
И стол находил, и кувшины с вином,
Ел, пил, уносил и с собою притом
Так много, что после под кровлей своей
Еще угощался семь дней и ночей.
Темницы для узников царь отворил,
Блаженствуя, людям блаженство дарил.
Семь дней пировали, пришел на восьмой
С Пираном к царю Сиавуш молодой.
Властителю оба хвалу вознесли:*
«О ласковый, щедрый владыка земли!
Пусть жизнь твоя радостью будет полна,
От горя да сгорбится вражья спина!».
К себе, под высокие своды дворца
Вернулись затем, прославляя творца.
Так минул покойно и радостно год,
Страданий и бедствий не слал небосвод.
Однажды царя Афрасьяба посол
Со словом таким к Сиавушу пришел:
«Привет посылает тебе властелин
И молвит: „О славный водитель дружин!
До Чина простертый, обширный свой край
Объехать не хочешь ли? В путь выступай.
По нраву тебе коль отыщется град,
Что сделать столицею будешь ты рад —
Останься и весело там заживи,
И счастье — своим неизменно зови“».
Той речью обрадован царь молодой.*
Литавры и трубы запели; с собой
Ведет Сиавуш закаленных бойцов
И множество перстней везет, и венцов,
Походных шатров и оружья. Меж тем,
В дорогу собрался и царский гарем.
Воссела в парчовом шатре Ференгис,

И вышел обоз, и бойцы понеслись.
Хотена достигли, веселья полны;*
Их знатные витязи той стороны
Встречают; там издавна княжил Пиран,
Край верен был князю. Раскинули стан.
И месяц — условленный ранее срок —
Гостили, не зная забот и тревог.
В пирах Сиавуш проводил день за днем;
То мчится на лов, то сидит за вином.
Но вот, откликаясь на крик петухов,
Донесся кимвала походного зов.
Властитель направился к землям своим,
Пираном ведомое войско — за ним.
Навстречу — лишь это успела узнать —
К царю поспешила верховная знать,
От вести благой ликованья полна;
Как в праздник, украсилась пышно страна.
Такое веселье везде началось,
Что небо, ты скажешь, с землею слилось.
Шум, трубное пенье — того и гляди
Вдруг выпрыгнет сердце твое из груди.
Дошли до селенья, пленявшего взор:
С одной стороны — моря синий простор,
Высокие горы с другой стороны,
Леса заповедные дичи полны,
Древесная сень и журчащий родник—
Здесь юношей стал бы и дряхлый старик.
Пирану сказал Сиавуш: «Этот край
Влечет мое сердце, земной это рай.
Воздвигну я здесь благодатный приют,
Где взоры и сердце отраду найдут.
Просторный и светлый раскинется град;
Дворец — что ни дом, что ни улица — сад.
Здесь замок хочу возвести до луны,

Какой подобает владыке страны».
«О мудрый,— Пиран отвечает ему, —
Свершай, что угодно душе и уму.
Прикажешь, дворец до луны вышиной
Воздвигну — ты властен во всем надо мной.
О землях, богатствах не думаю я,
Ты, славный,— отрада земная моя».
«Величия древо,— сказал Сиавуш, —
Взрастил ты, о мудрый и доблестный муж!
Богатство и счастье обрел я не сам,
Я ими твоим лишь обязан трудам.
Такую построим столицу, чей вид
Блистательный, стройный весь мир удивит».

[*Сиавуш строит город Канг*]

Вновь двери сказания растворены,*
Спою о деяньях седой старины,
О Канге, прославленном граде, что встарь
Возвел Сиавуш, многодоблестный царь.
Сначала Йездану хвалу воздадим.*
Мир зримый им создан и тот, что незрим.
Все сущее, знай, двуедино; един
Лишь он, вседержитель, миров властелин. *
Немало достойных покинули свет,
Здесь вечно и ты не пребудешь, о нет!
Где, вспомни, венчанные главы царей,
Отважных, прославленных богатырей!
Где полные знаний мужи-мудрецы,
Науки подвижники, слова жрецы!
Где нега и скромность пленительных дев,
Их сладкие речи, их нежный напев!
Где тот, кто приют среди каменных скал,
Со славой и счастьем расставшись, искал!

Где тот, кто главой возносился до туч,
Кто с тиграми бился, бесстрашен, могуч!
Все взяты могилой, все скрылись во мгле.
Блажен, кто посеял добро на земле!
Из праха мы все и поляжем во прах,
От зла да удержит нас праведный страх.
Исчезнем, но жизни продолжится путь,
Дверь тайны извечной не нам отомкнуть.
Нас мир поучает вседневно; твой дух
Ужели к его поучениям глух?
Достигнув шестидесяти и шести,
Земную тщету от себя отмети.
Ровесники с миром расстались давно,
Его удержать и тебе не дано.
Когда назиданием не убежден,
Послушай предания древних времен
О славных царях, о героях благих:
Иль хочешь ты быть долговечнее их,
Возжегших святой справедливости свет,
Украсивших, благоустроивших свет?
О городе Канге сказанье теперь
Послушай, и разумом светлым поверь,
Что нет ему града второго подстать,
И края отрадней нигде не сыскать.
Усердным трудом Сиавуш в старину
Тот город воздвиг и украсил страну.
Лежит за рекою безбрежный простор: *
Пустыня, куда бы ни кинул ты взор.
Минуешь ее — города пред тобой,
И сердцу отраду дарует любой.
А дальше, безмерно крута, высока,
Возносится горная цепь в облака. *
Узнай же: там крепость на круче стоит, *
И город она за стенами таит.

Фарсангов до сотни — окружность горы.*
Вершины — как очи твои ни остры —
Увидеть не сможешь, и в крепость пути
Не сыщешь: в ворота лишь можно войти.
Вкруг города встала громада стены, *
В ней больше чем тридцать фарсангов длины;
На этой стене даже горстка мужей
Защитой бы стала твердыне своей,
Хотя бы напало сто тысяч бойцов,
Закованных в сталь верховых удальцов.
Проникнув за стену, увидишь ты град,
Где взоры чарует то замок, то сад;
Роскошные бани, журчание вод,
Украшены улицы, весел народ.
Уйти не захочешь из этой страны!
Косули в лугах, горы дичью полны.
Фазан, куропатка и пестрый павлин
Тебе попадутся средь гор и долин.
Везде ликование, как на пиру.
Не холодно в холод, не жарко в жару.
Струятся потоки, сердца веселя, *
Не блекнет в весеннем уборе земля.
И немощных там не увидишь; весь край —
Цветник благовонный, сияющий рай.
Град мерой персидской измерь — ширины
В нем тридцать раз тридцать и столько ж длины.
Дивит высотою крутая гора:
Фарсанг — до вершины, иль все полтора.
Долину увидишь, пройдя перевал,
Прекрасней которой никто не знавал.
Объехав Туран, для себя ее встарь
Избрал Сиавуш, полный доблести царь.
Он мудростью славы всесветной достиг:
Вторую вкруг города стену воздвиг,

Для этого камень с известкою взяв
И мрамор, и ныне забытый состав.
Сто рашей — той крепкой ограды длина, *
И больше чем тридцать — ее толщина;
Бессильны пред ней и стрела и таран.
Но лучше ты сам отправляйся в Туран,
Воочью увидеть ее поспеши,
Иначе певца заподозришь во лжи.
На выси крутой неприступна стена,
Возносится на два фарсанга она.
Не видно земли, сколько вниз ни глядеть,
На ту высоту и орлу не взлететь.
Затратив немало усилий и дней,
Во имя величья державы своей
Построил владыка невиданный град,
Пленяющий сердце, ласкающий взгляд.
Вкруг дивных дворцов зеленели сады,
Душистые зрели на ветках плоды,
Фиалка и роза, нарцис и тюльпан
Вокруг разливали волшебный дурман.*
Светла и прекрасна столица была,
И не было дивным богатствам числа
В чертоге, достойном верховных владык,
Достойном того, кто могуч и велик.

[*Сиавуш беседует с Пираном о будущем*]

Однажды, объехав окрестности все
С Пираном, прославленным сыном Висе,
Такие успев уголки посетить,
Что старому юность могли возвратить,
Властитель верхом возвращался домой.
Он ехал неспешно, в печали немой,

И вдруг говорит звездочету: «Скажи,
Но только, смотри, без уверток и лжи:
Мной город блистательный сооружен —
В нем счастлив я буду иль горем сражен?»
Глава звездочетов промолвил в ответ:
«Тебе благодати в том городе нет».
И царь на провидца прикрикнул в сердцах,
Но слезы блеснули на царских очах.
Ослабив поводья, вперед не спеша
Он едет, тревогой объята душа.
«Владыка,— Пиран прозорливый спросил,—
От горя какого лишился ты сил?»
А тот отвечает: «Покой мой исчез,
Страшусь приговора высоких небес.
Как дивно ни блещет мой царственный дом,
Как много сокровищ ни собрано в нем,
Все в руки врагу моему попадет,
Всесильный раздавит меня небосвод.*
Мой город прекрасен,— такой красоты
Нигде на земле не увидел бы ты.
Его помогли мне искусно создать
Удача, рассудок, творца благодать.
Мой стройный дворец выше горных вершин,
Главой достигает он светлой Первин.*
Поныне я, град украшая, тружусь,
Твореньем любимым все больше горжусь.
Когда же невиданно он расцветет,
Исполнен сокровищ и дивных красот —
Мой город отнимет безжалостный рок,
Другому отдаст озаренный чертог.*
Увы, недалек моей жизни конец,
Не нужен мне будет высокий дворец.
Не я наслажусь им, не сын мой родной,
Не родич, не друг, почитаемый мной,—

Царить в нем владыке туранской страны;
На смерть он осудит меня без вины.
Таков небосвода извечный закон:
То горе, то счастье нам жалует он».
«О славный,— ему отвечает Пиран,—
Напрасно тревогою ты обуян.
Надежна, как царского перстня печать, *
Властителя дружба. Тебя защищать
Он станет, и я наш священный союз
Хранить до последнего вздоха клянусь.
Не дам на тебя даже ветру дохнуть,
Не дам волоска на тебе шевельнуть!»
«О славный, — услышал воитель в ответ, —
Твоя доброта мне отрада и свет.
Да здравствуешь, бодрый, исполненный сил!
Дозволь, чтобы тайну тебе я открыл.
Я волю Йездана познал, я не слеп,
Открылись душе начертанья судеб.
Завесу сорву я с грядущего дня;
Про все, что постигнет мой град и меня,
Услышь, дабы после подумать не мог:
Несчастный не знал, что судил ему рок!..
Тебе, о Пиран, предводитель мужей,
Поведаю ныне о доле своей.
Недолгое время, узнай, пролетит,
По воле владыки Турана убит
Безвинно я буду враждебной рукой,
Престол мой займет повелитель другой.
Ты честен, ты верность хранить мне готов,
Но грозных небес приговор уж таков!
Мне вражьи наветы готовят беду,
Я жертвою жребия злого паду.
Иран на Туран ополчится тогда,
Вновь смуту зажжет роковая вражда,

Вновь звоном мечей огласятся поля,
Наполнится горем великим земля.
Лиловы и алы, желты и черны,
Взовьются знамена иранской страны.
Немало в Туране захватят добра,
Алмазов и золота, и серебра.
От конских копыт изнеможет страна,
И станет в потоках вода солона.
В речах и делах безрассудных своих
Раскается после владыка, но их
Назад не вернуть, не загладить, когда
Разгромлены села, горят города.
Стон встанет повсюду, весь мир закипит,
Услышав, что я Афрасьябом убит.
Так, верно, назначило небо с высот;*
Что небом посеяно, то и взрастет.
Вкушая, даря, не тужи ни о чем,
Жить станем, а смерть подоспеет — умрем.
Казной не гордись, не страшись нищеты!
Покинув земное убежище, ты
Другому оставишь казну,— для чего ж
Лелея врага, на земле ты живешь?..»
Внимая словам Сиавуша, Пиран
Невольной тревогою вдруг обуян.
Он мыслит: «Несчастью себя я обрек,
Коль вправду познать он грядущее смог.
Не я ли, посеяв раздор и вражду,
В Туран Сиавуша завлек на беду? *
Забыл я владыки разумный наказ,
Хоть слышать его доводилось не раз».
Но сердце свое успокоил затем:
«Небес начертанья разгаданы кем,
И стали откуда известны ему?
Он, знать, по Ирану опять своему

Тоскует, припомнив Кавуса и трон,
И светлое счастье минувших времен.
Печалью предчувствия те внушены
Ему, вдалеке от родимой страны».
Весь путь рассуждали об этом они,
Пытаясь провидеть грядущие дни.
Но вот воротились мужи во дворец,
С коней соскочили — беседе конец.
И стол золотой перед ними накрыт,
И пенятся чаши, и песня звенит.

[*Афрасьяб посылает Пирана в объезд своих земель*]

Неделю в весельи они провели
За чашами в честь властелинов земли.
На утро восьмое, едва рассвело,
Письмо от владыки Турана пришло.
Пирану приказ посылал властелин: *
«К Чин-морю с дружиной спеши, исполин.
Оттуда направься к индийской стране
И далее, к Синду. Подвластные мне
Державы объехав, с них дань собери
И землю хазаров мечом покори».
Пред замком разносится клич удалой,
И меди бряцанье встает над землей.
Немало к вождю собралось удальцов,
Войной закаленных, отважных бойцов.
Они под водительством богатыря
В поход собрались по веленью царя.
Дары без числа предводитель мужей
Прощаясь, вручил Сиавушу: коней
С блистающей сбруей, со златом мошны,
И войско увел из родной стороны.

[*Сиавуш строит Сиавушгорд*]

В глубокой ночи, погоняя коня,
Гонец Афрасьяба быстрее огня
Примчался с посланьем; как небо, оно
И света, и милости было полно.
Писал он: «С тех пор, как с тобой разлучен,
Я счастья не знаю, мой дух удручен.
Узнай же, в Туране успел я, любя,
Достойную землю найти для тебя.
Быть может, увидев, полюбишь ее,
И радость наполнит твое бытие.
Ты, доблестный, этой земли падишах,*
Повергни же головы вражьи во прах!».
Собрал караван Сиавуш и тотчас
В путь выступил, царский исполнив наказ.
За ним десять тысяч неслись удальцов,
Иранских бойцов и туранских бойцов.
Верблюдов отборных с ним тысяча шла,*
И не было грузам богатым числа.
Сто рыжих верблюдов с дирхемами шли,
А сорок верблюдов динары везли,
Шатрами все прочие нагружены,
И каждый шатер — для нарядной жены.
Горят на венцах, ослепляя глаза,
Алмазы и яхонты, и бирюза.
С вьюками, где мускус и лучший алой,
С шелками, дивящими взоры красой—
Их Чин поставляет и Мыср, и Иран—*
Шел в тридцать верблюдов еще караван.
Вот с места и вождь, и дружина снялись
И в солнечный Хоррембехар понеслись.*
Там град заложил он, украсив страну,
В длину два фарсанга и два в ширину.

Высокий дворец в этом граде возник,
Сад, полный прохлады, и пестрый цветник.
И роспись везде на стенах галерей:
Сраженья, охоты, забавы царей.
Там шахов иранских престол золотой,
Кавус на престоле в венце с булавой,
И подле престола Ростем-великан,
И Заль и Гудерз — весь воинственный стан.
Там царь Афрасьяб с грозной ратью своей,
Пиран с Герсивезом, грозою мужей...
Молва облетела Иран и Туран
О крае прекрасном — жемчужине стран,—
О городе стройном, где жизнь весела,
Где в небо уходят дворцов купола,
Где славятся доблестью богатыри,
Где слышится голос певца до зари.
И стал называться он Сиавушгорд,
И каждый блистательным городом горд.

[*Пиран посещает Сиавушгорд*]

Пиран, из похода назад возвратясь,
О городе славном услышал тотчас.
В Туране везде воздается хвала
Творенью владыки, чья слава светла:
Там стройные замки, сады, цветники,
И горы вокруг, и луга у реки.
Он тут же решился направиться в путь—
На город, царем возведенный, взглянуть.
И тысячу в славной дружине своей
Мудрейших, достойнейших выбрав мужей,
В поход на конях быстроногих повел,
Лишь срок отправляться в дорогу пришел.
И вот Сиавуш знаменосную рать

Выводит желанного гостя встречать.
Увидел Пиран молодого царя
И спешился, радостью светлой горя.
И царь с вороного коня соскочил,
В объятья Пирана-вождя заключил.
И вместе затем Сиавуш и Пиран
В прославленный град повели караван.
Гость видит: пустыня, где в прежние дни
Сухие колючки серели одни,
Исчезла, царем обращенная в град,
Прекрасный как светоч, отрадный как сад.
По городу ездили долго, и вот
Хвалу Сиавушу Пиран воздает:
«Не будь у тебя благодати царей
И знаний, и мудрости светлой твоей,
Не мог бы возникнуть столь дивный приют,
Где рядом искусство и радость живут.
Он, созданный даром чудесным твоим,
Да будет во веки прославлен и чтим!
Пусть внукам в наследье достанется он,
Сияньем великих побед озарен!».
Дворец Сиавуша, сад полный чудес
И град обозрев, богатырь Герсивез
Увидел царицы роскошный чертог,
Что взоры не менее радовать мог.
Их встретила дочь Афрасьяба-царя,
Посланцу улыбки и злато даря.
Воссев на престол, оглядел он покой,
Увидел прислужниц пленительный рой,
И дань восхищения отдал дворцу,
Хвалу вознося всеблагому творцу.
От снеди бесчисленной ломится стол.*
Вино и певцы... Пир горою пошел!
Семь дней пировали, веселья полны,

Порой веселы, а порою хмельны.
На утро восьмое воитель поднес
Дары, что с собой из похода привез.
Там были и жемчуг, и пламенный лал,
Венец, что алмазами взор ослеплял,
Парча, и в попонах из шкур скакуны,
Что в беге стремительном вихрю равны.
Вручил Ферангис ослепляющий взор
Венец, ожерелье — весь царский убор,
И после собрался в Хотен, говоря,
Что время приспело увидеть царя.
Помчался и, в замок к себе возвратясь,
В покои жены устремился тотчас.
Увидев Гольшехр, говорит ей Пиран:
«Кто рая не видел, где правит Резван,*
Пусть мчится в обитель счастливую ту,—
Увидеть воочью о рае мечту.
Чтоб радостью сердце свое осветить,*
Ты град Сиавуша должна посетить.
А сам еще лучше он града того,
Со светочем утра сравнишь ты его —
Так блещет на троне своем Сиавуш,
Великий, исполненный мудрости муж.
Красе Ферангис подивишься: она
С ним рядом сияет, что в небе луна!».
К царю устремился затем богатырь,
Как челн, рассекающий водную ширь.
Сперва про свершенный поход рассказав,
Как дань собирал он с подвластных держав,
Как выиграл в Хинде с врагами войну,
И как покорял за страною страну.
Поведал затем о делах, что сумел
Свершить Сиавуш, хитроумен и смел.
Расспрашивал долго владыка о нем,

Как правит он в крае и в граде своем.
Пиран отвечал: «Если житель земной
В небесном краю побывал бы весной,
Тот край он от рая бы не отличил
И с солнцем бы он Сиавуша сравнил.
Подобного града средь ведомых стран
Не знали — хоть Чин обойди, хоть Туран.
Там замки, дивящие разум и дух,
Журчание вод, веселящее слух...
Куда бы ни кинул внимательный взор,
Ничто заслужить не могло бы укор.
Увидел я стройный дворец Ферингис —
В нем будто лучи всех алмазов слились.
Когда б из небесных пределов Соруш*
Спустился — он более чем Сиавуш
Не мог бы тебя восхитить красотой,
И царственной мудростью, и добротой.
К тому ж отдохнули от долгой войны,
Желанный покой обрели две страны.
Да будет дано тебе в мире и впредь
И разумом и правосудьем греметь!»
Внимает владыка, на сердце светло:
Могучее древо плоды принесло!

[*Афрасьяб посылает Герсивеза к Сиавушу*]

Призвал Герсивеза, пиранов рассказ
Ему передал и добавил наказ:
«Ты радостью сердце свое озари,
Отправься и Сиавушгорд обозри.
Всем сердцем наш край Сиавуш полюбил,
Давно об Иране своем позабыл.
Ему не видать уж Кавуса-царя,

Ростема, забульского богатыря,
Гудерза, Бехрама, иранскую рать,
И палицу впредь ему в руки не брать.
В пустынной дотоле, безлюдной стране
Построил он город, подобный весне.
В роскошный дворец Ференгис водворил,
Почетом и счастьем ее одарил.
Итак, собирайся и в путь выступай,
Спеши к Сиавушу в прославленный край.
Почтенье величью его окажи:
Увидишь на троне — язык придержи.
В час пира, средь шумных забав на лугу,
Когда властелин в многолюдном кругу,
Ему уваженье являй и любовь,
При витязях всюду его славословь.
Дары собери для него поценней:
Динары и перстни, венцы и коней,
Одежды из лучшей китайской парчи,
В алмазах престол, кушаки и мечи,
Ковры, благовонья, все лучшее — сплошь
Из благ, что в хранилищах тайных найдешь.
А также дары отвези Ференгис.
Приветствуя, на похвалы не скупись.
Коль будет хозяин приветлив и рад,
Побыв две недели, покинешь ты град».
Вот в путь Герсивез именитый готов,
С ним тысяча конных туранских бойцов.
Помчались мужи, пыль взметнув до небес,—
Их в град Сиавуша привел Герсивез.
Услышал о том Сиавуш, и гостей
Встречать он выходит с дружиной своей.
Обняв именитого богатыря,
Спросил Сиавуш о здоровьи царя.
Гостей во дворец отвели, а уж там

Готовы покои вождю и бойцам.
На утро к царю Герсивез поспешил,
Дары и посланье с поклоном вручил,
Взглянул Сиавуш и зарделся, как мак,
При виде тех милостей щедрых и благ.
Велит он коня своего оседлать,
Вослед поскакала иранская рать —
Проехали с гостем по улицам всем
И в царский дворец воротились затем.

[*Рождение Форуда, сына Сиавуша*]

Примчался гонец, пред владыкой своим
Предстал он с отрадным известьем таким:
«У дочери ратного богатыря
Родился младенец, хорош, как заря;*
Форудом достойным его нарекли.*
Едва до Пирана те вести дошли,
Средь ночи он мне и другому гонцу
Велел их доставить владыке-отцу.
Еще возлежала на пышном одре*
Младенца светлейшая мать Джерире.
Но ею приказ был прислужницам дан;
Те кисть малыша окунули в шафран
И тут же ладонь приложили к письму.
Сказал мне Пиран: «К зятю мчись моему,
Поведай: всевышний, кем держится свет,
Послал мне отраду на старости лет».
Владыка ответствовал: «Царственный трон
Да будет Форудом навек озарен!».
Он столько дирхемов гонцу подарил,
Что несший дирхемы остался без сил.
Сказал Герсивез, предводитель дружин:
«Ликует Пиран, словно он — властелин!»

Все двинулись тут к Ференгис — поскорей
Отрадную новость поведать и ей.
Из кости слоновой престол во дворце,
Царица на нем в бирюзовом венце
Красою сияет, как в небе луна,
Рабынями юными окружена.
С престола сошла и поклон отдала,
Спросила, трудна ли дорога была.
Ответил, но втайне разгневался он,
Величием царственным тем уязвлен.
Подумал: «Дай срок, пролетит еще год,
Над всеми себя Сиавуш вознесет.
Ведь ныне владеет он целой страной,
И ратью, и троном и царской казной».
От зависти свет Герсивезу не мил,
Но гнев он в душе глубоко затаил.
Сказал Сиавушу: «Будь счастлив, труды
Твои не пропали, обильны плоды!».
Поставили троны под сводом дворца,
Воссев, для веселья раскрыли сердца.
Алмазами дивными троны цвели.
Пришли музыканты, и гости пришли;
Запели свирели и руды поют,
Веселие в души пирующих льют.

[*Сиавуш играет в конное поло*]

Вот солнце завесу с себя совлекло,
Даруя вселенной и свет и тепло.
И царь на ристалище с первым лучом
Примчался для конной забавы с мячом.
Мяч бросил сперва Герсивез удалой,
К мячу Сиавуш устремился стрелой,
Ударив човганом, обрел торжество.

Соперника он посрамил своего.
Мяч кверху взлетел и мгновенно исчез,
Как будто притянутый силой небес.
Тогда именитый промолвил бойцам:
«Играйте, досталось ристалище вам».
Помчались иранские воины вскачь,
И мигом отбит у противников мяч.
Доволен победою рати своей,
Царь выпрямил стан, кипариса стройней.
Приходит метания копий черед.
Престол золотое сияние льет,
Сидят на престоле два славных вождя,
За той богатырской потехой следя.
Летя, словно по полю вихрь, ездоки
Сражаются; копий удары метки.
Владыке хвалу Герсивез воздает:
«От предков венчанных ведешь ты свой род,
Но доблестью род свой затмил ты, о вождь:
Яви пред туранцами доблесть и мощь!
В ход лук свой и стрелы пусти, и копье,
Во всем покажи нам искусство свое».
Князь, веру в себя неизменно храня,
Покинул престол и вскочил на коня.
Вот связаны вместе пять крепких кольчуг;
Поднять и одну — труд немалый для рук.
Связав, положили средь поля все пять,
И смотрит, полна нетерпения, рать.
Властитель копье поднимает свое,—
То было отца боевое копье,
Служившее в мазендеранских боях,
На тигров лесных наводившее страх,—
С тем грозным копьем мчится по полю он;
Узду натянул и, как яростный слон,
Ударил в кольчуги, подкинул их ввысь,

И звенья, не выдержав, разорвались;
Поймал их копьем и на нем повертел,
И мигом забросил, куда захотел.
Помчались вослед Герсивезу бойцы,
Огромными копьями бьют удальцы,
Но сколько ни тщатся мужи, ни на пядь
Не могут кольчуги с земли приподнять.
Четыре гилянских щита Сиавуш *
Сложил, две брони богатырских к тому ж.
Лук взял он и стрелы свои; коли счесть,
Три было в руке и за поясом шесть.
Он лук оснастил, крепко стиснул бока
Коню боевому, и видят войска:
Щиты и брони — все пробила, прошла
Того молодого владыки стрела.
Вслед первой он прочие стрелы подряд
Послал: стали славить его стар и млад.
«Великий Йездан! — отовсюду неслось,—
Все стрелы прошли до единой насквозь!»
«О доблестный царь! — Герсивез возгласил.—
Иранцев ты всех и туранцев затмил.
Теперь на ристалище вместе с тобой
Поскачем, пред взорами ратников бой
Начнем врукопашную, за кушаки
Схватившись, как в яром бою седоки.
В Туране второго, как я, не сыскать,
Коню моему не найдется подстать,
А ты средь иранцев не знаешь в борьбе
Отвагой и мощью подобных себе.
Коль силы найдется довольно в руках
И будешь ты мною повержен во прах —
Склонишься тогда ты пред силой моей,
Признаешь: я в битве искусней, смелей.
А если во прах ты повергнешь меня —

Не витязь я более с этого дня».
«Не надобно так говорить,— Сиавуш
Ответил,— ты выше, о доблестный муж!
Коню моему повелитель — твой конь,
Мне светит твой шлем, как священный огонь.*
С туранцем другим повстречаться бы мне,
Но в дружеской схватке, не в ярой войне!»
«О доблестный,— был Герсивеза ответ,—
Вреда от потехи воинственной нет.
Друг друга за пояс схватив, поведем
Бой честный, худого не вижу я в том».
«Неправ ты,— звучит Сиавуша ответ,—
Мне биться с тобой, именитый, не след.
Борцов поединок — ведь это война,
Где ярость под ясной улыбкой видна.
Ты месяц к копытам коня своего
Повергнуть бы мог, брат царя самого.
Любым повеленьям твоим покорюсь,
Но битва расторгнуть грозит наш союз.
Коль хочешь ты видеть, я в битве каков,
Могу ль побеждать удалых ездоков —
Из свиты своей призови храбреца,
Ему быстроногого дай жеребца.
Поверь мне, я в грязь не ударю лицом
На поле борьбы пред тобой, удальцом».
Умолк Сиавуш, многодоблестный князь,
По нраву та речь Герсивезу пришлась.
Спросил он, окликнув туранскую рать:
«Кто хочет из витязей славу стяжать,—
Сойтись с Сиавушем один на один?
Кем будет повергнут во прах властелин?».
Не слышно ответа. Из витязей всех
Один лишь откликнулся Горуй-Зерех.*
«Я,— молвил он,— выйти отважусь на бой,

Когда не найдется соперник другой».
Поморщился царь, брови хмурые свел —
Горуя противником равным не счел.
Князь вымолвил: «Полно, досаду рассей!
Горуй ведь — сильнейший из наших мужей».
Ответ был: «Коль битва моя — не с тобой,
В глазах моих жалок соперник любой.
Вели, не один пусть выходит — вдвоем,
Во всем боевом снаряженьи своем».
И новый противник, Демур-великан,*
Которому равных не видел Туран,
Летит к Сиавушу быстрее, чем дым,
Готовый померяться силою с ним.
Приблизились оба — Горуй и Демур,
И каждый из них неспокоен и хмур.
Владыка за пояс Горуя схватил,
Ремень богатырской рукою скрутил.
И тотчас повержен во прах великан,
Не надобны ни булава, ни аркан.
Затем обернулся к Демуру и вдруг,
Сжав плечи ему всею силою рук,
С седла его сбросив, могучий герой
Поверг в изумленье весь воинский строй;
Демура легко к Герсивезу повлек —
Так птицу нести он под мышкой бы мог,
И тут же бойца отпустив, на престол
С улыбкой веселой беспечно взошел.
Гнев ярый, меж тем, Герсивезом владел;
От злобы завистник лицом пожелтел.
Вступили затем в озаренный дворец —
Ты скажешь, на небо вознес их творец! *
Внимая певцам, пировало семь дней
Собранье великих и славных вождей.
Но в путь Герсивезу пора выходить.

Царевич торопится сердце излить
В письме к Афрасьябу; приветствий оно
И пламенных благословений полно.
Дары для царя повелел он собрать,
И весело город покинула рать.
Толкуют бойцы, восхищенья полны,
О славном царе, о красотах страны.
Но ярость в душе Герсивеза горит,
Он мыслит: «Как много мы терпим обид!
Такой из Ирана явился к нам гость,
Что в сердце и стыд закипает, и злость.
Горуя с Демуром, столь славных мужей,
Воинственных, лютых, как львы, силачей,
Злой хваткою тот ненавистный боец
Унизил, поверг, обесславил вконец.
Не то еще будет! Безумство, царем
Свершенное, кончится вряд ли добром».

[*Возвращение и навет Герсивеза*]

Он скачет, не зная покоя и сна,
И вот уж столица Турана видна.
Примчался и к брату вошел своему,
Немало вопросов тот задал ему.
Ответил и брату посланье вручил.
Прочел Афрасьяб: словно луч озарил
Лик царский, сияет от радости он,
Но радостью той Герсивез омрачен.
Досада и зависть гнетут его дух.
Вот солнечный диск, закатившись, потух;
Всю ночь не смыкает очей Герсивез.
Когда же сверкающий светоч небес
Зажегся, ночной разрывая покров,
К владыке пришел он, угрюм и суров.

Лишь слуг отпустил Афрасьяб на покой,
Брат с речью к нему обратился такой:
«Правдивому слову внимая, поверь:
О царь, не узнать Сиавуша теперь!
Нередко я видел, послания шли
К нему от владыки иранской земли,
Из Рума и Чина; он полный фиал
За шаха Кавуса не раз поднимал.
Немало бойцов у него собралось:
Страшусь, как бы худо тебе не пришлось.
Ты вспомни о Туре: себя уберечь *
Хотел он; погиб не безвинно Иредж.
Ужели не знаешь: огня и волны,
Что тайной враждою от века полны,
Не сблизить вовеки, вовек не сдружить —
Так с волею ветер нельзя разлучить,
Мне — если бы эту опасность я скрыл,—
Позор бы уделом заслуженным был».
И сердце властителя боль обожгла;
В смятеньи, в боязни грядущего зла,
Сказал он: «Недаром одна у нас кровь;
Вела тебя братская, знаю, любовь.
Но надобно мне поразмыслить, меня
Оставь, посвящу размышленьям три дня.
Ясней пусть откроется правда уму,
К совету прибегну тогда твоему».
Три дня протекли, Герсивез пред царем
Предстал в боевом облаченьи своем.
Владыка, его усадив на престол,
Вновь речь о царе Сиавуше повел.
«Рожденный Пешенгом! — сказал Афрасьяб,— *
Любовь твою чья заменить мне могла б?
Я сердце готов пред тобой отомкнуть;
Постигни событий свершившихся суть.

Вначале зловещий смутил меня сон,
Тревогою тайной внезапно пронзен,
Я мир предложил Сиавушу тогда,
И мы от того не видали вреда.
Он с троном расстался, противясь войне,
Он соткан из чести и верности мне.
Ни разу меня не ослушался он,
И мною заслуженно вознагражден.
Забыл я про зло, причиненное встарь:
Теперь он могучий, владетельный царь.
С ним в кровный союз я вступил, и с тех пор
Кровавый из памяти вычеркнул спор.
Я с ним поделился казною своей
И дочь ему дал, что дороже очей.
Столь много трудов понеся для него,
Вручив ему царство, вступив с ним в родство,
Могу ли теперь помышлять о худом?
Худая молва разнеслась бы о том.
Я повода с ним враждовать не найду;
Малейшую если явлю я вражду,
Суров будет витязей суд надо мной,
Себя опозорю пред каждой страной.*
Когда нападу на невинного я,
Меня покарает святой судия.
Напомню еще про отцов и детей:
Лев даже, что зверя любого лютей,
Вступился б за львенка: обидят — беда!
Вокруг все сметет, сокрушит он тогда.
Исход лишь один остается у нас:
К отцу отослать Сиавуша сейчас.
Хоть перстень достанься ему, хоть венец —
Покинул бы только наш край, наконец».
«Владыка! — ответная слышится речь.—
Ты хочешь столь грозной бедой пренебречь?

Когда Сиавуш возвратится в Иран,
Безжалостно будет погублен Туран —
Затем, что чужого почел ты родным,
Все тайны державы раскрыл перед ним.
Совет я слыхал: даже ветру твой дом
Покинуть не дай, коли стал он врагом.
Отпустишь — дождешься тревог и забот,
Утратишь богатство, исчезнет твой род.
Ужели не знаешь: кто тигра взрастит,
В злосчастную жертву себя обратит».
Царь вдумался в речь Герсивеза, ему
Она показалась согласной уму;
В содеянном горько раскаялся он,
Беды устрашился, душой омрачен,
Сказал Герсивезу: «Не вижу пути,
Который ко благу бы мог привести.
Помедлим, пусть некое время пройдет,
С загадки завеса, быть может, падет.
Не стану спешить, коль могу подождать;
Дам солнцу не раз закатиться и встать,
Узнаю к кому благосклонно оно
И волей небесною что суждено.
Сперва Сиавуша к себе призову,
Покров с его замыслов тайных сорву.
Увижу, как будут события течь,
И будет легко мне себя уберечь.
Коль заговор дерзостный будет раскрыт,
Тогда поневоле душа закипит;
Людская меня не коснется хула,—
Ведь зло я свершу в возмещение зла».
Но, местью дыша, говорит Герсивез:
«Владыка правдивый, любимец небес!*
С могучей такой, богоданной рукой,
С булатом таким, с булавою такой

К тебе он примчится главою бойцов,
Он мир помрачить пред тобою готов.
Сказал я: не прежний, другой это муж,
До солнца вознесся главой Сиавуш.
И дочь ты свою не узнал бы, поверь:
Как будто весь мир ей подвластен теперь.
К нему перейдет твое войско; увы,
Погибнешь, как пастырь, лишенный паствы!*
Увидев столь доброго сердцем царя,
Чья мудрость безмерна, чей лик — что заря,
Отвергнут тебя: ты останешься наг,*
А он будет гордым владетелем благ.
Ужели надеяться можно к тому ж,
Что, бросив цветущий свой край, Сиавуш
Примчится, едва позовет Афрасьяб,
Падет перед ним как униженный раб.
Мир дружбы не видел меж львом и слоном,
Не видел воды, покоренной огнем.
Ты новорожденного львенка в шелках
Лелей и ласкай, и носи на руках,
Молочной и сахарной влагой корми,
И все же, хоть вырастет он меж людьми,
В нем львиная будет природа видна:
Он в яростной схватке сомнет и слона».
Речь хитрая в сердце проникла царю,
В смятеньи внимает он богатырю.
И все ж торопиться не хочет: лишь тот,
Кто тверд и спокоен — к победе придет.*
Недаром хулит торопливых молва.
Я помню премудрого старца слова:
Лишь ветер шальной выжидать не привык,*
Он с места сорваться готов каждый миг.
А шалый хвалу заслужить бы не мог,
Будь даже как тополь могуч и высок.

Расстались, но каждый томится без сна;
Вновь старой враждою душа зажжена.
Исполненный умыслов злых, исполин
Не раз приходил к властелину дружин.
Старался склонить к злодеянью царя,
Недобрые речи ему говоря,
Плел сети коварства, а время все шло —*
В душе у царя озлобленье росло.
Однажды к себе Герсивеза призвал,
Придворным покинуть покой приказал
И с братом он стал совещаться опять:
Как быть с Сиавушем, как зла избежать?
Затем повелел Герсивезу: «Скачи,
Посланье мое Сиавушу вручи».
Писал он: «Забыл ты о тех, что любя
Давно стосковались вдали от тебя.
Душой истомился я; в путь соберись,
Меня навести со своей Ференгис.
По лику соскучился я твоему,
По чуткому сердцу, душе и уму.
В горах и у нас разной дичи полно,
В ковшах и у нас молоко и вино;
Веселье вкушая, побудешь со мной.
А если ты вспомнишь свой город родной —
С отрадою тут же вернешься назад.
Ужель пировать ты со мною не рад!
Встань, сердце от царственных стен оторви,
И в путь поспеши, внемля зову любви».

[*Герсивез снова отправляется к Сиавушу*]

Помчался, коварен и кознелюбив,
Боец Герсивез, в мыслях зло затаив.
И вот уж страна Сиавуша близка.

Избрав среди рати своей седока.
Велит он: «Скачи, Сиавушу скажи:
— Властитель, которым гордятся мужи!
Во имя владыки туранской земли,
Во имя владыки иранской земли:
С престола ты ради меня не сходи,
Навстречу своих удальцов не веди.
Ты слишком великий, прославленный муж
И слишком высокого рода к тому ж,
Чтоб с места внезапно срываться, как лист
Взлетает, чуть ветра послышится свист».
И вот к Сиавушу примчался посол,
Склонился пред ним, лобызая престол,
Слова Герсивеза ему передал.
Наказа такого царевич не ждал
И долго сидел он, исполненный дум:
«Здесь кроется тайна»,— подсказывал ум.
Но вот у ворот Герсивез-исполин;
Навстречу ему поспешил властелин.
Прибывшего витязя стал вопрошать
Про путь, про царя и про царскую рать.
Тот все повторил, что наказывал брат.
Приветным словам афрасьябовым рад,
Сказал Сиавуш: «За владыку я грудь,
Не дрогнув, булату подставил бы. В путь
Готов я, мы стремя о стремя с тобой
К царю Афрасьябу помчимся стрелой.
Но раньше мы в этом дворце расписном
Три дня проведем, услаждаясь вином.
Мир бренный немало нам горя несет;
Злосчастен живущий под гнетом забот!»
Ответ благородный царя-мудреца
Смутил и в тревогу поверг хитреца.
В душе трепетал он, себе говоря:

«Коль вместе со мной пред очами царя
Появится он, воплощенная честь,—
Все рухнет, и мне торжества не обресть.
Тогда уж властителя не обойдешь,
В моих увереньях увидит он ложь.
Уловку попробую изобрести,
С пути легковерное сердце свести».
Задумался, взор в Сиавуша вперив,
И долго сидел, недвижим, молчалив.
Вдруг хлынули жаркие слезы из глаз,
И эта уловка лжецу удалась.
Царь видит: глаза Герсивеза струят
Потоки, как будто он горем объят.
«Друг милый,— сказал он,— что с сердцем твоим?
Какою кручиной ты втайне томим?
Быть может, тебе оскорбленье нанес
Владыка, виновником став твоих слез?
Тогда я с тобою немедля помчусь,
С суровым укором к нему обращусь:
Как мог он унизить, задеть твою честь,
Тебя недостойным почтения счесть!
Когда удручен ты заботой иной,
Коль недругу должен ответить войной,—
И в этом, поверь, помогу я тебе,
Соратником стану в кровавой борьбе.
А если в глазах Афрасьяба позор
Навлек на тебя хитреца наговор,
Злодея, что лживый сплетает рассказ,
Себя над тобою возвысить стремясь —
Наветчика ты назови мне, вдвоем
Скорей на него мы управу найдем.
Я разум на помощь тогда призову
И сети обманщика вмиг разорву».
«О славный,— звучит Герсивеза ответ,—

Размолвки меж мной и властителем нет.
Не знал и врага я до нынешних дней,
Кто был бы богаче меня и сильней.
О прошлом я вспомнил, скажу не тая,
Об истинах горьких задумался я.
Злой Тур был начальной причиною бед,
Его разлучил с благодатью Изед.
Ты знаешь о том злодеяньи, что встарь
Свершил над Иреджем тот яростный царь.
Воздал Менучехр Афрасьябу враждой;
С Ираном Туран, словно пламя с водой,*
Столкнулись, забыли согласия дни
И разума голос отвергли они.
Но знай, Афрасьяб злее Тура стократ.
Не то еще будет! Смятеньем объят,*
Не раз содрогнешься, властителя нрав
С течением дней до конца разгадав.
Возьми Агрирeса в пример: без вины
Погублен рукой властелина страны
Единоутробный, достойнейший брат.
Владыка убил его, гневом объят,
И много других именитых мужей
Затем умертвил он рукою своей.
Пойми, о твоей хлопочу я судьбе,
Спасенья и счастья желая тебе.
С тех пор, как в Туран тебя жребий занес,
Ни разу не стал ты причиною слез
Народных, стезей добродетели шел;
Твоими стараньями край наш расцвел.
Но злобный тебя очернил Ахриман,
И жаждою мщения царь обуян.
Враждою пылает он, лют и суров.
Кто ведает волю владыки миров?
Ты знаешь: как лучшего друга любя,

Во всем я готов постоять за тебя.
Боюсь, чтобы после меня не корил
За то, что я истину горькую скрыл.
Я тяжкий бы грех совершил, умолчав
О том, что замыслил владыка держав».
«Не думай об этом,— ответил мудрец,—
На помощь придет мне всевышний творец.
Я верю владыке; противно уму,
Чтоб ясный мой день погрузил он во тьму.
Будь яростью тайною царь распален,
Меня средь мужей не возвысил бы он,
Не дал бы мне трона, венца и страны,
Ни дочери в жены, ни войск, ни казны.
С тобою теперь поспешу я к царю
И дух его мрачный лучом озарю.*
Где правды зажегся живительный свет —
Ложь меркнет, ее исчезает и след.
Я сердце открою владыке, оно
Как солнце небесное, света полно.
Ты ясной и радостной душу храни,
Избегну я гибели, страх отгони!
Не кинусь опасности в пасть — не таков*
Премудрый завет властелина миров».
Ответ был: «О царь добросердый, поверь:
Владыку и ты не узнал бы теперь.
Воистину если таинственный рок
Нахмурит чело, беспощадно-жесток,
Мудрейший, и тот не отыщет пути,
Как жизнь от тисков смертоносных спасти.
Возможно ль? Герой, одаренный притом
Столь ясным и столь прозорливым умом,
Ты милостью счел вероломную ложь?
Опомнись: на верную гибель идешь!
Он сетью опутал тебя колдовской,

Затмил он рассудок доверчивый твой.
С тобой породнился он, зятем назвал,
И ты в ослеплении возликовал.
Тебя он владыкою провозгласил,
Тебя пред великими превозносил.
Твой ум усыпляя, не делал он зла,
Чтоб в мире худая молва не прошла.
Был братом ему Агрирес; братских уз
Ведь твой не теснее с владыкой союз.
Булатом он брата рассек пополам
На горе и страх именитым мужам.
Таков его нрав, от тебя не таю.
Будь бдителен, жизнь охраняя свою!
Я все, что мне опыт и разум внушил,
Тебе, не колеблясь, открыть поспешил.
Я истину другу поведал скорбя:
Все ясно, как солнце, теперь для тебя.
Отца ты отверг и покинул престол,
За городом город в Туране возвел;
Властителю жизнь легковерно вручив,
Его обещаньями дух обольстив,
Ты вырастил черное древо беды,
Где дышат отравой листва и плоды».
Так молвит он, слезы обильно струя,
Вздыхая, но в сердце коварство тая.
Глядит Сиавуш, удручен, потрясен.
Слез жарких ручьи проливает и он,
И в горести мыслит: нависла беда,
Отвергли его небеса навсегда.
Сколь рано, в расцвете желаний и сил,
Злой рок ему с жизнью расстаться судил!
Боль в сердце, подернулся бледностью лик;
Вздохнул тяжело, головою поник,
В ответ искусителю так говоря:

«Не ведаю, чем я прогневал царя!
Ни слов, ни деяний дурных от меня
Не видел, не слышал до этого дня,
И сам для меня не жалел он щедрот;
Мне горько, что боль ему душу гнетет.
Пусть кара обрушится — кару стерплю,
Но воли властителя не преступлю.
Без войска с тобою отправлюсь к нему,
Обиду его разгадаю, пойму».
«О славный,— звучит Герсивеза ответ,—
К нему ты не езди, услышь мой совет.
Кто б сам захотел очутиться в огне?
Кто вверил бы жизнь вероломной волне?
Ты кинуться хочешь навстречу беде,
Сам гаснуть своей помогаешь звезде.*
На друга надейся, готов я служить.
Помчусь — попытаюсь огонь потушить,
Ответ на посланье царю повезу,
Увидим, что встречу я — тишь иль грозу.
Когда обнаружу, что гнев его стих,
И можно времен дожидаться иных,
К тебе верхового с известьем пришлю
И скорбную душу твою исцелю.
На правого я уповаю творца,
Которому помыслы все и сердца
Открыты; он гордую душу смягчит,
Его на благую стезю обратит.
А если в неистовстве все еще он —
Ты будешь об этом гонцом извещен.
Тогда собирайся немедленно в путь,
Спеши из смертельных тисков ускользнуть!
В соседних краях будут рады принять
Тебя и цари, и верховная знать.
В трех ста сорока лишь фарсангах пути

Отсюда Иран; Чин — лишь в ста двадцати.
Радушно бы встретили в Чине тебя,
Служили усердно, всем сердцем любя.
В Иране — отец истомившийся ждет,
И верная рать, и родной твой народ.
Ты в обе державы послов отряди.
Прощай же, готовься, известия жди!»
И внял увещаньям его Сиавуш.
Так был ослеплен проницательный муж!
Ответил: «Тебя не ослушаюсь, нет,
Усердно исполню твой каждый совет.
Заступником будь и от казни избавь,
Ко благу и правде владыку направь».

[*Письмо Сиавуша к Афрасьябу*]

Писца умудренного вызвав, ему
Тотчас приступить повелел он к письму. *
Вначале письма восхвалялся творец,
Рабов утешитель, целитель сердец,
В честь разума сказаны дальше слова,
Затем возвеличен Турана глава:
«О царь-победитель, чья доля светла!
Да царствуешь вечно, не ведая зла,
В кругу справедливых и мудрых мужей!
Я царственной милостью счастлив твоей:
Со мной Ференгис в озаренный твой дом
Ты кличешь, любовью отцовской ведом.
Но мается, бременем отягчена,
Не ест и не пьет, и не ходит она.
Прикован и я к изголовью ее,
Меж смертью и жизнью ее бытие.
Я вскоре примчусь, на призыв твой спеша,
Согретая лаской, трепещет душа.

И дочь ты увидишь: она, исцелясь,
С любовью к тебе устремится тотчас.
Я страха и жалости полон: одну
Не в силах я ныне оставить жену».
Посланье окончив, печать приложил,
Затем Герсивезу посланье вручил,
И тот, оседлав трех коней огневых,
Посменно скакал днем и ночью на них.
Путь дальний и трудный средь гор и долин
Свершил в трое суток боец-исполин.
Примчался, к владыке вошел впопыхах;
Злой умысел в сердце и ложь на устах,
И злоба на сумрачном лике его.
Дивясь, вопросил Афрасьяб: «Отчего
Так рано вернулся? В короткий сей срок
Как путь столь далекий осилить ты смог?»
А тот: «Коль опасность вдали разглядишь,
Не ищешь покоя, себя не щадишь.
Посла твоего не почтил Сиавуш,
Навстречу не вышел ко мне, и к тому ж
Не выслушал речи, письма не прочел,
Сесть наземь заставил, не с ним на престол.
Иранских посланников чествует он,
Путь в край Сиавуша лишь нам прегражден.
Там грохот оружья над ширью равнин:
И Рум присылает дружины, и Чин.
Коль первым напасть не отважишься — знай,
На верную гибель осудишь ты край.
В Туран поначалу придет он войной,
А там овладеет иранской страной.
А если в Иран поведет он войска,
Его уж ничья не осилит рука.
Ясны его замыслы ныне тебе,
Забудь же сомненья, спасенье в борьбе».

[*Афрасьяб идет войной*
против Сиавуша]

Царь слушал, и яро кипела в нем кровь.
Ты скажешь, минувшее ожило вновь.
Его обуял столь неистовый гнев,
Что, брату ответить еще не успев,
Он в рог и в трубу повелел затрубить.
В литавры и в гонги индийские бить.
Из Канга цветущего вывел ряды,
Посеял он сызнова семя вражды...
Как только бесчестный хитрец Герсивез,
Погнав скакуна, в клубах пыли исчез,
Вошел Сиавуш в сокровенный покой,
Всем телом дрожащий, томимый тоской.
Сказала царица: «О храбрый, как лев,
Что в сердце таишь ты, печаль или гнев?».
«Узнай, светлоликая,— молвил он тут,—
В Туране уже Сиавуша не чтут.
Теряюсь в догадках, мой ум потрясен,
Как будто тяжелый гнетет меня сон.
Коль речь Герсивеза правдива — мой путь*
Окончен, круг жизни пора мне замкнуть».
За косы рванула себя Ференгис,
Миндалины-ногти в ланиты впились;
Кровь брызнула на гиацинты кудрей,
На снежные перси слез жаркий ручей
Льет бедная в бурном порыве тоски.
То перлы зубов ранят губ лепестки,
То рвет одеянья она на себе,
Укор посылая отцу и судьбе.
Сказала, рыдая: «Венчанный герой,
Что станешь ты делать? Мне правду открой!
Обиду в душе затаил Кей-Кавус;
Подумать, и то об Иране страшусь;

Путь долог до Рума, а в Чине искать
Приюта, о славный, тебе не подстать.
Куда ж устремишься, в какие края?
Один лишь создатель — опора твоя».*
В ответ Сиавуш: «Состраданьем горя
Нам весть Герсивез принесет от царя
О том, что, всю правду постигнуть сумев,
Сменил он на милость неистовый гнев».
Так молвил и, злою судьбой удручен,
Себя поручил вседержителю он.

[*Сон Сиавуша*]

Немилостью рока повергнутый в страх,
Три дня пребывал он в печали, в слезах;
А в ночь на четвертый на ложе своем
Забылся тревожным, томительным сном.
Средь ночи вскочил он, испугом пронзен,
Взревев, словно буйством охваченный слон.
Царица-луна обхватила его.
«Что сталось с тобою?» — спросила его.
Пришли со свечами; свет спорит со мглой,
Жгут амбру и пряный, душистый алой.
И ласково молвит царица: «Во сне
Что видел ты, царь, не расскажешь ли мне?»
Ответил владыка: «Поведаю сон,
Но только не должен он быть разглашен.
Река мне приснилась, о мой кипарис,
Текущая бурно. Рядами сошлись
Чужие бойцы на ее берегу,
И гонится пламя за мной. На бегу
Громада огня все росла и росла
И град Сиавуша спалила дотла.
Я — в смертных тисках у огня и волны,
Все ближе бойцы, Афрасьяб и слоны.

Взъярился владыка, взглянув на меня,
И яростней вспыхнуло море огня».
В ответ Ференгис: «Сон твой, верно, к добру.
Спокойно усни, все решишь поутру.
То гибель судьба Герсивезу сулит,
Он будет властителем Рума убит».
Дружину созвал Сиавуш, и посты
Расставить велел средь ночной темноты.*
Готов защищаться, сжимая кинжал,
Разведчиков в сторону Канга послал.
В предутренний час к Сиавушу назад
Примчался разведчик, смятеньем объят,
С известием: «Движутся издалека
Властителя Афрасиаба войска».
Пришел и наказ Герсивеза: «Добра
Не жди! О спасеньи подумать пора.
Владыка не внял увещаньям моим,
По-прежнему яростью лютой палим.*
Спасайся же, рать уводя за собой,
Защиты ищи от беды роковой!»
Известием этим повергнутый в дрожь,
Царь принял за правду коварную ложь.
«Не думай о нас,— говорит Ференгис,—
Все ближе заклятый твой враг, берегись!
С Тураном простись, ты в опасности тут.
Коня быстроногого пусть приведут.
Спасайся! Тебя да минует беда,
Душой успокоюсь я только тогда».

[*Наставления Сиавуша Ференгис*]

Сказал Сиавуш: «Мой сбывается сон,
Счастливой звезды моей свет помрачен.
Дожить привелось мне до горького дня,

Отныне окончена жизнь для меня.
Вознесся до неба мой гордый чертог,
Но чашу отравы подносит мне рок.
Что ж, пусть проживу я хоть тысячу лет,
Мне, кроме могилы, убежища нет.
Не все ли равно — в лапы тигру попасть,
Иль птице Хомай, или ястребу в пасть.
Роптать бесполезно: в ком мудрость живет,
Тот света от полночи темной не ждет.
Ты ныне шестой уже месяц, жена,
Отрадною ношею отягчена.
На древе надежды ты вырастишь плод,
Царем наградишь несравненный мой род.
Его Кей-Хосровом благим назови,*
Взрасти под заботливой сенью любви.
Создателем движимо все естество,
Все в мире подвластно закону его —
И крылья букашки, и ноги слона,
Источника струйка и Нила волна.
Уснуть не дано мне в иранской земле,
Лежать суждено мне в туранской земле.
Веленье всевластных судеб таково!*
Век прожит — назад не воротишь его.
Погубит меня Афрасьяба вражда,
Померкнет державного счастья звезда.
Придут меня в саван кровавый облечь,
Снесут неповинную голову с плеч.
Никто не оплачет страдальца судьбу,
Усну не в могиле, не в царском гробу —
Останусь лежать, обезглавлен, в пыли,
Как бедный пришелец из чуждой земли.
Тебя обнажат злые стражи царя,
Потащут на улицу, злобой горя.
С мольбою тогда устремится Пиран

К владыке, которым возглавлен Туран,
И жертву безвинную тот пощадит.
Укроет тебя от невзгод и обид
Пирана, вождя седовласого, кров;
Там славный родится на свет Кей-Хосров.
Спаситель затем из Ирана придет,
На помощь, по воле Йездана, придет;
К Джейхуну пробраться поможет он вам,
В Иран переправит по бурным волнам.
В Иране Хосров воцарится, и впредь —
От рыбы до птицы — всем станет владеть.
Несчетному войску оттуда прийти,
Вновь смуте кровавой весь мир потрясти.
Так сводом кружащимся предрешено,
Смягчить приговор никому не дано.
Немало иранцев, мне верных душой,
Оденутся в латы, помчатся на бой.
Весь мир забушует, когда Кей-Хосров
Клич воинам кликнет, могуч и суров.*
Вновь Рехшу могучему землю топтать,
Туранцев Ростем обездолит опять.
Булаты и палицы, мстя за меня,
Разить не устанут до судного дня.
Прощай же, подруга, бестрепетно жди:
Немало суровых невзгод впереди.
Готовься к пришествию черных времен,
Забудь наслажденье и счастье, и трон».
Рыдая, припала к нему Ференгис,*
Кровавые слезы ручьями лились;
Ногтями впилась в розы нежные щек,
Кляня в исступленьи безжалостный рок.
Судьба, для того ли растишь ты людей,
Чтоб сделать их жалкой добычей своей?..
Излив свою душу пред милой женой,

Владыка покинул покой расписной,
Тоскуя, не в силах стенанья сдержать.
На лике поблекшем — страданья печать.
К дворцовым конюшням владыка идет,
Оттуда коня вороного ведет,—
Бехзад его кличка; порой боевой
Не знал себе равных скакун огневой.
Владыка его обнимает, стеня,
Поводья и сбрую снимает с коня
И в горести на ухо шепчет ему:
«Будь стойким, врагу не служи моему!*
Знай, должен тебя Кей-Хосров оседлать,
Когда приведет он для мщения рать.
Украшен его золотою уздой,
Забудешь о стойле, скакун молодой.
Служа Кей-Хосрову, по свету скачи,
Подковами злобных врагов растопчи!»
Коням остальным, вынув острый свой меч,
Решился он резвые ноги подсечь.
А груды динаров, алмазов, парчи,
Шеломы, венцы, пояса и мечи
Без жалости он истребленью обрек,
Цветник разорил и чертоги поджег.*

[*Сиавуш в плену у царя Афрасьяба*]

Все это свершил он и город тотчас
Покинул, судьбы беспощадной страшась.
К Ирану с дружиной направился он;
Слезами кровавыми лик обагрен.
Едва полфарсанга успели пройти,
Настиг их владыка Турана в пути.
В доспехах бойцов он увидел, к тому ж

В кольчугу одет был и сам Сиавуш.
Подумал владыка: «Сказал Герсивез
Мне правду — ведь правда не терпит завес».
Едва Сиавуш Афрасьяба войска
Увидел, почуял он: гибель близка.
Смятенье объяло бойцов: каждый склон
Туранцами занят, и путь прегражден.
Две рати в молчаньи сомкнули ряды.
Ведь раньше сердца их не знали вражды.
Застыли туранцы, напасть не решась,
Царя Сиавуша невольно страшась.
Иранцы к владыке тогда подошли,
Сказали ему: «Повелитель земли,
Ужели дозволим, чтоб нас обрекли
На гибель, и мертвых в пыли волокли!
Сразимся, пусть ратные наши дела
Увидят. Опасность, поверь, немала».
Но князь отвечал: «Ваш совет не приму
Не время мне в битву идти, ни к чему!
Свой род запятнал бы я славой дурной,
Когда на владыку пошел бы войной.
Пусть рок мне готовит лихую беду,
Пускай от злодейских ударов паду —
Являть не пристало мне бранный задор.
Напрасен с небесною волею спор!
Твердили не раз мудрецы в старину.
С судьбиною злою не вступишь в войну».
Взывая к царю, Сиавуш говорит:
«Владыка, чья слава по свету гремит!
Зачем эти полчища приведены
Тобою — ужели убьешь без вины?
Опять разгорится былая вражда,
Проклятья вселенной услышишь тогда».
Вскричал Герсивез недостойный в ответ:

«Нас речью пустой не обманешь ты, нет!
Зачем же, когда не виновен ни в чем,
В доспехах ты ныне предстал пред царем?
Твой лук смертоносен и стрелы остры —
Такие ль царю подобают дары?».
Лишь эти слова услыхал Сиавуш,
Вскричал он: «Ты низкий предатель, не муж!
Меня погубила твоя западня;
Ты лгал, что разгневался царь на меня.
Знай, тысячи тысяч безвинных людей
Падут из-за подлой уловки твоей.
Но ждет тебя кара за гнусную ложь:
Что ныне посеял, то после пожнешь!».
Сказал он затем возглавлявшему край:
«О царь, в ослепленьи огнем не играй!
Не шутка поднять на безвинного меч
И столько мужей истребленью обречь.
За правду приняв недостойный обман,
Погибнешь ты сам и погубишь Туран».
Тут снова вмешался коварный, едва
Услышать успел Сиавуша слова:
«Опомнись, о царь! — злобно стал он кричать —
Что слушать врага и ему отвечать!»
И внял Афрасьяб Герсивезу. Взошло
Тем временем солнце и стало светло.
Бойцам повелел он мечи обнажить,
С воинственным кличем скакать и разить.
Но царь Сиавуш, помня клятву свою,
Не мог прикоснуться к мечу и копью.
И слышит его повеление рать:
Не двигаться с места, в борьбу не вступать.
Меж тем Афрасьяб, беспощаден и яр,
Велит наносить за ударом удар.
«Крушите,— кричит,— чтобы после челны

Вздымались на гребне кровавой волны!»
Их тысяча было, иранских бойцов, *
В борьбе закаленных мужей-храбрецов;
На поле сражения все полегли,
Под алою кровью не видно земли.
О горе, уже роковою бедой
Сражен Сиавуш, властелин молодой.
Клинками и стрелами злыми пронзен,
С коня вороного низринулся он;
Привстав, как хмельной, зашатался, поник.
Тут злобный Горуй Сиавуша настиг
И пленнику шею петлею двойной
Стянул он, и руки связал за спиной,
И пешим его за собой волоча,
Помчался... О, злобная месть палача!
По розам ланит слезы с кровью текли;
Дня не было горше, страшней для земли!
Один, беззащитный средь вражеских орд,
Доставлен был мученик в Сиавушгорд.
Велит повелитель Турана: «Скорей
Скачите! Вдали от проезжих путей,
В пустыне бесплодной карающий меч
Преступнику голову должен отсечь:
Там прах раскаленный пусть кровь его пьет!
Без трепета, без промедленья вперед!»
«О царь,— говорят Афрасьябу мужи,—
Какой совершил он проступок? Скажи,
Что сделал худого тебе? Отчего,
Поведай, возжаждал ты крови его?
Расправиться хочешь с венчанным царем?
Венец и престол зарыдают о нем!
Сажаешь ты древо, чьи будут плоды
Отравлены ядом смертельной вражды!»
Но вождь Герсивез, ярой злобой горя,

Торопит убийц обезглавить царя:
Еще не забыл он обиды былой,
Нет места пощаде в душе его злой.
У старца Пирана был доблестный брат,
Моложе годами. Рассудком богат,
Он старшему брату подобен во всем,
А имя тому меченосцу — Пильсом. *
Сказал властелину Пильсом молодой:
«Убийство такое чревато бедой.
От мужа премудрого слышал я речь,
Которой рассудку нельзя пренебречь.
Собою владей: не раскается тот,
Кто в гневе рассудок на помощь зовет.
От дьявола злоба и бешенство, им
Поддавшись, раскаяньем будешь томим.
Подвластному голову — помни о том —
Рубить недостойно в порыве слепом!
Не лучше ли в цепи его заковать,
В советники мудрое время призвать?
Молю я, пока обойдись без меча,
Дай гневу остыть, не казни сгоряча.
Коль время решенье твое изменить
Не сможет — не поздно ведь будет казнить.
Главу, на которой державный венец,
Рубить неразумно, о славный мудрец!
Решившись венчанную голову снесть,
Ростема и шаха подвигнешь на месть.
Ведь шахский он сын, и достойно притом
Воспитан Ростемом, могучим бойцом.
Когда злодеянье такое свершишь,
Ты кары безжалостной не избежишь.
Припомни подобный алмазу булат,
Чьи взмахи мгновенную гибель сулят,
И всех именитых иранских мужей,

Весь мир изумляющих мощью своей.
Герой Фериборз, сын Кавуса родной,
Которого ввек не насытить войной,
И Слоноподобный, разящий мечом,
Которому рать сокрушить нипочем,
И Тус, и Гудерз, и Горгин, и Ферхад
Литавры на спины слонов водрузят,
Примчатся, о мщении мысля одном,
Лес копий взрастив на просторе степном.
Не нам одолеть их в кровавой войне —
Ни мне, ни другим, равным силою мне.
Примчится Пиран, чуть забрезжит рассвет.
Услышав премудрого мужа совет,
Ты пленника сам не захочешь казнить.
Войны берегись, поспеши отменить
Приказ, что не ты, а твой гнев отдавал —
Иль хлынет в Туран полчищ вражеских вал».
Смягчился владыка от этих речей,
Но ярость наветчика все горячей.
Царю Герсивез говорит: «О мудрец,
Тебя на безумство толкает юнец! *
Ты видишь, иранцев клюет воронье:
Коль битвой испугано сердце твое,
Для битвы и так уж довольно причин.
На клич Сиавуша Рум дальний и Чин
Откликнутся, грозные рати прислав.
Мир дрогнет от звона мечей и булав.
Иль мало того, что досель натворил?
Теперь для советов ты слух отворил!
Змею придавив, должно смерти предать,
А ты ей щедроты готов расточать!
Коль недруг помилован будет тобой,
Уйду я, владыка. Гонимый судьбой,
Вдали уголок для себя отыщу,

Недолго еще на земле прогощу!»
Горуй и Демур, озлобленья полны,
Твердят в свой черед властелину страны:
«Пусть казнь Сиавуша тебя не страшит!
Где медлить губительно, мудрый спешит.
Совет Герсивеза исполни, с пути
Опасного недруга смело смети.
Он пойман, захлопнута дверь западни,—
Убей же, достоинства не урони!
Лишь смерти достоин твой враг. Не робей,
Сердца зложелателей разом разбей!
Тобой сметена сиавушева рать,
Как жаждою мщенья ему не сгорать!
Ведь ты бы его не безвинно казнил:
Он первый обиду тебе причинил.
Нет, лучше на гибель врага осуди,
Ни тайно, ни явно его не щади!»
Бойцам отвечает владыка страны:
«По правде, за ним я не знаю вины,
Но он на погибель меня обречет —
Так мудрый предсказывал мне звездочет.
А если казнить Сиавуша решусь,
Пыль ратная встанет над краем, страшусь,
И солнце такая окутает тьма,
Что каждый разумный лишится ума.
В Туран на погибель мою, на беду
Пришел он. К спасенью пути не найду.
Прощение — тяжкий бы вред принесло,
А казнь причинит еще большее зло».
Бесхитростен будь, или будь ты хитер —
Напрасно вести с провидением спор!

[*Ференгис умоляет Афрасьяба о пощаде*]

Услышала черную весть Ференгис,
И ногти несчастной в ланиты впились.
Терзает страдалицу горе и страх;
Посыпала голову прахом; в слезах,
Свой стан опоясав кровавым жгутом,
Упала она пред венчанным отцом.
«Владыка, что делаешь! — стала молить —
Иль сердце ты хочешь мне испепелить?
Злодею, что хитрые сети плетет,
Ты вверился! Бездну не видишь с высот?
Царевича ты не казни без вины,
Побойся создателя звезд и луны!
С Ираном расставшись, тебе Сиавуш
Доверился: клятвы святой не нарушь!
Ведь ради тебя он прогневал отца,
Отрекся от трона, казны и венца.
Ты взял под защиту изгнанника: что ж
Он сделал худого? Все козни и ложь!
Венца и престола тому не сберечь,
Кто сносит венчанную голову с плеч.
Ужель надо мною не сжалишься ты?
Что мир? — поразмысли — обитель тщеты!
Один, благородный, с престола сметен,
Другой, недостойный, восходит на трон,
Но роком обоим отсчитаны дни,
И оба во прах обратятся они.
Не верь Герсивезу, предатель он злой,
Себя не позорь перед целой землей!
Ты помнишь, как был Феридуном Зохак
Наказан — добра, справедливости враг;
Как Сельма и Тура жестокого встарь

Сразил Менучехр, добродетельный царь?
Теперь Кей-Кавус возглавляет Иран,
С ним грозный Ростем и премудрый Дестан,
Бехрам и Зенге, украшенье дружин,
Не знающий страха в бою исполин,
И витязь из рода гудерзова — Гив,
Что землю потряс бы, в сраженье вступив.
От гнева моря закипят, небосвод
За кровь Сиавуша тебя проклянет.
Себя обрекаешь ты горькой судьбе,
Не раз мое слово припомнить тебе.
Ведь ты не онагров пугаешь степных,
Не ланей ведь ты настигаешь степных--
У трона ты хочешь похитить царя.
Тебя проклянут и луна и заря!
Опомнись, владыка, родимый наш край
Несчастью и гибели не обрекай».
Тут лик Сиавуша узрела жена,
И щеки терзая, вскричала она:
«О царь и воитель, о вождь и мудрец,
О доблестный лев, о могучий храбрец!
Покинув отчизну, покинув престол,
Владыку Турана отцом ты почел.
И что же? Ты в путах на гибель ведом!
Где трон и корона, где царственный дом?
Где клятва, повергшая в дрожь небеса, *
Которой тебе повелитель клялся!
О, если б видал тебя ныне Кавус
И витязи шаха: Могучий и Тус,
Воинственный Гив, Ферамарз и Дестан!*
Лишь весть роковую узнает Иран,
Вражда и война разгорятся опять,
Дней мира и счастья уж нам не видать!
Да будут постигнуты карой небес

Горуй и Демур, и злодей Герсивез!
Кто руку дерзнет занести над тобой,
Да будет сражен беспощадной судьбой!
Тебе да поможет великий Йездан,
Пусть ужасом будет твой враг обуян!
Ослепнуть, не видеть бы мне, как врагом
Униженный, пеший, в пыли ты влеком!
Лик солнца похитил отец у меня,
Могла ль ожидать я столь страшного дня?»
Речь дочери выслушав, царь побледнел,
Свет белый пред взором его потемнел.
«Прочь! — крикнул он в гневе,— Что мной решено,
Тебе еще, дерзкая, знать не дано!»
Он разума очи смыкал все плотней,
Хоть сердце сжималось от жалости к ней.
Таилась темница под замком его,
Не знала о том Ференгис ничего.
По воле владыки туранской земли,
Страдалицу стражи туда повлекли;
В темницу ее беспощадно втолкнув,
Исчезли, тяжелые двери замкнув.

[*Смерть Сиавуша от руки Горуя*]

Злодей Герсивез на Горуя взглянул,
И тотчас Горуй повернулся, шагнул
К царю Сиавушу, взъярен словно див,
И совесть отвергнув и честь позабыв.
За кудри схватил Сиавуша — о стыд! — *
Палач венценосца во прахе влачит!
И слышен страдальца венчанного стон:
«О правящий круговращеньем времен,
Мне сына достойного ты ниспошли!
Как солнце, блестя средь героев земли,

Пусть недругам он за меня отомстит,
Мой правый обычай земле возвратит
И множа невиданных подвигов счет,
Отвагой людские сердца привлечет!» *
В слезах, неутешной печалью томим,
Пильсом подошел и склонился над ним.
И мученик молвил Пильсому: «Прощай,
Мир долгие годы собой освещай! *
Да примет Пиран от тебя мой привет,
Скажи: изменился обманчивый свет!
Я думал, советы Пирана к добру,
А стал я злосчастней листка на ветру. *
Мне слово давал он: сто тысяч бойцов,
Закованных в латы мужей-удальцов
В час трудный тебе на подмогу пришлю
И щедро все нужды твои утолю.
Увы, у врага Герсивеза в тисках
Позору я предан, повержен во прах,
Но дружеской нет здесь руки ни одной,
Никто и слезы не прольет надо мной».
Страдальца, связав по рукам, повлекли.
От града и ратного стана вдали
Сжимает Горуй смертоносный кинжал,
Который из рук герсивезовых взял
За волосы дерзко царя волоча,
Не дрогнув ни разу, рука палача
Его дотащила до места того,
Где он в состязаньях обрел торжество.
У той же мишени, где мчащийся вскачь,
Стрелял он вдвоем с Герсивезом, палач
Ударом поверг венценосца во прах —
Такому ни стыд не доступен, ни страх!
Он жертве главу, что овце, отогнул,
Над нею кинжал занесенный сверкнул;

Поспешно под ток багровеющих струй
Лохань золотую подставил Горуй,—
И рухнул, лишившись главы, кипарис,
И крови потоки в лохань пролились.
Палач поспешил, выполняя приказ,
Сосуд на скалу опрокинуть. Тотчас
На месте, где пролит был жизненный сок, *
Взошел небывалого вида цветок.
Зовется он «Кровь Сиавуша»; в пути *
Ты можешь не раз на него набрести.
Так был он повержен, могучий платан.
С тех пор погружен молодой великан
В сон крепкий. Увы, протекут времена,
Но он не проснется от этого сна...
Злодейство совершилось. И вдруг поднялся
Злой вихрь, и сокрылись от глаз небеса.
Не видят друг друга, все сумрак застлал,
И каждый Горую проклятия слал.
Так дни Сиавуша царя прервались...
Постыло мне солнце, постыл кипарис! *
Направо, налево ли кину я взор,
Жестокой судьбе посылаю укор.
Злодею, глядишь, улыбаются дни,
Весь мир ему служит и счастье сродни,
А праведник чахнет от горя и бед,
Хотя и ведет его истины свет.
Отбрось же докучное бремя забот,
Пусть сердце ни разу печаль не сожмет!
Судьбе не вверяйся, от века она
Обманчива, злого коварства полна.
Что жизнь ни пошлет — все приемли равно:
Ее ведь навек сохранить не дано...
Стон, плач во дворце Сиавуша, весь свет
Хулит Герсивеза, виновника бед.

Вот косу свою, ароматный аркан,
Отрезала в горе царица, и стан,
Как траурной лентой, косою обвит.
Ногтями терзает тюльпаны ланит;
В отчаяньи слезы горючие льет,
И то Афрасьябу проклятия шлет,
То ими осыпан злодей Герсивез,
И стоны летят до высоких небес.
Лишь только до слуха царя донеслись
Проклятья и горестный плач Ференгис,
Сказал Герсивезу владыка земли:
«Ее из темницы извлечь повели
И в руки отдай палачам поскорей;
Пускай изорвут одеянья на ней
И, ей причиняя жестокую боль,
Пусть яростно бьют батогами дотоль,
Покуда на землю без сил не падет,
И вражье отродье конец свой найдет.
Не дам сиавушевой ветви взрасти
И в силу войти, и престол обрести!»
Тогда меченосцы туранских дружин
Властителя прокляли все, как один.
Они восклицали: «Не слыхивал мир,
Чтоб так поступали царь, вождь иль везир».
В тоске, удрученный нависшей бедой,
Льет горькие слезы Пильсом молодой.
К бойцам, что звались Фершидверд и Лехак, *
Он бросился тотчас и вымолвил так:
«Мне ад афрасьябова царства милей!
О сне и покое забудем, скорей
К Пирану поскачем, поищем пути
Как бедную жертву от смерти спасти!» *
Оседланы кони, помчались они,
По шири степной так и стлались они.

Три всадника, в замок Пирана примчась,
В печали ему рассказали тотчас
О том, что содеял безжалостный рок,
И слез неутешных пролился поток.
Пиран, потрясенный известьем таким,
Пал наземь в отчаяньи, нем, недвижим.
Очнувшись, он все на себе изорвал;
Рыдал он и прахом главу посыпал,
Взывая: «О, доблестный, более трон
Не будет подобным тебе озарен!».
Пирану Леххак говорит: «Торопись,
Иль новая грянет беда: Ференгис
С престола низвергнута, заточена,
От страха дрожит, словно ива, она.
Царь отдал несчастную, злобой палим,
Своим палачам, душегубам своим».

[*Пиран освобождает Ференгис*]

Весть выслушав, замок покинул Пиран;
И гневом и ужасом он обуян.
Привел богатырь из конюшни своей
Десяток испытанных, мощных коней;
Помчался, а с ним Фершидверд и Руин,
И пыль заклубилась над ширью равнин.
Он града в два дня и две ночи достиг.
Дворец палачами был полон; в тот миг
Над плачущей горько вдовой Ференгис,
Сверкая, стальные клинки поднялись.
Сказал бы, день мира последний грядет:
Кто стонет, кто слезы горючие льет.
И все Афрасьяба клянут, как один,
И толки слышны среди жен и мужчин:
«Когда Ференгис он главу отсечет —

На гибель себя самого обречет.
Трон царственный рухнет, народы и рать
Не станут владыкой его называть».
Тут прибыл Пиран, на подмогу спеша,
И в каждом, кто честен, взыграла душа.
Узрела царица вождя, из очей
Без удержу хлынул горючий ручей.
Вскричала: «О как ты со мною жесток,
При жизни на адские муки обрек!».
С коня богатырь содрогнувшийся пал,
Одежду в тоске на себе разорвал.
Он казнь отложить повелел. Палачи,
Ему покорясь, опустили мечи.
В слезах, нестерпимой тревогой пронзен,
В чертог повелителя кинулся он,
Воззвал: «О владыка, блаженствуй всегда,
Тебя да минует лихая беда!
По чьим наущениям черное зло
Смутить твою чистую душу могло?
Забыв о стыде пред владыкой светил,
Зачем в свое сердце ты дива впустил?
Зачем неповинного ты покарал
И славу свою, и величье попрал?
Иран содрогнется от вести такой,
Кровавая смута нарушит покой,
Иранские витязи, гневом горя,
Примчатся с дружинами мстить за царя.
Земля отдыхала от брани и зла,
Благою стезей единения шла;
Вдруг дьявол, извергнутый адом, схватил
В тиски твою душу, с пути совратил.
Будь проклят навеки веков Ахриман,
Тебя вероломно вводивший в обман!
Всю жизнь, удручен злодеяньем своим,

Ты будешь раскаяньем жгучим томим.
Не ведаю, кто он, тот злой клеветник;
Я в замысел тайный небес не проник.
Решась без вины Сиавуша убить,
Ты ныне задумал и дочь погубить!
Подобно безумцу, во гневе слепом
Ты к страшному вновь злодеянью влеком.
Одумайся, царь! Ференгис не нужны
Ни царский престол, ни богатства казны.
Губя отягченную бременем дочь,
Пред целой землею себя не порочь!
Жить будешь людьми проклинаемый впредь,
И в вечном огне после смерти гореть.
Коль хочешь мой горестный дух озарить,
В мой замок дозволь Ференгис водворить,
А если тебя устрашает дитя —
Покончишь ты с этой заботой шутя.
Как только родится, во власти своей
Его ты увидишь: захочешь — убей».
Владыка ответствовал: «Быть по сему!
Ее пощажу, слову вняв твоему».
От сердца тогда у вождя отлегло,
Он вольно вздохнул, просветлело чело.
Осыпав мучителей гневной хулой,
Он с жертвой спасенной умчался стрелой.
В Хотен невредимой доставил ее
И, плача, народ громко славил ее.
С ней в замок вступает, жене говорит:
«Приют светлоликой пусть будет укрыт
От взоров; ее неусыпно лелей!
Увидим, что роком назначено ей». *
Исполнено все, что Пиран повелел.
Шли месяцы, стан Ференгис тяжелел...

[*О рождении Кей-Хосрова*]

За тучами месяц — и полночь темна,
И звери, и птицы в объятиях сна.
И видит Пиран удивительный сон:
Как солнце, сияющий светоч зажжен.
На троне сидящий с мечом Сиавуш
Взывает: «Что дремлешь, о доблестный муж!
Ты сладкие грезы от глаз отгони
И мыслью проникни в грядущие дни.
День праздничный встанет и молод, и нов.
Сей ночью рождается шах Кей-Хосров!»
Пиран, задрожав, пробудился от сна
И с ним солнцеликая встала жена.
«Ступай,— говорит ей Пиран,— торопись,
Войди осторожно в покой Ферингис.
Сейчас Сиавуша я видел во сне,
Подобного солнцу иль ясной луне.
—Проснись! — призывал меня голос его.—
Настало Хосрова-царя торжество».
Вбежала и видит: царицей-луной *
Царевич рожден красоты неземной.
Вернулась, ликуя, с известьем благим,
Дворец огласив восклицаньем своим.
Сказала: «Младенца пленителен вид,
Как месяц, он взоры красою дивит.
Войти же к царице, на чудо взгляни,
Создателя мудрость и мощь оцени.
Ты скажешь, рожден для венца Кей-Хосров,
Для палицы, панциря, жарких боев».
Увидеть младенца Пиран поспешил;
Увидя, восславил владыку светил.
Глядит на младенца: сегодня рожден,

И что ж? Годовалым уж кажется он!
О павшем властителе вождь зарыдал
И щедро хулу Афрасьябу воздал.
Дружине сказал именитый глава:
«Пусть кару приму я за эти слова,
Пусть буду я брошен чудовищу в пасть,
Дитя не отдам душегубам во власть!».
Лишь солнце своим светозарным клинком
Рассеяло тени ночные кругом,
Явился Пиран пред владыкой своим,
Надежду тая и тревогой томим.
Дождавшись, пока остальные ушли,
Сказал он, приблизясь к владыке земли:
«О солнцеподобный владетельный вождь,
Чьи ведомы всем прозорливость и мощь!
Под сенью твоею раб новый вчера
Рожден — воплощенье красы и добра.
Подобного в мире не сыщется; он,
Ты скажешь, из лунного света рожден.
Сам доблестный Тур, именитый стрелок,
Очей от него отвести бы не мог.
На росписях краше лица не сыскать,
Воскресла в нем древних царей благодать.
При виде красы величавой такой,
Сказал бы ты, сам Феридун пред тобой!
От мыслей мучительных душу избавь,
Будь радостен сердцем и благостно правь!».
Смягчил Афрасьяба создатель миров,
И взор властелина не столь уж суров,
Душевною болью внезапно пронзен;
Вздохнул сокрушенно и горестно он,
Раскаялся, вспомнив свершенное зло,
Что столько страданий душе принесло.
Пирану сказал он: «Мне беды грозят,

Так было предсказано годы назад. *
Провидец поведал мне в те времена, *
Что в мире кровавая вспыхнет война,
На землю великий владыка придет,
Что род от Кобада и Тура ведет.
Он будет народами всеми любим, *
Иран и Туран преклонятся пред ним...
Что делать! Горюй, не горюй, все равно,
Того не избегнуть, что нам суждено.
Пусть отрок живет, но от града вдали;
Ты в горы его к пастухам отошли.
Там пусть вырастает, не зная кто он,
И кем, и зачем скотоводам вручен.
О предках, о прошлом тогда вспоминать
Не станет не сможет науки познать».
Такие вел речи владыка: он мнил,
Что мир вероломный свой нрав изменил.
Не сладишь с ним, грезы пустые развей!
Мир вечен, и он не под властью твоей.
Но даже из бедствий, что шлет тебе рок,
Умей почерпнуть благодатный урок...
Вождь радостный вышел, к Хосрову спеша;
Благие надежды питала душа.
Хваленья создателю он воздавал
И славить царевича не уставал.
Вернулся в раздумьи: какие плоды
Пожнет он, посеяв любовь и труды?

[*Пиран вверяет Кей-Хосрова пастухам*]

Призвал скотоводов со склонов Колу, *
Царевича им поручил и, хвалу
Воздав ненаглядному, свету очей,

Наказывал вождь: «Больше жизни своей
Любите, лелейте его, чтоб пути
Ни ветру, ни праху к нему не найти.
Во всем угождайте ему: ничего —
Ни ока, ни сердца — не жаль для него».
«О вождь,— пастухи отвечали тотчас,—
Усердно исполним твой каждый приказ».
С младенцем кормилицу он снарядил
И щедрой рукой пастухов наградил.
Склонились, и руки к очам поднесли.
И в горы младенца с собой увезли.
Года проходили, в безвестности он
Рос, щедро дарами небес наделен.
Когда исполину седьмой миновал,
Он доблестью славный свой род затмевал.*
Лук сделал из жерди отважный стрелок,
Скрутил тетиву из овечьих кишок,
Скрепил на концах два надежных узла
И лук оснастил. Хоть без перьев стрела
И без наконечника — отрок готов
В просторы степные помчаться на лов.
Уже на десятом году исполин
На вепря, на волка кидался один;
Уж тигров и львов обрекал он на смерть,
А луком была та же гнутая жердь.
Шло время, и лето сменяло весну,
Не стал подчиняться юнец пестуну.*
Спустился пастух озадаченный с гор,
Явился, степной пересекши простор,
К Пирану: «На нашего юного льва
Пожалуюсь я, о дружины глава!
Сначала на ланей охотился он,
Затем был охотой на тигров прельщен,
А ныне и льва на охоте настичь

Ему не труднее, чем робкую дичь.
Ведь если себе причинит он изъян —
Меня обвинишь ты, о славный Пиран!»
С улыбкою выслушав эти слова,
Вождь молвил: «Природа его такова!».
И вот предводитель бойцов с пастухом
Ко льву солнцеликому мчатся верхом.
Выходит к ним отрок. На плечи и стан
Взирает, дивясь, именитый Пиран,
А тот легче ветра к нему подбежал
И руку почтительно облобызал.
Увидел Пиран ослепительный лик,
И нежности жар ему в сердце проник.
В объятиях долго держал он юнца,
В душе за него умоляя творца.
«О доблестный,— вымолвил отрок,— свой край
Немеркнущей славой весь век озаряй!
Недаром здесь каждый, кто знает тебя,
Добрейшей душой называет тебя.
Пастушьего сына, людей не стыдясь,
В объятья ты принял, прославленный князь!»
Жаль юноши стало вождю-мудрецу,
И кровь прилила от волненья к лицу.*
Вскричал он: «Мой отрок, душе дорогой,
Благих властелинов наследник благой!
В роду твоем не был никто пастухом,
Немало тебе расскажу я о том».
Велел для него привести скакуна,
И мантия царская принесена.
Направился в замок с ним доблестный муж
И горько оплакан был вновь Сиавуш.
Стал юноша витязю светом очей;*
Любя ненаглядного все горячей,
Страшась за него, Афрасьяба кляня,

Ни ночи не знал он спокойной, ни дня;
Питомцу все силы души посвятил.*
Шли дни, продолжалось вращенье светил...

[*Пиран приводит Кей-Хосрова к Афрасьябу*]

Однажды, лишь сумрак на землю сошел,
Примчался царя Афрасьяба посол:
Пирана, мол, царь пожелал повидать.
Увидел — и старое вспомнил опять:
«Напрасно гоню я смятение прочь,
Мне тайного ужаса не превозмочь.
Ты скажешь, он день помрачил предо мной,
Тот юноша, сын Сиавуша родной.
Растить Феридунова внука — кому?
Простым скотоводам? Противно уму!
Что проку беречься, коль в ярости рок?
Кто кары небесной избегнуть бы мог?
Коль чужд он событьям минувших времен —
Рад буду, пусть радостен будет и он.
Но, если проявит злонравье — с юнцом
Я также расправлюсь, как прежде с отцом».
Ответил Пиран: «О владыка страны,
Ты мудр, и советы тебе не нужны.
Подумай, что может он знать о былом
Ребенок с незрелым, убогим умом?
В горах пастухами взращенный, как зверь,
И знанью и мудрости чужд он, поверь.
К тому же вчера от его пестуна
Слыхал я: царевич пригож, как весна,
И ликом дивит, и осанкою он,
Да только рассудка бедняга лишен.
Забудь же тревогу, о царства глава,

Припомни премудрого мужа слова:
Превыше отца — воспитатель. Притом
Царевич ведь с матерью схож, не с отцом.
Лишь только услышу твой царский приказ,
К тебе с Кей-Хосровом приду я тотчас.
Меня успокой только словом одним:
Клянись, что останется он невредим!
Бывало, венцом и державою встарь
Клялся Феридун, добродетельный царь,
И тверд, неизменен был в слове своем;
Тур гордый клялся вездесущим творцом;
Задшем именитый булатом клялся*
И тем, кто воздвиг над землей небеса».
Тревога от тех увещаний благих
Рассеялась, гнев Афрасьяба утих.
И дал он обет властелина святой:
«Днем светлым клянусь и ночной темнотой,
Клянусь судиею, что сонмы светил,
Зверье, человека и жизнь сотворил —
Безвинного юношу не погублю,
Дыханием гнева его не спалю».
Вождь вымолвил: «Счастлив и радостен будь,
О ты, что избрал справедливости путь!
Пусть вечно ведет тебя разума свет,
У ног твоих прахом да будет весь свет!».
Умчался Пиран, к Кей-Хосрову спеша,
Лик рдеет, что мак, и ликует душа.
Велит он: «Прикинься блаженным, смотри!
О битве он спросит — про пир говори.
Прикинься, как будто не знаешь его.
Разумного не говори ничего.
В речах уничтожив рассудка следы,
Быть может, сегодня избегнешь беды».
Короною царской украсил Пиран

Питомца, по-царски стянул ему стан,
Велел огневого коня привести.
И вот уж Пиран с Кей-Хосровом в пути.
Как вихрь, ко дворцу Афрасьяба летят,
И все на юнца со слезами глядят.
«Дорогу! — кричат перед дверью дворца —
Вождь юный явился, искатель венца!»
Вступает в чертог молодой великан,
Его к Афрасьябу подводит Пиран.
Дед глянул — и пот проступил на челе*
Он вспомнил, стыдясь, о содеянном зле.
Пиран, между тем, словно ива дрожит
От страха, что юноша будет убит.
То милость в душе Афрасьяба, то гнев...
Взирает владыка, лицом побледнев,
На стать и величие богатыря,
На эту осанку и поступь царя.
Но вот улыбнулся, себя превозмог:
Смягчил ему сердце всевидящий рок.
«О юный пастух! — молвит с лаской в очах,—
Поведай, что знаешь о днях и ночах?
Как жил, расскажи мне, в горах, среди стад,
Как пас и считал ты козлят и ягнят?»
А тот отвечает: «Нет дичи, увы!
Нет стрел у меня, лука нет, тетивы».
Царь спрашивать стал, как текут времена,
Про благо и зло, про его пестуна.
Ответ был: «Завидев пантеры приют,
Сильнейшие даже в смятенье придут».
Расспрашивать стал повелитель юнца
Про землю иранскую, мать и отца.
А тот отвечает: «С неистовым львом
Не сладит охотничий пес нипочем».
Царь молвил: «Должно быть, в Иран ты готов

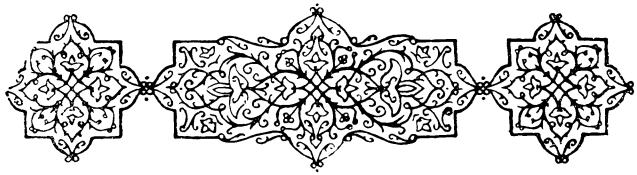
Помчаться, увидеть главу храбрецов?».
В ответ Кей-Хосров: «Там, где степь и гора,
Наездника встретил я позавчера».
Тут царь засмеялся, от счастья расцвел,
С ним ласково снова беседу повел:
«Ты жаждешь, быть может, науки постичь,
Иль биться с врагом, бросив мщения клич?».
«Нет жира совсем в молоке,— был ответ,—
Прочь всех козопасов — терпения нет!»
Над речью бессвязной смеясь, властелин
Пирану сказал: «Предводитель дружин,
Ты прав был, бедняга рассудка лишен:
Ему я — о полдне, о полночи — он.
Ни добрых он дел не свершит, ни грехов.
Нет, жаждущий мщения муж не таков!
Верни его матери, пусть без забот
Он в Сиавушгорде отныне живет.
Пусть мудрый за ним воспитатель следит,
От злых наущений его оградит.
Дарами его надели пощедрей:
Дирхемов, рабов и коней не жалей».

[*Кей-Хосров отправляется в Сиавушгорд*]

«Скорей!» — Кей-Хосрова торопит мудрец,*
И оба покинули царский дворец.
С весельем, надеясь на лучшие дни,
В жилище Пирана вступают они.
Вождь славит Йездана, на сердце светло:
Державное древо плоды принесло!
Он двери хранилищ велит отомкнуть,
Богато юнца снаряжает он в путь.
Немало одежд, искрометных камней,

Оружья, венцов, кушаков и коней,
Со златом тугих кошелей и ковров,
И много других драгоценных даров
Вручил Кей-Хосрову. Сердечно к тому ж
Напутствовал юношу доблестный муж.
И сына, и мать проводил он потом
В прославленный град, возведенный отцом:
Тот град пребывал в запустенье, увы...
Для встречи Хосрова и царской вдовы,
Ликуя, спешит отовсюду народ,
Весь город любимым хвалу воздает.
Все рады: дал отпрыск поверженный ствол,
И пышно тот отпрыск могучий расцвел.
И каждый душой за усопшим царем
Летит и его поминает добром.
Где были колючки — цветы разрослись,
Где сорные травы — встает кипарис.*
А где сиавушева кровь пролилась —
Смоковница стройная ввысь вознеслась,*
И мускусом листья запахли, и лик
Царя Сиавуша на каждом возник.
Смоковница та зеленела весь год,*
Под ней о царевиче плакал народ.
Да, вот что творит он, безжалостный рок!*
Дитя от сосцов он отторгнуть бы мог.
Едва насладишься ты, мир возлюбя —
Рок тут же в пучину низвергнет тебя.
Не верь в этот бренный и призрачный кров,
К концу роковому будь сердцем готов.
Ты рубище носишь иль носишь венец —
Расстанешься с миром земным под конец.
В саду бытия только радость вкушай,—
Печали дохнуть на себя не давай.
Заботы отбрось, этот замок не твой,

Твой — только приют под доской гробовой.
Ты благ не копи, все вкушай до конца,
Надейся на щедрость благого творца.
Будь весел — довольно с тебя и того!
Увы, небеса не щадят никого.
Счастливец главой до луны вознесен,
Мгновенье — и в бездну низринется он.
Так рок начертал всемогущей рукой:
Ты ныне во прахе, а завтра — другой.
Как мстили за смерть Сиавуша, внемли,
Как царского сына в Иран увезли.



[МЕСТЬ ЗА СИАВУША]

[*Жалоба Фирдоуси на свою старость*]

Состарился я, уж мои шестьдесят *
Мечом роковым надо мною висят.
Вина не давайте, на что мне дурман!
И так я шатаюсь, от дряхлости пьян.
Уж посох в руках, не тугая узда.
Добро растеклось, одолела нужда.
Стал взор — мой дозорный — меня предавать,
С вершины не видит несметную рать,
Не скажет: «Спасайся, коня поверни!» —
Хоть вражье копье за две пяди сверкни.
Мои скороходы служить не хотят,
Сковали их злобные те шестьдесят.
Мой певчий, без устали певший досель,
Охрип: не поймешь, где рычанье, где трель.
Я кубок налью пятьдесят уж восьмой, *
Тот кубок — в честь близкой могилы немой.
Куда вы ушли, мои тридцать? До слез
Жаль мускуса вашего, перлов и роз!
Персидского острого жаль мне клинка,—
Увы, не владеет им больше рука!*
Ох, скрюченный куст куропатке не мил!
Ее молодой кипарис бы пленил...

Молю небеса об одном — до тех пор
Пусть грозный меня пощадит приговор,
Пока для людей не оправлю я в стих
Собрание этих преданий седых.
Пусть мудрые, те, что владеют пером,
Меня на земле поминают добром,
А в мире ином да заступится тот,
Чье слово и меч — правоверных оплот.*
Я дому Неби неизменно служу,
В пыли, у Веси под стопами, лежу...
Но к вещим словам летописца вернусь,
В старинные были душой окунусь.

[*Кавус узнает о смерти Сиавуша*]

Известье в Иран до Кавуса дошло
О том, что постигло царевича зло:
«По воле владыки туранской земли
Главу, словно птице, ему отсекли.
Безгрешный и доблестный, пал он во прах—
Заплакали серны в туранских горах,
И горем лесной соловей обуян,
И стонут в степи с куропаткой фазан,
И вянет на ветке гранатовый цвет,
И скорби людской исцеления нет...
Бесчестный Горуй не во сне — наяву
Царю, что овце, запрокинул главу
И острым кинжалом от плеч отделил.
О славном никто не рыдал, не молил...».
Той черною вестью владыка сражен,
С высокого трона низринулся он,
В тоске на себе одеяния рвет,
Лик ранит и слезы горючие льет.
И все, кем гордится Ирана земля,

Рыдают, печаль с венценосцем деля.
Их слезы кровавы, ланиты бледны,
Уста и сердца сожалений полны.
Гив храбрый и Тус, и Гудерз, и Ферхад,
Шапур и Бехрам неутешно скорбят,
Все в черных и синих одеждах, и прах —
Не княжьи короны — на княжьих главах.

[*Прибытие Ростема к Кей-Кавусу*]

Известье дошло до Ростема в Нимруз
О горе, котором сражен Кей-Кавус,
О гневе, объявшем иранцев, о том,
Что плачет весь край о царе молодом.
Лишь только о смерти питомца узнал,*
Пал навзничь великий, весь край застонал.
Заль прахом главу посыпает себе,
Ланиты терзает, пеняя судьбе.
Средь горького плача семь дней протекло.
На утро восьмое, едва рассвело,
Рычанием трубным наполнился мир,
Прислали дружины Кабул и Кашмир.
Могучий, отмщения жаждой горя,
Повел их в столицу Кавуса-царя.
Как только достигли иранских равнин,
Одежды свои разорвал исполин.
«Клянусь,— возгласил он,— и клятву сдержу:
Доспехов не сброшу, копья не сложу,
Не будет мне ратная жизнь тяжела,
Пыль битв и походов не смою с чела,
Доколе я смертью за смерть не воздам
Пролившим безвинную кровь палачам.
Шлем будет венцом, чашей — ножны меча.

Помчусь я, аркан сыромятный меча,
И, верю, достойно злодею-врагу
Отмстить за царя Сиавуша смогу!»
К дворцу повелителя пеший, в слезах,
Приблизился витязь, на темени — прах.
Промолвил Ростем возглавлявшему край:
«Посеял ты зло — урожай собирай!
Любовь к Судабе и неистовый нрав
Тебя погубили, венец твой поправ.
Теперь, о владыка, увидел ты сам,
Что вверился моря коварным волнам.
Недобрые мысли твои принесли
Несчастье народу иранской земли.
Уж лучше сошел бы державы глава
В могилу, чем женщины слушать слова.
По мне так достойнее женщины нет,
Чем та, что вовек не рождалась на свет.
Ведь женским наветом сражен Сиавуш —
Столь мудрый и славный, и доблестный муж.
Жаль гордую силу, пленительный лик
И царственный стан, что навеки поник!
Жаль славой гремевшего богатыря!
Ирану второго такого царя
Не видеть: весеннего неба щедрей,
Он был на пирах украшеньем царей.
А в битве столь гибелен был его гнев,
Что с ним не сравнился бы яростный лев.
Нет, слезы о нем не устану я лить,
Врагов без пощады я стану разить!
Я мщению впредь посвящу бытие,
Чтоб мир запылал, словно сердце мое!».

[*Ростем убивает Судабе*
и выступает в поход]

Взглянул на Ростема пристыженный шах.
Увидя Могучего в гневе, в слезах,
В ответ он и слова промолвить не смог:
Из глаз венценосного хлынул поток.
Воитель, с владыкой страны разлучась,
В покой Судабе устремился тотчас,
Коварную с трона низверг, из дворца
Прочь за косы выволок, подле крыльца
Рассек пополам закаленным мечом...
А царь и не дрогнул на троне своем.
Суровый, от ярости бледный, Ростем
В палаты свои воротился затем.
Печалью исполнены, толпами шли
К Могучему люди иранской земли.
О павшем питомце скорбя все сильней,
Тоскуя, горюя, провел он семь дней.
На утро восьмое к походу бойцов
Призвали кимвалы. Примчались на зов
Гив с Тусом, Гудерз, Фериборз и Ферхад,
Шейдуш и Роххам, и Шапур, и Хоррад,*
Бехрам и Горгин и подобный грозе,
Свирепый, как чудище вод, Горазе.
Ростем обратился к дружине родной:
«Душою и телом я мести одной
Предамся: ведь пал молодой исполин,
Каких не найдешь средь сильнейших дружин
Готовьтесь, о витязи, грянет война,
Суровой, не легкою будет она.
Но прочь опасенья, без страха вперед!
Кровь недругов пусть, как Джейхун, потечет!
Свидетель ездан, что, себя не щадя,
За павшего стану сражаться вождя.

Скалу отыщу я, где черный свой грех
Свершил омерзительный Горуй-Зерех;
Челом и очами я к ней припаду,
Душе облегченье, быть может, найду.
Клянусь: если только не схватят меня,
Петлю не накинут, с позором гоня,
И, словно овцу, не повергнут во прах
И путы не стянут на крепких руках —
Отмщу я! Мои булава и булат
Бесчестье и гибель злодеям сулят.
Лишь ратною пылью дышать я клянусь.
Позор мне, коль чаши, пируя, коснусь!».
Сказал и замолк исполинов глава,
И ропотом гневным на эти слова
Откликнулось войско. Бурлил весь Иран,
Неистовой жаждою битв обуян.
Казался он логовом яростных львов
Клич грозный взлетел до седых облаков,
На спинах слоновьих уж подняли звон
Литавры. Меч брани на свет извлечен.
Торопят начало кровавой борьбы
Бой гонга и вой медногорлой трубы.
На месть Афрасьябу поднялся Иран —
Так в бурю, волнуясь, шумит океан.
Ноге на равнине уж негде ступить,
Просвета меж копьями не различить.
Все в гневе, сердца преисполнены зла.
Судьба непреклонная в битву звала.
Иранское войско в поход собралось,
Над ним кавеянское знамя взвилось.
К Ростему, вождю боевому, в Забул
Немало прислал меченосцев Кабул,
Из леса Нарвен, из иранской земли
Сто тысяч, не менее, воинов шли.

[*Смерть Веразада*
от руки Ферамарза]

Дружину повел Ферамарз-исполин,
Вождь юный, Ростема прославленный сын.
Несутся, достигли туранской земли.
Их с вышки дозорный увидел вдали.
Царил Веразад в Сепиджабе, светлей *
Жемчужины был он меж славных мужей.
Лишь только бряцающий грозно кимвал
И гонги индийские он услыхал—
Ударил в литавры и войско страны
Созвав, устремился на поле войны.
За ним тридцать тысяч бойцов верховых,
Разящих мечами мужей боевых.
Несется навстречу врагу Веразад,
Нахмурены брови и очи грозят.*
Вскричал он: «Эй дерзостный, кто ты, скажи!
Как наши посмел перейти рубежи?
Пришел ты сюда по веленью царя,
Иль волей забульского богатыря?
Ужель до ушей твоих слух не дошел
Про мощь Афрасьяба, про гордый престол?
Открой мне презренное имя свое!
Прервать суждено мне твое бытие,
Но прежде чем с черной душой разлучать,
Знать надобно, как мне тебя величать».
Ответ был: «Злосчастный боец верховой!
Я отпрыск того, кто прославлен молвой,
Чья грозная сила и льва устрашит,
Чей тяжкий удар и слона сокрушит.
Исчадие дивов, исчезни с пути!
Нам не о чем долгие речи вести.
Примчится с дружиной Ростем-исполин —
Расправиться с вами он мог бы один.

Туранцу за смерть Сиавуша-царя
Отмстит он, безудержным гневом горя.
Сражаясь, он пыль до небес возмутит,*
Он край ваш ничтожный во прах обратит!»
Не дрогнул туранец при окрике том,
Счел речи героя пустым хвастовством.
«Вперед! — раздается приказ боевой,—
Пусть луки тугой загудят тетивой!»
Две рати сошлись на просторе степном,
На воине каждом железный шелом.
Неистовый крик поднялся с двух сторон,
Раздался литавр оглушительный звон,
И вспыхнул мгновенно воинственный жар
В груди Ферамарза; бесстрашен и яр,
Он ринулся в бой, словно яростный слон,
Затянут кушак, добрый лук оснащен.
Помчался — и ливнем губительных стрел
Бойцов больше тысячи сбить он успел.
С копьем занесенным, не зная преград,
Летит он, и в страхе застыл Веразад.
Туранское знамя над ним разглядев,
Напал Ферамарз будто яростный лев.
Коню боевому он стиснул бока,
Копье богатырское сжала рука.
Врага в поясницу герой поразил,
Пробил он кольчугу, и тело пронзил,
И рухнул туранский воитель с седла.
Ты скажешь, то жалкая мошка была!
Затем с вороного коня соскочив,
Царя Сиавуша хвалою почтив,
Врага обезглавил, и алой струей
Ему обагрил одеянья герой.
Вскричал он: «Посеяно семя вражды —
Созрели его роковые плоды!».

Весь край он обрек разоренью; дым
Встал черными клубами к тучам седым.
В письме победитель поведал отцу,
Туранца какому обрек он концу:
«Я мести начало уже положил,
Я голову с плеч супостату срубил,
Низвергнув его с боевого седла,
А села и грады спалил я дотла».

[*Поход Сорхе против Ростема*]

Примчался гонец, и такие слова
Услышал державы туранской глава:
«Войною пришел к нам Ростем-исполин,
С ним витязи грозных иранских дружин.
Они Веразаду главу отсекли,
Туранское княжество стерли с земли.
От края до края пылает страна,
Ее охранявшая рать сметена».
Той вестью недоброю царь потрясен.
Припомнил, исполнившись горести, он
Все то, что вещали уста мудрецов,
Седых звездочетов, священных жрецов.*
Велел он пригнать табуны поскорей,
На воле нигде не оставил коней.
Собрав именитых героев страны,
Извлек он сокровища древней казны;
Подать приказал от подвалов ключи,
Где спрятаны палицы, луки, мечи,
Где груды динаров, камней дорогих,
Венцов, кушаков и сокровищ других.
Он щедро дарами бойцов осыпал,
Дирхемами замок и площадь устлал.
Как только окончил казну раздавать,
Построил, как должно, огромную рать,

В литавры и гонги ударить велел,
И войско покинуло Канга предел.
Оставив столицу свою, властелин
Раскинул шатры средь широких равнин.
Велел, чтоб Сорхе именитый пришел, *
И долго с ним речь о Ростеме он вел.
Ему приказал: «Тридцать тысяч бойцов,
Разящих мечами мужей-храбрецов
Веди к Сепиджабу; как буря лети,
О сне и покое не думай в пути!
На стан Ферамарза грозою нагрянь.
Пришли мне снесенную голову в дань.
Соперник могучий в кровавой борьбе,
Сын Заля один лишь опасен тебе.
Но с тигром на лове в дремучем лесу
Не сладить и самому лютому псу.
Тобою отцовское сердце живет,
Ты — месяц мой ясный, ты — войска оплот.
Коль зорок и бдителен будешь в бою,
Кто, дерзкий, на жизнь покусится твою?
Возглавь свое войско и двигайся в путь,
Бойцам от Ростема защитою будь».
С отцом распростившись, Сорхе-исполин
Рать вывел со стягом в просторы равнин.
К стенам Сепиджаба на вихре-коне
Летит он, и помыслы все о войне.
Дозорные рать увидали вдали
И весть Ферамарзу о том принесли.
Кимвалы иранцев призывно гудят,
От пыли весь мир обратился в агат.
Ржут яростно кони, шум ратный летит
До самого солнца, до самой Нахид.
Подобно алмазам, сверкают мечи,
И копья от крови людской горячи.

Ты скажешь, окутал вселенную пар,
А в нем багровеет сраженья пожар.
Стал будто горою земной весь предел —
Так много вокруг обезглавленных тел.
Сорхе, быстрым взором врагов обведя,
Увидя копье Ферамарза-вождя,
Дал волю гнедому и, лук свой копьем
Мгновенно сменив, поскакал напролом.
Оставив ряды, Ферамарз удалой *
Навстречу противнику мчится стрелой,
Его поражает быстрее огня,
На землю едва не повергнув с коня.
Таков был иранца удар, что свое
Мгновенно сломал он стальное копье.
На помощь, с воинственным пылом в груди,
К Сорхе устремились Турана вожди.
Но понял Сорхе, что осилить невмочь
Ему Ферамарза, и кинулся прочь.
За ним, закаленный булат занеся,
Как яростный слон, Ферамарз погнался.
Иранские всадники следом летят,
Что лютые дивы, кричат и свистят.
Настигнув Сорхе, Ферамарз на скаку
Стремительней тигра к его кушаку
Рванулся, схватил исполина в сердцах,
С седла боевого низринул во прах,
И связанным, пешим погнал пред собой
К иранцам. Кровавый окончился бой.
Вдали затрубили слоны, между тем:
Со стягом, с дружиной явился Ростем.
И вихрем к отцу Ферамарз полетел;
Ему победителя славный удел
Достался. Сорхе по рукам он связал,
Главу Веразада отцу показал.

Холмы и равнины убитых полны,
И враг отступил, устрашившись войны.
Прославила рать Ферамарза-бойца,
Того молодого вождя-храбреца.
Его и Ростем похвалою почтил;
На радостях он бедняков наградил
И сыну сказал в назиданье: «Лишь тот
Мужей именитых во всем превзойдет,
Кто доблести полон и родом высок,
С кем знание в дружбе, в разладе — порок.
Четыре те свойства в себе сочетав,
Прославишься ты, победителем став.
Не может огонь не пылать, не палить,
Он в силах вселенную испепелить.
Коль доблестью дух Ферамарза горит —
Не диво: так пламень в булате сокрыт.
Но стоит булату удариться в бронь,*
Наружу вдруг вырвется тайный огонь».
Потом на Сорхе поглядел исполин:
Он статен, как тополь цветущих долин,
Грудь льва, а ланиты цветут, как пион,
И мускусом алый их цвет оттенен.
Ростем палачей и лохань, и кинжал
С плененным Сорхе увезти приказал
В степь дальнюю; руки опутав юнцу,
Свалить, обезглавить, как будто овцу,
Чтоб саваном стал ему коршунов рой —
Так был Сиавуш разлучен с головой.
И Тус, выполняя Ростема приказ,
Сурово к Сорхе устремился тотчас.
«Убьешь, венценосный? — промолвил Сорхе,—
За что же? В каком я повинен грехе?
Мне был Сиавуш и ровесник, и друг,
Он гибелью много доставил мне мук.

Не ведая сна, горевал я о нем,
Проклятия слал я и ночью и днем
Злодею тому, что лохань и кинжал
В миг страшный убийства, не дрогнув, держал».
Тус, выслушав это, задумался. Он,
Царевича горькой судьбой удручен,
К Ростему вернулся и все повторил,
Что сын Афрасьяба ему говорил.
Ответил Ростем: «Обездоленный шах
Скорбеть обречен, утопая в слезах,—
Так пусть же и царь Афрасьяб всякий час
Льет слезы, в тоске неизбывной мечась!
Царя недостойного отпрыск теперь
Спешит оправдаться; хитрит он, поверь.
Убит Сиавуш мой, повергнут во прах,
Кровь, кровь на груди, на лице, на кудрях!.
Главою владыки иранской земли
Клянусь я — обету, о витязь, внемли! —
Из края, в котором царит Афрасьяб,
Мне кто б ни попался, владыка иль раб,—
Доколе я жив, закаленный мой меч
Всем будет без устали головы сечь!»
И взгляд повелительный бросил затем
Бойцу Зеваре непреклонный Ростем.
Тот взял золотую лохань и кинжал,
К юнцу палачей беспощадных призвал.
Те горло ему перерезали вмиг:
Недолго звучал раздирающий крик...
О рок, не щадишь ты питомцев своих!
За что непрестанно терзаешь ты их?..
Главу отрубили булатным мечом,
Был за ноги пленник повешен потом,
И стали землею его осыпать,
Кинжалами мертвое тело кромсать.

[*Афрасьяб мстит за сына*]

Вернулось к владыке туранской земли
Разбитое войско в крови и в пыли.
Царь слышит известие: сын молодой
Погублен безвременно злою бедой.
«Повешен,— звучат роковые слова,—
Отрублена, брошена в прах голова.
На мщенье за смерть Сиавуша-царя
Встает весь Иран, жаждой брани горя».
И рухнул во прах властелина венец,
Сраженный печалью рыдает отец.
Прах сыплет на голову, сына зовет,
В тоске на себе одеяния рвет,
Взывает: «О витязь, о вождь, о мудрец,
О славный владыка, о юный храбрец!
Где лик твой прекрасный, где розы ланит,
Где стан богатырский и царственный вид!
Нет трона покойней теперь для отца,
Чем в битве кровавой седло жеребца!».
Он к войску призыв обращает такой:
«Забудем веселье, забудем покой!
Пусть ложем нам станут кольчуга и щит,
Пусть каждый в сраженьях глаза изощрит!»
Гремят, призывая к кровавому дню,
Литавры. Бойцы облачились в броню.
Рев трубный просторы степей огласил.*
Шагают слоны. Потемнев, словно Нил,
Земля с небесами как будто слилась —
Такая от воинства пыль поднялась.
К бойцам именитым воззвал властелин:
«О славные, цвет и надежда дружин!
Час мщения пробил. Когда с двух сторон
Раздастся литавр оглушительный звон,

Пусть каждый разит, ярым гневом палим!
Сердца супостатов клинками пронзим!».
И подал он знак, и трубы боевой
Разнесся призывный, пронзительный вой,
Гул бронзовых чаш, барабанов раскат,
Бьют бубны, индийские гонги гудят.
Сказал бы, клокочет, бушует, кипит
Равнина от множества конских копыт.
Лишь темная пыль заклубилась вдали,
Ростему дозорные весть принесли:
«Быстрее, чем судно летит по волнам,
Летят афрасьябовы полчища к нам.
Воители ярости лютой полны,
Все рвутся к отмщению, жаждут войны».
Едва о приходе туранских дружин
Услышал прославленный вождь-исполин,
Он стяг кавеянский вознес, и лилов
Стал воздух от тысяч булатных клинков.
Двух ратей воинственный клич загремел,
Бойцы весь земной наводнили предел.
Уж солнце, сказал бы ты, ночи во власть
Попало, а звезды — чудовищу в пасть.
Турана бойцы, по приказу главы,
Схватились за дротики, за булавы.
На правом крыле в битву мчался Барман,
Дружины воинственной вождь-великан.
На левом — Кохрема воители шли, *
В средине владыка туранской земли.
Навстречу примчалась могучая рать
Ростема: за пылью небес не видать.
В тылу — Зеваре, Ферамарз — впереди,
Могучий на Рехше своем посреди,
Гив с Тусом, чья сила известна земле,
С литаврами, с гонгом,— на правом крыле.

На левом — Гудерз, чей родитель Гошвад,
Хеджир с ним и доблестных витязей ряд.
Клич кликнул Могучий, сразиться спеша,
Воспрянула полная гнева душа.
Земля от копыт, словно мускус, черна,
А воздух от копий — что тигра спина.
Несчетный, бронею окованный строй...
Степь, скажешь ты, стала железной горой.
Мерцают ряды вороненых клинков,
И стяги возносятся до облаков.

[*Смерть Пильсома*
от руки Ростема]

К ведущему войско примчался Пильсом.
Пылая досадой, с суровым лицом,
Сказал он владыке туранских дружин:
«О мудрый, воспетый молвой властелин!
Дозволь, не жалея меча для меня,
И ратного шлема, и лат, и коня,
Вступить мне с Ростемом в воинственный спор,
Великое имя обречь на позор.
Доставлю и Рехша его, и главу,
И меч, и несущую смерть булаву».
В душе у владыки веселье зажглось.
Копье, торжествуя, до туч он вознес
И витязю молвил: «Прославленный лев.
В бою и слона устрашил бы твой гнев!
Ты славой венчанный боец-великан.
Недаром тобою гордится Туран.
Коль эти могучие длани сожмут
Ростема — ты землю избавишь от смут.
Меня ты главой вознесешь к небесам,
Тебе я и дочь, и корону отдам.

Две трети Турана с Ираном тогда —
Твои: все сокровища, все города».
От этих речей омрачился Пиран.
Приблизился он к повелителю стран
И вымолвил: «Чую недобрый конец.
Враждует с собою безумный юнец!
Коль встретится с грозным Ростемом в бою,
Во прахе он голову сложит свою.
Он к славе влеком, удалец молодой,
Не верит, что будет постигнут бедой.
Ведь если соперником будет убит —
Царя опозорит он, войско смутит.
За брата, который к тому же тебя
Моложе, невольно страшишься, любя».
Ответил Пильсом: «Отступать не хочу,
С Ростемом сражение мне по плечу.
Ты помнишь о прежней победе моей:
Тогда четырех я поверг силачей.
Как чудище моря, сражусь я теперь.
Для подвигов славных гожусь я, поверь.
Ведь стал я сильнее с течением лет;
Тебе убивать мою веру не след.
Ужель одного мне повергнуть невмочь?
О витязь, гони опасения прочь!»
Владыка, услышав слова храбреца,
Велел ему лучшего дать жеребца
И меч с булавою впридачу к коню,
И крепкий шелом, и стальную броню.
И в гневе воинственном, сходен со львом,
Вперед устремился отважный Пильсом,
Крича: «Где Ростем именитый? Ведь он,
Слыхал я, в сражениях — лютый дракон.
Заплачет он скоро, оставшись без сил:
Я львиные когти свои отточил!»

Те речи услышав, разгневался Гив.
Вскричал он, булатный свой меч обнажив:
«С туранцем сражаться не станет Ростем,
Он был бы унижен сражением тем».
Схватился с Пильсомом один на один
Гив храбрый, Гудерза почтенного сын.
Но выбил мгновенно его из стремян
Копьем богатырским Пильсом-великан.
Уж витязь иранский тревогой объят,
Но тут Ферамарз, обнажив свой булат,
Примчался на помощь. Исполненный сил
Пильсома копье пополам расщепил;
Туранца в чело поразил он затем,
Но меч закаленный, ударясь о шлем,
Сломался. Пильсом разъярился, как барс.
Что Гив для отважного, что Ферамарз!
Увидел Могучий, взглянув издали:
Два славных героя иранской земли
Схватились с туранским воинственным львом,
Пыль битвы до неба вздымая столбом.
«В Туране,— подумал Ростем,— исполин,
В боях закаленный — Пильсом лишь один.
Когда предсказаньям благих мудрецов,
Седых звездочетов, священных жрецов,
Бывало, внимал я в минувшие дни,
О витязе этом твердили они:
—Когда неожиданно грозной бедой
Не будет постигнут Пильсом молодой,
И если наставников мудрых найдет,
В Иране, в Туране он всех превзойдет.—
Готов, знать, расстаться он с жизнью земной,
Коль вздумал вступить в поединок со мной!»
И войску приказ богатырь отдает:
«Не трогаться с места, ни шагу вперед!

Пойду, испытаю Пильсома в бою,
Пусть явит отвагу и силу свою!».
Надвинул шелом, стиснул Рехшу бока.
С тяжелым копьем исполина рука
Вперед угрожающе устремлена.
Ослабив узду, отягчив стремена,
Он с пеною гнева на сжатых устах
Помчался, ввергая воителей в страх.
«Меня,— обращает он к витязю речь,—
Грозил ты драконьим дыханием сжечь?
Готовься удар от меня претерпеть
Такой, что сражаться не выйдешь ты впредь!
Тебя не хотел бы повергнуть в бою:
Жаль, право, мне юность и силу твою!»
Так вымолвив, гонит он Рехша вперед,
Несется, огромный, как сам небосвод.
Бойца в поясницу ударив копьем,
Сшибает с седла, словно мяч, и потом
Его до туранских рядов волочит
И, наземь бросая, туранцам кричит:
«Возьмите, укройте парчой золотой!
Уж весь почернел он от пыли густой».
Затем скакуна повернул, и опять
Возглавил свою многомощную рать.
Склонился Пиран, слышен горестный плач:
Увы, не поможет уж юноше врач!..
И духом упали туранцы тогда,
Свет белый пред ними затмила беда.
Воителей клики гремят с двух сторон.
И гулким простором степным повторен
Разящих мужей каждый окрик и зов.
Забили в литавры на спинах слонов,
Земля от копыт затряслась. Той порой
Гора стала морем, равнина — горой.

Стенают, ревут медных труб голоса,
Казалось, их рев расколол небеса.
Немало голов удалых полегло:
Кораллово-алое море текло,
И ливень кровавый из туч зарядил,
Уж сына родного отец не щадил!
Вдруг буря над полем войны поднялась,
Степь черною тучею заволоклась;
Смешалась с иранской туранская рать,
Не стали от друга врага отличать.
Весь мир непроглядной укрыт пеленой,
День солнечный тьмою сменился ночной.

[*Бегство Афрасьяба от Ростема*]

Сказал Афрасьяб устрашенным бойцам:
«Удача, увы, не сопутствует нам.
Сегодня коль дрогнет из вас хоть один,
Погибнет безвременно ваш властелин.
Пусть каждый сразится, как лев разъярен!
Нагряньте стремительно с разных сторон,
На недруга риньтесь из тайных засад,
Пусть копья взнесенные солнцу грозят!»
Покинув ряды, Афрасьяб поскакал,
На рать именитого Туса напал,
И витязей многих убил он. Невмочь
Тут сделалось Тусу, он кинулся прочь,
Примчался к Могучему: «Смерть впереди!
Я счастьем покинут, на помощь приди!
На правом крыле — поражения мрак;
Повержен иранских воителей стяг».
И ринулся Слоноподобный вперед,
За ним Ферамарз меченосцев ведет.
Навстречу летят боевые ряды.

К Ростему исполнены лютой вражды
Воители все — Афрасьяба родня,
Все рвутся к отмщенью, оружьем звеня.
Но в гневе Могучий всех косит подряд,
А Тус с Ферамарзом их с тыла разят.
Стяг темно-лиловый увидя вдали
И знамя Каве, где алмазы цвели,
Узнал Афрасьяб, что нагрянул Ростем —
Могучий воитель, чей предок Нейрем.
Свирепее тигра навстречу бойцу
Он ринулся, стиснув бока жеребцу.
Стяг черный увидев, Ростем в свой черед,
Как яростный лев, устремился вперед.
Без удержу мчится стремительный конь,
В груди ратоборца — отваги огонь.
Прицелился славный, запела стрела,
И кровь Афрасьяба ручьем потекла.
Стрела, продырявив туранца шелом,
Его поразила в чело острием.
Ростема во всю богатырскую мощь
Ударил копьем разъярившийся вождь.
Но тигровый панцирь пронзить не смогло —
Лишь пояс героя копье прорвало.
Могучий, сменивший оружье свое,
В коня афрасьябова с силой копье
Вонзает. Конь рухнул, удара не снес,
С ним рухнуть во прах и владыке пришлось.
С булатом Ростем наклонился над ним,
Хотел обезглавить ударом одним.
Но видя опасность над царской главой,
Хуман богатырской своей булавой
Ростема в плечо поразил. Ярый крик
В двух станах поднялся. Хуман в этот миг
Коня повернул и умчался. Ростем

На миг обернулся, а царь, между тем,
Из рук исполина успел ускользнуть,
Сменил скакуна боевого — и в путь!
Сто хитростей в дело пустил, изловчась,
Хуман, и от смерти властителя спас.
Летит за Хуманом, разгневан, суров,
Бойцов победитель, даритель венцов,
Но сколько ни гнался, настигнуть не смог —
Еще не пришел предназначенный срок.
Послышались клики; спешат удальцы,
В железной броне, с булавами бойцы
Ростему вдогонку, страшась, чтоб один
В беду не попал предводитель дружин.
Тус молвит Могучему: «Боль не сильна?
Лягнул ведь онагр, убегая, слона!»
Ростем отвечает: «Когда булава —
Оружие грозное витязя-льва,
Коль ею рука исполина разит,
Она сокрушает и сталь, и гранит,
Но если ударил Хуман булавой,
Ее не железной считай — восковой!».
Когда от героя иранской страны
Бежал устрашенный искатель войны,
Иранцы преследовать стали врагов,
Их копья возносятся до облаков,
Поверженных груды, зияние ран...
Ты скажешь, алеют тюльпан и шафран.
Столбами из яшмы ты ноги слонов
Назвал бы; кровь топчут ряды скакунов.
Туранцы несутся, как вихрь. Между тем,
Преследуя, косит их мощный Ростем.
Скакал три фарсанга без устали он,
Грозя и разя словно лютый дракон.
Но к войску вернулся затем своему;

Сказал бы ты, солнце — союзник ему!
Дружина в свой стан понеслась, весела,
Добычи набрав у врага без числа.
Немало оружья везли, кушаков,
И седел, и золотом полных мешков.

[*Афрасьяб отсылает Кей-Хосрова в Хотен*]

Восток разгорелся, багрянцем богат;
Кораллы и лалы сменили агат.
Послышался трубный пронзительный зов.
Могучий повел верховых удальцов
Туранцу вдогон. Порывается рать
За смерть Сиавуша убийцам воздать.
Узнав, что с дружиною мчится за ним
Могучий, отмщения жаждой гоним,
С бойцами к Чин-морю бежал Афрасьяб —
Судьбы непреклонной беспомощный раб.
Примчась к побережью, такие слова
Пирану промолвил туранцев глава:
«Спрошу о постылом питомце твоем:
Что делать нам с ним? Поразмыслим вдвоем.
Коль будет он найден Ростемом, и тот
Похитит его и в Иран увезет —
То станет от дива рожденный юнец
Владыкой, присвоит кеянский венец.
Сюда привези, умертви ты его —
Веления не отвергай моего!».
Но снова Пиран убеждает царя:
«Хосрова убить замышляешь ты зря.
Слугой твоим выход иной измышлен,
И, верно, одобрен тобой будет он.
Суровый юнцу уготовим мы плен,

Его отвезем в отдаленный Хотен.
Дозволить нельзя, чтоб злоречье врагов
Царя заклеймило навеки веков».
Ответ был: «О мудрый, наставником будь,
Ко благу, как прежде, указывай путь!
Но то, что задумал, исполни сейчас:
Опасен и миг промедленья для нас!»
Пиран умудренного выбрал посла,
Чей доблестный дух недоступен для зла.
Стремительней дыма посланец летел —
Так вождь именитый ему повелел.
И вот он в жилище Хосрова вошел,
Дивится прекрасному лику посол,
Почтительно юношу славя, пред ним
Склонился и долго стоял недвижим.
Что вверено было ему — произнес,
Словам в подкрепление клятву принес.
Но речи внимая, в сплетении слов
Ни складу, ни ладу не видел Хосров.
Тут к матери он устремился своей,
Не скрыл от родимой тревожных вестей,
Сказал: «Нас у берега ждет Афрасьяб.
О мать, что на это сказать ты могла б?
Твой разум, быть может, укажет нам путь,
Как сладить с бедой, от тисков ускользнуть».
Но сколько вдвоем ни держали совет,
Все тщетно: пути к избавлению нет.
На зов поспешить поневоле пришлось,
Хоть сердце в тревоге на части рвалось.
Дорогою слезы без удержу льют.
Царю Афрасьябу проклятия шлют.
Приблизились к замку Пирана, и вот
Пиран, сын Висе, им навстречу идет.
В объятия юношу он заключил,

О дальнем и трудном пути расспросил,
И долго его славословил. И кров
Нашел во дворце у вождя Кей-Хосров.
Припасы, какие нужны для пиров,
Запасы одежды, шатров и ковров,
Походных ковчегов и быстрых коней
Собрать он велел для юнца поскорей.
Все эти дела доведя до конца,
Готовою видя поклажу юнца,
Пришел к Афрасьябу и молвил ему:
«О царь, по величию, мощи, уму
Не знающий равных! Ребенка того
Привез я, веления жду твоего».
Пирану тогда приказал властелин:
«Его ты, не мешкая, за море Чин
Отправь, чтоб воители вражьей земли
Вовеки следов отыскать не смогли».
И за море тут же Хосрова Пиран
Послал, подчинясь повелителю стран.

[*Царствование Ростема*
в Туране длилось семь лет]

В поход выступает на Чин и Мачин *
Могучий Ростем, предводитель дружин.
И Чин, и Хотен, и Китай покорил *
Боец именитый, исполненный сил.
Воссел на туранский престол, и тогда
Померкла владыки былого звезда.
Мудрец благородный учил в старину:
Коль недруг, войною пришедший в страну,
Тобою настигнут — его уничтожь,
А скрылся — погоней себя не тревожь...
Дворец обозрел богатырь, сочтены

При нем все богатства державной казны.
Коней быстроногих с уздой золотой,
Рабынь, ослепляющих взор красотой,
Рабов и одежду, парчу и венец,
И кости слоновой престол, наконец,
Обрел победитель. Но не одному *
Сокровища Канга достались ему:
Воителей всех наделил он казной,
Венцами, уборами; трон костяной *
Дал Тусу и грамоту царскую дал,
Чтоб Чачем он правил, и так приказал:
«Того, кто противиться вздумает нам,
Томясь по былым, афрасьябовым дням —
Спеши обезглавить ударом одним:
Пусть коршунов стаи пируют над ним!
А кто, на стезю добродетели став,
Отверг Ахримана греховный устав —
Пусть будет обласкан, как сын твой родной,
Не зная забот, не терзаясь нуждой.
Беззлобному злобных обид не чини,
Твои правосудьем да славятся дни!
Мы смертны, хоть жизнью любой дорожит.
Кто в мире величьем блистал, как Джемшид?
Но смерти судьба и его обрекла,
Другого властителя миру дала».
Венец, ослеплявший алмазами взор,
Бесценный престол, властелина убор
Гудерзу в награду Ростем даровал:
Ему Сепиджаб, Согдиану он дал.
Сказал, от души восхваляя его,
Достойного, мудрого мужа того:
«Ты в грохоте битв и на шумном пиру
Учил справедливости нас и добру.
Мы ценим и знатность, но доблесть нужней:

Ведь знатность лишь доблестных красит мужей.
Ты с доблестью знатность и ум сочетал,
Ты сердцу отрадою светлою стал.*
Теперь моему ты совету внемли,
О муж, наставлявший великих земли!
До Гользериюна весь край Сепиджаб*
Прими во владенье: там каждый — твой раб».
Вождю Фериборзу венец вырезной
Вручил, одарил и богатой казной,
Промолвив: «Ты рода высокого муж,—
Царевич и брат Сиавуша к тому ж:
Так делу возмездья теперь послужи,
Аркан боевой наготове держи.
Не должен ты вволю ни спать и ни есть,
Пока не настигнет священная месть
Царя Афрасьяба. Лишь к правде тянись:
Возвысишься с нею, не свергнешься вниз!»
Узнали в Мачине и Чине, меж тем,
Что стал властелином державы Ростем,
И щедрую дань для владыки собрав —
Динары и камни в блистаньи оправ,—
Сказали: «Готовы мы верно служить,
Под властью твоею нам радостно жить».
Тогда побежденных Ростем пощадил,
Доверием чистосердечных почтил.
Охотясь, забыл и насилье и зло,
И время немалое так протекло...

[*Зеваре посещает места, где охотился Сиавуш*]

Однажды, от сна пробудясь на заре,
Собрался онагров травить Зеваре.*
Туранца бывалого проводником

С собою он взял и помчался верхом.
И с соколом, степью скача напрямик,
Он рощи густой и тенистой достиг.
Цвели там фиалки, журчала волна;
Сказал бы ты, сердце живила она.
Бойца провожая, туранец в пути
Дерзнул неуместную речь повести,—
Сказал: «Сиавуш здесь охотился встарь.
Вот эти укромные заросли царь
Всем нашим урочищам предпочитал,
Лишь здесь он для сердца покой обретал».
Иранца обидой та речь обожгла,
Вновь горечь былая в душе ожила.
С гнедого он рухнул, душой удручен.
Казалось, рассудок его помрачен.
И сокола выпустил он из руки,
И слезы кровавые пролил. В тиски
Схватили воителя горе и гнев;
Увидели это друзья, подоспев.
Осыпан хулою бойцов, проводник
Под градом ударов тяжелых поник.
И, волю давая горячим слезам,
Воинственный витязь клянется бойцам:
«Забуду забавы и сладостный сон!
Отныне я только враждой вдохновлен.
Я злобу и в сердце Ростема вдохну,
Подвигну героя на месть и войну!».
Вернувшись, увидев Могучего, брат,
Неистовой жаждою мщенья объят,
Воскликнул: «Сюда воевать мы пришли,
Иль недругу честь воздавать мы пришли?
Тебя исполином ездан сотворил,
Ты блещешь, как солнце над сонмом светил —
Туранцев сегодня щадишь ты к чему ж?

Рази без разбора! Здесь пал Сиавуш,
А силой и доблестью был он таков,
Что равных не будет во веки веков».

[*Ростем разоряет*
Туранскую землю]

И зову жестокому внял исполин:
Возглавив ряды меченосных дружин,
Громя, убивая, летит он вперед.
В смятеньи, в отчаяньи всюду народ.
Весь край до Соклаба и Рума в пустырь *
Набегом одним обратил богатырь.
Он головы юным и старым рубил,
А жен и младенцев в полон уводил.
Вся, в тысячу с лишним фарсангов, страна
Лежала истерзана, разорена.
Турана знатнейшие люди пришли,
Ростему сказали, склонясь до земли:
«Нам царь Афрасьяб ненавистен, поверь!
И в снах бы не видеть злодея теперь!
Здесь не был с убийцей никто заодно,
Клянем преступленье, что им свершено!
Единой державой ли, врозь ли нам жить,—
Тебе мы готовы усердно служить.
Покорен тебе, победителю, край,—
Творца не гневи, без вины не карай.
Царь скрылся, кто ведает, спасся ли он,
Иль пастью дракона давно поглощен?»
Услышав мужей именитых слова,
Смутился невольно иранцев глава.
Он витязей кликнул в смятеньи души
И с войском направился в Качар-Баши. *
Сказали, собравшись к Ростему, бойцы

Седые, видавшие свет, мудрецы:
«Кавус благодати лишился; страна
Опоры надежной давно лишена.
И если проведав, что стар он и слаб,
Нагрянет с дружиною царь Афрасьяб,—
Кавуса в бою победит он тотчас
И ввергнет в пучину несчастия нас.
Мы, славы ища, много сделали зла,
Цветущие грады спалили дотла.
Вернемся к владыке. Радушный прием
Мы встретим и снова, как встарь, заживем.
Шесть лет уж в изгнании, жребий кляня,
Живем мы, не ведая светлого дня.
В Иране остались рабы и дворцы,
Державные перстни, престолы, венцы.
Прельстились мы благами вражеских стран:
Добычу скопили, а в сердце — изъян.
Что гонишься ты за приманкой мирской!
Обманет она, твой похитив покой.
Коль дьявол коварный тебе не сродни,
Как недруга злейшего, алчность гони.
Ешь, пей, благодетельствуй, благ не тая,
И счастье найдешь ты в саду бытия.
Учил недоступный унынью мудрец: *
Не стоит печали сей бренный дворец.
Всех ближних, во прахе исчезнувших, ты
Припомни: что сохнуть во имя тщеты!»

[*Возвращение Ростема в Иран*]

Вняв мудрым речам, поразмыслив над всем, *
С мужами готов согласиться Ростем.
Стыдом именитый боец обуян
И сердцем он рвется в родимый Иран.

Собрал он туранских коней табуны,
Что вольно паслись на просторах страны.
Рабов и рабынь десять тысяч привел,
Которых достойными шаха почел.
Тут мускус, пушнина, которая край
Прославила: соболь, песец, горностай.
Навьючены тяжко, шагают слоны,
На них — благовонья, со златом мошны
И много других драгоценных даров:
Цветных одеяний, узорных ковров,
Оружья, престолов, венцов. Повезли
Все это в Иран из туранской земли.
Могучий с дружиною в Забулистан
Помчался: там ждал исполина Дестан.
С Гудерзом и Гивом воинственный Тус
Направились в Парс, где царил Кей-Кавус,
Верховный владыка иранских царей.
Все рвутся отчизны достичь поскорей.
Бежавшей туранской дружины глава,
Об их отступленье услышав едва,
Клич кликнул воителям, ожесточась;
С Востока он ринулся к Кангу тотчас.
В развалинах, в пепле увидел страну,
Знатнейших — убитыми, малых — в плену.
Где трон, где сокровища, где табуны?
Деревья обуглены, обнажены,
Селенья укрыты седою золой,
Сравнялись высокие замки с землей.
Созвал предводителей царь: из очей
В тоске проливая кровавый ручей,
Сказал он «Простил бы столь тяжкий урон *
Лишь тот, кто сознанья и чувства лишен.
Пусть каждый из витязей в ложе свой щит
И шлем в изголовье теперь обратит.

Пыль к небу взметая густой пеленой,
Пойдем на иранскую землю войной!
За край свой родной, за детей дорогих,
За все достоянье, за близких своих
Растопчем Иран, обречем на разгром,
Для мщенья все силы свои соберем.
Пусть недруг осилил нас в первом бою,
Не дрогнем, умножим отвагу свою!
Собрав отовсюду оружье и рать,
Сумеем к победе пути отыскать».
И снова, рядами, несметны, грозны,
В военных доспехах Турана сыны
В поход выступают, идут на Иран —
Могучих, отважных воителей стан.
Нагрянули, с разных сторон ворвались,
Застигли врасплох — не уйти, не спастись.
Деревья и села сжигая везде,
Иран обрекли небывалой беде.
Семь лет без дождей изнывали поля,
Из сада пустынею стала земля.
Безрадостно шли за годами года.
Повсюду страдание, горе, нужда;
В далеком Забуле Ростем-исполин,
Иран — под пятою туранских дружин... *

[*Гудерз видит во сне Кей-Хосрова*]

Привиделось как-то Гудерзу во сне,
Что тучка в иранской встает стороне.
А с тучки взывает блаженный Соруш:
«Внемли откровению, избранный муж!
В когтях у дракона родимый твой край,
Но сыщется путь к избавлению, знай!

Придет из Турана владыка на зов,
А имя владыке тому — Кей-Хосров.
От корня царя Сиавуша росток,
Он доблести полон и родом высок:
Кобада в нем кровь, а родился на свет
У славной жены, Тур венчанный — ей дед.
Примчась, осчастливит страну Кей-Хосров:
Ему небеса не жалели даров.
Он грозно за гибель отца отомстит,
В пустыню он вражеский край обратит,
Кровавую длить не устанет войну,
Пока не окрасит речную волну
Злой кровью владыки, убийцы того,
Кем сгублен был славный родитель его.
Годами он будет прикован к коню,
Всегда облачен в боевую броню.
Из всех, кем иранская славится рать,
Хосрова лишь Гиву дано отыскать.
Его вседержитель избрал для того —
Веленье высоких небес таково».
От сна пробудившись, почтенный Гудерз
Уста для молений горячих отверз,
К земле припадая седой бородой:
Сулил возрождение царь молодой!..
Лишь светоч сверкнул над вершинами гор,
Лучами земной озаряя простор,—
Гудерз на престол драгоценный воссел,
Скамью из сандала придвинуть велел.
Вот призван премудрым воинственный Гив.
Свое сновидение сыну открыв,
Он молвил: «Возвысил тебя Судия,
Над миром звезда заблистала твоя.
Не диво: с тех пор, как родился на свет,
Ты, витязь великий, молвою воспет.

По воле Йездана, в ночной тишине
Соруш предо мною явился во сне
На туче, что смыла, пролившись дождем,
Все горе земли животворным ручьем.
— О витязь, недаром,— так вымолвил он, —
Войною и засухой мир изнурен:
Померкла Кавуса царя благодать,
Не стал он обычай владык соблюдать.
Придет из Турана венчанный Хосров,
Он смелой рукой одолеет врагов.
Отыщет венчанного Гив лишь один,
Седого Гудерза прославленный сын. —
Отечество будет от бед спасено
Тобою — так волей творца суждено.
Не славы ль искал ты с булатом в руках?
Прославишься подвигом этим в веках.
Нетленным пребудешь в сказаньях людских,
Тебя обессмертят и песня и стих.
Ты цели достигнешь, коль будешь ты смел
Запомни: победа — отважных удел.
Пускай ты не вечен на бренной земле,
Но доброе имя не сгинет во мгле.
Готовься владыку на трон возвести,
Усердия древу вели зацвести!»
«Готов, повинуюсь,— ответствовал Гив.—
Слуга твой покорный, доколе я жив.
Я с именем благословенным твоим
Сей подвиг свершу, мой обет нерушим».
И вещему сну исполина дивясь,
Готовиться стал он в дорогу тотчас.
Из знатных знатнейшая — Гиву женой
Была. Сам Ростем был отец ей родной.
Приблизилась, молвила: «Доблестный Гив,
Ответствуй, но будь откровенен, правдив.

В Туран собираешься, сказано мне,
Хосрова в далекой искать стороне?
Тогда дозволенье поехать мне дай
В Забул, в незабвенный, родимый мой край.
С Ростемом увидеться жажду давно,
Разлукою сердце мое стеснено.
Да будет, о витязь, счастливым твой путь!
Бойцам неизменной опорою будь!»
Дал Гив дозволенье и, с ним разлучась,
Княгиня в Систан устремилась тотчас.

[*Гив отправляется в Туран на поиски Кей-Хосрова*]

Взошедшее солнце сердца веселит, *
Весь мир уподобив цветку шенбелид.
В дорогу сбирается Гив-удалец,
И пляшет могучий под ним жеребец.
Гудерз вопросил: «Где дружина твоя,
Надежные спутники где и друзья?»
Ответствовал витязь: «Великий герой,
Прославленный доблестью, чистый душой!
Аркан свой беру я, беру скакуна,
Дружина иная теперь не нужна.
Коль рать поведу я — враги нападут
Не в пору: иной предназначен мне труд.
С арканом своим на седельной луке,
В одежде индийца, с булатом в руке
Отныне скитаться мне, богатырю,
Пока не сыщу я дороги к царю.
Хочу городов избегать на пути:
Коль узнан я буду — от уз не уйти.
Счастливой звездою твоею ведом.
С победой вернусь я в родительский дом.

Я отрока-сына заботе твоей
Вверяю: Бижена расти и лелей! *
И пир он украсит, и ринется в бой,
Обученный ратному делу тобой.
Хоть мал он годами, а доблесть являл
Такую, что часто меня изумлял.
Простимся же! В памяти сына храни,
Но страх и заботу из сердца гони.
Я верю, нам свидеться вновь суждено,
Хоть волю небес разгадать не дано.
Меня ты с молитвою благослови,
И милость Йездана ко мне призови.
Пред ним, всемогущим, любой из владык —
Лишь раб преклоненный, как сам ни велик.
Он время, пространство и мир сотворил, *
И слабых, и тех, что исполнены сил,
И пламя, и воздух, и воду, и прах.
Дарящий надежду, вселяющий страх,
На помощь придет он, укажет пути,
Как юного мне Кей-Хосрова найти».
Отважен, как лев, молодой удалец.
Глядит на него седовласый отец
И думает: встретиться вновь суждено ль?
О как тяжела расставания боль!..
И руку целует, с коня соскочив,
Почтенному витязю доблестный Гив.
И крепко его обнимает старик,
Целует отважному очи и лик
И молит ездана, тоски не тая:
«Мне милость яви, о святой судия!
Я сына цветущего, полного сил —
Души утешенье — тебе поручил.
Ему помоги ты отчизну спасти,
Его невредимым отцу возврати!..»

Каких только мук не приемлет иной
Во имя величья и власти земной!
Моргнуть не успеет — уж в саван одет...
Яд горек, но противоядия нет.
Припомни, и твой неизбежен конец,
На что же он, алчности жалкий венец?
В могилу его унести захотел,
Чтоб вместе с тобой под землею он тлел?
Цени только радость в юдоли земной,
Богатств не копи, их присвоит иной.
Быть может, по ветру пустить он готов
Наследье твоих неустанных трудов.
Но время настанет, и он, в свой черед,
Утехи земные покинет, уйдет.
Во прахе убежище всем обрести!
Трудясь неустанно, создателя чти.
Будь добрым, мучителем ближних не будь —
К спасению это единственный путь!
Гонясь за приманками жалкой тщеты,
Поверь мне, за маревом гонишься ты.
Как долго на свете ни прожил бы, все ж
Не вечен ты здесь — без возврата уйдешь.
О мудрый, сомненьями дух не терзай,
В трясине губительной не увязай.
Ты — только творенье творца своего,
Вдохнувшего душу в твое естество.
Ужели решиться в неверие впасть
И душу отдать отрицанью во власть?
Нет, рядом за трапезой место твое
Не с тем, кто Йездана отверг бытие,
Он жалкий, лишенный рассудка слепец,
Его не сочтет человеком мудрец.
Погибель таит нечестивый обман!
Знай, сушу и воду — все создал Йездан.

Всеведущ, исполнен премудрости он.
Им, праведным, разум людской озарен.
За то, что подумал Турана глава:
«Над всеми моя вознесется глава!»
За то, что на смерть Сиавуша обрек,
Воздал душегубу карающий рок.
Ствол царственный пал, но владыка светил
Из корня росток благодатный взрастил.
Свершил, что ему подобало свершить
Царь юный: злодея сумел сокрушить.
Бойцу лишь Йездан одоление шлет.
Он, солнце создавший, луну, небосвод,
Всевышний владыка, творец бытия,
И счастья даритель, и наш судия.
Ему повинуйся — иного пути
Не сыщешь. Завета мудрей не найти...
По воле небесной, прославленный Гив,
Отвагу достойную тигра явив,
Отправился в путь, на творца положась,
Забыв о покое, от нег отрешась.
И вскоре Турана достиг исполин.
Лишь путника встретит, что едет один,—
Окликнет, и речь по-турански ведет,
Вопрос о Хосрове ему задает.
Услышит: «Не знаю»,— и, выхватив меч,
Вмиг сносит он путнику голову с плеч
Иль жизнь у него похищает петлей
И тело затем засыпает землей,
Чтоб вражьих ушей не достигла та речь,
Чтоб розысков тайну надежно сберечь.
Однажды с собою он взял вожаком
Туранца, желанною целью влеком.
И долго с вожатым он мчался вперед,
Ему не спеша открываться, но вот

В пути богатырь, наконец, произнес:
«Тебе я задам втихомолку вопрос.
Коль знаньем владеешь и сердце от лжи
Очистил, ответное слово скажи.
В награду что хочешь проси, не робей —
Отдам я; не жаль мне и жизни моей».
Ответ был: «Всем знание в меру дано;
Всего ж одному не познать, все равно.
Коль то мне известно, что хочешь ты знать,
Уста не скует мне молчанья печать».
Гив молвил: «Правдивых я требую слов.
Скажи, где скрывается здесь Кей-Хосров?».
И слышит: «Не знаю о нем ничего,
Не спрашивал я, не слыхал про него».
Воитель, услышав ответ вожака,
Поверг его тут же ударом клинка.

[*Гив находит Кей-Хосрова*]

Он, словно в беспамятстве, дальше скакал,
Царевича след неустанно искал.
Семь лет изнурительных минуло так.
Натер поясницу походный кушак.
Онагр и одеждой служил и едой.
Траву запивая соленой водой,
Все странствовал Гив, хоронясь от людей,
Не зная покойных и радостных дней...
Узнав, между тем, что Ростем-великан
Уже за рекою, вернулся в Туран
Бежавший владыка — он в Канге опять
И снова туранцев зовет наступать.
Царь молвит Пирану: «Водитель дружин!
Пошли за Хосровом постылым в Мачин.
Его попечению матери вверь,
Путь каждый закрой им и каждую дверь».

И вот уж посланца уносит скакун —
И прибыл к Пирану, прекрасен и юн,
Царя Сиавуша блистательный сын.
Пираном затем молодой исполин
Тоскующей матери был возвращен.
Шли месяцы, длилось теченье времен...
Тем временем Гив по туранской земле
Скитался, душою блуждая во мгле.
Однажды он ехал, тоскою томим,
Вдруг пышно раскинулась роща пред ним.
Вступает он в рощу, исполненный дум;
Все радостью дышит, лишь витязь угрюм.
Душистые травы, прозрачный ручей —
Души утешенье, отрада очей.
И, спешась, пастись он пустил скакуна.
Улегся, но нет облегченья и сна.
Он думал: «Гудерза во сне посетив,
Нас, верно, опутал злокозненный див.
Не вижу нигде Кей-Хосрова следов...
Напрасно скитался я столько годов!
Отважно сражаются где-то друзья,
Другие пируют беспечно, а я
Забыл и веселье и прежний почет...
Нет, видно, я так не удачлив, как тот,
Кто стал бы орехи на купол кидать!
Согбенный мой дух ныне луку подстать.
Должно быть, Хосров не рождался на свет,
А если рожден — уж давно его нет.
Удел мой — лишь горе. Как был бы я рад
Покой обрести, выпив гибельный яд!»
В горниле печали душою горя,
Бродил он, мечтая увидеть царя...
Вдруг светлый источник блеснул вдалеке.
У берега — юноша с чашей в руке,

Подобный платану, ласкающий взор.
На нем — из цветов благовонный убор.
Вокруг — от его благодати светло,
И мудростью ясной сияет чело.
Ты скажешь, в венце на державный престол
Сам царь Сиавуш воскрешенный взошел.
Он дышит любовью, влечет добротой,
На нем словно видишь венец золотой.
Гив мыслит: «То он — повелитель владык!
Отмечен величием царственный лик».
И двинулся, пеший, к юнцу исполин.
Почуяло сердце, что узел кручин
Развязан, страданьям положен предел,
Желанным сокровищем он овладел.
Завидев идущего богатыря,
Царь юный, улыбкою лик озаря,
Подумал: «То Гив поспешает ко мне!
Столь мощных не видел я в этой стране.
Пришел он за мною — в Иран увезти,
Меня на кеянский престол возвести».
Как только вплотную боец из бойцов
Приблизился, на ноги встал Кей-Хосров
И молвил: «Ты вестником радости, Гив,
Явился, мне в сердце надежду вселив.
Давно ли скитаешься в этой стране?
Про шаха, Гудерза и Туса ты мне
Поведай. Дошло ли до храбрых бойцов,
Что жив, не погублен доселе Хосров?
А в добром ли здравье Ростем-исполин
И славный Дестан, предводитель дружин?».
Те речи услышав, был Гив поражен,
Творца помянул в изумлении он.
«О доблестный,— слышится голос бойца,—
Любовью к тебе пламенеют сердца.

Поклясться готов, Сиавуша ты сын,
Из рода кеянского ты властелин.
Юнец, перед кем преклонятся мужи!
Откуда узнал о Гудерзе, скажи.
Тебе о Гошваде, о Гиве кто мог
Поведать? Да будет твой жребий высок!»
«Знай, витязь,— Хосров отвечает,— не раз
О них я от матери слышал рассказ.
Внимала родимая слову отца,
Открывшему ей повеленья творца.
Вещал он: — Пришествие черного дня
Предвижу — здесь гибель постигнет меня.
Но после Хосров народится. Юнец
Страданьям и бедам положит конец.
Когда возмужает он, доблесть явив,
Примчится из края иранского Гив,
Хосрова с собой увезет он в Иран,
Туда, где прославленных витязей стан.
Отвагой весь мир он повергнет к ногам,
За гибель мою отомстит он врагам».
Гив молвил тогда: «Предводитель мужей!
Свидетельство где благодати твоей?
Тот знак, что имел Сиавуш на руке,
Чернел, словно капля смолы на цветке.
Ты царскую руку, прошу, обнажи,
Ты знак свой наследственный мне покажи».
Взглянуть на предплечье воителю дал
Владыка, и пятнышко Гив увидал.
Еще со времен Кей-Кобада оно
Кеянскому роду в наследье дано.
Склонился к ногам повелителя Гив,
Заплакал, сердечную радость излив.
Владыка в объятья бойца заключил,
Его благодарственным словом почтил.

И стал об Иране затем вопрошать —
Про шаха, Гудерза, Ростема и рать.
«О мудрый властитель,— был Гива ответ,—
Величьем своим осчастливишь ты свет.
Когда б, посылающий благо и зло,
Создатель мне рай подарил, на чело
Венец возложил, во владенье отдав
Все семь поднебесных великих держав —
Я б так не сиял, о владыка владык,
Как ныне, увидев твой царственный лик.
Гадают в Иране: вернется ли Гив?
Сожжен иль закопан, иль все еще жив...
Увы, Сиавуша в живых не узрел,
Не смог облегчить я страдальца удел...
Но труд не напрасен был, небу хвала!
Меня на чужбине удача ждала».
Выходят они на дорогу вдвоем,
Вновь царь вопрошает о деде своем,
И как на чужбине воитель блуждал,
Как жажду и голод в пути утолял?
Гив шаху поведал о знаменьи том,
Что послано было Гудерзу творцом.
Как сам он скитался в Туране семь лет,
Каких натерпелся лишений и бед.
Поведал, что плачет о сыне Кавус,
Что сгорбил властителя старости груз,
Что блеска былого лишился дворец
И, верно, уж ныне разрушен вконец...
Взор юноши скорбным зажегся огнем;
Он Гиву промолвил, жалея о нем:
«Муж славный! За все, что ты выстрадал тут,
Тебя и награды и почести ждут.
Веди же в Иран, замени мне отца.
Законом да будет нам воля творца!».

[*Прибытие Гива и Кей-Хосрова в Сиавушгорд*] *

Садится в седло вместо Гива Хосров,
А Гив — впереди, неусыпен, суров,
Шагает с индийским булатом в руке.
Как только завидит кого вдалеке —
Навстречу спешит и, мечом поразив,
Земле предает умерщвленного Гив.
Когда к сиавушеву граду пришли,
Спокойствие духа они обрели.
На помощь призвали к себе Ференгис
И все на едином решенье сошлись —
Туранскую землю покинуть втроем,
От стражей и воинов грозных тайком.
«Нам мешкать нельзя,— Ференгис говорит,—
Погибелью нам промедленье грозит.
О нас донесут Афрасьябу, и он,
Взъяренный, забудет и пищу и сон.
Стремительней Белого Дива примчась, *
Надежду убийца отнимет у нас.
Спастись ни открыто, ни тайно тогда
Не сможем, из мира уйдем навсегда.
Здесь недруги всюду, здесь вражеский стан,
Ведь нашей страной завладел Ахриман.
О сын мой, души утешенье и свет,
Исполни теперь материнский совет.
Есть луг, он отсюда совсем недалек,
Лежит в стороне от проезжих дорог. *
Взяв черную эту узду и седло,
Туда отправляйся, лишь станет светло.
Увидишь ты гору: до сфер взнесена,
Главой облака рассекает она.
По кручам поднявшись, увидишь ты вдруг

Зеленый, цветами пестреющий луг
С прозрачною, тихо журчащей рекой,
Несущей отраду, дарящей покой.
Когда поднимается солнце в зенит
И стражей глава утомившийся спит —
Бегут табуны проторенной тропой
К той речке, знакомый ища водопой.
Бехзада увидев, уздечку с седлом *
Покажешь. Скакун присмиреет потом.
С приветной улыбкой к нему подойди,
Лаская, рукой по спине проведи.
В те дни, как нависла отчаянья тень,
Затмив Сиавушу сияющий день,
Коню говорил он: «Скакун вороной,
Тобой пусть и вихрь не владеет шальной!
Привольно пасись на просторе лугов,
Придет за тобой молодой Кей-Хосров».

[*Кей-Хосров ловит Бехзада*]

И вновь на коне молодой властелин,
А пешим идет впереди исполин.
Храня осторожность, они на заре
Неслышно прокрались к заветной горе.
Вот кони уже к водопою спешат,
Напившись, бегут чередою назад.
Тут спешился царь, устремился вперед,
И тут же, у бурно струящихся вод,
Уздечку с седлом он коню показал,
Чтоб тот своего властелина узнал.
Конь вздрогнул, Хосровом застигнут врасплох,
И тяжкий у верного вырвался вздох.
Седло из самшита скакун увидал —
Седло, на котором в былом восседал

Державный хозяин его Сиавуш;
Знакомое видит он стремя к тому ж.
Узнав Кей-Хосрова, хозяину рад,
Как вкопанный, замер на месте Бехзад.
Увидя, что конь покориться готов,
С седлом устремился к нему Кей-Хосров.
Стоит, дожидается конь вороной,
Вздыхает, и слезы струятся волной.
И жгучее горе опять ощутив,
Вздыхают и юный владыка, и Гив.
Царю Афрасьябу, владыке держав,
Шлют в гневе проклятия, слез не сдержав
Царь чистит скребницей коня своего,
И гладит атласную гриву его.
Отца вспоминает он, грустью томим...
Конь взнуздан, оседлан владыкой своим,
И стиснул наездник бока жеребцу.
Скакун вороной, покорясь удальцу,
Взвился. Словно буря, по воздуху мчась,
Он скрылся мгновенно у Гива из глаз.
Боец растерялся. Душой удручен,
К Йездану взмолился в отчаянье он,
Воскликнул: «Должно быть, злокозненный бес
В коня превратился и с шахом исчез.
Страшусь, не постигла бы гибель царя. *
О горе, страдал и боролся я зря!»
Меж тем, ускакавший вперед далеко,
Хосров осадил вороного легко.
Дождался, покуда приблизится Гив,
И молвил с улыбкой, бойца изумив:
«О, доблестный витязь, таи не таи —
Я думы сейчас разгадаю твои».
«Мудрейший владыка,— был Гива ответ, —
Что ты ясновидец — в том дивного нет.

Ниспослана небом тебе благодать:
Ты б мог, что таит волосок, разгадать».
Царь молвил: «Смущен быстролетным конем,
О Гив, ты дурное подумал о нем.
Ты был подозреньем таким обуян:
—Пробрался, знать, к юноше сам Ахриман.
Царь скрылся, мой подвиг по ветру пустив;
Я горем убит, и злорадствует див!»
Тут спешился видевший мир исполин,
И слышит хвалу молодой властелин:
«Да будут светлы твои ночи и дни,
А недруги злые — да сгинут они!
Тебе ниспослал ведь недаром Йездан
И знатность, и доблесть, и царственный сан».
И снова помчал Кей-Хосрова Бехзад,
И два седока возвратились назад.
Как только вступили в покой Ферингис,
Втроем совещаться они принялись —
Как трудный побег безопасно свершить,
Как замысел свой ото всех утаить.
Едва увидав пред собой скакуна,
Вздохнула царя Сиавуша жена:
Супруга любимого вспомнила вновь,
Прильнула к коню, льет не слезы, а кровь.
Затем осушила горючий ручей,
Ларцы отворила с казною своей,
Которую долго от мира всего
Таила в подвалах дворца своего.
Немало там было венцов золотых,
Алмазным сиянием сплошь залитых.
Там были кинжалы, блестящий булат,
И множество копий, и палиц, и лат.
Хранилища те, неутешна, бледна,
При сыне и Гиве раскрыла она.

И Гив услыхал: «Натерпевшийся бед!
Бери, сколько хочешь, блестящих монет,
Уборов, красой ослепляющих взор,
Где лалы вплелись в изумрудный узор...
Мы — стражи сокровищ, ты ими владей;
Для нас не жалел ты и жизни своей».
И витязь, пред ней до земли преклонен,
Ответствует: «Славься, владычица жен!
Ты мир обращаешь в сияющий рай,
Тобой и небесный украсится край.
Пред сыном твоим да склонится весь свет,
А недругов ваших да сгинет и след!»
Взглянув на сокровища, Гив-исполин
Избрал сиавушев лишь панцирь один.
Затем отобрали, готовясь к пути,
Алмазы и все, что могли увезти,
Что в битве всего остального нужней:
Шеломы, оружье, броню для коней.
И вот уже заперты вновь тайники.
И степью готовы скакать ездоки.

[*Бегство Ференгис, Кей-Хосрова и Гива в Иран*]

Окончены сборы, знак подал Хосров,
И добрых седлают они скакунов.
Надела походный шелом Ференгис,
И вихрем все трое вперед понеслись,
Надеясь достигнуть иранской земли.
Но как осторожность в пути ни блюли,
Их бегство открылось, и грозную весть
Тотчас поспешили Пирану принесть:
Сюда из Ирана, мол, Гив-великан
Пробрался, и тотчас бежали в Иран

Все трое — кеянского рода юнец,
Вдова Сиавуша и смелый боец.
Той вести Пиран именитый не ждал,
Он весь, как осиновый лист, задрожал.
«Сбылось — размышлял он, смущеньем объят,—
Все то, что владыка твердил мне стократ.
Как стану держать пред великим ответ?
Почета и веры мне более нет!»
И вот из воителей избран Гольбад
И с ним Нестихен, что не ведал преград.
Им велено триста вести верховых
Мужей, искушенных в делах боевых.
«Спешите! — пославший напутствовал рать,—
Не дайте и темя себе почесать.
Добудьте бесстрашного Гива главу,
Засыпьте землей Сиавуша вдову!
А этот проклятый, бездомный Хосров
В плену да изведает тяжесть оков!
Но если успеют Джейхун переплыть,
То нашему краю беды не избыть».
Помчались два бдительных, грозных вождя,
Бойцов молодых, закаленных ведя.
И сыну и матери очи смежил
Сон крепкий, а Гив, между тем, сторожил
Покой утомленных: немало ночей
Скакали они, не смыкая очей.
Черед соблюдая, воинственный Гив
Стоит, на дорогу глаза устремив,
Исполнен решимости, к смерти готов.
В шеломе блестящем боец из бойцов
И в крепкой броне сверх кольчуги своей,
Как было в обычае славных вождей.

[*Гив обращает в бегство Гольбада и Нестихена*]

Вот конница мчится, копыта пылят;
Гив тотчас извлек закаленный булат.
Клич витязя грянул, что гром с облаков,
Он в трепет поверг бы и яростных львов.
Пыль черною тучей взвилась в небеса,
И в сердце дружины, как вихрь, ворвался,
Разя то кинжалом, то палицей, вождь.
Железный, сказал бы ты, падает дождь.
Турана герои остались без сил —
Так страшно их витязь иранский разил.
Столь грозною яростью он обуян,
Что мог бы почесть ручейком океан.
Героя со всех окружило сторон
Враждебное войско, но тот не смущен,
Уж копья бойцов поднялись, как тростник,
Скрывая и солнце, и месяца лик,
И морем вина стала степь, заалев
От крови, что пролил воинственный лев.
Немало туранцев отважный скосил,
И дрогнуло войско, лишенное сил.
Склонясь к Нестихену, Гольбад произнес:
«Он крепок, как будто гранитный утес.
Не мог бы одним он копьем побеждать,
Им движет Хосрова-царя благодать.
Страшусь я: туранцев несчастие ждет,
От воли Йездана никто не уйдет.
Недаром твердил звездочет в старину:
Беда поразит удальцов и страну!»
Вновь бой разгорелся, жесток и суров.
Раздался трубы оглушительный рев.
Так яростно ратные клики гремят,

Что дрогнуло сердце гранитных громад.
Телами усеяны поле и склон,
Ручьями кровавыми прах обагрен.
Воинственный витязь, опора дружин,
Огромную рать опрокинул один.
Те ранены, те недвижимы. лежат,
Другие к Пирану пустились назад.
А Гив, весь в крови, словно яростный лев,
К владыке пришел, утолив ярый гнев,
И молвил: «Будь счастлив, о царь Кей-Хосров,
И с разумом дружен, и телом здоров!
Примчались, возглавив дружину свою,
Гольбад с Нестихеном, проворным в бою.
Бежали все те, что остались в живых,
Но впору заплакать над участью их!
Сломил бы меня лишь Ростем-исполин,
Другой не осилит боец ни один!».
В душе властелина восторг, торжество,
Он Гива приветствует, славит его.
Насытились тем, что нашли под рукой,
И двинулись дальше, забыв про покой.
Когда беглецов, изнемогших от ран,
Увидел охваченный гневом Пиран,
Гольбада спросил: «Без утайки и лжи,
Какое вы встретили диво, скажи!
Что с Гивом вы сделали, где Кей-Хосров?
Ответствуй, правдивых я требую слов!».
«О витязь,— ему отвечает Гольбад,—
Отчаешься, жизни ты будешь не рад,
Когда расскажу я про Гива тебе,—
Какой он обрек нас печальной судьбе.
Не раз ты в сражениях видел меня,
Хвалил не однажды, отвагу ценя,
Но я из стремян нападеньем одним

Был выбит. Уж думал: паду недвижим.
А я ведь стократно копье заносил,
Неистово, неутомимо разил.
Его голова, что железо, крепка,
Слоновьим клыкам не уступит рука.
Ростема я видывал в битве не раз,
Слыхал не один очевидца рассказ:
Так стойко удары не сносит и он,
В деяниях ратных не столь искушен.
Будь копья у нас мягче тигровых кож,
А палицы — воску подобными, все ж
Расплющить могли бы они удальца —
Ведь не было нашим ударам конца!
Но, с каждым мгновеньем сильней распален,
Вперед он кидался, как яростный слон.
На поле тела громоздились горой.
Всех витязей смял, опрокинул герой!»
«Довольно! — воскликнул Пиран, омрачась —
Туранцев позорит подобный рассказ!
Пред мужем одним отступить, оробеть?
Дружины водить недостоин ты впредь!
Вдвоем с Нестихеном ты вел силачей,
Что львов посрамили б отвагой своей,
Не стыдно ль? Ты Гива представил слоном —
Себя ты в краю обесславил родном!
Узнает о том Афрасьяб и в сердцах
Корону державную кинет во прах.
Не диво! Мужей закаленных ведя,
Два доблестных, два искушенных вождя
Пустились бежать от бойца одного,
В сраженье ему даровав торжество!
Себя опозорил ты; нет, не твое
Призвание — стяг возносить и копье!»

[Пиран отправляется в погоню за Кей-Хосровом]

Шесть тысяч Пиран отобрал удальцов,
Туранского войска храбрейших бойцов,
И этой дружине сказал: «Поскорей
Гоните своих быстроногих коней!
Должны днем и ночью без устали вы
Стремиться вперед, словно лютые львы.
Коль с Гивом Ирана достигнет Хосров,
Там станут и жены отважнее львов,
Наш край супостаты дотла разорят;
Владыка Турана, смятеньем объят,
Безмерно тогда разъярится, виня
В спасенье бежавших не рок, а меня».
И, вняв повеленью, бойцы за вождем
Помчались, скакали и ночью, и днем.
Но вдруг скакунов осадили: река
Легла перед войском, быстра, глубока.
Ту речку широкою ты бы не счел,
Но дна не достал бы и вброд не прошел.
Весной, багровея, вздувалась она
И Гользериюн называлась она. *
А Гив и Хосров за рекой улеглись
На отдых; на вышке сидит Ферангис.
Но вот различила царица вдали
Стяг черный владыки туранской земли
И к витязю с вестью недоброю той
Примчалась, нарушив уснувших покой.
«О друг утомленный,— сказала,— пора!
Вставай и спасайся, не жду я добра.
За нами огромная гонится рать,
Страшусь, не удастся беды избежать.
Врагами настигнутый, будешь убит —

Нам боль нестерпимая сердце пронзит.
А сына со мною, в печали, в слезах,
У ног Афрасьяба повергнут во прах.
Кто ведает, что претерпеть суждено!
Нам тайну небес разгадать не дано».
Но Гив отвечает: «Владычица жен,
Напрасно врагами твой дух устрашен!
Ты с сыном на холм крутобокий взойди,
Оттуда без страха на битву гляди.
Творец ниспошлет мне победу в войне,
Светила, поверь, благосклонны ко мне.
Врагов — до последнего их удальца —
Я всех уничтожу по воле творца!»
Царь молвил: «Не знающий равных в борьбе!
И так уж я многим обязан тебе.
Меня от неволи избавив, попасть
Не должен ты ныне чудовищу в пасть.
В бой ринусь я, мой наступает черед
Злой вражеской кровью омыть небосвод!»
Но слышит в ответ: «Уповает Иран,
Что будет короной твоей осиян.
Отец мой воитель, воитель и я,
Идти не впервые мне в бой за царя.
Нас семьдесят восемь его сыновей, *
Что в мире дороже нам жизни твоей?
Воителей много, но мало владык...
О нет, лишь один ты по-царски велик!
Погибну — найдется другой удалец,
Зато не останется сирым венец.
А если б ты пал от Ирана вдали,
Кого б мы тогда на престол возвели?
И втуне б мой труд семилетний пропал,
А сам бы позорищем рода я стал.
Творец мне заступник сегодня и впредь,

Тебе же — с холма на сраженье смотреть.
Твоя благодать нам победу сулит,
Весь мир, торжествуя, она осенит».*

[*Битва Пирана с Гивом*]

На мощном коне, разъяренный как лев,
Помчался, броню боевую надев,
И видит: Пиран на другом берегу.
Река преграждает дорогу врагу.
И грянул, как гром, исполина призыв —
Соперника кличет воинственный Гив.
Во гневе хулой отвечает Пиран:
«Эй ты, худородный, хвастливый буян!
Сразиться ты хочешь — не чудо ль? Один!
Затеял ты выказать удаль — один!
Ударами копий тебя наградим, *
Не праху, а птичьим когтям предадим.
Падешь, хоть железною будь ты горой,
Когда муравьино-бесчисленный строй
Нагрянет. С тебя мы кольчугу сорвем,
Как падаль по полю тебя повлечем!
Лев доблестный молвил однажды: коль срок
Оленю отмеренной жизни истек,
И счет уж ведется последним часам —
Он льву на пути попадается сам.
Судьбою в добычу назначен ты мне
И этим мужам, закаленным в войне!»
Ответил на это рычанием льва
Гив доблестный, витязей славных глава:
«Исчадие ада, презренный злодей! *
Не видеть бы миру подобных вождей!
Как мстил я за смерть Сиавуша-царя,
Ты видел — дивился тогда ты не зря

Иль мало воителей в жарких боях
В Туране и Чине поверг я во прах?
Не я ль разгромил твой богатый чертог,
Тебя униженью и горю обрек?
Жен знатных, которыми славен Хотен,—
Сестру и супругу ты отдал мне в плен;
Им страх за тебя разрывает сердца,
Вовек твоего им не видеть дворца!
Решил я по-своему пленниц судьбу,
Их первому встречному отдал рабу.
Как женщина, спину ты мне показал,
В тоске, причитая, рыдая, бежал.
Муж нужен тебе, ты беспомощней жен,
Ты звания мужа навеки лишен!
Посмешищем станешь теперь для бойцов,
Пирующих шумно под лютни певцов.
Туранцам — позор до скончанья годин:
Ведь Гив отстоял Кей-Хосрова один!
Напомню еще: властелины всех стран,
Китая глава и кейсер, и хакан,
Из рода Кавуса князья и цари
И золотошлемные богатыри —
Все дочь у Ростема один за другим
Просили, с мольбою склонясь перед ним.
Сам сватался Тус, но ему, как и всем,
Зазорным отказом ответил Ростем.
Одно за другим отвергал сватовство,
Достойным родства не признал никого.
Никто из отважных, исполненных сил,
Почтенья и веры ему не внушил.
Мне, витязю, дочь он вручил, наконец,
Любимую больше, чем славный венец.
Мне в жены он дал молодую княжну,
Отважную всадницу Гошесп-бану.

Меня среди избранных выбрал он сам —
Почтил, осчастливил, вознес к небесам.
Прекрасную деву, чье имя Ирем,—
Сестру мою взял он в супруги затем.
Я, кроме него, в богатырской борьбе
Не знаю соперников равных себе.
Оплачьте свой край, не замедлит за мной
Ростем-ратоборец нагрянуть войной.
Сейчас занесу я булатный свой меч,
Чтоб мир пред тобой темнотою облечь.
Дружину твою утоплю я в крови,
Иначе ты мужем меня не зови.
Умчу я Хосрова, надежду царей,
В Иран, к повелителю богатырей.
В венце золотом на блистающий трон
Торжественно будет Хосров возведен.
На вас нападу я, кольчугу надев.
Край станет пустыней, где властвует лев.
Ты вотчин лишишься, презренный Пиран,—
Сметем твой престол, обездолим Туран!
Гошвада я внук, и Гудерза я сын,
Гив, первый воитель иранских дружин!
Тебя обезглавлю индийским мечом,
Оплачет и панцирь тебя, и шелом;
В могильный покров обратится броня,
Позорную примешь ты смерть от меня!»

[*Гив берет в плен Пирана*]

Вождь Гиву внимает, душой омрачась,
От ярости хлынули слезы из глаз.
Тяжелую палицу сжала рука:
Коню быстроногому стиснув бока,
К Йездану воззвал и, подобно челну,
Поплыл, рассекая речную волну.

Навстречу Пирану не ринулся Гив,
Дал на берег выйти и, вдруг отступив,
Стремительно в бегство пустился. Пиран
Вослед полетел, что степной ураган.
От пыли весь мир погрузился во тьму.
Гив скачет — все ближе туранец к нему.
Когда ж от реки и туранских дружин
Врага далеко заманил исполин —
Он палицей тяжкой взмахнул, разъярен,
Напал на Пирана, как лютый дракон.
Тот дрогнул, не выдержал, кинулся вспять.
Пустился иранец его догонять.
Одним неприметным движеньем руки
Аркан богатырский он сдернул с луки,
Сплеча размахнувшись, закинул аркан —
И пойман, от плена не спасся Пиран.
Воителю шею петля обвила.
Совлек побежденного наземь с седла
И пешим погнал пред собой исполин.
Вдали от реки, средь пустынных равнин
Поверг его наземь и, руки связав,
Доспехи его и оружие взяв,
Помчался со стягом его боевым,
И вот уже волны реки перед ним.
Увидя, кто знамя Пирана несет,
Туранцы в тревоге помчались вперед.
Запела тут гонга индийского медь
И стали кимвалы призывно греметь.
Гив бросился в реку, понесся как челн,
Скользящий средь пены бушующих волн.
Доплыл и берется за палицу Гив.
Взирают на витязя, словно застыв,
Туранцы. Смятенья дружина полна.
Ослабив узду, отягчив стремена,

Прорвал он противника строй боевой,*
Разя стременами, мечом, булавой,
Он горы убитых в степи громоздил,*
Смертельный на недругов страх наводил.
Лишь спины воителей видел храбрец,
Свирепый, как лев средь отары овец.
Немало скосил он туранцев, бежать
Заставил один многомощную рать.
И снова герой на другой стороне,
Как будто врагов не видал и во сне.
К Пирану вернувшись и выхватив меч,
Туранцу главу угрожая отсечь,
Он пешим его за собой потащил.
И бледный, от боли и страха без сил,
Влекомый воинственным богатырем,
Пиран именитый предстал пред царем.
Гив, спешась, во прах пред владыкою пал,
Хваленьями долго его осыпал
И после промолвил: «Вот низкий хитрец,
Попал он в драконову пасть, наконец!
По воле его Сиавуш был казнен.
Погиб Сиавуш, да погибнет и он!».
Пиран, лобызая почтительно прах,
К Хосрову взывает в тоске и слезах:
«О, правде и мудрости преданный царь,
Светило народа, благой государь!
Припомни, я в спор не боялся вступить
С владыкой, что рвался тебя погубить.
Я долго вдали от него пребывал,
Не то Сиавуша казнить бы не дал.
Тебя вместе с матерью славной твоей
Я вырвать успел из бесовских когтей.
От витязя грозного ныне меня
Спаси, благодатью своей осеня!»

[*Ференгис спасает Пирана от ярости Гива*]

Боец на Хосрова, царя своего,
Глядит, в ожиданьи приказа его.
Тогда Ференгис, состраданьем горя,
Стократно прокляв Афрасьяба-царя,
Промолвила Гиву: «Испытанный друг,
В скитаниях столько изведавший мук!
Узнай о воителе этом седом:
Он праведен, верен и честью ведом.
По воле творца милосердного, нас
Пиран от расправы безжалостной спас,
От бед оградил нас, от тяжких обид —
Ужели, безвинный, он будет убит?
О славный, его ради нас пощади.
Ведь зла никогда не таил он в груди».
Ответил воитель: «Владычица жен,
Пусть радостью будет твой путь озарен!
Клялся я великою клятвой: венцом
И троном царей, и светилами в том,
Что если его одолею в бою,
Без жалости кровь его наземь пролью».
«О доблестный лев,— был Хосрова ответ,—
Пусть душу твою не терзает обет.
Дал клятву святую — отдай же ей дань:
Ты в ухо вождя полоненного рань —
Прольется на землю пиранова кровь,
Тогда и вражду утолишь и любовь».
Гив видит: Хосрову воителя жаль,
У юноши слезы исторгла печаль.
И витязь, к Пирану с мечом устремясь,
Чуть уха коснулся, и кровь пролилась.
Тогда Кей-Хосрову промолвил Пиран:

«Как пешим, скажи, возвратиться мне в стан?
Ведь конь мой отобран. Мне жизнь подарив,
Щедротою новой теперь осчастливь».
Царь Гиву тут вымолвил: «Ради меня,
О витязь, ему возврати ты коня».
«Зачем же,— насмешливо молвил боец,—
В сраженье ты дрогнул, туранский храбрец?
Коль надобен конь быстроногий тебе,
Я руки свяжу пред дорогой тебе.
Обетом святым от неволи спасись,
Великою клятвою мне поклянись,
Что путы не будут рукою ничьей
Развязаны, только женою твоей
Гольшехр: ведь избранницей быть ей дано,
Ты тайн от нее не имеешь давно».
Коня и свободу обетом купил
Пиран, обещание клятвой скрепил:
«Мне руки развяжет Гольшехр лишь одна,—
Свободу подарит мне только она».
Прощаясь, приветливо с ним обнялись
Хосров и владычица жен Ференгис.
Гив накрепко руки Пирану связал,
Его на коня усадить приказал.
Умчался Пиран, восхваляя царя
И Гива, великого богатыря.

[*Афрасьяб встречает*
на дороге Пирана]

О том пораженье узнал Афрасьяб,
И света не взвидел, от горя ослаб.
Кимвалом бойцов поспешил он созвать
И двинул стремительней пламени рать.
Двухдневный свершали за день переход,

Не ведая устали мчались вперед.
И вот доскакали до места того,
Где бился Гольбад, где дружина его
На поле кровавой борьбы полегла,
В нежданном сраженье погибель нашла.
Царь молвил: «Злой недруг ворвался в Туран.
Должно быть, велик неприятельский стан!
Об этой дружине огромной ужель
Никто из туранцев не слышал досель?
Откуда проведал тот див-исполин,
Что здесь Сиавуша казненного сын?
Убил бы младенцем Хосрова — тогда *
Меня б миновала лихая беда».
На это ему отвечал Сепехром:
«О нет, не дружиною — этот разгром,
Увы, учинен только Гивом одним;
Не видели вовсе воителей с ним.
Огромную рать одолел он. Спастись
Успели и Гив, и Хосров с Ференгис».
Услышав о том, Афрасьяб побледнел,
В отчаянье свой проклиная удел.
«Познавшего тайны небесных планет
Сбылось прорицанье!— сказал он в ответ,—
Кто царствовать призван создателем, тот
Добудет престол без трудов и забот».
Как только его отзвучали слова,
Дружину увидел Турана глава.
Вгляделся и видит: в крови, перед ней —
Пиран, предводитель туранских мужей.
Царь думает: «Гив им настигнут, убит.
Он, верно, с победною вестью спешит».
Все ближе, меж тем, именитый Пиран.
Царь видит, что кровь — из пирановых ран.
Вождь едет, привязан к седлу, на коне

И связаны руки узлом на спине.
Владыка Пирана расспрашивать стал,
И вот что воитель ему рассказал:
«Дремучих лесов кровожаднейший лев,
От долгого голода рассвирепев,
Столь страшен бы не был, о мой властелин,
Как Гив, на дружину напавший один.
Увидев, как в битву кидается он,
От ужаса дрогнул бы даже дракон.
За тяжкую палицу взявшись, боец
Разил, словно молотом мощный кузнец.
С разбега по склону в долину примчась,
Он грудью, конем, стременами тотчас
Воителей наших крушить принялся,
Дружине смятенье и гибель неся.
Главой возвышался над всеми герой,
Казался он вставшей средь поля горой.
Разили мечи, словно хлещущий дождь,
Но тот разъяренный воинственный вождь
Всю нашу дружину рассеял один.
Я ринулся в бой, ускакал исполин,
Но меткий аркан свой метнул на бегу,
И тотчас в неволю попал я к врагу.
Дрожащий, и сил, и сознанья лишен,
Я мигом был наземь с седла совлечен.
Мне руки скрутил торжествуя ездок,
Меня за собой по земле поволок
К ногам Кей-Хосрова. Безмерно жесток,
Огнем унижения сердце мне жег.
Уже за булат его руки взялись,
Вступилась тогда за меня Ференгис.
Как видишь, владыка, остался я жив,
Лишь ухо мне ранил разгневанный Гив
И накрепко руки связал, и меня

Заставил поклясться сиянием дня,
Луною и жизнью твоей, и венцом,
И троном твоим, и небесным творцом,
Что руки развяжет мои лишь одна
Гольшехр, умудренная жизнью жена.
И видя, что светлой покинут звездой,
Увы, поклялся я той клятвой святой.
Я путами крепкими тяжко томим,
Но крепче я связан обетом своим.
Не знаю, чем мог небеса оттолкнуть —
Их милостей, верно, мне ввек не вернуть!»
Окончен Пирана правдивый рассказ,
И ярость в душе Афрасьяба зажглась.
Прогнал, оскорбил предводителя он.
Тот слова не вымолвил, болью пронзен.
Владыка без удержу гнев изливал,
Проклятьями сыпал и клятвы давал:
«Хоть тучею стань громоносною Гив,
Стань вихрем Хосров, этот дерзостный див,
Настигну их, даже с небес совлеку!»
Заносит он руку к стальному клинку,
Крича в исступленье: «Им голову с плеч
Снесет мой булатный губительный меч!
Как только в тиски Ференгис залучу,
Я мир пред глазами ее помрачу,
Мгновенно ее рассеку пополам
И рыбам речным на съеденье отдам.
Хосров по Ирану тоскою томим,
Но ей ли стремиться туда вслед за ним!»

[*Разговор Гива со стражем судов на реке*]

Умчался в Хотен удрученный Пиран;
Царь, жаждою мщения вновь обуян,
К Джейхуну бойцов поспешил повести,

Без удержу кровь проливая в пути.*
Сказал он Хуману: «Коня не жалей,
Гони, до реки доберись поскорей.
Ведь если Джейхун беглецы перейдут —
Все наши усилия зря пропадут.
О горе, сбывается ныне вполне
Все то, что пророчили мудрые мне!
Они предсказали: владыка придет, *
Что род от Кобада и Тура ведет.
Он сердце Ирану с любовью вручит,*
К Турану разгневанный лик обратит.
Турана земля опустеет тогда,
Разрушены будут его города».
Все трое, меж тем, до реки доскакать
Успев, принялись переправы искать.
Гив славный со стражем вступил в разговор:
«Нам надобен челн: поворотлив и скор,
И парусом новым к тому ж оснащен,
Пусть будет достоин властителя он».
Но страж отвечал: «Для текучей волны
Рабы и властители, право, равны.
Коль хочешь речную волну покорить —
За судно ты должен меня одарить».
«Что просишь, скажи, — богатырь отвечал,—
Рать близится, судно спускай на причал!»
Услышав от Гива такие слова,
К нему обращается стражи глава:
«Четыре ты клада везешь — хоть один
За судно в награду мне дай, исполин:
Мне панцирь отдай, вороного коня,
Рабу иль юнца, что прекраснее дня».
«Ума ты лишился!— Гив крикнул в ответ.—
Твои притязанья — бессмысленный бред.
Когда бы возглавил владыка свой край —

Без доли и ты не остался бы, знай.
Взять в слуги властителя заришься ты —
Занесся, смотри, до какой высоты!
Ты просишь в уплату властителя мать,
Что месяц могла б, как венец, украшать.
Тебе вороной приглянулся мой конь,
Бехзад, обгоняющий вихрь и огонь.
Еще на броню посягаешь мою,
Которая неуязвима в бою:
Не мокнет она и в текучей волне,
Ее не расплавить и в жарком огне,
Ее не пронзит ни стрела, ни копье,
Ты взять вместо пошлины хочешь ее!
Сгинь, жалкий скупец! Твоего нам челна
Не надо: и так донесет нас волна».

[*Кей-Хосров переплывает Джейхун*]

Гив юноше молвил: «Ведь ты Кей-Хосров,
Не будет Джейхун с Кей-Хосровом суров.
Эрвенд в старину переплыв, Феридун *
Венчался на царство, прекрасен и юн.
Недаром любимцем народов он стал:
Небесною он благодатью блистал.
Забудь колебанья! Ты наш властелин,
Оплот и надежда иранских дружин.
Ты шах богоданный, рожденный царить,—
Зло шаху не может вода сотворить.
Коль мне иль родимой твоей утонуть
Судьба,— не терзай истомленную грудь.
Я жизнью лишь ради тебя дорожил.
Чтоб краю вернуть властелина, я жил.
Для этой лишь цели на свет я рожден.

О царь, не тревожься, не будь удручен!
Спеши, без сомнения царь Афрасьяб
За нами в погоню помчится. Меня б
Настигнув, он тотчас повесить велел,
И твой с Ференгис был бы горек удел:
Конями велел бы злодей затоптать
Иль рыбам речным на съеденье отдать».
Ответствовал юноша: «Быть посему!
Себя поручаю творцу моему».
Взмолился к Йездану, расставшись с седлом,
Смиренно к земле припадая челом:
«Надежду и веру даруешь мне ты,
Благую стезю указуешь мне ты.
И дух мой, и разум — во власти твоей,
Ты правишь и горем, и счастьем людей».
Помчал вороной молодого царя,
Лицом заалевшего, словно заря.
И мимо причала, средь рокота волн,
Плывет он, как будто стремительный челн.
На берег выходят, Джейхун переплыв,
Хосров, Ференгис и бестрепетный Гив.
Все трое спаслись. Повелитель владык
Омыл по обряду и тело, и лик,
И долго Йездану хвалу воздавал,
И сердца восторг перед ним изливал.
Увидя, что им покорилась вода,
В смятенье пришел охранявший суда.
«Не чудо ль? — толкует помощникам он,—
Ничем бы я не был сильней изумлен.
Джейхун многоводный, весенние дни,
Три панциря, три скакуна, три брони —
И все ж переправа свершилась. Тому
Поверить, клянусь, не под силу уму!»
Раскаялся страж в неразумных речах

И в сердце немалый почувствовал страх.
Челн выбрал, его разукрасил как мог,
И парус напрягши, погнал он челнок.
Как только он реку успел переплыть —
Униженно стал о прощенье молить,
Дары предлагает властителю стран:
Шелом богатырский и лук, и аркан.
«Безмозглый ты пес! — откликается Гив,—
Ты думал, погубит нас вешний разлив?
Царь, слава которого столь высока,
Челнок попросил — ты не дал челнока.
Прочь с глаз со своими дарами теперь!
Раскаешься в дерзком поступке, поверь!»
В испуге отходит хранитель судов,
Он с жизнью уже распроститься готов.
Вернулся, растерян, от ужаса слаб,
И видит: с дружиной летит Афрасьяб.
Властитель глядит, но не видит нигде
Ни тех беглецов, ни челнов на воде.
Спросил он у стража, от злобы чуть жив:
«Как смог переправиться дерзостный див?»
В ответ услыхал он такие слова:
«Как я, был отец мой заставы глава,
Но видеть ни мне не пришлось, ни отцу,
Чтоб сушею стала вода удальцу.
Весенние воды, взгляни, разлились,
Вошедшему в них не уйти, не спастись.
А те добрались невредимыми — знать,
Небесная их берегла благодать.
Иль ветром летучим они рождены,
И к людям создателем низведены?»
Царь слушал, бледнея, вздыхал тяжело,
Известие сердце ему обожгло.
И стражу сказал повелитель мужей:

«Суда приготовь, да спусти поскорей.
Они далеко не успеют уйти,
Устанут и в сон погрузятся. В пути,
Быть может, настигнем мы их. Торопись,
Суда нам скорее подай и простись».
Но молвил Хуман возглавлявшему край:
«О царь, поразмысли, с огнем не играй!
Ведь если ты войско в Иран поведешь,
Ты в когти безжалостным львам попадешь,
Таким, как Гудерз, и Ростем-исполин,
И Тус, и сметающий рати Горгин.
Тебе, знать, наскучила царская власть,
Коль ярому тигру кидаешься в пасть.
Тебе ведь подвластны и Чин, и Мачин,
И солнце с луной, и Кейван и Первин.
На троне пребудь, возглавляя Туран:
Теперь нас тревожить не станет Иран».
Хоть сердце в крови, хоть душе тяжело,
Вернулись. А время все дальше текло...

[*Прибытие Кей-Хосрова в Исфаган*]

В Зем прибыл Хосров, с ним царица и Гив, *
Народ осчастливив, врагов удручив.
Готовится витязь известия слать.
Он в первом посланье велит написать:
«Хосров венценосный, чей прадед — Кобад,
Достиг, сокрушая немало преград,
Ирана. Счастливой звездой озарен,
Он в волны Джейхуна вступил, как на трон».
Средь витязей Зема посланца избрав,
В ком все привлекало — и разум, и нрав,
Владыка посланье вручает ему,

А также наказ добавляет к письму,
Промолвив: «Скачи в Исфаган поскорей, *
В столицу великих и славных царей,
Гудерзу скажи: — Именитый герой!
Сбывается то, что полночной порой
Приснилось тебе: невредим и здоров,
В Зем прибыл владыка Ирана Хосров».
Посланье доставить Кавусу-царю
Другому поручено богатырю.
И вот уже, пену клубя, скакуны
Несутся, стремительным вихрям равны.
И первым к Гудерзу примчался гонец.
Дождавшись отрадных вестей, наконец,
Гудерз престарелый посланцу внимал,
Послание сына к челу прижимал
И смерть Сиавуша оплакивал вновь,
Кляня Афрасьяба, пролившего кровь.
Посланец второй, не жалея коня,
К Кавусу понесся, быстрее огня.
И вот уже вестник столицы достиг,
Встречает его ликования крик.
Царь вестника кличет. Душой обновлен,
Письмо осыпает алмазами он.
Весь град разукрашен, цветами увит,
И струны звенят, и веселье кипит.
Все чествуют Гива, везде торжество.
В Нимрузе, во славу известья того,
Что доблестный лев невредим и здоров,
Богато Ростем одарил бедняков.
Спешит он вернуть исполину жену,
Княгиню прекрасную Гошесп-Бану.
С ней тысячу двести знатнейших бойцов,
Немало престолов, бесценных венцов
И триста рабынь, и сто двадцать рабов,

Сапфирные чаши несущих. Готов
Большой караван и, с отцом разлучась,
Как птица, к супругу Бану понеслась.
И витязь ее проводил в Исфаган,
Чья слава не меркнет меж градов и стран.
Весь край между тем облетела молва:
Явился иранской державы глава!
И радостью каждый иранец объят.
Мужи в Исфаган отовсюду спешат.
Роскошно украшен Гудерза дворец,
Блистает парча, пламенеет багрец
И ждет, в самоцветах и лалах горя,
Престол драгоценный, достойный царя,
Алмазный венец, ослепляющий взор,
Подвески и серьги — весь царский убор.
Затем повелел возглавляющий рать
Столицу и площадь богато убрать.
Знатнейшие витязи края сошлись,
Навстречу Хосрову верхом понеслись.
Промчались они, чтоб устав соблюсти,
Семь с лишним десятков фарсангов пути.
И вот уж приблизились Гив и Хосров,
И спешился строй именитых бойцов
Увидел Гудерз престарелый царя
И Гива, отважного богатыря,
И вновь Сиавуша он вспомнил: из глаз
Слез горестных снова река пролилась.
Спустился с коня предводитель седой,
И обнял его властелин молодой.
Восславил воитель Хосрова, сказав:
«О царь долгожданный, владыка держав!
Не мил без тебя мне наследственный трон,
Да будешь благою звездой озарен!
Твой недруг заклятый да сгинет в бою,

Твой славный отец да ликует в раю!
От встречи с тобою — свидетель Йездан —
Великою радостью я осиян.
Такое вкушаю теперь торжество,*
Как будто бы вижу отца твоего!»
Он Гива в чело и глаза лобызал.
«Свершилась небесная воля! — сказал.—
Ты в явь обратил сновиденье мое,
О славный герой, порожденье мое!»
Знатнейшие люди Ирана пред ним
С почтеньем склонялись один за другим.
И ярко звезда исполина зажглась.
Дружина затем на конях понеслась
К гудерзову замку. Веселой толпой
Вступили мужи в озаренный покой.
Семь дней просидели за кубками там,
Беспечно пируя, внимая певцам,
И новым весельем восьмую зарю
Встречая, помчались к Кавусу-царю.

[*Кей-Хосров прибывает к Кавусу*]

Кавус в нетерпенье царевича ждет,
Все светится, благоухает, цветет.
Все двери и кровли огнями горят,
И площади в пышный оделись наряд,
И кони проносятся, звонко скача,
Копытами злато и сахар топча.
Вот лютни запели, вокруг разлилось
Дыхание амбры, шафрана и роз,
И юношу царь пред собой увидал.
Волненьем охвачен, Кавус зарыдал,
Покинул престол и к Хосрову приник,
Целует и очи, и царственный лик.

Пред ним властелин молодой до земли
Склонился, и оба к престолу пришли,
Воссели. Стал юношу спрашивать шах
О вражьей стране, о царе, о войсках.
И слышит: «Умом Афрасьяб обделен,
Стезею неправедной шествует он.
Ужасен злодея неистовый нрав,
Да сгинет он, трон и венец потеряв!
Отца моего лиходей погубил,
А бедную мать без пощады избил,
Чтоб смерти во чреве и я не избег.
Да будет он жертвою горя весь век!
Едва разрешилась от бремени мать,
Он в горы меня поспешил отослать.
Немало томительных, горестных дней
Провел я среди буйволиц и коней.
Примчался Пиран с повеленьем привезть
Меня к душегубу, таившему месть.
Я понял, что гибель готовит мне он,
И, черною злобой его устрашен,
Решился я все невпопад говорить,
От недруга доблесть и разум сокрыть.
Он молвит одно — о другом я твержу;
О пище он спросит — о ложе скажу.
Наслал на него помраченье творец,—
Разумного счел он безумцем, слепец!
Меня оттого убивать он не стал,
С проклятьями к матери вновь отослал.
Кто ж друга в убийце отца обретет,
Хоть лей, словно туча, он реки щедрот?»
«О славный,— Кавус отвечает ему,—
Тоскует страна по венцу твоему.
И родом ты знатен, и сам ты велик,
Достойный и мудрый владыка владык!»

Речь новую после царевич повел:
«О царь, украшающий древний престол!
Когда ты о Гиве услышишь рассказ,
О подвигах, им совершенных не раз,—
Придешь в изумленье и будешь ты прав,
Кто, в мире так много невзгод испытав,
Врагам бы так много ударов нанес!
Меня разыскал он и тайно увез.
Немало сверх этого доблестных дел
Свершил он и жизни своей не жалел.
Чтоб нам помешать из Ирана уйти,
Два войска спешили настичь нас в пути.
Слона боевого не видел индус
Свирепостью равного Гиву,— клянусь!
Так доблестно бился, что, мнится, храбрей
Не билось бы чудище бурных морей.
Вожди задрожали, рассыпался строй,
Все вспять понеслись — молодой и седой.
И после, когда на коне вихревом
Примчался Пиран в кушаке боевом,
Аркан свой закинул воинственный Гив,
И витязя пешим повлек, полонив.
Пиранову жизнь пощадить я просил,
Иначе бы он головы не сносил;
Скорбел он о смерти отца моего,
Не делал мне, кроме добра, ничего.
Он спас и меня, и любезную мать,
Нас лютому тигру не дал растерзать.
Ведь царь мне готовил жестокий удел,
Меня, как отца, обезглавить хотел...
Пока не достигли Джейхуна, герой
Разил бычьеглавой своей булавой. *
Джейхун переплыл, ярым гневом палим,
Не глядя, вода или суша под ним.

Весь век не состарится тот властелин,
Которому служит такой исполин!»
Окончен Хосрова правдивый рассказ,
И дед улыбается, счастьем лучась.
Он Гива к груди прижимает тепло,
Целует и плечи ему, и чело,
Высокой хвалою Гудерза даря
И землю, взрастившую богатыря.
Дар Гиву вручил он, каких ни один
Не видывал знатный, ни простолюдин.
Герою-бойцу во владение дан *
Рей, Кум с Хорасаном и град Исфаган.
С джемшидовой щедростью царь одарил
Счастливца. Тот к солнцу душой воспарил.
Царь молвил: «Изведал ты тяжкие дни —
Плоды многолетних усилий пожни!».
С сынами и внуками старый Гудерз
Уста для хвалений горячих отверз.
Склонившись один за другим до земли,
Царю благодарность мужи принесли.
Он царский убор Ферингис преподнес,
В чертог, напоенный дыханием роз,
Велел ей поставить престол золотой,
Украшенный лучшей китайской тафтой.
«Владычица жен,— Кей-Кавус говорит,—
Вовек да не ведаешь бед и обид!
Из отчего края решившись уйти,
Немало страданий снесла ты в пути,
Но здесь обретешь и отчизну и дом,
Отныне я волей твоею ведом».
Ответила шаху царица-луна:
«Да светишь ты миру во все времена!»

[*Тус отказывается присягнуть Кей-Хосрову*]

Был замок в Истахре. Гошвад-великан *
Тот замок возвел, им гордился Иран.
Мужи, с венценосным Кавусом простясь,
Всем миром туда устремились тотчас.
Хосров и Гудерз впереди. Наконец,
Вступили они в озаренный дворец.
Хосрова на трон возведя, нарекли
Верховным владыкой иранской земли,
И каждый покорность ему изъявил,
Лишь Тус, сын Новзера, главы не склонил,
А он, златошлемный, — у войск во главе,
При нем и литавры, и знамя Каве.
Гудерз осердился, услышав о том.
Строптивца он судит суровым судом,
И Гива, подобного тигру в боях,
К себе исполин призывает в сердцах:
«В путь!— молвит он,— дерзкому Тусу скажи:
„Не злобствуй, когда торжествуют мужи!
Хосров — наш владыка, признали его
Знатнейшие люди Ирана всего.
Но голосу дива покорствуешь ты,
Путь божий покинув, упорствуешь ты.
Коль царский отвергнешь приказ — не стерплю,
Немедля с тобою в войну я вступлю“.
По воле собрания знатных мужей
Послание подпишу княжьей своей
Скрепляю, а Гиву — посланье везти.
Достойно посланца прими и почти!»
И, мысленно гневные речи твердя,
Гив мчится к владениям Туса-вождя.
Предстал перед Тусом и молвит ему:
«Упорству я, право, дивлюсь твоему».

Но тот на внушения богатыря
Ответил: «Меня укоряешь ты зря!
Ведь после Ростема вторым я в стране
Считаюсь вождем, закаленным в войне.
Мой дед — Менучехр, незабвенный наш царь,
Мечом покоривший вселенную встарь.
Отец мой — Новзер, властелин воевод,
К царю Феридуну восходит мой род!
Лишь ринусь я в битву, могучих глава,
Рву шкуру у барса и сердце у льва.
Другого царя вы нашли, от меня
Свой умысел дерзостный втайне храня!
Я в гневе, и слушать не стану я слов
О том, что владыка Ирана — Хосров!
Коль внук Афрасьяба нам станет царем,
Мы только беду роковую пожнем.
Пешенгова чада нам власть не нужна. *
Кто сделал бы тигра главой табуна!
Напрасно ты странствовал столько годов:
Пусть молод и полон отваги Хосров —
Нам нужен верховный владыка другой,
Ствола безупречного отпрыск благой.
Средь нас Фериборз: от Кавуса рожден
Венца и престола достойнее он.
Меж предков его не сыскать чужака,
И род его знатен, и слава громка».
Гив думает: «Тус неумен, нечестив!»
И молвит, поднявшись, разгневанный Гив:
«Смотри, горевать не пришлось бы тебе,
Когда призовут нас литавры к борьбе!
Гудерзову грозную встретив семью, *
Позор обретешь — не победу в бою.
Страданья, что нам с Кей-Хосровом сносить
Пришлось,— ты по ветру затеял пустить!

Когда б осеняла тебя благодать,
Царя б не пришлось на Эльборзе искать.
Но царственной мудростью ты обделен,
Поэтому отчего трона лишен.
Венчаться на царство достоин лишь муж,
Величия полный и мудрый к тому ж».
Сердитых немало он вымолвил слов.
Затем удалился, разгневан, суров.
Вернулся к Гудерзу и молвит: «Клянусь,
Лишен разуменья малейшего Тус!
Ты скажешь, глаза его слепы: смотри,
Задумал избрать Фериборза в цари!
Но кто же достойней венца, чем Хосров?
Нет равных ему средь иранских бойцов».

[*Ссора Гудерза с Тусом*]

«Смерть Тусу!— Гудерз разъяренный кричит.—
Да будет он знатными всеми забыт!
Покажем строптивцу, пусть ведает он,
Кому подобает корона и трон!»
И вот уж призывно кимвалы звучат,
И семьдесят восемь воинственных чад
Выводит Гудерз, предводитель дружин.
С сынами и внуками муж-исполин
Несется у рати большой во главе,
С ним в латах бойцов десять тысяч и две.
Навстречу с литаврами Тус на коне
Ведет удальцов. Каждый в крепкой броне,
У каждого крепко затянут кушак —
Над ними Каве ослепительный стяг.
Тус видит: Гудерза несметная рать
И солнцу с луною могла б угрожать.
Престол на спине боевого слона

Блестит бирюзой, словно Нила волна.
Могуч, завоевывать земли готов,
На троне, в венце восседает Хосров.
Две сотни слонов выступают вослед,
Сказал бы, покорен владыке весь свет.
В уборе верховных царей, с булавой, *
Увенчанной тяжкою бычьей главой,
В венце, излучающем свет жемчугов,
Как месяц, на троне сияет Хосров.
И сердцем смутившись, задумался Тус:
«Когда с удальцами Гудерза сражусь,
Немало поляжет с обеих сторон
Бойцов, будет смутою край потрясен.
Удача к туранцам вернулась тогда б,
И духом воспрянул бы царь Афрасьяб,
Врагам бы достался иранский престол,
Покою и счастью конец бы пришел».
Достойного, мудрого мужа избрав,
Послал он к Кавусу, владыке держав
С такими словами: «Коль пустит стрелу
Боец хоть один — быть великому злу.
Туранец ведь только и видит во сне,
Чтоб дали мы здесь разгореться войне».

[*Гудерз и Тус приходят к Кавусу*]

Лишь эту разумную речь услыхал,
Обоих вождей повелитель призвал.
Во стан предводителя-богатыря
Явился посол от Кавуса-царя
С наказом: «Мудрейший из мудрых вождей!
В кувшин с молоком ты отраву не лей.
Меч в ножны вложи, развяжи свой кушак,

В день радости нас не ввергай ты во мрак.
Вас, витязей двух, возглавляющих рать,
Без войска зову предо мною предстать».
К владыке отправились Тус и Гудерз,
И каждый уста пред владыкой отверз.
Воинственный Тус венценосцу сказал:
«Коль править державой властитель устал —
Свой царский престол и державу и рать,
Ему подобало бы сыну отдать.
Ты сына имеешь, зачем же на трон
В венце властелина твой внук возведен?
Величье царей Фериборзу дано,
И львиной отваги в нем сердце полно».
«Эх ты, скудоумный!— Гудерз отвечал,—
Мудрец человеком тебя б не считал.
Подумай, доселе рождался ли муж
Достойней, разумней, чем царь Сиавуш?
А это ведь сын Сиавуша, во всем
С ним схожий — и статью своей, и лицом.
Подобных ему ни Иран, ни Туран *
Не знают. Упорством не будь обуян!
Тур — дед с материнской ему стороны,
Но царь ведь и Тур — мы уставу верны.
Хосрова ты видел; тот славный юнец —
И силы, и щедрости царской венец.
На нем опочила царей благодать,
Сумел он Джейхун без челна обуздать.
Так в древние годы, бесстрашен и юн,
Эрвенд без челна переплыл Феридун.
От вражьего ока, от вражьих тисков
Избавлен хранимый Изедом Хосров.
К тому же врагам за родного отца
По-львиному будет он мстить до конца.
Знай, жизнь Афрасьяба он держит в руках.

С ним край позабудет страданья и страх,
От грозной опасности будет спасен.
Соруш, ниспославший мне вещий мой сон,
Недаром вещал:— Воцарившись, весь свет
Избавит Хосров от раздоров и бед.—
Новзеру ты сын, не чужой, но отец
Горяч был, а ты — своевольный слепец.
Будь нынче со мною булатный мой меч,
Я грудь бы тебе не замедлил рассечь,
Увидел бы хлынувшей крови ручей,
Избавился б разом от праздных речей.
Вражду меж царями ты сеешь, кичась,
Себя напоказ выставлять не стыдясь!
Решение сам повелитель найдет,
Кого пожелает, на трон возведет».
«О вождь престарелый,— ответствовал Тус,—
Твоей оскорбительной речи дивлюсь.
Хоть родом отец твой Гошвад и велик,
Но я ведь потомок венчанных владык.
И если твой меч наковальни крушит,
Каф-гору моя булава искрошит.
Нам нечего здесь препираться в сердцах,
Пусть сам выбирает наследника шах».
«Замолкни!— раздался Гудерза ответ,—
Ни веры тебе, ни почтения нет!»
Сказал он Кавусу: «Владыка держав!
Тебе соблюсти подобает устав.
Ты сына и внука с собой усади,
Их выслушав, светлым умом рассуди:
Который достойней быть шахом страны,
Кому благодать и величье даны?
Достойному вверь и дружину и трон,
Коль сам ты державным трудом утомлен».
«Нет, это негоже,— сказал Кей-Кавус,—

К обоим равно я душою тянусь.
Когда одного изберу я, тотчас
Отмщенья возжаждет другой, омрачась.
Но разум внушает мне способ благой,
Чтоб не был обижен ни тот, ни другой.
К вратам Ардебиля пусть внук мой и сын *
Пойдут во главе меченосных дружин,
В тот край, где высокая крепость Бехман. *
Уж годы свирепствует там Ахриман.
Поклонник огня, Ахриманом тесним,
Ту землю покинул, бессильный пред ним.
Кем будет тот грозный оплот покорен,
Тому уступлю я державу и трон».
По сердцу пришлись исполинам слова,
Что молвил иранского царства глава.
Согласьем ответили оба на то,
Разумней пути не нашел бы никто.
Решенье такое приняв, наконец,
Покинули витязи царский дворец.

[*Тус и Фериборз пытаются овладеть крепостью Бехман*]

Лишь солнце в созведии Льва поднялось
И ночи от света укрыться пришлось.
Стремительно Тус с Фериборзом вошли
К Кавусу, владыке иранской земли.
Тус вымолвил: «Быть предводителем мне!
Пред войском кимвал повезу на слоне,
Взметну кавеянский сверкающий стяг,
И дрогнет, бледнея от ужаса, враг.
Я рать фериборзову двину вперед;
Он сын твой, пусть первым на крепость идет».
Ответ был: «Кто первым пойдет — все равно,

Лишь тот одолеет, кому суждено.
Победа — в деснице дарителя сил,
Того, кто светилами твердь озарил.
Коль так Фериборзу угодно, то в путь
Дружину ведите, не медля ничуть».
И Тус, кавеянское знамя взметнув,
Свои сапоги золотые обув,
Бойцов со слонами выводит в поход,
А войска средину царевич ведет.
Несутся вперед неустанно они,
И вот у твердыни Бехмана они.
Хоть крепость близка — неприступна она,
Земля словно в пламени раскалена.
Бойцы изнывают в кольчугах своих,
Уж плавятся копья стальные у них,
Все никнет под знойным дыханием дня.
Не воздух, но адовых сил западня!
Твердыня возносится к небу, и рать
Растеряна: с небом ли в битву вступать?
Тус молвит в раздумье: «Отвагой ведом,
Столкнувшись на поле с опасным врагом,
Муж луком, арканом, мечом и стрелой
Его побеждает в борьбе удалой.
Но к этой громаде не видно пути;
А если и есть он, его не найти.
Истерзана грудь раскаленной броней,
Невмочь выносить изнурительный зной.
К чему же сомненьями душу терзать?
Ты крепость не взял — и другому не взять».
У грозной твердыни кружили семь дней,
Но все понапрасну: нет доступа к ней.
Спустились бойцы с раскаленных высот,
Бесплодным остался их дальний поход.

[*Кей-Хосров завоевывает крепость Бехман*]

И слышит дружина, которой глава —
Гудерз, сын Гошвада, такие слова:
«Пришлось Фериборза и Туса бойцам
Вернуться ни с чем: время выступить нам!»
Рать строится, трубный разносится гром,
Дружина возглавлена юным царем.
На мощную спину слона водружен
Каменьями дивно украшенный трон.
Строй конный, лиловое знамя над ним,
Блистает роскошным убором своим
Хосров: сапоги золотые на нем,
Горит ожерелье алмазным огнем.
Разносятся клики: «День новый пришел,
Хосров-миродержец воссел на престол!».
В венце, с богатырской своей булавой
Ведет он дружину в поход боевой,
С ним Гив и Гудерз перед строем бойцов.
Лишь замка Бехмана достиг Кей-Хосров,
Он с трона сошел, пересел на коня,
Затянут кушак и надета броня.
Писца вслед затем поспешил он призвать,
Посланье писцу повелел написать.
И вот языком пехлевийским оно
Написано амброй, как заведено
Владыками: «Пишет глава храбрецов,
Йездана слуга, именитый Хосров.
Из пут ахримановых вырвался я,
Оплот мой — небесный святой судия,
Творец вездесущий, что блага нам шлет
И путь указует с небесных высот.
Им создано Солнце, Кейван и Бехрам,

Он мощь и величье дарует царям.
Царей благодать от него мне дана,
И львиная хватка, и сила слона.
Меж Рыбой, держащею мир, и Тельцом *
Мне все вручено всемогущим творцом.
Коль в этой твердыне царит Ахриман,
Что злобою против творца обуян —
Во славу Йездана, по воле его,
Твердыню смету я, познав торжество.
Коль это убежище злых колдунов —
Один я, без войска, сразить их готов.
Метнув многократно аркана петлю,
Я всех нечестивых схвачу, истреблю.
Но если Соруша царит благодать
Над вами, коль вы — вседержителя рать —
Впустите; не бесом ведь я порожден,
Я чист и дарами небес награжден.
Твердыню во прах я повергну сейчас —
Такой Кей-Кавуса священный приказ».
Копье Кей-Хосров богатырское взял,
Посланье к его острию привязал.
Все помыслы к цели благой устремив,
Вознес он копье, словно знамя, и Гив
К твердыне с посланием мчаться готов,
Тому храбрецу повелел Кей-Хосров:
«Домчись поскорей до высокой стены
И это посланье, где строки полны
Благих увещаний, на стену копьем
Закинь, поминая Йездана при сем,
И тут же назад скакуна поверни,
Коня не щадя, что есть силы гони».
И витязь, в Йездане искавший оплот,
С копьем вознесенным понесся вперед.
На стену твердыни письмо возложив

И громко, торжественно провозгласив
Священное имя подателя благ,
Умчался он — вихрь не умчался бы так.
Исчезло письмо, и над крепостью той
Уж прах поднимается тучей густой.
И вдруг пошатнулась твердыни стена
По воле того, кем земля создана.
От грохота горы и степи дрожат,
Ты скажешь, то вешнего грома раскат.
Мир стал эфиопа черней. Пеленой *
Окуталось солнце и звезды с луной.
Земля, словно в грозную львиную пасть,
Попала кромешному мраку во власть.
Коня вороного Хосров горячит
И мчится вперед, и дружине кричит:
«Стреляйте по замку! Пусть каждый ваш лук
С весеннею тучей сравняется вдруг».
И вот уж из тучи посыпался град,
Погибель несет он, не зная преград.
Немало там дивов от стрел полегло,
От страха немалое пало число.
Внезапно сверкнул ослепительный свет—
И тьмы непроглядной уж более нет.
Отрадной прохладой повеяло вдруг—
И все зацвело, засмеялось вокруг.
Йезданово имя, царя благодать
Счастливой звезде помогли воссиять.
Рассеялись дивы, царю подчинясь,
И дверь обнаружась раскрылась тотчас.
Вступает туда властелин молодой,
С ним рядом Гудерз, сын Гошвада седой.
Град светлый увидели царь и бойцы,
Широкую площадь, сады и дворцы .*
В том граде просторном велел Кей-Хосров

Храм выстроить куполом до облаков,
С высокою аркой пред каждой стеной.
Он в десять кемендов длиной, шириной —
Таких только два расстояния конь
Зараз пробежал бы. Священный огонь
Владыка возжег для благих мудрецов,
Седых звездочетов, почтенных жрецов.
Год целый еще оставался он там.
Когда же достойно украсили храм,
В дорогу собрать повелел он обоз,
Дружину увел и добычу увез.

[*Кей-Хосров возвращается с победой*]

Лишь только до шаха иранской земли
О подвиге юноши вести дошли,
Восторг охватил и царя и бойцов.
Прославлен молвою отважный Хосров.
Вожди боевые один за другим
С приветом, с дарами предстали пред ним.
Возглавив иранскую мощную рать,
Пришел Фериборз властелина встречать.
Увидел его и с гнедого сошел,
А доблестный царь с вороного сошел.
И дядя целует племяннику лик.
Он трон драгоценный немедля воздвиг.
На тот, бирюзою украшенный, трон
Торжественно им Кей-Хосров возведен.
Воссел на престоле своем золотом
Владыка, венчанный алмазным венцом,
Вдруг Тус именитый пред шахом предстал.
Несут кавеянское знамя, кимвал,
Затем сапоги золотые внесли;
Их шаху вручил он, склонясь до земли,

Сказав: «Кавеянский прославленный стяг,
Кимвал боевой, предводительства знак.
Вождя сапоги золотые царю
Вручаю: достойному богатырю
Отдай. Недостоин я более их!
Довольно того, что оставлен в живых».
Просил, чтоб проступок его Кей-Хосров
Забыл. Отрекался от дерзостных слов.
Виновного великодушный простил
И ласково рядом с собой усадил.
Сказал: «Сапоги золотые и стяг,
И ратный кимвал, предводительства знак,
Меж витязей я не вручу никому,
Они подобают тебе одному.
Возглавь боевую дружину свою!
Обиды я против тебя не таю.
Не кайся, ведь ты не повинен ни в чем;
Хотел не чужого ты видеть царем».
Так молвил и к Фарсу с мужами Хосров
Помчался, на царство венчаться готов.
Услышал Ирана владыка седой,
Что мчится с победою царь молодой,
И внука встречая, от счастья расцвел,
Ты скажешь, вторую он юность обрел!
Внук издали деда увидел, и в нем
От радости сердце объято огнем.
Он, пеший, склонясь, произносит привет.
Безмерно по нем стосковавшийся дед,
Сияя, в объятья его заключил,
Хвалою достойной героя почтил:
Ведь он победителем с поля войны
Вернулся, и недруги посрамлены!
Оттуда помчались они во дворец,
Туда, где хранился кеянский венец.

[*Кавус возводит на престол Кей-Хосрова*]

Покинули седла с весельем в сердцах,
С немолчной хвалою творцу на устах.
Вот к деду подходит Хосров своему,
Склонился и руку целует ему,
И взял его за руку дед и повел
В палату, где высился древний престол.
На месте владыки наследник воссел.
Венец принести Кей-Кавус повелел.
Устами сперва приложившись к венцу,
Его на главу возлагает юнцу,
И власть Кей-Хосрову вручает свою,
Трон царский сменив на златую скамью.
В дар новому шаху алмазы он дал,
Кораллы, рубины, топазы он дал
И все поминал Сиавуша; ведь с ним
Так сходен был юноша ликом своим!
Спешила к престолу высокая знать,
Вожди, возглавлявшие славную рать,
Горячей хвалой величали царя,
Ему самоцветы и злато даря.
Таков уж судьбы непреложный закон:
Один ниспровержен — другой вознесен, *
Паденьем сменяется взлет в высоту.
Безумен, кто верит в земную тщету!
Коль можешь быть радостен — радостен будь,
Все чуждое радости светлой забудь!
Потребное трать, остальное другим
Отдай и заботой не будь одержим.
Себе ты напомни: быть может, врагу
Достанется то, что скоплю, сберегу.
Создатель, что нас насыщает теперь,

Насытит и наше потомство, поверь.
Взгляни, утопает в богатствах земля,
Сердца изобилием благ веселя.
Щедроты творца не иссякнут вовек...
Будь счастлив, печали не знай, человек!

КЕЙ-ХОСРОВ

[*Царствование Кей-Хосрова длилось шестьдесят лет*]

Тут начал дехкан, за оконченным вслед, *
Другое сказанье исчезнувших лет
О том, как страной управлял Кей-Хосров
И как на Туран посылал он бойцов.
Когда долголетье и силы пошлет
Мне щедрый владыка небесных высот,
Я древнюю быль воскрешу для людей,
Спасу от забвения песнью своей.
Коль древа могучего отпрыск живой,
Вознесшись до неба державной главой,
Взрастет, недоступный пороку и злу,—
Возможно ли им не гордиться стволу?
Весь мир осчастливит подобный побег,
Его и лелеет и пестует век.
Он, кроме добра, не творит ничего,
Коль царственность в самой природе его.
Три свойства он должен в себе сочетать,
Четвертое — столь же насущным считать.
Достоин престола лишь доблестный муж,
Притом добродетельный, знатный к тому ж.
Без славного рода и доблести нет,

Без доблести — знатных не видывал свет.
Дар божий — царя добродетель: светла
Душа у него, не приемлет он зла.
Дар отчий — ничем не запятнанный род:
Ведь дорог лишь доброго семени плод.
А доблесть вождя и уменье притом
Даются ученьем, упорным трудом.
Из трех — добродетель превыше всего;
Дар божий — что может быть лучше его?
Три качества мудрость должна увенчать,
Умение зло от добра отличать.
Кто эти четыре в себе совместит —
Свободен от алчности, мук и обид.
И только от смерти ему не уйти:
Ведь хищницы яростней, злей не найти.
Хосрову все качества эти даны
И светит благая звезда с вышины.

[ВОЖДИ ПРИСЯГАЮТ КЕЙ-ХОСРОВУ]

Взошел Кей-Хосров на державный престол,
И слух о владыке повсюду прошел.
Венчанный короной верховных владык,
Он правил страною, могуч и велик.
При нем справедливости время пришло,
Он с корнем исторг угнетенье и зло.
В Иране любой из знатнейших мужей,
Потомок кеянов — венчанных вождей,
И каждый воинственный витязь и князь
Владыкой признал Кей-Хосрова, склонясь
Из живших во время его ни один
Главенства его не отверг властелин.
Стране разоренной он дал расцвести,
Измученным людям — покой обрести.

Ты скажешь, весенняя туча прошла,
Всю землю очистив от горя и зла!
От царских щедрот возродившийся край
Украсился, точно сияющий рай.
Страну благодетельный мир осенил,
Обуздана власть ахримановых сил.
От разных держав со словами хвалы *
Один за другим прибывали послы.
В Нимруз, управляемый славным вождем, *
Гонец прискакал, извещая о том,
Что занял престол властелина царей
Вершины величья достигнувший Кей.
Могучий собрался к царю на поклон.
Созвал он воителей с разных сторон
И тут же в дорогу с веселой душой
Помчался, возглавив блистающий строй.
С ним Заль, Неримана прославленный внук, *
Кабула знатнейшие люди вокруг.
От войска несчетного степь — что сандал,
И львов оглушил загремевший кимвал.
Могучий пред войском со стягом своим
И Заль благородный, и витязи с ним.
Известье Хосрову несут между тем,
Что мчится к нему именитый Ростем.
И вот, словно в праздничный день, убрана,
Готовится к встрече героя страна.
Царь доброю вестью обрадован был,
От сердца он вестника̀ благословил,
Промолвив: «Наставником был он отца,
Отважнее в мире не сыщешь бойца».
Гудерзу и Гиву, и Тусу приказ
Он отдал, и трубы запели тотчас,
Литавры неистовый подняли гром,
На воине каждом сверкает шелом.

Навстречу от города к городу шли,
Кимвалы и ратные стяги несли.
Два дня, чтобы витязю честь оказать,
Скакала верхом знаменосная рать.
И вот показался Могучего стяг,
Пыль ратная мир погрузила во мрак. *
Шум, бой барабанный до неба встает;
Гив, Тус и Гудерз полетели вперед;
Их лики сияние радости льют.
Все разом Ростему хвалу воздают,
Сжимают в объятиях богатыря,
А тот их расспрашивать стал про царя.
Восславлен и Заль, чей родитель был Сам,
И Заль отвечает приветом бойцам.
От Заля к вождю Ферамарзу спешат
И каждый из них ликованьем объят.
Все вместе явились мужи, наконец,
К Хосрову — почтить благодатный венец.
Пал витязь Ростем перед юношей ниц,
И слезы закапали с царских ресниц.
Надежду владык, исполина-вождя
Царь ласково поднял, с престола сойдя,
И молвил: «О витязь, тебе мой привет,
Весь век благоденствуй, не ведая бед!
Тобою воспитан был царь Сиавуш,
Ты — мудрый, достойный и праведный муж».
Он обнял Заль-Зера, вождя-мудреца,
Вновь скорбью охвачен, оплакал отца.
Мужей усадил он с собой на престол,
Моля, чтоб Йездан уберег их от зол.
Глядит богатырь на царя своего.
Краса и величье, и мудрость его
Бойцу Сиавуша напомнили вновь,
К лицу прилила от волнения кровь.

Воскликнул Могучий: «Наследник венца!
Ты — память живая героя-отца.
Царя не знавал я, который, как ты,
Благого отца сохранял бы черты».
Поднявшись, покинули царский престол,
Наполнили кубки, усевшись за стол.
И царь не смыкал до полуночи глаз,
Ведя обо всем пережитом рассказ.

[КЕЙ-ХОСРОВ ОБЪЕЗЖАЕТ СВОЕ ЦАРСТВО]

Лишь солнце сверкающий меч занесло,
И ночи таинственной скрылось чело,
Запела труба у дворцовых дверей,
К царю призывавшая богатырей.
Воинственный Тус, Гостехем-исполин,
Гив славный, Роххам и Гудерз, и Горгин
Вступили в чертог и, склонясь, подошли
К престолу владыки иранской земли.
Приветом их встретив, такие слова
Воителям молвил Ирана глава:
«Задумал я множество градов и стран
Объехать — весь наш благодатный Иран.
Охотою тешась, помчимся вперед,
Пусть вольно и радостно жизнь потечет!»
И странствовать каждый из знатных мужей
Согласен — чтоб жизнь засияла светлей.
Вот мчится владыка державный на лов
С Ростемом — главою могучих бойцов.
Вослед исполины Ирана спешат:
Гив храбрый, Гудерз, чей родитель Гошвад,
Шапур, и Горгин, и бесстрашный Бехрам,
Бижен, угрожающий смертью врагам,

Ферхад, и Зенге, и подобный грозе,
Испытанный в битвах герой Горазе.
Несутся, день солнечный тьмою застлав,—
Так много шеломов и лат, и булав. *
Ирана увидели все города:
И те, что убранством блистали тогда,
И те, что в развалины враг обратил—
Таким, не жалея сокровищ и сил,
Помог повелитель; от помощи той
Опять заблистали они красотой.
Он в каждом закладывал царственный дом,
Счастливой звездою своею ведом.
Вина не жалеет — пусть льется рекой! —
И золото щедрою сыплет рукой.
С венцом и престолом, для новых отрад,
Из града в другой устремляется град.
С мужами, которыми славен Иран,
Вступает владыка в Азерабадган. *
Пируют и снова несутся вперед,
Храм древний огня перед ними встает. *
Царь входит. Пред пламенем вечным склонен,
Хваленья возносит создателю он.
Оттуда с дружиною, ветра быстрей,
К Кавусу помчался владыка царей.
Воссели, запенилось в кубках вино,
И каждое сердце весельем полно.
Когда ж отуманил им головы хмель,
Усталых мужей потянуло в постель.

[КАВУС И ХОСРОВ КЛЯНУТСЯ МСТИТЬ АФРАСИАБУ]

Едва ослепительный день заиграл
И в яхонты темную землю убрал —
Воссели Хосров и Кавус—два царя

И с ними два доблестных богатыря:
Могучий Ростем и почтенный Дестан,
Был горем и гневом Кавус обуян.
Речь вел он и слезы кровавые лил,
Напомнил, что царь Афрасьяб совершил,
Какою был казнью казнен Сиавуш
И как пострадала отчизна к тому ж:
«Боец не один был на поле сражен,
А сколько погибло младенцев и жен!
Поныне в развалинах, в пепле, в пыли
Лежат города разоренной земли.
О мудрый и праведный царь Кей-Хосров!
Тебе небеса не жалели даров,
Сияньем своим озарил ты престол,
Величьем властителей всех превзошел.
Покинуть не можешь ты праведный путь
И должен торжественно в том присягнуть.
Клянись неустанно, безжалостно мстить,
Вражды к Афрасьябу в душе не гасить,
С врагом не мириться во имя родства,
Не слушать лукавые вражьи слова,
Не дрогнув пред палицей вражьей, презрев
И вражьи посулы и вражеский гнев,
Сметая преграды, невзгод не страшась,
Сражаться — да грянет возмездия час!
Обет нерушимый ты должен принесть,
В залог отдавая и душу и честь.
Клянись вездесущим, всевышним творцом,
Шеломом, печатью, престолом, венцом,
Царем Феридуном и правдой его,
И кровью священной отца твоего,
Величьем Изеда, и светлой звездой,
И царской моей головою седой —
Что зла не простишь ты, и речь с палачом

Лишь палицей будешь вести и мечом,
И доблесть, достойную мощи твоей,
Проявишь, как должно владыке царей!»
Речь выслушав, юный владыка владык
К огню обращает пылающий лик
И молвит: «Клянусь я благим судией
И темною ночью, и светлой зарей,
Сиянием солнца и лунным лучом,
Престолом и перстнем, венцом и мечом,
Что царь Афрасьяб омерзителен мне,
Я видеть его не хочу и во сне!
Его недостойный обычай кляну,
С прямого пути вслед за ним не сверну.
Клянусь я за гибель родителя мстить
И душу, и сердце тому посвятить.
Отрад не вкушая на троне своем,
Без страха, без устали, ночью и днем
На недруга злого клянусь нападать.
Коль будет со мною творца благодать,
Настигну, повергну тирана в бою,
И дух Сиавуша воспрянет в раю.
В свидетели клятвы священной моей,
Я вас призываю — мудрейших мужей».
На златоузорных страницах потом
Записана речь пехлевийским письмом.
Скрепили ту клятву Ростем и Дестан
И все исполины, кем славен Иран.
И книга, хранящая те письмена,
Ростему-вождю под надзор отдана.
Велев приготовить чертог для пиров,
Потребовал яств и вина Кей-Хосров.
Семь дней во дворце, веселы и хмельны,
Мужи веселились под говор струны.
Затем удалился владыка держав;

Усталость покоем и сном отогнав,
Свершил омовенье, в молельню вступил
И долго, простертый, хвалу возносил
Создателю мира. До первых лучей
Рыдал и молил, не смыкая очей:
«О ты, что один во вселенной царишь
И блага нам щедрой десницей даришь.
В дни юности был я тобою спасен
От смерти — без войска, без боя спасен.
Дай мести свершиться! Не знает стыда
Владыка, в чьей власти туранцев орда.
Отмщения жаждет ограбленный люд,
Повсюду злодею проклятия шлют.
Цветущий Иран разорял он и жег,
Сердца именитых он муке обрек;
Не дрогнув, он кровь Сиавуша пролил;
Он горестью душу мою опалил.
Трепещут пред ним властелинов сердца,
Мир стонет от трона его и венца.
Немало сгубил он безвинных людей,*
Из рода нечистого злой чародей!»
Так царь, припадая ко праху лицом,
Мольбы возносил пред небесным творцом,
Затем воротился, воссел на престол
И речь пред собранием знатным повел
Такую: «Друзья боевые мои,
Вожди, удальцы огневые мои!
Иран я — отсюда до Храма Огня —
Объехал в седле боевого коня;
Не видел нигде, чтобы жил без забот
В селеньях цветущих довольный народ.
В слезах неутешных, в нужде и беде
Страдальцы клянут Афрасьяба везде.
Он сердце изранил безжалостно мне,

От боли и горя я словно в огне.
И шах престарелый, томимый тоской,
Всечасно вздыхает, утратив покой.
Средь жен и мужей слышен горестный плач,
Немало семей обездолил палач.
Услышьте, усердные слуги мои,
Надежные, верные други мои!
Отмстить за родителя время пришло,
Отвесть от Ирана грозящее зло.
Когда нападете, сомкнувшись стеной,
Бесстрашно, как тигр нападает степной,—
Победу одержим и в этих боях.
Мощь витязей горы низвергнет во прах!
Сам, низкий, он будет в ответе за кровь,
Что хлынет на поле сражения вновь!
Кто в битвах из воинов наших падет —
В награду сияющий рай обретет.
Какой же от вас я услышу совет?
Сразимся ли с недругом? Дайте ответ.
Мир вверг он в пучину злодейства и тьмы,
Не вправе прощать злодеяния мы».
Мужи отвечали, в волненье вскочив,—
Сплотил их единый сердечный порыв:
«Весь век благоденствуй, о доблестный шах!
Тебя да минуют и горе и страх!
С тобой мы удачи и беды делить
Готовы; связала нас крепкая нить.
Свободные, рабски тебе мы верны,
Не дрогнем: для смерти мы все рождены».
Так молвили Тус и Гудерз, и Ростем.
Безмерно ответом обрадован тем,
Зарделся Хосров, как цветок эргеван,
Был счастием юным юнец осиян.
Излил свое сердце в горячей хвале,
Бойцам пожелал долгих лет на земле.

[КЕЙ-ХОСРОВ СЧИТАЕТ ВИТЯЗЕЙ]

Вращался, как прежде, лазоревый свод,
И вот уж над Колосом солнце встает. *
В столицу мобедов созвал Кей-Хосров,
Сказал, сколько нужно, обдуманных слов.
Уж доступ к нему две недели закрыт;
Вот книги писцам завести он велит,*
А тем, у кого под присмотром казна,—
Великих и малых назвать имена.
И вписаны в книги один за другим
Мужи, где положено значиться им.
Сперва из родных Кей-Кавусу мужей
Сто десять откликнулись славных вождей;
С Хосровом связуют их узы родства,
Им князь Фериборз, сын Кавуса,— глава.
Новзеровых — восемь десятков бойцов,
Смертельно разящих копьем храбрецов.
Ведет их Зересп, украшенье дружин,
Искусный в вождении войск исполин;
Владетель булата, литавр и знамен,
От гордого Туса на свет он рожден.
А дальше — Гудерз, чей родитель Гошвад;
Щит войска, он разумом светлым богат;
С ним семьдесят восемь родных сыновей
И внуков — наездники гор и степей.
Со знаменем в бой кавеянским он шел, *
Гордился им древний кеянский престол.
Из витязей, что породил Гождехем,
Шесть с лишним десятков, их вождь — Гостехем.
Из рода Миладова сто храбрецов,
А вождь их — Горгин, истребитель бойцов.
Дал восемь десятков и пять — Тевабе, *

Богатых казной, неустанных в борьбе.
Им славный Берте предводителем был, *
В сражениях — славы учителем был.
Из рода Пешенга еще тридцать три,
С огромными копьями богатыри.
Над ними начальствует доблестный Рив, *
Славнейших умом и отвагой затмив.
Литавры отважному вверила рать,
Он — войска опора и Туса он зять.
Там семьдесят было Борзина родных,
Что в битве свирепее тигров степных,
А вел их Ферхад, закаленный войной,
Он крепче в бою наковальни стальной.
Сто пять силачей из родных Горазе
И был предводителем их — Горазе.
Немало других именитых князей,
И каждый с могучей роднею своей...
Героев, чьей славою полнится свет,
Столь много, что счет им утратил мобед.
Как должно, одно за другим имена
В державные книги вписали сполна.
«В поход собирайтесь — им царь повелел,—
Готовьтесь покинуть столицы предел!
В день месяца первый кимвалы взревут,
И гонги индийские в путь призовут.
На битву иранский поднимется стан,
Войною пойдем на враждебный Туран».
Склонились приветственно все до земли,
Царю молодому хвалу вознесли;
«Страну осеняет твоя благодать!
Рожден ты на царском престоле блистать.
Ты — царь наш, мы — слуги твои до конца;
Все в длани твоей — от Кита до Тельца».

[КЕЙ-ХОСРОВ ОДАРЯЕТ ВИТЯЗЕЙ]

Вот к стану иранских мужей боевых
Табунщики гонят коней огневых.
Царь молвит: «Пусть каждый боец-великан,
Чья славится сила, чей меток аркан,—
Аркан свой кидает, ловя скакунов,
Петлей настигает лихих бегунов».
Властитель Хосров на кеянский престол,
Держа булаву, величаво взошел.
Казну отворил он, сказав: «Не должны
Властители прятать богатства казны.
В час бранных тревог, собираясь в поход,
Царь истинный щедро дары раздает.
Безмерно умножим усилий плоды,
Героям сокровища дав за труды —
Доколе копиться им, лежа в тиши!
Богатства в руках у людей хороши!»
Сто мантий румийской парчи принесли —
Сапфиры на ней и рубины цвели —
И чашу, где жемчуг до самых краев,
И множество тканей, и лучших мехов.
Все сложено рядом с владыкой царей,
И так говорит он дружине своей:
«Сокровищам этим цена такова: *
Плашана, туранского тигра, глава.
Им первым сильна афрасьябова рать;
Доколе он жив — нам покоя не знать. *
Но кто же добудет, отвагой богат,
Плашана главу и коня, и булат?»
Тут первенец Гива выходит на зов—
Бижен; поразить он дракона готов. *
Из яркой парчи одеяние взяв,
Сосуд, излучавший сияние, взяв,

Склонился, и слышен привет удальца:
«Да здравствуешь вечно в блистанье венца!»
Хвалы удостоен, обласкан царем—
И снова воитель на месте своем.
По воле владыки, принес казначей
Две сотни узорных парчевых плащей,
Меха и шелка; ослеплявших красой
Двух дев, и на каждой кушак расписной.*
Царь молвит: «А эти дары для того,
Кто сможет, царю даровав торжество,
Стяжав средь героев высокую честь, *
Тежава-туранца корону принесть.
Он зять Афрасьяба и грозный боец.*
С главы Афрасьяба — тот гордый венец».*
И снова сын Гива, Бижен поднялся:
Для битв сотворили его небеса! *
Дары и рабыни достались ему,
Дивятся мужи славолюбцу тому.
Он царское благословил бытие
И, весел, вернулся на место свое.
Затем казначею велел Кей-Хосров
Ввести по десятку нарядных рабов,
Рабынь, что цвели красотой молодой,
И резвых коней с золотою уздой.
Промолвил затем повелитель бойцам:
«Коней и рабов лишь тому я отдам,
Кто подвиг еще потрудней совершит:
Ведь битва с Тежавом и льва устрашит!
Привык он в походы невольницу брать,
Что песней могла бы зверей укрощать.
Пленительный лик — словно вешний тюльпан,
Движенья газели и тополя стан. *
Душистей жасмина ее поцелуй, *
А имя красавицы той — Эспануй.

Но пусть несравненную меч не сразит,
Булатный клинок — не для этих ланит.
Пусть витязь арканом охватит ей стан
И тотчас доставит в наш воинский стан».
Клянется Бижен, что и это свершит,
К властителю-победоносцу спешит
И славит его за обилье щедрот,
И громко Йездану хвалу воздает.
Доволен бойцом, говорит властелин:
«Будь славен в веках, молодой исполин!
Врагу да не служит муж, равный тебе!
Блистательной ты предназначен судьбе». *
И после Хосров из хранилищ своих
Десяток сосудов извлек дорогих. *
В серебряных чашах, как месяц во тьме
Блестя, благовония льют шемаме.
А в чашах из золота и бирюзы —
Рубины и жемчуг, светлее слезы,
И амбра, и соки душистые роз —
Дыхание рая оттуда лилось;
Доставлены десять рабов молодых
И десять рабынь в кушаках золотых,
И десять коней с золотою уздой.
«Все это,— сказал властелин молодой,—
Тому, кто отвагу и силу свою
Покажет с могучим Тежавом в бою,
Кем будет повержен во прах великан,
Кто с вражьей главою воротится в стан».
Гив храбрый берется тот подвиг свершить —
Туранца Тежава в бою сокрушить.
И тотчас доставлены Гиву в шатер
Дары и рабыни, влекущие взор.
Царя восхваляет великий боец:
«Да будет с тобой неразлучен венец!»

Рис. 5. Кей-Хосров, Ференгис и Гив. Переправа через Джейхун

С рукописи Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина.
Худ. Пир-Мохаммед-ал-Хафиз

Сокровищ хранителю велено тут
Доставить десяток сверкающих блюд,
Где мускус чернеет и жемчуг блестит,
Десяток рабынь, чей пленителен вид,
Меха, одеянья, корону к тому ж. *
Промолвил страну возглавляющий муж:
«Воинственный витязь, который готов
Для славы ни сил не жалеть, ни трудов,—
Пространство до вод Касеруда минув *
И дух Сиавуша добром помянув,
Очутится пред деревянной стеной; *
В десяток кемендов она вышиной. *
Ее Афрасьяб той порою возвел,
Когда из Ирана за реку ушел.
Затеял ее до небес вознести,
Чтоб в край свой иранцам отрезать пути.
Когда бы, примчавшись, отважный седок
Пожар над рекой Касерудом зажег —
Не стала бы войску преградой стена,
Легка нам была бы с Тураном война».
И Гив откликается: «Что же, и ту
Преграду с пути я, пожалуй, смету.
Сражусь, коли встречу я недруга там,
И коршунам пир я на славу задам!»
Вновь щедрой рукою бойца одарив,
Воскликнул владыка: «О доблестный Гив!
Престол мой булатом твоим осиян.
Пребудь мне кумиром — я верный брахман!» *
Внимать казначей повеленьям готов:
Сто мантий парчевых различных цветов,
Сто светлых жемчужин такой чистоты,
Что с каплей застывшей сравнил бы их ты,
Несет он царю; и короны надев,
С ним шествуют пять ослепительных дев.

Царь молвит: «Сокровища эти тому,
Чья жизнь и дела сообразны уму,
Кто ловок, силен в красноречии, смел,
Кто тигра и то одолеть бы сумел,
Кто весть от меня Афрасьябу свезет,
В ком сердце от страха пред ним не замрет
И кто от врага привезет мне ответ.
Столь доблестный витязь найдется иль нет?»
Выходит вперед сын Милада Горгин,
Скакать к Афрасьябу готов исполин.
Ему и рабыни, что краше весны,
И жемчуг, и мантии все вручены.
Герой Кей-Хосрову хвалу воздает:
«Пусть разум весь век властелина ведет!»
Вот мир потемнел, как воронье крыло,
Светило ночей над горою взошло. *
К себе удаляется шах Кей-Хосров,
И каждый под свой возвращается кров.

[КЕЙ-ХОСРОВ ПОСЫЛАЕТ РОСТЕМА В ХИНДУСТАН]

Лишь утренний крик петуха прозвучал*
И гору лучи обратили в сандал,
Могучий к царю Кей-Хосрову пришел
И речь о державе иранской повел,
С ним доблестный брат и воинственный сын. *
Беседовал долго с вождем властелин.
И вот Кей-Хосрову Ростем говорит:
«О славный, Ирана опора и щит!
Узнай, что соседствует Забулистан
С землею, которой владеет Туран;
Ее Манучехр, добродетельный царь,
Избавил от ига туранского встарь.

Но позже, как только величье Кавус
Утратил, не выдержав старости груз,—
Того благодатного края Иран
Лишился, и вновь завладел им Туран.
Там дань собирать лишь туранцам дано,
О шахе иранском забыли давно.
Там золота много, немало слонов.
Но люди, хоть жребий несчастных суров,
С туранцами бьются, голов не клоня. *
В стране — что ни день, то разбой и резня.
Ты ныне наш царь, все во власти твоей —
От крыльев букашки до львиных когтей.
Тебе снарядить бы могучую рать
И с нею бойца-исполина послать.
Дань шаху заплатят владыки страны,
Не то — будут головы их снесены.
Жестокий обрушим удар на Туран,
Когда завоюем жемчужину стран!»
Ростему владыка промолвил в ответ:
«Да здравствуешь вечно! Хорош твой совет.
Веди сколько нужно в поход удальцов,
Сильнейших, искуснейших наших бойцов.
Богатством лежащая рядом страна
Лишь мощи твоей богатырской равна.
Назначь Ферамарза дружины главой,
Пускай выступает в поход боевой.
Ведь сын твой для подвигов создан таких,
Он может осилить и чудищ морских!»
Сияет от гордости витязя лик,
Хвалу воздает он владыке владык.
Окончив беседу, везиру двора
Царь молвит: «Готовиться к пиру пора!»
И долго напевам искусных певцов
За полною чашей внимает Хосров.

[КЕЙ-ХОСРОВ СТРОИТ СВОЕ ВОЙСКО]

Вот солнечный диск над горой засверкал,
И струны умолкли — сказитель устал.
Воителей стал барабан собирать,
Пред дверью дворцовой построена рать,
Бьют гулко в литавры на спинах слонов,
Разносится трубный пронзительный зов.
Трон пышный на первом слоне водружен,
Торжественно всходит властитель на трон.
Сияет величием царственный лик, *
Сверкает венец властелина владык;
Алмазная цепь, а в руке булава,
Которую бычья венчает глава;
В рубиновом блеске, в жемчужных лучах,
Колышутся серьги у шаха в ушах.
Весь в перлах и яхонтах царский убор —
Кушак и запястья, слепящие взор.
Слон важно ступает в убранстве своем,
Звенят бубенцы золотые на нем.
Царь медную чашу и молот берет, *
Шум ратный и клики летят в небосвод.
Мечи, булавы и клубящийся прах...
Черно на земле и темно в небесах.
Сказал бы ты, солнце попало в капкан,
Небесную синь поглотил океан.
Свет белый затмился в глазах: не видны *
Клинки даже звездам-очам с вышины.
Несутся вперед за полками полки,
Ты скажешь, то волны широкой реки.
Средь поля державный шатер поднялся.
От клича бойцов затряслись небеса,
Когда Кей-Хосров на могучем слоне *

Ударил о медь, призывая к войне.
Узрев миродержца, пред ним ни один *
Не мог бы главы не склонить властелин.
В нем каждый владыку признал: таково
Величье царя молодого того.
Хосров — на престоле своем золотом,
А мимо проносится полк за полком.
Степная дрожит под копытами ширь.
Летит впереди Фериборз-богатырь
С мечом, в сапогах золотых, с булавой;
Стяг, солнцем украшенный, над головой;
Конь мощный, узда золотая в руке,
Аркан приторочен к седельной луке;
Сам в золоте, рать в серебро разубрав,
Он едет, торжественно-горд, величав.
Вождя восхваляет владыка владык:
«Пребудь неизменно могуч и велик!
Твоя да сияет победно звезда, *
Весь век торжествуй, благоденствуй всегда!
Ты в путь, беспечален и бодр, устремись,
Домой невредимым и здравым вернись!»
А дальше — Гудерз на коне огневом,
Прославленный доблестью, острым умом.
Стяг с образом льва над его головой,
А в лапах у льва — добрый меч с булавой.
По левую руку Роххам-удалец,
По правую — Гив, именитый боец;
Шейдуш — позади, а на стяге его
Лев ярый, стемнело от стяга того.
С огромными копьями тысячи вслед
Отважных наездников — воинства цвет.
Над Гивом плывущее знамя черно,
Отмечено образом волка оно.
А барс на роххамовом стяге до туч

Копье воздымает, свиреп и могуч.
Всех — семьдесят восемь вождя сыновей
И внуков: уж тесно в степи от мужей.
Особый у каждого витязя стяг,
У каждого — в золоте меч и кушак.
Сказал бы: весь мир у гудерзовых ног,
С ним вождь ни один состязаться не мог. *
Приблизясь к престолу владыки, Гудерз
Уста для хвалений горячих отверз.
Приветом ответил владыка ему
И Гиву, и славному войску всему.
За ними вослед — молодой Гостехем,
Чей славный родитель — герой Гождехем,
Оружье — копье, и проверенный друг —
Стрелу за стрелой посылающий лук.
Он, равных не зная в искусстве своем,
Железо пронзает стрелы острием.
За ним — снаряженьем богатая рать;
Доспехов, оружья — нельзя сосчитать.
До неба возносится реющий стяг,
На стяге — луна, предводителя знак.
Его славословия громко звучат,
Владыка приветствию витязя рад.
Несется Эшкеш Гостехему вослед, *
Боец, одержавший немало побед.
Разящему палицей предок — Хомай. *
Упорнейшим в битвах Эшкеша считай.
Он вел за собою белуджей ряды, *
Драчливых, что туры с гранитной гряды.
В день боя их спин супостат не видал,
От шеи до пят оковал их металл,
И тигр, украшающий стяг боевой,
Могучую лапу занес как живой.
Хвалу Кей-Хосрову Эшкеш воздает

И славит счастливый судьбы поворот.
Конца ополченью не видно вдали...
На гордых сынов благодатной земли
Владыка с престола глядит, восхищен,
Белуджей отважных приветствует он.
Вослед — многодоблестный витязь Ферхад,
Чьи славные подвиги в мире гремят,
Дружины опора в сраженье любом.
Знак серны на стяге его боевом.
Под сенью той серны — иранцы в строю,
Не раз побеждавшие в грозном бою,
И каждый с индийским мечом, на коне,
В согдийском седле и в туранской броне.
Потомки Кобада, питомцы побед,
Величьем и блеском дивившие свет,
Затмившие месяц красою своей,
Чья слава небесного солнца светлей.
И вот пред Ферхадом — властителя трон.
Царя молодого приветствует он.
Ферхаду вослед — Горазе-исполин;
Он первенец Гива, опора дружин.
Дивится ему венценосец: с луки
Свисают большого аркана витки,
На знамени — вепрь, и нельзя сосчитать
Отважных арканометателей рать.
Возглавивший конницу вольных степей,
Приветствовал шаха и вихря быстрей
Промчался. А далее — новый герой,
Зенге, что с ожившею сходен горой.
Он радостно славит владыку владык — *
И перстень, и меч, и осанку, и лик.
Везет предводителя славного слон,
Стяг с птицей Хомай над главой вознесен.
Сжимая в руке кто копье, кто булат,

Несутся бойцы, чья отчизна Багдад.
А следом — воинственный муж Ферамарз, *
Достоинства полный, могучий, как барс.
Литавры везя, выступают слоны,
Несутся воители, мощью полны,
Герои, чьей славою полнится мир;
Прислал их Нимруз и Кабул, и Кашмир.
А знамя — такое, как знамя отца,
Ростема, храбрейшего в мире бойца.
На знамени том семиглавый дракон —
Сейчас из оков будто вырвался он!
Являя величие, мощь, красоту,
И радуя взоры, как древо в цвету, *
Приблизился доблестный, славит царя.
Любуясь осанкою богатыря,
Хвалой отвечает и царь в свой черед
И речь в назиданье такую ведет:
«Взращенный Могучим боец-исполин
Украсит любую из славных дружин.
Родитель твой — чистый душою Ростем,
А предки — Заль доблестный, Сам и Нейрем.
Отныне земля Хиндустана — твоя,
С Каннуджа страна до Систана — твоя.
Но тот, кто с тобою не думает в бой
Вступать, да не будет обижен тобой!
Будь честен с людьми, справедивость блюди
И бедным на помощь всегда приходи.
Кто сердцем к тебе неизменно влеком,
Кто, верный, печется о благе твоем,
Ты тех одари, отрешись от забот.
Кто ведает, что нам судьбина пошлет!
Владенья храни, что тебе вручены,
Но зря не ищи ты кровавой войны.
Гонясь за наживою, юности дни

Не трать. Безобидным обид не чини.
Все в мире мгновенном лишь призрак и тлен;
Порою — сандал он, порою — эбен.
Стяжания жаждой весь век не томись,
Стяжать лишь высокую славу стремись!
День смерти придет и твоей и моей,
Немного нам роком отмерено дней.
Здоровое тело и радостный дух —
Довольно и этих сокровищ нам двух.
Да будет к тебе благосклонен творец,
Будь вечно грозою для вражьих сердец!»
Услышав царя молодого слова,
Сошел с иноходца дружины глава,
Сказал: «Да не меркнет твоя благодать,
Как месяцу новому ей прибывать!»
Склонился пред ним до земли и затем
В путь дальний пустился. С ним вместе Ростем
Скакал два фарсанга и горестных слез
Сдержать не пытался; в нем сердце рвалось.
Наставником сыну он был своему,
Победы и счастья желая ему...
Расстались — тоской затуманился взор;
Назад он спешит, к властелину в шатер.
Меж тем Кей-Хосров с боевого слона
Сойдя, на горячего сел скакуна.
В державный шатер возвращается он,
В тревожную думу душой погружен.
Увидев Ростема, вином Кей-Хосров
Наполнил глубокий кувшин до краев
И молвил: «Друг лучший нам — радость, в вине
Утопим заботу о завтрашнем дне!
Где Сам, Феридун и воинственный Тур?
Исчезли! Не будь же печален и хмур.
Сокровища копим, трудясь и спеша,

Желания сердца жестоко круша,—
И что ж? Под конец достается нам прах!
Спасенье от смерти — не в наших руках.
Ночь весело с чашей вина проведем.
Когда ж с наступающим встретимся днем,
Мы Тусу велим, чтобы грянула медь,
Знак даст он литаврам и трубам греметь.
Увидим, в грядущих боях небосвод
Победу и счастье кому ниспошлет.
Сражусь, хоть исход угадать не дано:
Лишь то совершается, что суждено.
Минует и счастье, и горе пройдет.
К чему же разумному бремя забот?
Коль милостив будет небесный творец,
Мной будет отмщен убиенный отец».

[СКАЗ О ФОРУДЕ, СЫНЕ СИАВУША]

Владыка, носящий величья печать, *
Дружину не должен врагу поручать.
Ведь после бы горькие слезы он лил,
И лекарь бы скорбного не исцелил.
Гордец, не добывший корону и трон,
Становится дерзостен, ожесточен.
Ему не по сердцу другому служить
И царское благо мечом сторожить.
Коль действует царь сообразно уму —
Не верит сопернику он своему.
Тот власти по воле судеб не достиг,
А злобствует против владыки владык,
Враждует с ним дерзостно в сердце своем
И воле державной перечит во всем.
Кто с разумом светлым в ладу не живет,

Того человеком мудрец не зовет!
Дослушай мой сказ, и тогда пред тобой
Предстанет злонравья пример роковой.

[*Тус отправляется в Туран*]

Вот солнце в победном величье своем *
На бурно летящем коне огневом
Явилось над миром в созвездье Овна,
И мир засверкал словно чаша вина.
Запела у Туса труба пред шатром,
Литавр и кимвалов послышался гром.
Весь край небывалым волненьем объят,—
Сказал бы ты, воды морские кипят.
Шум, конское ржанье, клубящийся прах —
С дороги уж сбилась луна в небесах.
Мечи загремели, взревели слоны —
Тут вспомнишь о грохоте нильской волны.
А день золотист и лилов, и багрян
От стяга, которым гордится Иран.
Вокруг кавеянского стяга — бойцы,
Гудерзовой славной семьи удальцы.
В короне, с блестящей своей булавой
Явился пред ставкою вождь боевой,
Тус гордый. Он в злато одет и обут,
Пред ним кавеянское знамя несут.
Вокруг — из новзерова рода вожди,
Корона у каждого, цепь на груди.
И вот уже витязи вихря быстрей
Несутся к дворцу властелина царей.
Главой золотой до небес вознесен
Стяг Туса, на стяге — воинственный слон.
И вся менучехрова племени рать, *

Привыкшая Тусу почет воздавать,
Вслед двинулась, черной подобна горе,
Сиять не давая луне и заре.
На воине каждом броня и шелом.
Построилась мощная рать пред царем.
Он Туса призвал и воителей с ним,
Прославленных ратным искусством своим.
И так говорит властелин удальцам:
«Я Туса даю в предводители вам.
Пусть мчится пред войском со стягом Каве,
А вы повинуйтесь вождю и главе».
И Тусу при войске он перстень вождя
Вручает, промолвив: «Мне верность блюдя,
Дружине разумно указывай путь,
Надежным ее предводителем будь.
Завета, смотри, не забудь моего:
Не должно в пути притеснять никого.
Ремесленник каждый и пахарь любой,
Что мирно живут, не воюют с тобой,
Пусть горя не знают. Грешно им грозить!
Лишь тех, кто сражается, должно разить.
Нигде невиновным обид не чини:
Для всех ведь земные окончатся дни...
Ты мимо Келата бойцов не веди; *
Веленье нарушишь — несчастия жди.
Да блещет, как солнце, в раю Сиавуш,
Блаженствуя вечно средь праведных душ!
Ему подарила пиранова дочь
Форуда, который с ним сходен точь-в-точь;
И так же разительно схож он со мной,
Мой сверстник возлюбленный, брат мой родной.
Он с матерью ныне в Келате живет,
Тот край и дружину своими зовет,
Не знает из наших мужей никого.

Держись в отдаленье от края того!
Ведь князь возглавляет могучих бойцов,
А путь, к ним ведущий, и крут, и суров;
И сам он воителем грозным прослыл,
Царевич тот юный, исполненный сил.
Вам надобно логово льва обойти,
Отдать предпочтенье степному пути».
Тус, выслушав царский наказ и урок,
Ответил: «С тобой не заспорит и рок.
Тобою указанный путь изберу,
Ведь каждый приказ твой направлен к добру».
В путь выступил вождь, а Хосров, между тем,
К себе возвратился, с ним верный Ростем.
По зову Хосрова пришли на совет
Отважный воитель и мудрый мобед.
Вновь речь о царе Афрасьябе идет,
Владыка во власти тревог и забот.
Тус едет тем временем с войском своим,
Но вот раздвоилась дорога пред ним.
Одна сквозь пустыню тропа пролегла,
Другая к Черему, Келату звала. *
Безмолвны литавры, недвижны слоны;
Воители ждут, нетерпенья полны,
Готовые тут же помчаться вперед
Дорогой, которую вождь изберет.
Но речь предводитель спешит повести
О знойной пустыне, о трудном пути.
Сказал он Гудерзу: «В тех жарких степях
Будь пыль даже амброй, будь мускусом прах,—
Без тени, без влаги, свой жребий кляня,
Мы выдержать, верь, не могли бы и дня.
Не лучше ль идти на Келат и Черем
И ратным становищем сделать Меем? *
Там зелень садов и прохлада реки.

Пустыней вести для чего нам полки?
Однажды ходил я уже на Черем —
В походы водил нас тогда Гождехем.
Дорога лежит средь ущелий и гор,
Но тропы я знал и труднее с тех пор.
Дорогой знакомою двину я рать —
Не станем от зноя в песках изнывать».
Гудерз отвечает: «Главою дружин
Тебя, не другого, назвал властелин.
Послушно ты волю его соблюди,
Опасной тропою бойцов не веди.
Нарушить затеял ты царский приказ,
Но как бы над войском беда не стряслась!»
«О муж именитый,— был Туса ответ,—
Об этом тебе сокрушаться не след.
Не станет он гневаться, наш властелин,
Уверуй, и сердце избавь от кручин!»
Так молвив, бойцам повелел он затем
Путь прямо держать на Келат и Черем.
Царя своевольно ослушался он, *
Смотри же, какой потерпел он урон!

[Форуд узнает
о прибытии Туса]

С известьем к Форуду пришел часовой:
«Лик ясного солнца окутался тьмой,
Ржут кони, слоны выступают, пыля;
Сказал бы ты, Нилу подобна земля.
То против Турана прислал воевать
Твой брат из Ирана могучую рать.
Как видно, к Келату путь держит она,—
Кто ведает, где разгорится война?»
И юный властитель, душой омрачась,

Со стен укрепленных спустился тотчас;
Велел охранять неусыпно пути,
А сам поспешил на вершину взойти;
Увидел идущую рать, и тогда,
Желая спасти табуны и стада,
Какие паслись на просторе долин,
Загнать их в укрытье велит властелин.
И вот пастухи понеслись во весь дух,
Загнали и скот, и коней в Сепидкух. *
Все входы твердыни замкнуть поручил
Форуд и в седло боевое вскочил.
Грохочет кимвал над рекою Меем, *
Пыль черною тучей одела Черем.
На грозное войско, что мчится к горе,
Испуганно с башни глядит Джерире,
Мать князя, царя Сиавуша жена,
Что скорби о павшем супруге полна.
Правитель к родимой пришел, удручен,
И к ней обратился: «Владычица жен!
К нам рать со слонами, с кимвалом идет.
Бойцы — из Ирана, и Тус их ведет.
Набег учинить бы не вздумал на нас!
На что, посоветуй, решиться сейчас?»
«О витязь! — Форуду ответила мать. —
Такого и в мыслях не должно держать.
Теперь возглавляет иранских бойцов
Твой мудрый и доблестный брат Кей-Хосров.
Известны ему твое имя и род
И то, что родитель обоим вам — тот,
Которому равный не сыщется муж,—
Прославленный в мире герой Сиавуш.
Хоть в жены туранку не думал он взять,
Но волей судьбины Пирана он зять.
Венчанный отец, мать из рода владык —

Твой царственный род знаменит и велик.
Коль рать посылает в сражение брат,
Чтоб дух Сиавуша был мщению рад,
Ты должен быть в этой войне впереди.
Румийские латы скрепив на груди
И стан опоясав, на бой устремись,
Исполненный гнева, с врагами сразись!
Задумал убийце отмстить Кей-Хосров, —
Отмсти же и ты, без раздумья, без слов!
Тут впору стенать леопардам степным,
Чудовищам впору заплакать речным
И в воздухе птицам, и рыбам в воде!
Горюют, клянут Афрасьяба везде.
Найдется ли в мире второй Сиавуш?
С ним в целой вселенной сравниться кому ж, —
С вождем, обладавшим отвагой такой,
Столь пылкой душою, столь меткой рукой!
Ты сын Сиавуша, с ним обликом схож,
Свой род от венчанных кеянов ведешь.
Сражайся, убийце отца отомсти!
Честь рода не ты ли обязан спасти?
Ты витязей рати узнай имена —
Славнейших, какими гордится страна.
Навстречу отправься и в замок проси,
Вином угости и дары поднеси.
Воителям ты подари по коню,
Дай каждому меч и шелом, и броню.
Брат — вот кто твой клад! Сам возглавишь ты рать —
Долг мести не должно чужим уступать. *
Хосрова бойцам предводителем будь!
Царь новый он — новым ты мстителем будь!»
Форуд вопрошает: «О мудрая мать,
С кем должно сначала мне встречи искать?
Из этих мужей, закаленных в войне,

Кто мог бы опорою сделаться мне?
Как друга среди незнакомых сыщу?
К кому я посланье свое обращу?»
Форуду в ответ говорит Джерире:
«Лишь войско рассмотришь ты, встав на горе,
Увидишь двух славных воителей там:
То храбрый Зенге и могучий Бехрам;
Опору отыщешь ты в этих двоих,
Во всем положиться мы можем на них.
Твоя да не меркнет вовеки звезда,
Да светит нам дух Сиавуша всегда!
Они неотлучно бывали при нем,
Два витязя славных, любимых царем.
Без войска отправься, с Тохаром одним, *
В сокрытое вникнешь, беседуя с ним.
Иранского стана высокую знать
Сумеет с вершины тебе указать
Тохар, соблюдая закон старшинства,—
И пастырь известен ему, и паства».
«О мудрая,— сын отвечает,— и род
Гордится тобою, и весь наш народ».
Тут с вышки дозорный примчался опять,
Речь снова повел про иранскую рать:
«В горах и долинах бряцают мечи.—
Сказал бы: похищены солнца лучи! —
Доколе гранитные горы видны,
Повсюду — воители, стяги, слоны».

[Форуд и Тохар рассматривают иранское войско]

Отправились вместе Тохар и Форуд,
И юношу счастье покинуло тут.
Когда отвернулся от нас небосвод,

Ни злоба, ни кротость — ничто не спасет.
Коль с жизнью расстаться юнец обречен,
Увы, не достигнет уж старости он...
Избрали вершину повыше: сполна
Дружина иранцев оттуда видна.
Взирают на войско Форуд и Тохар,
Дивятся доспехам, горящим как жар.
И молвит Форуд: «Ничего не таи,
Правдивы пусть будут ответы твои.
Ты всех именитых мужей, не простых,
Со стягом, с копьем, в сапогах золотых,
Героев, которыми славится край,
В лицо узнавая, теперь называй».
Все ближе бойцы, за рядами ряды
Несутся меж гор, от гряды до гряды.
То шлем золотой, то секира блестит,
Здесь — в золоте дротик, там — в золоте щит:
То ль золота в копях исчерпан запас,
То ль туча дождем золотым пролилась!..
А гром барабанов летит в высоту
Столь грозно, что никнет орел на лету.
Их тридцать — не менее — тысяч бойцов
С мечами, в броне, под прикрытьем щитов. *
Тохар отвечает: «Гляди с высоты.
Что ведомо мне, то узнаешь и ты.
Под стягом, являющим образ слона,—
Строй ратников, сталь их кинжалов темна.
Их Тус возглавляет, в кровавых боях
Не раз повергавший противника в страх.
Стяг новый ты далее видишь, огнем
Горит лучезарное солнцем на нем.
То стяг Фериборза. Твой дядя родной,
Сын царский, могуч и богат он казной.
А дальше — украшенный месяцем стяг,

Несчетные воины, храбрый вожак:
То сын Гождехема, боец Гостехем,
Не дрогнувший в битве еще ни пред кем.
С онагром огромное знамя за ним,
Несутся бойцы за главою своим.
Смятенье рождает он в каждом враге,
Муж доблестный, сын Шаворана — Зенге.
Вот юноши знамя, там дева-краса * —
Уста — что рубины, что смоль —
Гив славный героя Биженом зовет,
Он кровью не раз орошал небосвод.
А дальше — полотнище с барсом таким,
Что лев, задрожав, отступил бы пред ним.
Ты скажешь, он с места сорваться готов...
Шейдушем зовется глава удальцов.
Вот стяг с устрашающим вепрем. Клыки
Такие, что схватят и небо в тиски!
Под ним Горазе, предводитель-герой;
Со львом поединок он счел бы игрой!
А далее — с буйволом стяг. Впереди
Могучие витязи, рать позади.
Ферхад, богатырь несравненный, под ним,
Величием сходный лишь с небом одним.
Вот стяг горделивый, где волк воплощен,
Над Гивом-вождем развевается он.
То знамя, где вышили золотом льва,
Возносит Гудерз, меченосцев глава.
А яростным тигром украшенный стяг —
Ривниза, вождя-победителя знак.
Под стягом, где вольная серна степей,—
Нестух, сын Гудерза, с дружиной своей.
Под стягом с оленем — могучий Бехрам,
Гудерзу он — сын, предводитель бойцам.
Богата вождями иранская рать,

Их долго пришлось бы тебе называть».
Про доблестных слушает богатырей
Форуд молодой, украшенье царей.
Сияя, глядит на воинственный строй, *
И знатный его веселит, и простой.
И молвит Тохару венчанный юнец:
«Отмщен, без сомнения, будет отец!
В пределах Мачина и Чина всего
Бойца не останется ни одного.
Дотоле сражаться я стану, пока
Дракона моя не раздавит рука!»
Иранское войско увидело тут:
Стоят на вершине Тохар и Форуд.
Тус, вождь ополченья, разгневан, суров,
На месте и рать удержал, и слонов,
И так повелел: «Из дружины моей
Пусть витязь, чья слава гремит средь мужей,
Оставит ряды, скакуна разогнав,
И ввысь, на вершину помчится стремглав.
Коль это из наших бойцов кто-нибудь,—
Раз двести их, дерзостных, должно стегнуть.
Коль витязи здешние — пусть их в полон
Захватит и в путах доставит мне он.
А если, сражаясь, убьет,— не́ беда,
Пускай по земле волочит их сюда.
Когда же лазутчики это, и рать
Мою замышляют они сосчитать —
На месте их пусть рассечет пополам
И, сбросив с горы, возвращается к нам».

[Бехрам поднимается на гору к Форуду]

Бехрам, сын Гудерза, вождю говорит:
«Их умысел, верь, не останется скрыт.
Немедля помчусь я, исполню приказ,

Гора пред тобою смирится тотчас».
Хлестнул скакуна и, оставив ряды,
К вершине спешит, опасаясь беды.
Князь молвил Тохару: «Поведай ты мне,
Кто мчится сюда на гнедом скакуне,
Стремясь неуклонно, решительно ввысь?
Беспечной отваге его подивись!
К седлу скакуна приторочен аркан.
Уже приближается к нам великан».
В ответ от советника он своего
Услышал: «Смотри, не разгневай его!
Хоть имени я не припомню, но он,
Должно быть, в семействе Гудерза рожден.
Когда Кей-Хосров из Турана бежал,
Он этой тропою в Иран проезжал.
Я издали, помнится, видел на нем
И эти доспехи, и этот шелом.
Из рода Гудерзова должен он быть.
Тебе самого бы его расспросить».
К утесу приблизясь, воитель вскричал —
Как будто над склонами гром прозвучал:
«На гору взобравшийся, кто ты таков?
Не видишь ты разве несчетных полков?
Ужели кимвала не слышал ты гром,
Ужель не трепещешь пред Тусом-вождем?»
На это ему отвечает Форуд:
«С тем лютым не будь, кто с тобою не лют.
Будь сдержан в речах, многоопытный муж,
Уста оскверняешь хулою к чему ж?
Не лев ты лесной, не онагр я степной,
Не следует так обращаться со мной.
Меня превзойти ты не мог бы ни в чем:
Как ты, я силен и владею мечом.
И руки, и ноги, и разум, и дух,

Язык говорящий, и зренье, и слух
Мне так же даны, как тебе: для чего ж,
О витязь, надменные речи ведешь?
Мне радостью сердце ты мог бы согреть:
Задам я вопрос, дружелюбно ответь».
«Что ж, спрашивай,— слышит герой на скале,—
Ведь ты в поднебесье, а я на земле».
Князь молвил: «Кто вашей дружины, скажи,—
Вождь главный, и кто удалые мужи?»
Бехрам отвечает: «Я Туса назвал:
С ним стяг кавеянский и ратный кимвал.
Из витязей — Гив и Гудерз, и Горгин,
Роххам, и Шейдуш, и Ферхад-исполин,
Зенге, Гостехем, что разит без помех,
Еще Горазе, гордость витязей всех».
Форуд вопросил: «А другие мужи?
Зачем умолчал о Бехраме, скажи?
Всех ближе из рода Гудерзова нам
Тобою не названный витязь Бехрам».
И слышит: «О, равный отвагою льву!
Где слышать ты мог о Бехраме молву?»
Ответствует юноша: «Только сейчас
О нем я от матери слышал рассказ.
Сказала: „Как только приблизится рать,
Бехрама ты в ней поспеши отыскать.
Еще расспроси о другом ездоке—
То сын Шаворана могучий Зенге.
Родителю славному оба они —
Молочные братья, им длань протяни“».
«Как!— молвил Бехрам, славя царственный род,—
Ты древа того величавого плод?
Форудом зовешься, о царь молодой?
Будь счастлив, вовеки не знайся с бедой!»
Ответ был: «Форуд я. Пал царственный ствол,

Но отпрыск от славного корня взошел».
«Мне знак Сиавуша, отца своего,
Скорей покажи!»— просит витязь его.
И родинку тот показал на руке:
Сказал бы ты, мускус чернел на цветке.
Поверь, очертить столь искусно кружок
И циркулем Чина никто бы не смог.
И тут убедился воитель, что князь —
Из рода кеянского. Низко склонясь,
Он пылкой хвалою Форуда почтил,
На кручу подняться к нему поспешил.
Тот витязя встретил, покинув седло,
С ним рядом уселся: на сердце светло.
Сказал он Бехраму: «О славный храбрец,
Пытливой душой наделенный мудрец!
Сегодня, когда предо мной ты предстал
Столь бодрым, разумным, достойным похвал, *
Таким ликованием сердце зажглось,
Как будто мне видеть отца довелось.
Я путь на вершину задумал свершить,
Чтоб встретить иранцев, чтоб их расспросить
О том, кто назначен дружины главой,
О прочих героях, воспетых молвой.
Увидеть хотел бы я Туса-вождя.
И много с мужами часов проведя,
Немало коней, кушаков и булав,
И прочих даров драгоценных раздав,
Хотел бы пред этой дружиной большой
В Туран устремиться, пылая душой.
Врагу отомстить предназначено мне:
Огню я подобен в кровавой войне!
Скачи, предводителю Тусу скажи:
Пусть в замок мой радостно вступят мужи.
Здесь дружно мы будем семь дней пировать,

Совет о сраженьях грядущих держать.
Затем, лишь займется сияние дня,
Тус доблестный вновь оседлает коня.
С дружиною вместе и я полечу,
За горе свое отплачу палачу!
Повергну бесчестного, гневом объят,
И коршуны, стаей слетясь, возвестят,
Что местью такою еще ни один
На свете доселе не мстил исполин!»
Форуду на это ответил Бехрам:
«Наказ твой, о доблестный князь, передам.
С мольбою паду пред главой удальцов,
Лобзать именитому руки готов.
Но разумом Тус на беду обделен,
Не склонен внимать наставлениям он.
Не ставит царя ни во что исполин:
Богатый, могучий, он сам властелин.
Спор с Гивом, Гудерзом и шахом он вел,
Отдать предлагал Фериборзу престол.
Кричал он: „Новзера я сын, я велик,
Стать сам я достоин владыкой владык!“
Быть может, совет мой отвергнет, и злой
Меня предводитель осыплет хулой.
Коль я не явлюсь, но другой из мужей
Примчится — он даже макушки твоей
Увидеть не должен. Мне Тус повелел:
„Скачи на вершину, дознайся, кто смел
Забраться туда. Не толкуй ни о чем,
Веди разговор булавой и мечом!“ *
Коль Туса смягчу я, то с вестью приду
Отрадной и к войску тебя поведу.
Но если прибудет воитель другой —
Не верь, что явился он с целью благой.
Знай: лишь одного из своих седоков

Тус вышлет, устав полководца таков.
Опасность увидев, сокройся, уйди.
Смотри же, советы мои соблюди».
Свою булаву бирюзовую тут
Снял с пояса царского юный Форуд,
Бехраму вручая, промолвил: «Храни,
Она пригодится в грядущие дни.
Коль Туса увижу я гостем своим,
Союз наш мы полною чашей скрепим.
Немало припас я даров для мужей
И перстней, и сбруй, и венцов, и коней».

[Бехрам возвращается к Тусу]

Промолвил воитель, представ пред вождем:
«Да будешь ты разумом светлым ведом!
Взирающий с этой горы исполин —
Форуд, Сиавуша убитого сын.
У князя — того не забыть мне никак —
Я видел кеянский наследственный знак». *
Во гневе неистовом Тус закричал:
«Не мне ли доверены рать и кимвал!
Тебе повелел я: речений не трать,
Но с дерзким спеши предо мною предстать!
Коль он — повелитель, я кто же тогда?
Пред войском я здесь для чего же тогда?
Рожденный на чуждой, туранской земле,
Здесь вороном черным засев на скале,
Нам путь преграждает! Гудерза сыны,
Я вижу, дружине вредить лишь годны.
Не лев разъяренный тут рыщет в горах,—
Одним ты повергнут воителем в страх!
Иранцев хитрец обойти пожелал;

Тебя на вершину я зря посылал!»
И кличет он витязей: «Эй, храбрецы,
Несущие недругам гибель бойцы!
Где доблестный, славолюбивый герой,
Что ввысь устремится крутою горой,
Мечом обезглавит туранца того
И к нам возвратится с главою его?»
Вперед выступает Ривниз: видно, срок,
Ему предназначенный небом, истек.
«О витязь,— раздался Бехрама призыв,—
Раскаешься, черное дело свершив!
Побойся творца, от греха отвернись!
Царя не стыдишься, безумный Ривниз?
Царевич ведь брат Кей-Хосрова, к тому ж
Он всадник отважный, воинственный муж.
Хоть сотня бойцов на вершину к нему
Взберись, к разъяренному тигру тому,—
Погубит он всех одного за другим.
Скорблю, устрашенный уделом твоим!»
Но тщетно бойца наставляет Бехрам,
Ривниз не внимает разумным словам.
Велит он сильнейшим воителям в бой
Помчаться — напасть на Форуда толпой.
Веленью готовы уж многие внять —
Булат на вождя молодого поднять.
Но к витязям речь обращает Бехрам:
«Проступок немал, не раскаяться б вам!
Князь — родич Хосрова: дороже дружин
Отважного юноши волос один.
Царя Сиавуша кто видывал, тот,
Взглянув на героя, душой расцветет».
Услышав о славном Форуде рассказ,
Воители вспять повернули тотчас.

[Смерть Ривниза от руки Форуда]

Ярится лишь Туса воинственный зять,
Судьбой обреченный бесчестье познать.
Готовый неистово ринуться в бой,
Он мимо Черема крутою тропой
Несется. Ривниза приметил Форуд.
Огромный свой лук оснащает он тут
И молвит Тохару: «Знать, Тус пренебрег
Словами моими. Несется ездок,
Но нет, он с Бехрамом не схож удалым,
Душа омрачилась предчувствием злым.
Вглядись и, быть может, припомнишь его.
Узнаем, он в латы одет для чего».
Тохар отвечает на это ему:
«Знай, имя Ривниз ратоборцу тому.
Даны именитому сила и стать,
Коварный, угодливый, Тусу он зять.
Нет, кроме него, у отца сыновей —
Лишь сорок девиц; все апреля милей».
Тохару-советнику молвил Форуд:
«В час битвы подобных речей не ведут.
Он вызов бросает мужам боевым —
Пусть сестры заплачут, склоняясь над ним!
Коль эта стрела удальца не пронзит,
Да буду мужами навеки забыт!
Но всадника мне поразить иль коня?
Наставь, о Тохар умудренный, меня!»
Советник ответствует: «Цель в седока,
Чтоб сердце вождя опалила тоска!
Пусть кается, дружбу твою отклонив,
Порыва сердечного не оценив!
Ведь он на тебя поднимает булат,
И тем опозорен твой царственный брат!»

Ривниз меченосный приблизился. Вдруг *
Форуд напрягает упругий свой лук
И мечет стрелу, и ее острием
Мгновенно прошиты чело и шелом
Ривниза. Он рухнул, а конь ускакал.
Остался боец распростертым, не встал...
С Меема взглянул возглавляющий стан, *
И гору застлал пред глазами туман.
Таков беспристрастного разума суд: *
В злонравье виновные кару несут!

[Смерть Зереспа от руки Форуда]

Велит предводитель Зереспу: «Вперед!
Пусть ярости молния сердце зажжет!
Доспехи подстать избери ты себе,
Душою и телом отдайся борьбе!
А если врага не повергнет твой гнев,
Сам в битву я ринусь, доспехи надев!»
Зереспа как будто огнем обожгло;
Надвинул он шлем боевой на чело,
И страстною жаждою мщенья влеком,
Летит к Сепидкуху неистовым львом;
Пылая отвагой, воинственный клич
Бросая, стремится вершины достичь.
Промолвил Тохару венчанный юнец:
«Второй приближается к нам удалец,
Неистовой жаждою мести горя.
Не знаешь ли этого богатыря?»
Вглядевшись, узнав исполина тотчас,
Советник о нем начинает рассказ:
«Сын Туса он, славный Зересп, даже слон
Пред ним отступил бы: он храбр и силен..
Столь грозно летящий к вершине горы,

Оп мстит за Ривниза, супруга сестры.
Немного ему остается пути. *
Прицелься, стрелу поскорее пусти,
Повергни Зереспа! Всем прочим на страх
Пусть витязя примет в объятия прах!
Заплачет о доблестном богатыре
Родитель, став сердцем, что лист в декабре.
Тус, вождь неразумный, пусть ведает впредь:
Мы здесь не затем, чтоб насмешки терпеть!»
Глядит на Зереспа иранская рать:
Ему до вершины — рукою подать.
Коня разогнал тут Форуд удалой,
И витязя в грудь поразил он стрелой
Столь метко, что грудь и кольчугу прошил,
С душою мгновенно его разлучил.
Пал витязь, а конь — вихрю буйному брат,
Лишен седока, устремился назад.

[Битва Туса с Форудом]

Крик скорби и гнева разнесся кругом,
За воином воин снимает шелом.
У Туса-вождя потемнело в глазах,
И сердце в крови, и ланиты в слезах. *
Что ивовый лист, предводитель дрожит,
Рыдает о витязях, горем убит.
Верхом он садится, в шеломе, в броне. *
Сказал бы, воздвигся утес на слоне.
К Форуду несется стремительно он,
Пылая враждою, печалью пронзен.
Промолвил Тохар: «Отступать нам пора,
По горному склону несется гора:
К нам Тус приближается, гневом гоним.
Он вождь закаленный, не сладишь ты с ним.

Укройся и крепость замкни на засов!
Увидим, к нам милостив рок иль суров.
Сын Туса повержен, повержен и зять,
Теперь уж о мире нельзя помышлять».
Тохару Форуд отвечал, омрачась:
«Когда наступает сражения час,
Нет дела мне — Тус предо мною иль слон,
Иль хищник лесной, что борьбой распален!
Пред битвою должно бойца вдохновить,
А ты порываешься пламя залить!»
Тохар искушенный, ответил: «Смотри,
Советом не пренебрегают цари.
Хотя б из железа ты был, исполин,
Хоть скалы крушил бы, ты все же один.
Когда тридцать тысяч иранских мужей
С оружьем подступят к твердыне твоей —
Ее разорят и сравняют с землей,
Не сыщешь тут после и праха с золой.
А ежели Тус, предводитель бойцов,
Погибнет в бою,— омрачится Хосров,
И рать не отмстит за отца твоего,
Не станет уделом ее торжество.
Не рвись же сражаться, как яростный лев,
Укройся, забудь возмущенье и гнев».
Те мудрые речи он поздно повел!
Что ж раньше безмолвствовать он предпочел?
Был низок Форуда советник, увы! —
За то и лишился Форуд головы...
Он в замке своем обитал, окружен*
Заботами юных, пленительных жен.
На кровлю красавицы вышли гурьбой,
В волненье следят за кровавой борьбой.
Дань отдал стыду и гордыне Форуд,
Не в силах вернуться к твердыне Форуд.

На прежнее место отважнее льва
Примчался; натянута вновь тетива.
Советник его наставляет опять:
«Уж если намерен войну продолжать,
Ты лучше не в Туса стреляй самого,—
Повергни коня боевого его.
Ведь в самой суровой беде очутясь,
В сражение пешим не ринется князь.
И даже стрелою настигнутый, он,
Столь мощный, не пал бы, смертельно сражен.
Меж тем и дружина, сомнения нет,
Сюда за вождем понеслась бы вослед.
С ним, лютым, не справиться силе твоей —
Не видишь грозящих очей и бровей?»
Согласен царевич советнику внять;
Стрелою свой лук оснастил он опять,
И выстрелил туго натянутый лук.
И меткой стрелою настигнутый вдруг,
Конь рухнул на землю и дух испустил.
Воитель, от гнева и горя без сил,
На шею повесив тяжелый свой щит,
В пыли исчезая, к дружине спешит.
Форуд восклицает насмешливо вслед:
«Ай, доблестный витязь, любимец побед!
Победу не смог над одним одержать —
Ужели в сраженье осилишь ты рать?»
На кровле язвительный смех поднялся,
И крики девичьи летят в небеса:
«Смотрите, юнец, старика напугав,
Заставил с горы покатиться стремглав!»
У витязя злоба бушует в груди.
Навстречу к нему поспешили вожди,
Хвалой и приветом встречают его:
«О доблестный, гордость Ирана всего!

Великое счастье, что ты невредим,
Не будь же кручиной напрасно томим!».
Но горько досадует Гив-исполин,
Что пешим пришел предводитель дружин.
Сказал он: «Исчерпан терпенья запас.
Ведь это позор нестерпимый для нас!
Хоть носит он царские серьги, но рать
Столь мощную можно ли так презирать?
Поистине с тем, что творит он сейчас,
Никто примириться не может из нас.
Пусть вождь разъяренный собой не владел,
Но мир возопит от форудовых дел!
За смерть Сиавуша, как должно, отмстим,
Но зла, совершенного здесь, не простим.
Зересп бездыханный лежит под горой,
Из рода Новзера отважный герой;
Ривниз, именитый воитель, убит...
Кто больше нанес бы нам горьких обид!
Джемшида ль, Кобада ль потомок он будь —
Избрал он, безумец, неправедный путь.
Мечом поражу я Форуда! Гранит *
В возмездье он кровью своей обагрит».

[Битва Гива с Форудом]

Так молвил и панцирь мгновенно надел,
На кручу, как быстрый олень, полетел.
Лишь сын молодой Сиавуша взглянул
На всадника, тяжко, глубоко вздохнул
И молвил: «Бесстрашней не знаю дружин!
Несутся, не видя ни гор, ни долин,
За витязем витязь. Затмить бы могли
Сильнейших, знатнейших героев земли,
Да жаль, безрассуден дружины глава!

Как плоть без души — без ума голова.
Боюсь, не осилить им в битве врагов;
Быть может, примчится в Туран Кей-Хосров,—
Мы об руку ринемся в битву тогда,
И недругов злых не минует беда!
Кто всадник воинственный этот, скажи;
Сейчас меченосца оплачут мужи».
Мгновенно узнал исполина Тохар
И молвил: «Сей витязь неистов и яр,
Как будто дракон устрашающий тот,
Что губит орла, совлекая с высот.
Пиран был им связан, твой дед-исполин;
Две рати туранских разбил он один.
Немало он гор исходил и степей,
Детей без отцов и отцов без детей
Немало оставил он, гневом горя,
Лев ярый был жертвою богатыря!
С ним путь до Ирана твой брат совершил,
Он реку Джейхун без челна переплыл.
Он Гивом зовется, в нем сила слона,
Он в битве — что буйного Нила волна.
Стрелу за стрелой посылай ты, и все ж
Булатной кольчуги его не пробьешь.
Доспехи царя Сиавуша на нем,
Крепчайшим нельзя их пронзить острием.
В коня ты стрелы оперенной полет
Направь: быстроногий, быть может, падет.
И следом за Тусом отправится Гив,
Щит медный на плечи себе взгромоздив».
Стрелою свой лук оснащает юнец;
К плечу приложив лука верхний конец,
Чужого коня поражает опять,
И пеший боец обращается вспять.
С твердыни послышались крики и смех,

Гив обмер от криков язвительных тех.
Навстречу мужи устремились толпой:
«Да бодрствует вечно творец над тобой!
Лишь конь окровавлен, а ты — невредим,
Не скрыться Форуду, вновь встретишься с ним!»*
Но речи другие отцу говорил
Бижен молодой, весь — отвага и пыл:
«Отец мой, тебя прославляет молва.
Под силу тебе опрокинуть и льва.
Ты — сердце дружины, и ты, одного
Бойца испугавшись, бежал от него?
Скакун твой стрелою настигнут,— и что ж,—
Узду ухватив, как хмельной, ты бредешь!»
Гив хмуро в ответ: «Пожалел я коня,
Тревога о нем охватила меня».
Бижена тут стал укорять исполин;
Спиной повернулся к родителю сын.
Взор витязя старшего гневом сверкнул,
И плетью он юношу крепко стегнул:
«Ужель не внушил твой наставник тебе,
Что быть осмотрительным должно в борьбе?
Взрастивший тебя не наставил уму —
Уж лучше б на свет не рождаться ему!»
Тут вспыхнул Бижен. Оскорблен, разъярен,
Клянется творцом-вседержителем он:
«Разить не устану, с коня не сойду,
За гибель Зереспа отмщу иль паду!»
Туда, где раскинул шатер Гостехем,
Примчался Бижен и промолвил затем:
«Ты мне скакуна из своих удели,
Которого резвые б ноги несли
По кручам: в доспехи сейчас облачусь,
На бой, как мужам подобает, помчусь.
Терпеть, чтоб засев на вершине, один,

Стал недруг помехой движенью дружин?
Сражусь, не жалея усердья и сил:
Деяньями душу он мне омрачил!»
«Опомнись,— боец отвечает ему,—
Тебе на вершину стремиться к чему?
Туда ведь не скоро скакун донесет,
Немало в пути и низин, и высот.
Два годных для битвы коня у меня.
Когда одного я утрачу коня,
Ему быстротою и силой подстать
Мне больше нигде скакуна не сыскать.
Искусней Зереспа кто бился мечом?
Был храброму Риву весь мир нипочем.
Губителем тигров отец твой слывет,
Его не осилил бы сам небосвод.
Все в бегство пустились, сломил их герой.
Попробуй-ка сладить с гранитной горой!
Людская нога бы ступить не могла
В ту крепость: тут надобны крылья орла!» *
А юноша: «Полно мне душу терзать!
Грудь впору с досады себе истязать!
Клялся я луной и небесным творцом,
Владыкой клялся и державным венцом:
Доколь не паду иль не буду убит,
Конь быстрый с вершины меня не умчит».
Твердит Гостехем: «Наживешь ты беду!
Горячность такая с умом не в ладу».
Тут вспыхнул Бижен: «Скакуна не ищу!
И пеший за витязя я отомщу!»
«Пойми,— услыхал он ответную речь,—
Тебя от беды я хотел уберечь.
Когда бы имел я сто тысяч коней,
В чьих гривах — сиянье бесценных камней,
Их всех бы тебе подарил я любя,

Ни злата, ни жизни не жаль для тебя!
Иди же, моих скакунов осмотри,
Того, что по нраву тебе, избери,
Вели оседлать и покрыть чепраком.
Убьют — горевать я не стану о том».
Чубарого выбрал Бижен скакуна,
Поджар он и статен, в нем сила видна.
Для витязя юного тут же коню
И грудь и бока заковали в броню.
Припомня Форуда отвагу и мощь,
Встревожился Гив, многоопытный вождь:
Зовет Гостехема, с ним держит совет:
Безумствует сын, мол, по младости лет!
И все ж для Бижена послал он затем
Броню Сиавуша и царственный шлем.
Доставил броню Гостехем, и тотчас
Бижен именитый, в нее облачась,
На Белую Гору помчался, как тот,
Кто, гневом исполнясь, на битву идет.

[Битва Бижена с Форудом]

Форуд обратился к Тохару: «Свой строй
Покинув, несется к нам новый герой.
Его разгляди ты и мне назови,—
Кому зарыдать о лежащем в крови?»
Советник речистый ответил царю:
«Сын Гива он. Этому богатырю
Нет равных в Иране: могуч и суров,
В сраженьях, как тигр, он сметает врагов.
Он Гиву сокровищ и жизни милей,
Ведь нет у героя других сыновей.
Прицелься в коня: огорчишь ты царя,
Повергнув отважного богатыря.

К тому же он в латы себя заковал,
Которые Гив до него надевал.
Пробить их нельзя ни копьем, ни стрелой,
Сразится и пешим боец удалой!
Его не осилишь один на один:
Алмазом — не сталью разит исполин!»
Стрела полетела, и рухнул тогда
Скакун, словно не был живым никогда.
Оставив коня, не тужа ни о чем,
К вершине Бижен устремился с мечом.
«Эй, всадник-храбрец! — слышен клич громовой —
Увидишь, как тигры кидаются в бой!
Узнаешь, каков я с оружьем в руках,
Хоть конь мой тобою повергнут во прах.
И если ты жизнь умудришься спасти,
Не вздумаешь больше в сраженье идти!»
Так молвит и рвется бесстрашно вперед.
Тогда разъярился Форуд в свой черед,
Вторую метнул он стрелу, но герой
Щит медный вознес над своей головой
И дальше стремится. Форуда стрела
Щит крепкий пробила, броня же цела.
Воитель отважный вершины достиг,
Индийский булат обнажил в тот же миг,
И дрогнул Форуд: вот он мчится назад,
И стены твердыни от воплей дрожат.
Вдогонку Бижен устремился за ним,
Взмахнул закаленным булатом своим —
И конская тотчас пробита броня.
Покинув недвижное тело коня,
Форуд устремился под своды ворот,
И тут же воители заперли вход.
Посыпались тяжкие камни со стен,
И видит, что время спасаться, Бижен.

Вскричал он: «Бежишь, удалец верховой?
Пред пешим опешил! Что сталось с тобой?
Где мощь растерял и отвагу свою?
Не стыдно ли вспять обращаться в бою!»
Он к Тусу, окончив сраженье, спешит,
Поведав о битве, вождю говорит:
«Тот витязь отвагою тиграм подстать,
Ему в одиночку бы их поражать!
Он грозною силой сердца леденит,
Он натиском ярым расплавит гранит.
Тебя не должны мои речи дивить.
Кто мог бы подобную доблесть явить!»
Творцом-вседержителем Тус поклялся:
«Я крепость разрушу, взмету в небеса!
Зереспа отважного смерть не прощу,
В кровавом бою за него отомщу!
Здесь будет строптивый туранец убит,
Кровь недруга скалы в коралл обратит!»

[Смерть Форуда]

Лишь солнце лучистое скрылось от глаз
И ночь, словно грозная рать, ворвалась,
Примчались в Келат на конях боевых
Защитники крепости — тысяча их.
Закрыли ворота на крепкий засов,
Набата тревожный послышался зов.
Пирана-вождя именитая дочь,
Томимая тяжкой заботой в ту ночь,
В покои к Форуду придя, прилегла;
Ей сердце тревога на части рвала.
И сон ей зловещий приснился о нем:
Форудова крепость объята огнем,
Нет больше в живых ни единой жены,*

Все в гибельном пламени том сожжены.
Увидя сгоревший дотла Сепидкух —
Проснулась; тоскою терзается дух.
На башню взошла и увидела: склон
Щитами и копьями весь наводнен.
Терзая ланиты, смятенья полна,
К Форуду стрелою примчалась она.
Сказала: «Мой сын, просыпайся, беда!
Нам страшную участь готовит звезда.
Рать на гору мчится: куда ни взгляни —
Блистание копий, сверканье брони».
Но юноша молвил: «О славная мать,
Что проку от горя тебе изнывать!
Мой век не продлишь ты, коль жизненный срок,
Мне свыше назначенный, ныне истек.
Был в юности славный отец мой убит,
Мне жребий такой же сегодня грозит.
Его умертвил беспощадный Горуй —
Коль буду Биженом убит, не горюй!
Сражусь я. Пусть мне головы не сносить,
Не сдамся, пощады не стану просить!»
Кольчуги и палицы роздал бойцам,
Для битвы затем снарядился и сам.
В румийские латы, в шелом облачен,*
Лук взял и к борьбе приготовился он.
Едва в синеве небосклона возник
Светила дневного сияющий лик,
Призывные клики вождей раздались,
Тяжелые палицы их вознеслись;
Гул меди, трубы завыванье и стон
И гонгов индийских пронзительный звон...
Спустился Форуд со стены крепостной,
Возглавил отважных воителей строй.
От поднятой пыли, от множества стрел,

Ты скажешь, весь мир почернел, обгорел.*
В том узком ущелье, средь каменных глыб
Бойцы скакунов разогнать не могли б.
Клич грянул с одной и другой стороны,
В бой ринулись, ярой отвагой полны.
Сжимая булат закаленный и щит
Тус, пеший, навстречу туранцам спешит.
И, пешие, все боевые вожди
За ним устремились, и рать позади.
Уже поднимается солнце в зенит,
Все тает форудова рать. На гранит
Убитые падают — нет им конца.
Покинуло ратное счастье юнца!
Дивятся иранцы: лютейшего льва
Затмил бы отвагой туранцев глава!*
Разит неустанно, хоть подле него
Не видно уж всадников ни одного.
Но вот повернул он коня; все быстрей
Несется к воротам твердыни своей.
Тут разом в тиски несчастливца берут
Бижен и Роххам. Оглянувшись, Форуд
Вначале Бижена внизу различил;
Ослабив узду, стремена отягчил,
Но тот настигает, уж виден шелом.
Назад повернув и помчась напролом,
Форуд с булавой на бойца налетел,—
Не ведал про свой злополучный удел.
Он думал ударом одним сокрушить
Бижена — и шлем, и чело искрошить.
Бижен застонал от удара того,
Сознанье уже покидало его.
Лишь издали это увидел Роххам,
Он с тыла неслышно подкрался к бойцам.
Клич грому подобный, сверканье клинка —

Повисла бессильно Форуда рука,
И все ж богатырь не сдается, коня
К твердыне своей что есть мочи гоня.
Тогда скакуну сухожилия ног
Бижен перерезал; скакун изнемог.
Но юноша с горстью друзей боевых,
Усталых, израненных, еле живых,
Ворота захлопнуть успели, войдя...
Где сила, где слава Форуда-вождя!
Тут жены сбежались, а мать впереди.
Доспехи спешат расстегнуть на груди,
Рыдая, кладут на престол костяной...
Ему не носить уж короны резной!
Душистые кудри в отчаянье рвут
Красавицы. Нем и недвижен Форуд.
Предсмертною мукой томится храбрец;
Но стон услыхав, сотрясавший дворец,
Глаза приоткрыл он, глубоко вздохнул,
На женщин рыдающих скорбно взглянул
И молвил, с трудом раскрывая уста:
«Горюете, бедные, вы неспроста!
Предав родовую твердыню огню,
Затеют иранцы грабеж и резню,
Вас всех до единой захватят в полон;
Безжалостно будет мой край разорен.
Но все, в ком живет состраданье ко мне,
Чей дух от любви и печали в огне,
Пусть, жалобы не проронив ни одной,
Низринутся с этой стены крепостной.
Бижену тогда не достанетесь вы.
Биженом сраженный, я гасну, увы!
То он, беспощадный убийца, злодей,
Меня загубил на заре моих дней».
Так молвил царевич, и лик пожелтел,

И замерло тело, и дух отлетел.
Рок, словно хмельной скоморох, нас готов*
Морочить на семьдесят разных ладов:
То ветер и тучу нагонит с высот,
То гибельный меч, иль кинжал занесет
И вражьей рукой вынуждает нас свет
Покинуть, то сам избавляет от бед,
То дарит корону, сокровища, трон,
То шлет униженья, оковы, полон.
Вкушай нажитое: зря копишь ты клад!
Кто скуп, не изведает в жизни отрад.
На свет если смертный бы не был рожден,
Не знал бы ни счастья, ни горестей он;
Родившись, живет обреченный страдать,
Устав непрестанно страдать и рыдать,
Во прахе находит приют под конец...
Жаль! Пал добродетельный, мудрый юнец!

[Джерире убивает себя]

Лишь сын Сиавуша, печален и сир,
Без славы, без счастья покинул сей мир,
Рабыни на стену тотчас поднялись,
В тоске и отчаянье кинулись вниз.
Огромный костер развела Джерире,
Сокровища замка сожгла на костре,
Булат закаленный с собою взяла,
В конюшню вступила и дверь заперла,
На смерть обрекла быстроногих коней,
И кровь из очей заструилась у ней.
Туда, где Форуд благородный лежал,
Вернулась, из ножен исторгла кинжал;
Лобзает его и, простершись у ног,
Вонзает в себя смертоносный клинок.

Тут в крепость иранская рать ворвалась,
И грабить ее, и громить принялась.
К твердыне, к распахнутым настежь дверям
Приблизился, грустью объятый, Бехрам.
Подходит к Форуду; пред взором темно.
Тоски, сожаления сердце полно.
Сказал он иранцам: «Кончина юнца
Печальнее и горше кончины отца!
Тот был не слугою, владыкой гоним,
Мать мертвой не рухнула следом за ним,
И не был над ними руками врагов
Сожжен и разграблен наследственный кров,
Но зла не прощает вовек небосвод,
От кары небесной злодей не уйдет.
Ужель не стыдитесь Хосрова-царя?
Ведь он, благосклонно с вождем говоря,
Ему и дружине удачи желал,
За смерть Сиавуша отмстить посылал.
Узнает, что брат молодой умерщвлен,
И гневу отдастся без удержу он.
Роххам и Бижен безрассудны — от них
Вовек не дождешься поступков благих!»
Но вот боевые литавры гремят,
И Тус-предводитель вступает в Келат.
С ним Гив и Гудерз, и другие вожди.
У каждого горе и ярость в груди.
Ликует вождя недостойного дух:
Вступил победителем он в Сепидкух.
Но вот перед Тусом — царевича трон,
Где с матерью рядом покоится он.
И справа от мертвого, горем убит,
Рыдая, Бехрам возмущенный сидит,
А слева — Зенге, именитый герой,
Вокруг — удрученных воителей строй.

На троне своем молодой великан
Прекрасен как месяц, как гордый платан.
Сказал бы, в доспехах покоится тут
Живой Сиавуш, а не мертвый Форуд.
Рыдают вожди закаленных дружин,
И доблестный Гив, и Гудерз-исполин.
И горько раскаялся Тус, наконец.
Сын в мыслях, пред взором — погибший юнец.
И каждый к вождю обращается взор,
Слезами туманясь, и в каждом — укор.
Гив с мудрым Гудерзом и витязей ряд —
Все в гневе и горести Туса корят:
«Губительно-горек горячности плод;
Кто сеет горячность — раскаянье жнет.*
Не может назваться достойным вождем
Не знающий удержу в гневе своем.
Столь славного юношу, гордость венца,
Вселявшего радость в людские сердца,
Своею горячностью ты погубил,
И ею же сгублен исполненный сил
Сын царский Зересп, и Ривниз молодой.
Постигнуто войско великой бедой!
Коль вождь именитый несдержан и груб —
Он словно клинок, что от ржавчины туп».
Тус молча внимал увещаниям их,
Неистовый гнев понемногу утих.
«Что делать! — мужам говорит он в ответ,—
Злой рок причиняет нам множество бед!»
Возвел на горе усыпальницу он,
По-царски в ней юноша был погребен.
Трон золотом блещет; как солнце, горят
Броня и кушак, булава и булат.
Форуд в одеянье царей облачен,
Кафур благовонный вином орошен,

Насыпали амбры, добавили трав
И, тело составом таким напитав,
Юнца возложили на трон и ушли...
Исчез многодоблестный с лика земли!
А храбрый Зересп и могучий Ривниз
С ним рядом в гробнице одной улеглись.
На бороду белую, словно кафур,
Вождь слезы струит, опечален и хмур.
Как век твой ни долог — ему суждено
Иссякнуть: жить вечно и льву не дано!
Пред смертью бессильны и сталь, и гранит,
Ни листьев, ни корня она не щадит.

[ПОХОД ТУСА НА КАСЕРУД И СМЕРТЬ ПЛАШАНА ОТ РУКИ БИЖЕНА]

Окончена битва, и Тус-исполин
Спустился с вершины в просторы долин.
В Череме дружина стояла три дня.
Но ввысь запрокинулись трубы, стеня,
И вот уже с места снимается рать,
Вся степь меж хребтами — эбену подстать.
Кого из туранских бойцов ни найдут,
Зарубят и бросят, и дальше идут.
Весь край разорив по дороге, полки
Пришли к берегам Касеруда-реки.
Там спешилось войско, до самой горы
Покрыли простор боевые шатры.
Лишь вести достигли туранской земли
О том, что войска из Ирана пришли,—
Навстречу Плашан устремился верхом.
Боец многоопытный, с ясным умом,
Он войско и ставки, и стяги вождей

Хотел обозреть, сосчитать поскорей.
Раскинут был воинский стан под горой.
На кручу взошедшие тою порой
Гив славный с Биженом, отважным бойцом,
Сидели, толкуя о том и о сем.
Вдруг знамя они увидали вдали
Плашана, героя туранской земли.
И руку за пояс воинственный Гив
Занес и воскликнул, булат обнажив:
«Помчусь и его разлучу с головой,
Иль пешим доставлю в наш стан боевой».
«О славный,— ответил воителю сын,—
Меня ведь на то одарил властелин!
Я сам, повинуясь веленью царя,
Повергну туранского богатыря».
Но Гив наставляет его: «Не гордись,
Сражаться со львом разъяренным не рвись.
Боюсь, не осилишь его: для меня
Тогда омрачится сияние дня.
Он истинный лев, но не в дебрях лесов
Добычу он ищет, а в поле — бойцов».
Воскликнул Бижен: «Коль продолжишь ты спор,
Меня пред царем обречешь на позор.
Для битвы мне дай Сиавуша броню —
Увидишь, и тигра в бою полоню».
Дал панцирь Бижену бесстрашному Гив;
Воитель, застежки стальные скрепив,
По склону горы с занесенным копьем
Летит на коне быстроногом своем.
Косулю Плашан подстрелил на заре
И, мясо зажарив на жарком костре,
Пирует один. За плечом — добрый лук.
Конь рядом нашел зеленеющий луг...
Учуяв чужого, тревожно заржал

Конь верный. Туранец к нему подбежал,
Мгновенно в седле очутился, готов
Сразиться с героем из вражьих рядов.
Вскричал он: «В сраженьях врагов не щажу!
Я львов повергаю, нечистых вяжу!*
Эй, кто ты, настигнутый грозной судьбой?
Заплачут и звезды сейчас над тобой!»
«Бижен я! — герой отвечает,— в бою
Я — див, недоступный стреле и копью.*
Сын Гива я, дед мой — воинственный лев,
А мощь покажу я, тебя одолев.
Мужи наготове, день битвы настал,
Ты ж, словно до падали жадный шакал,
Укрылся и кровь здесь глотаешь с золой...
В бой вывел бы войско, вожак удалой!»
Не стал с удальцом препираться Плашан,
Громаду-коня разогнал великан,
И сшиблись стремительно два седока,
И черная пыль поднялась в облака.
Их копья стальных не осилили лат —
Сломались, и каждый взялся за булат.
Остались осколки одни от клинков,
От ярости бросило в дрожь седоков.
Усталые, в пене, в поту скакуны.
Тогда, нетерпенья и гнева полны,
Воители, силою равные львам,
Прибегли к тяжелым своим булавам.
Разят, нападают еще и еще...
Взревев, занеся булаву на плечо,
Бижен быстрым взмахом могучей руки
Врагу своему раздробил позвонки.
И рухнул Плашан именитый с коня;
Во прахе глава и шелом, и броня.
Как вихрь, победитель с седла соскочил

И тело врага с головой разлучил.
С бронею, с конем, с головою бойца
Помчался: спешит он увидеть отца.
Гив с вышки за каждым следит удальцом:
Удача к кому повернется лицом?*
В волненье, в смятенье глядит исполин:
Пыль встала, несется воинственный сын!
Воитель, на кручу поднявшись затем,
Коня и доспехи, и вражеский шлем,
И голову вражью отцу показал.
«Всегда побеждай!» — Гив Бижену сказал.
И оба к вождю, торжествуя душой,
Уносятся с тою добычей большой;
Предстали пред Тусом, иранским вождем,
Конь вражеский с ними, глава и шелом.
Глядит, и от радости вождь удальцов,
Ты скажешь, с душой разлучиться готов.
Сказал он: «Мужей превзошедший юнец,
Опора дружины, владыки венец!
Будь счастлив, и недруга злого рука
Да будет всегда от тебя далека!»

[ИРАНЦЕВ ЗАСТИГАЕТ БУРАН]

Известье пришло к Афрасьябу: «Туран
Волнуется, словно в грозу океан.
Пришла к Касеруду несметная рать
За смерть Сиавуша разить и карать».
Царь молвит Пирану, вождю удальцов:
«Злой умысел свой обнаружил Хосров!
Навстречу нам надобно войско вести,
Литавры и ратные стяги нести.
Не то — столько полчищ придет к нам войной,
Что солнца не взвидим, простимся с луной.

Бойцов созови отовсюду, и в путь!
Нельзя нам с решением долго тянуть».
Меж тем разразился жестокий буран,
Беда на иранский нагрянула стан.
Бойцам не до битв, разлилась темнота,
От стужи смерзаются, стынут уста.
Лед в ставке вождя, леденеют шатры.
Снегами окутаны склоны горы.
Неделя минула, но снежный покров
Не тает. Сурово дыханье ветров.
Ни пищи уж нет, ни покоя, ни сна.
Земля, словно камень, тверда, холодна.
Не помнит никто прежних дней боевых.
Уже поедают коней боевых,
Уже скакуна ни единого нет,
Уж гибнут бойцы за животными вслед.
На утро восьмое вдруг солнце зажглось —
И море, сказал бы, вокруг разлилось.
Дружину собрал предводитель мужей
И речь о походе держал перед ней:
«Здесь голод до гибели нас доведет,
Не лучше ль теперь устремиться вперед?
Проклятую землю покинем! Сулят
Беду Сепидкух, Касеруд и Келат!»
Из витязей славных ответил Бехрам:
«Открыто скажу, как пристало бойцам:
Ты сладкие речи пред нами ведешь,
Сам — в бой с Сиавушевым сыном идешь!
Не я ль говорил — совершаешь ты зло...
Сегодня возмездия время пришло.
Но это всего лишь начало невзгод.*
Кто ведает, что затаил небосвод».
Вождь рати ответствует: «Азергошесп
Отважнее не был, чем павший Зересп.

А зять мой Ривниз? Благородней его
Меж ратных мужей не сыскать никого.
Он был мне отрадой,— годами юнец,
Речь держит, бывало, как старый мудрец.
Форуда убивший не вовсе был слеп.
Что сталось, то сталось по воле судеб!
Но зря иль за дело Форуд был убит,
День прошлый сегодня да будет забыт!
Не Гиву ли шахом дары вручены
За подвиг сожженья громады-стены?
Сожженья того наступила пора,
Пусть к небу возносится пламя костра!
Быть может, пред нами откроется путь.
И к цели удастся дружине шагнуть».
«Задача,— ответствует Гив,— нетрудна,
За труд мне к тому же награда дана».
Но молвит Бижен огорченный: «Постой!
Невмочь согласиться мне с речью такой.
Меня ты, трудов не жалея и сил,
Не молвив сурового слова, взрастил.
Ты к подвигу рвешься, воитель седой —
Могу ли бездействовать я, молодой?»
Но Гив отвечает: «Я слово сдержу,
Решение принято, в путь выхожу.
Еще мне под силу, мой сын, воевать,
Не время оружье другим отдавать.
Не должен тревожиться ты обо мне,
Расплавлю и глыбу гранита в огне!»
Засыпанный снегом и льдом перевал —
Врата Касеруда — герой миновал
И вскоре достиг деревянной стены,
Она небывалой длины, вышины.
Но пламя стрелою он высек тотчас
И в стену метнул, и громада зажглась.

Дым стелется, пламя до туч вознеслось;
Стоять у стены три недели пришлось;
В четвертую — рать через бреши прошла,
И воду и пламя осилить смогла.

[БЕХРАМ ПЛЕНЯЕТ КЕБУДЕ]

Вождь рати ряды повелел ей сомкнуть,
К земле Геругерда с ней держит он путь. *
Добравшись туда, боевые шатры
Раскинул в степи и на склонах горы,
Расставить дозорных затем приказал,
И стройный порядок дружине придал.
Главой Геругерда был мощный Тежав,
Пред ним бы и лев отступил, задрожав.
В широкой степи, от хребта до хребта,
Паслось на просторе немало скота.
Известье пришло, что иранская рать
Примчалась и надобно скот укрывать.
И вот уж посланцы Тежава летят
К хранителю афрасиабовых стад,
Который звался Кебуде. Облечен *
Был издавна царским доверием он.
«Лишь только стемнеет,— таков был наказ,—
В разведку отправься, от взоров таясь.
Взгляни, велика ли дружина числом,
Сочти знаменосцев, носящих шелом.
Тогда нападенье ночное свершим,
Их кровью мы горы и степь оросим».
Ночь пала, весь мир темнотой облачив,
К шатрам Кебуде подобрался, как див.
В ту темную ночь был дозорным Бехрам,
Арканом он мог угрожать и слонам!
Вот конское ржанье встревожило тьму.
Воитель прислушался к звуку тому,

И лук, тетивой оснащенный, берет,
И гонит коня боевого вперед.
Ни слова не молвив, метнул он стрелу.
Хоть недруга он и не видел сквозь мглу,
Его поразить в поясницу сумел —
И сразу лицом Кебуде почернел. *
Врага о пощаде он молит, стеня,
И слышит: «Не лги, не обманешь меня:
Тебя соглядатаем кто посылал?
Кого из мужей ты сразить замышлял?»
Сказал Кебуде: «Дай пощады обет —
На все ты услышишь правдивый ответ.
Зовется пославший меня исполин
Тежавом; я — подданный, он — властелин.
Мне жизнь подари ты — тебя провожу,
Где спит повелитель, тебе укажу».
«Тежав для меня,— отвечает Бехрам,—
Что бык, предназначенный львиным когтям!»
Лазутчика он обезглавил тотчас
И голову вражью, обратно примчась,
Презрительно бросил он в стане своем:
Ведь не был поверженный славным вождем...
Уж птицы с зарей запевают везде, *
К Тежаву назад не пришел Кебуде.
Тревожно в уме у вождя пронеслось:
«С посланцем неладное что-то стряслось!»
Дружину свою предводитель зовет
И с нею стремительно мчится вперед.

[БИТВА ИРАНЦЕВ С ТЕЖАВОМ]

Вот солнце свой стяг и клинок вознесло,
И в небе фиалковом стало светло.
Лишь войско Тежав-предводитель привел,

Крик с вышки до слуха иранцев дошел:
«К нам скачут туранцы, готовя набег,
А вождь их подобен чудовищам рек». *
Вперед устремляется, гневом гоним,
Гив, доблестный муж, и воители с ним.
Об имени вражеском грозно спросив,
«Эй витязь! — воскликнул воинственный Гив,—
С дружиной столь малой ты хочешь напасть,
Чудовищу лютому кинуться в пасть?»
Ему отвечает туранцев глава:
«Я славлюсь отвагой и хваткою льва.
Тежавом зовусь, повергаю мужей,
Сшибаю строптивые головы с шей!
Правитель я здешний, коль хочешь ты знать,
Избранник средь знатных, властителя зять.
Я предков иранских имею в роду,
Свой род от вождей именитых веду».
«Зря так говоришь! — услыхал он в ответ,— *
К речам лицемерным доверия нет.
Лишь кровь иль отраву вкушавший весь век
Свершил бы в Туран из Ирана побег!
Ты здешний правитель и царский ты зять?
Однако твоя малочисленна рать!
Поэтому силой своей не кичись,
Нам вызов бросая, не столь горячись!
Наш вождь именитый, внушающий страх,
Владыку любого повергнет во прах.
Сдавайся, приди к нам с дружиною в стан —
Ты к шаху отправишься с нами в Иран.
Когда согласишься вождя посетить,
С воинственным в переговоры вступить —
Доволен ты будешь наградой своей:
Получишь богатства, рабов и коней.
В том благо твое, именитый ездок!

Ты видишь, для мира я сделал, что мог».
Но хитрый Тежав отвечает на то:
«Нет, витязь, мой стяг не повергнет никто.
Здесь перстень и княжий престол мне даны,
Мои здесь дружины, стада, скакуны.
В горах и степях табуны без числа,*
Слуг вдоволь — чем доля моя не светла?
Сам царь Афрасьяб здесь опорою мне,
У вас не увижу того и во сне.
На рать не гляди, позабудь о числе,
Гляди на меня, с булавою, в седле!
Так стану разить, что отчаетесь вы,
В своем нападенье раскаетесь вы!»
Отцу-исполину Бижен говорит:
«О витязь, чья слава по свету гремит,
Герой прозорливый, краса вздоков!
Стареешь — ты в юности был не таков.
Тежава тебе наставлять для чего?
Участье и дружбу являть для чего?
Не лучше ль извлечь нам отточенный меч,
Сердца поражать, вражьи головы сечь!»
Коня разогнал он, клич грянул, как гром,
И каждый помчался с копьем и мечом.
На поле сражения пыль поднялась
Такая, что небо укрылось от глаз.
Как туча Бехмана, все мрак поглотил,*
Надвинулась ночь и не видно светил.
Несется, сияние солнца затмив,
С дружиной своею воинственный Гив.
Бойцов обгоняет летящий стрелой,
Не знающий страха Бижен удалой.
Навстречу спешит венценосный Тежав,
Который и льва одолел бы, напав,
С могучим Мерду и с Эрженгом лихим,*

В бою насыщенье неведомо им.
Но вскоре в воинственной схватке дружин
Пал, насмерть сраженный, Эрженг-исполин;
Две трети туранцев погибли в борьбе,
В немилость попав к самовластной судьбе.
И в бегство пустился Тежав-удалец,
Вслед мчится Бижен, знаменитый боец,
Ярясь и грозя занесенным копьем,
Он сходен с ревущим, взъяренным слоном.
Врага в поясницу Бижен поразил,
Тежав от удара остался без сил,
Но спасся: слегка отклониться он смог,
Кольчуги румийской удар не рассек.
Бижен, без копья, богатырскую длань
Простер; словно тигр, налетевший на лань,
Как ястреб, которым настигнут птенец,
С Тежава сорвал драгоценный венец —
Сверкающий дар Афрасьяба; с вождем
Он был неразлучен и ночью и днем.
До самого замка, до башен и стен
Вслед недругу молнией мчится Бижен.
Все ближе Тежав к крепостным воротам.
Стоит Эспануй удрученная там.
Сказала прекрасная, слез не сдержав:
«Где сила твоя, где дружина, Тежав?
Ужели ты спину ко мне повернешь,
Ужели покинешь, с собой не возьмешь?
В добычу врагу не бросай, позади
Меня на спине скакуна посади!»
И жалость в Тежаве проснулась тогда,
Лицо запылало огнем от стыда.
Вверху Эспануй; витязь, по низу мчась,
Ей стремя пустое подставил тотчас.
Та, вихрем в седло за Тежавом вскочив

И крепко руками его обхватив,
С воителем вместе дорогой в Туран
Помчалась как будто степной ураган.
Несет их вперед удалой жеребец,
Но вот обессилели конь и боец,
И молвит злосчастный: «Подруга-краса!
Тяжелую участь нам шлют небеса.
Мой конь боевой изнемог; позади —
Злой недруг, крутая тропа — впереди.
Коль, бог упаси,— нас догонит Бижен,
Мне — смерть, а тебе угрожает лишь плен.
Худого ты ждать не должна от него;
Оставь же меня на коне одного».
Спустилась с седла Эспануй; все сильней
Тоскуя, рыдая от жалости к ней,
Погнал он коня к Афрасьябу один;
Несется вдогонку Бижен-исполин.
При виде чудесной красы Эспануй,
До пят ниспадающих мускусных струй,
Коня осадил он и ту, что Тежав
Покинул, в объятия бережно взяв,
В седло усадил, и помчал он коня
К стоянке бойцов, что есть мочи гоня.
К шатру предводителя, счастлив и рад,
Летит он; литавры навстречу гремят.
Мол, с поля сраженья воинственный муж
Вернулся — с добычею ценной к тому ж!
Твердыню громить устремились потом
Воители с Тусом, могучим вождем.
Затем удальцы к табунам понеслись,
Что вольно в равнинах Турана паслись.
И всем удальцам по аркану дано,
Как было в обычае ратном давно,
И каждый арканом поймал скакуна,

И снова дружина стройна и сильна.
В твердыне Тежава, гневны и грозны,
Воссели бойцы из иранской страны.

[АФРАСЬЯБ УЗНАЕТ О НАБЕГЕ ТУСА И ЕГО ДРУЖИНЫ]

Меж тем изнемогший от горя Тежав,
В слезах пред царем Афрасьябом представ,
Рассказывал: «Тус к нам войною пришел,
С кимвалом, с литаврами войско привел.
Повергнут Плашан и немало других
Воителей наших отважных, лихих.
Сады и селенья дотла сожжены,
Расхищены дерзко твои табуны».
Той вестью недоброю царь потрясен,
Раздумывать стал о спасении он.
Пирану промолвил, сердит и суров:
«Сказал я, скликай отовсюду бойцов!
Что ж, лень помешала иль старость твоя,
Иль медлил ты, умысел черный тая?
Немало из близких моих полегло,
Удача от нас отвратила чело.
Теперь уж раздумывать больше нельзя;
Сам видишь: опасность нависла, грозя!»
Вождь рати, готовясь исполнить приказ,
Дворец Афрасьяба оставил тотчас.
Клич кликнул воителям, им раздает
Оружье и злато, готовясь в поход.
Вот вывел из города рать исполин,
Назначил места для вождей и дружин.
На правом крыле был с Тежавом Барман:
На тигра бы каждый накинул аркан!
А левому вождь — Нестихен-удалец:

Он львов поражает как будто овец!*
Рев трубный раздался, и медный кимвал
К походу туранское войско призвал.
От копий, от стягов различных цветов
Стал воздух лазорев, багрян и лилов.
Широкую степь от реки до реки
Заполнили кони, слоны и полки.
В путь выступить войско торопит Пиран.
Меж тем из дворца возглавлявший Туран
Примчался. Проносится грозная рать,
Чтоб воинов мог Афрасьяб сосчитать.
Сто тысяч там было отважных бойцов,
Мечом пробивающих сталь храбрецов.
И радость наполнила душу царя,
Венчанный напутствует богатыря:
«О вождь, заверши ты победой поход,
В далекой дороге не ведай невзгод!»
Громадою двинулась грозная рать:
Ни степи, ни гор, ни реки не видать.
Вождь отдал веленье: «Сверните с пути,
Тропою кратчайшею должно идти.
Пусть движутся в тайне глубокой пока
Отважные, славные наши войска.
Быть может, с громадою ратной смогу
Нежданный удар нанести по врагу».
Вождь опытный, муж прозорливый, вперед
Он тут же проворных лазутчиков шлет.
Ряды боевые велит он сомкнуть,
К земле Геругерда пускается в путь.
Вернулись лазутчики; войска глава
Дивится, такие услышав слова:
«Вождь рати иранской устроил привал.
Приблизились мы, но не грянул кимвал.
Пируя без устали, крепким вином

Они опьяняются ночью и днем.
Дозоров не ставят нигде верховых,
Забыв про туранских мужей боевых».
И тотчас Пиран именитых созвал,
Им весть об иранцах поведав, сказал:
«К победе мы не были ближе с тех пор,
Как длится с Тураном воинственный спор».

[НОЧНОЕ НАПАДЕНИЕ ПИРАНА НА ИРАНЦЕВ]

Избрал из прославленных тех удальцов
Разящих мечом тридцать тысяч бойцов.
Помчалась, дождавшись полуночи, рать,
Не дав барабанам и трубам звучать.
К дружине иранской уж близок Пиран;
Фарсангах в семи — неприятельский стан.
Сначала бойцы к табунам понеслись,
Что вольно в долинах Турана паслись.
Немало они увели скакунов.
Был жребий иранцев безмерно суров —
У них неприятелем отнят успех.
Сразив пастухов и табунщиков всех,
Дружина к стоянке иранских мужей
В ночи устремляется, тучи грозней.
А в стане — звон чаш в многолюдном кругу;
К пирующим долго ль подкрасться врагу?
Хмельные, сидят, кушаки распустив,
Лишь трезвы Гудерз и воинственный Гив.
Клич грозный услышав и грохот секир,
Гив тотчас покинул ликующий пир,
У входа нашел боевого коня,
Оседлан скакун и на месте броня.
Воитель, отвагой исполнясь, как лев,

Доспехи царя Сиавуша надев,
Сурово себя укорять принялся
За то, что покою и сну предался.
Воскликнул он: «Что это нынче со мной?
Как мог я забыться порою ночной!»
Стремительно витязь вскочил на коня,
Помчался, его что есть мочи гоня.
Пыль ратная тучей клубилась, но вмиг
Он ставки вождя среди мрака достиг.
«Встань! — молвит,— узнай о набеге ночном!
Все шахское войско оковано сном».
Затем с бычьеглавой своей булавой
Помчался в отцовский шатер боевой.
Объехал весь стан, от бойца до вождя,
Всех трезвых в пути торопливо будя.
Бижена сурово корил: «Воевать
Сюда мы пришли иль вино распивать?»
Вкруг войска смыкается недругов цепь,
Гул, выкрики, грохот наполнили степь.
Хмельным головам не понять нипочём:
Откуда вдруг хлынули стрелы дождем?
Под ними земля холодна, а мечи*
Над ними — как будто огонь горячи.
Вот солнце над Львом, целый мир осветив,
Всплывает. Взглянул опечаленный Гив
И павших иранцев увидел ряды.
Погасло сиянье счастливой звезды.
Гудерз оглянулся, душой омрачась:
Все больше и больше врагов, что ни час.
Иранцев лишь горсть, а навстречу, крича,
Не войско идет — муравьи, саранча.
Глядит предводитель: в дружине своей
Не видит воинственных богатырей·
Изорваны стяги, повержен кимвал,

А лица воителей — словно сандал.
Отцы без сынов и сыны без отцов.
Смешались, редеют ряды храбрецов.
Таков он, сей быстро вертящийся свод:*
То нежит, то сердце кручиною рвет.
Пришлось поневоле в смятенье бежать,
Стан бросив, спасая разбитую рать.
Где строй и литавры, и кладь, и обоз?
Все войско, что ветхая ткань, расползлось,
Утка и основы лишилось. И тут
Пришлось воротиться к реке Касеруд.
Туранские всадники, вслед устремясь,
За Тусом несутся, грозя и глумясь.
И сзади по меди шеломов и лат
Удары булав, словно ливень, стучат.
Ирана бойцы, изнемогши в борьбе,
Убежищем гору избрали себе.
Печален и труден был путь беглецов,
Покинули силы коней и бойцов.
Измучены битвой и долгим нутем,
Спасительных склонов достигли потом.
Уж Тусу туранская рать не страшна:
Защитою стала бойцам крутизна.
Тут каждый утраты считать принялся,
И стоны мужей потрясли небеса.
Нет счета убитым, а кто не убит —
Израненный, весь в перевязках, лежит.
Нет княжеской ставки, престола, венца,
В живых — ни коня, на ногах — ни бойца,
Безлюдье и глушь. Обессилена рать,
И некому раненым помощь подать.
Сын плачет, скорбя по отцу своему,
И раненых муки жгут сердце ему.
От века обычай таков на земле: *

Ты — рока игрушка. В таинственной мгле
Всевластного лик неизменно сокрыт,
Он грозно карает и щедро дарит.
Стяжаньем одним поглощенный весь век,
Постигнешь ли суть бытия, человек?
Подумай, на что ты судьбой обречен:
Из ветра родишься,— и в прах обращен...
Дружины две трети в бою полегли,
В борьбе уцелевшие — занемогли.
Страдают, и некому их исцелить,
Удел их — лишь слезы кровавые лить.
Вождь рати с тоски помутился в уме,
Рассудок его заблудился во тьме.
Гудерз обездолен: на старости лет
Ни сына, ни внука, ни родичей нет...
В печали мужи вкруг него собрались,
Пути к избавленью искать принялись.
И вот на вершине боец водворен,
Чтоб зорко следил за противником он.
И бодрствуя ходят дозоры везде,
Надеясь помочь несказанной беде.
Гудерз одному из иранских мужей
В дорогу велел собираться скорей,
Достигнув Ирана, царю рассказать
Про все, что творил возглавляющий рать;
Об их пораженье в кровавой войне,
О доле их злой на чужой стороне.

[КЕЙ-ХОСРОВ ОТЗЫВАЕТ ТУСА]

Хосрову известье посланец отвез,
Поведал, что счастие мглой облеклось.
Как только услышал владыка о том,
Гнев с горестью в сердце забили ключом.

О брате кручина снедала его,
И скорбь о мужах угнетала его.
Пока в небесах не блеснула заря,
Метался он, Туса кляня и коря.
А утром, писца подозвав, усадил,
Что в сердце кипело, пред мудрым излил.
И вот уж готовы посланья: одно,
Что скорби о брате и гнева полно,—
Вождю Фериборзу, потомку царей,
Другое — для доблестных богатырей.
В начале послания превознесен
Владыка вселенной, пространства, времен:
«Во имя зиждителя вечных светил,
Создателя жизни, подателя сил!
Он шлет пораженье, дарит торжество,
Удачи и горести — все от него.
Он сущего мира единый творец,
Слона и ноги муравьиной творец.
Он в силах душой и умом одарить,
Величьем престол и венец озарить,
Одно уничтожить, другое создать:
Глядишь — одному ниспослал благодать,
На плечи другого обрушил беду,
Невзгоды и горе, и боль, и нужду.
Повсюду рука провиденья, смотри —
От темного праха до ясной зари...
Тус войско возглавил под стягом Каве
И сорок с ним шло у дружин во главе
Знатнейших мужей в золотых сапогах;
В Туран я послал их, и что же? Во прах
Пал первым мой брат. До скончания дней
Не сыщешь в Иране подобных вождей!
Уж нет молодого Форуда, увы,
Опоры бойцов, именитых главы!

Я горько оплакивал гибель отца,
Кручине и скорби не видел конца,
И вновь я в горниле неслыханных мук:
Нет брата! Не знаю, кто враг мне, кто друг.
Я сказывал Тусу:— К Черему свернуть
Не вздумай, Келат, Сепидкух позабудь!
Там с матерью властвует юный Форуд,
Сын царский, он в битве отважен и лют.
Увидя вдали незнакомую рать,
Иранцев он сможет ли в ней распознать?
Навстречу примчится, не сдастся в бою,
И юную голову сложит свою.—
Жаль мужа венчанного, полного сил,
Которого Тус недостойный сгубил!
Коль он предводителя саном владел
И раньше — был черен Кавуса удел!
В сражениях с недругом дремлет всегда,
Зато уж за чашей горяч хоть куда!
Чужда ему доблесть великих мужей,
Да сгинет он с черной душою своей!
Как только посланье прочтешь, позабудь
О пище и сне. Не колеблясь ничуть,
Послушно исполни мой царский приказ
И Туса ко мне отошли в тот же час.
Сам войско веди в золотых сапогах,
Неся кавеянское знамя в руках.
С достойным, испытанным в битвах вождем
Гудерзом советуйся ты обо всем.
В походе страшись поддаваться вину,
Страшись предаваться беспечному сну.
Не будь торопливым: ты раненым дай
Сперва исцелиться — потом нападай.
Гив первым пусть витязем будет, ведь он
Льву равен отвагой, борьбой закален.

Готовься к боям, снаряженье собрав;
Не время теперь для пиров и забав».
К письму приложили цареву печать;
«В путь! — молвил посланцу владыка.— Скакать
Ты должен без устали ночью и днем,
Меняй на стоянках коня за конем».
Исполнил веленье, и вот, наконец,
К вождю Фериборзу примчался гонец.
И вот у вождя Фериборза в руках
Письмо, что послал именитому шах.
Прочел он посланье и Туса зовет,
Гудерза и Гива, и всех воевод,
Напомнил про то, что в походе стряслось,
Про беды, что им испытать привелось,
И после поведал им волю царя,
Надеждою новой сердца озаря.*
Унынье забыли Ирана сыны,
Владыке Хосрову хвалы возданы.
Вождя сапоги золотые и стяг,
Слонов и кимвал, предводительства знак,
Тус дал Фериборзу. И слышит весь стан:
«Достойный достался достойному сан!
Твоя да сияет победно звезда,
О князь, торжествуй, благоденствуй всегда!»*
Приветствовав так Фериборза-вождя,
В путь выступил, родичей знатных ведя.
Несется, ни мига не медля в пути;
Примчась, поспешил к властелину войти
И низко склонился, но гневен, суров,
На витязя даже не глянул Хосров;
Он Туса хулою осыпал в сердцах,
Унизил его, оскорбил при бойцах,
Вскричав: «Ненавистный, бесстыдный злодей!
Да будешь забыт меж достойных людей!

Ужели гнев божий тебя не страшит,
Не мучит пред славной дружиною стыд?
Тебе я шелом повелителя дал, *
Тебя против недруга биться послал,
Сказал — не ходи на Черем! Но туда
Пошел ты, мне дух омрачив навсегда!
Ты против меня обратил свой клинок,
На смерть Сиавушева сына обрек,—
Форуда, который повсюду воспет,
Которому равных не видывал свет.
Ведь целой дружины подобных тебе
Он стоил один в богатырской борьбе!
Ушел ты в поход и с той самой поры
Знал только веселье одно да пиры.
Тебе бы не в городе быть, не в степи,
А в доме безумных сидеть на цепи.
Темно в голове недостойной твоей,
Не место тебе средь иранских мужей!
Твой род к Менучехру восходит, седа
К тому же, о низкий, твоя борода —
Не то палача бы призвал я, и меч
Скосил бы презренную голову с плеч.
Твоею темницей да станет твой дом,
Один со своим оставайся стыдом!»
Изгнал он вождя, заковать повелел,
Обрек на безрадостный, горький удел.

[ФЕРИБОРЗ ПРОСИТ ПЕРЕМИРИЯ У ПИРАНА]

В шеломе вождя Фериборз-исполин:
И витязь могучий и царский он сын.
Роххаму велит возглавляющий рать
Отвагой и доблестью славу стяжать:

К Пирану с тех круч неприступных сойти,
Наказ передать и ответ привезти.
Вождь молвит Роххаму: «Такие слова
Да слышит дружины туранской глава:
От века изменчив вертящийся свод —
То благо, то зло посылает с высот.
Посмотришь до неба вознесся один,
Другой изнемог от невзгод и кручин.
В ночи нападать недостойно людей,
К тому же могучих, верховных вождей.
Захочешь сражаться — ответим войной,
А если не хочешь — есть выход иной.
На месяц войну отложить я готов,
Чтоб зажили раны у наших бойцов».
Повез именитый, стремительно мчась,
Вождя Фериборза письмо и наказ.
Дозорные мигом схватили его,
Кто он и откуда, спросили его.
Ответ был: «Роххам я, иранский храбрец,
Бестрепетный, бдительный, стойкий боец.
Сюда Фериборзом, возглавившим рать,
Я прислан Пирану наказ передать».
И бурей наездник несется, и весть
Пирану спешит слово в слово принесть:
Роххам, сын Гудерза, явился, и сам
С вождем повидаться желает Роххам.
Велел пропустить предводитель посла,
Учтивость являя, не делая зла,
Посол сладкоустый примчался тотчас,
Враждебного умысла втайне страшась.
Роххама Пиран обласкал и почтил,
И рядом с собой на престол посадил.
Что вверено было — поведал Роххам,
И внемлет Пиран Фериборза словам,
И так отвечает на речи посла:

«Припомните, ваша вина немала!
В сраженье вы первыми двинули рать,
Ваш Тус и не думал тогда выжидать.
Как хищник, на нас налетел он тогда,
И старых и малых губил без стыда,
Жег, грабил, а скольких убил храбрецов!
Весь край на погибель обречь был готов.
За это несете вы кару сейчас,
Хотя и внезапно напали на нас.
Но войско возглавлено ныне тобой —
Мы просьбы твоей не отвергнем. Коль в бой
Ты рвешься — сраженья кровавого жди,
На ратное поле дружину веди.
А если готов к перемирию ты —
Туранская рать не преступит черты.
Весь месяц в покое пребудьте, а там
Покинуть Туран подобало бы вам.
Вы силы свои оцените трезвей,
Вернитесь в пределы державы своей.
Не то — беспощадно мы станем разить,
Тогда уж отсрочки не вздумай просить!»
И, как подобало, затем одаря,
Назад отпускает он богатыря.
Со скоростью той же Роххам, воротясь,
Ответ Фериборзу вручает тотчас.
И вождь, перемирию рад, приступил
К трудам, не жалея ни рвенья, ни сил.
Набитые туго раскрыл кошели,
Запасы оружья тогда потекли
К нему отовсюду. Доспехов собрать
Немало успел, и построил он рать.

[ПОРАЖЕНИЕ ИРАНЦЕВ В БИТВЕ С ТУРАНЦАМИ]

Так месяц прошел, соблюден договор,
И ратный опять начинается спор.
Воителей клики опять раздались,
И к полю сраженья войска понеслись.
Внезапно взревев, потрясли небеса
Литавр и кимвалов, и труб голоса.
Мелькание грив и поводьев, и рук,
Здесь — меч с булавою, там — дротик и лук;
Щитов и шеломов блестящая медь —
Так тесно, что мошке нельзя пролететь.
То ль схвачена черным драконом земля,
То ль ночью слилась с небосклоном земля...
На правом крыле — предводителем Гив,
Что славился, в битвах не раз победив.
На левом — Эшкеш, именитый герой,
Кровь ливший в сраженьях широкой рекой.
А войск середина, их мощный оплот,
Под стягом вождя Фериборза идет.
Услышала рать Фериборза слова:
«Ужель не прославит нас больше молва? *
Нагрянем, сразимся по-львиному, так,
Чтоб света не взвидел разгромленный враг!
Иначе навеки покроем стыдом
Свою булаву и румийский шелом».
Как в бурю осеннюю с дерева лист,
Посыпались стрелы, все чаще их свист;
И птица бы не пролетела меж них.
Разносятся клики в рядах боевых.
А проблески стали среди темноты
Сравнил бы с алмазом иль пламенем ты.
Как на сердце воина, в небе темно,
А поле, что лик эфиопа, черно.

Булав грохотанье, бряцанье клинков...
Суд страшный, казалось, начаться готов!
Вперед пламенеющий яростью Гив
Рванулся, воинственный клич испустив,
За Гивом — другие Гудерза сыны,
Столь часто решавшие судьбы войны.
То стрелы летают, то копья разят,
И пламя клинки высекают из лат.
Разит беспощадно Гудерз-великан,
И родичей сотни теряет Пиран.
Леххак с Фершидвердом увидели тут,
Что к гибели верной туранцы идут,
И двинули разом своих удальцов
На Гива и палиценосных бойцов.
По шлемам иранцев, по панцирям их
Бьют стрелы туранских мужей боевых.
Ряды за рядами в бою полегли,
Под грудами тел уж не видно земли.
Но обе дружины сражение длят,
Редеют и все ж отступать не хотят.
Хуман Фершидверду промолвил тогда:
«В средину ударим, скорее туда!
Вождя Фериборза принудим бежать,
И с ним побежит устрашенная рать.
Расправимся после и с правым крылом,
И ратный обоз мы захватим притом».
И оба, вперед с удальцами помчась,
На рать Фериборза напали тотчас.
Тот спину к Хуману в бою обратил;
Тогда и воителей страх охватил;
Утратили разом задор боевой.
Все жарче туранцев напор боевой,
Не в силах бойцы перед ним устоять,
Один за другим обращаются вспять.

Литавры и знамя повергнуты в прах,
Снедают воителей горе и страх.
Все мраком в глазах у бойцов облеклось, *
От недруга бегством спасаться пришлось.
Отброшены копья, смешались ряды,
Стремян уж нельзя отличить от узды —
Так мчатся; длить битву не в силах они.
Кровь льется рекою, куда ни взгляни.
Туранских рядов все сильнее напор,
Летит предводитель к подножию гор,
И каждый за ним, кто в бою уцелел,
Но горек, увы, уцелевших удел!
Меж тем и Гудерз и воинственный Гив
Сражались по-прежнему, не отступив.
Вгляделся Гудерз, предводитель седой,
И обмер он вдруг, потрясенный бедой:
Глядит и не видит, в смятенье придя,
Ни ратного стяга, ни войск, ни вождя.
Коня повернул он и ринулся вспять —
Смятенье объяло гудерзову рать.
С укором тут Гив на отца посмотрел:
«Когда же страшился ты палиц и стрел!
Бежишь от Пирана? Сгорев от стыда,
Мы головы прахом посыплем тогда!
В живых не останется в нашей стране
Никто из мужей, закаленных в войне.
Кто мог бы от смерти всесильной спастись?
С ней — хищницей злобной — попробуй, схватись!
Так если опасность нависла в бою,
Пусть видят лицо, а не спину твою!
Нам поле сраженья оставить нельзя,
Нам дедовский прах обесславить нельзя.
Старинных преданий хранитель-мудрец
Сказал в назидание,— вспомни отец:

Когда подпирает брат брата плечом,
Срыть гору огромную им нипочем.
С тобою ведь семьдесят храбрых сынов.
Воинственных львов, непоборных слонов.
Мы недруга сталью мечей искрошим,
Хотя б из гранита он был — сокрушим!»
Пристыженный пылом сыновних речей,
Взглянув на шеломы родных силачей,
На месте седой богатырь устоял,
Раскаялся в том, что бежать замышлял.
Тут вышел вперед Горазе и затем
Берте и Зенге, и герой Гостехем.
Священную клятву они принесли,
Которой нарушить бы ввек не смогли:
«Пусть палицы кровь проливают рекой,
Разить не устанем могучей рукой!
Сомкнувшись теснее, врага отразим,
И славу былую себе возвратим».
Остались на месте, вновь клики гремят
И палицы витязей тяжко разят.
Туранских немало убито бойцов,
Но жребий иранцев все так же суров.
Бижену Гудерз, мудрый вождь боевой,
Велит: «С добрым луком своим, с булавой
К вождю Фериборзу стрелою помчись,
И к войску со стягом Каве воротись.
Не то — пусть вернется со знаменем сам,
Чтоб света не взвидеть туранским бойцам!»
Бижен боевого коня горячит,
Как молния, он к Фериборзу летит.
Примчавшись, сказал: «Предводитель бойцов,
Ужель ты от битвы укрыться готов?
Как мужу пристало, вершину покинь,
Коня боевого в сражение двинь!

А если не хочешь — мне стяг поручи
И ратных мужей, и стальные мечи».
Разгневался, эти услышав слова,
Зов чести отверг меченосцев глава.
Прикрикнул на витязя: «Мелешь ты вздор!
Неопытен ты и в решениях скор.
Не мне ли доверены войско и стяг,
Шелом полководца, престол и кушак!
Стяг ратный нести не Бижену подстать.
Иль мужа храбрей на земле не сыскать?»
Сын Гива занес вороненый клинок
И надвое стяг кавеянский рассек,
Схватил половину, и вскинул, и с ней,
Как буря, помчался к дружине своей.
Как только туранцы его вдалеке
Увидели с поднятым стягом в руке —
Тотчас приготовилась грозная рать
Воителю наперерез поскакать.
Тот тянется к лезвию, тот — к булаве,
И вспыхнула битва за знамя Каве!
«В том знамени скрыта,— промолвил Хуман,—
Вся сила, которой владеет Иран.
Коль вырвем мы знамя — величия знак,—
Для шаха весь мир погрузится во мрак».
Лук тотчас Бижен оснастил тетивой,
И хлынули стрелы, как дождь грозовой.
Врагов поражая, вперед он скакал...
Обильного пира дождался шакал! *
От ратных мужей услыхали меж тем
Воинственный Гив и герой Гостехем:
«Туранцы отхлынули. Верно, с высот
Бижен кавеянское знамя несет».
На помощь помчались к нему храбрецы,
С мечами мужи, с булавами бойцы.

Напали, туранцев разят. И стрелой
Все дальше несется Бижен удалой.
Повергнув немало туранских мужей,
Бойцы возвратились к дружине своей.
Бижен, кавеянское знамя воздев,
Вновь ринулся в бой, словно яростный лев.
Вновь пыль из-под конских копыт поднялась,
Дружина вкруг стяга Каве собралась,
На недруга яростно ринулась вновь,
И вспыхнула битва, и хлынула кровь.
Пред войском повержен Ривниз-исполин,
Царя Кей-Кавуса возлюбленный сын,
Сын младший, украшенный блеском венца,
Душа Фериборза, надежда отца.
Глава венценосная пала во прах;
Ирана воители в горе, в слезах.
Но вот громовой раздается призыв:
«О славные! — кличет воинственный Гив,—
Средь витязей наших бойца не найти,
Который Ривниза бы мог превзойти.
И доблестный сын Кей-Кавуса, и внук
Безжалостной смертью похищены вдруг;
Форуда с Ривнизом она унесла;
Страшнее творились ли в мире дела?
Коль ныне дозволим, чтоб враг овладел
Короной Ривниза, позор — наш удел!
Мне поле сраженья покинуть нельзя,—
Нагрянет противник, разгромом грозя.
Но эту корону на поле войны
Мы в руки туранцам отдать не должны.
Ривниза утратив, утратить венец? —
Тогда обесславлены будем вконец!»
Услышал иранского витязя зов
Пиран, предводитель туранских бойцов.

Тогда за венец молодого царя
Сразились два войска, отвагой горя.
Немало бойцов с двух сторон полегло,
И счастье опять отвратило чело
От рати иранской. Внезапно Бехрам,
Стремительно ринувшись к вражьим рядам,
Венец высоко поднимает копьем —
Два войска стоят в изумленье кругом.
Иранская рать ликованья полна:
Заветный венец отстояла она!
А сеча кровавая все горячей,
Все чаще удары булав и мечей.
Но вот уже, словно завесой густой, *
Вечерней окутался мир темнотой.
Из рода Гудерза лишь восемь пришли
В свой стан, остальные в бою полегли.
А Гив потерял двадцать пять силачей,
Казны и короны достойных мужей.
И семьдесят царь Кей-Кавус удальцов
Утратил — могучих, отважных бойцов,
К тому же и сына Ривниза: один,
Он стоил, прославленный, целых дружин!
А в стане туранском — бойцов девятьсот
Утратил Пирана воинственный род;
Три сотни семья Афрасьяба-царя
Оплакала, в пламени муки горя.
И все ж торжествует победу Пиран,
Безмерною радостью он осиян.
Тьма скрыла иранской дружины звезду,
Ей рок не победу судил, а беду.
Смешавшись, бегут вереницы бойцов,
Оставив и раненых, и мертвецов.
Угодно безжалостной было судьбе,
Чтоб рухнул скакун Гостехема в борьбе.

С копьем богатырским, в кольчуге стальной
Побрел он, шатаясь, как будто хмельной.
Бижен подоспел на подмогу ему,
А мир уж давно погрузился во тьму.
Сказал он: «Садись за моею спиной!
Ведь самый ты близкий мне, самый родной».
Помчались вдвоем, погоняя коня,
Во мраке, сменившем сияние дня.
Познав пораженья печаль и позор,
Бежала дружина к подножию гор.
А войско Турана сомкнуло ряды,
И ратники, бранной победой горды,
К шатрам, торжествуя, пускаются вскачь,
Чтоб новых на утро добиться удач.
Над станом иранским встал горестный стон;
Там каждый воитель, душой удручен,
Рыдал безутешно в пустынных горах
О близких своих, что повержены в прах.
Кто б мог изменить начертанья судеб?
То милостив их приговор, то свиреп.
Вертящийся свод не щадит никого,
И нет ни друзей, ни врагов для него;
Нас губит его нескончаемый бег,
Недаром трепещет пред ним человек!

[БЕХРАМ ВОЗВРАЩАЕТСЯ НА ПОЛЕ БИТВЫ ЗА СВОЕЙ ПЛЕТКОЙ]

Два стана затихли, объятые сном.
Средь ночи глубокой внезапно бегом
К отцу устремился Бехрам-удалец.
Сказал он: «О доблестный, славный отец!
Когда мне рассеять врагов удалось
И к небу копьем я корону вознес,

Упав, затерялась там плетка моя.
Пребуду навек опозоренным я,
Коль станут глумиться туранцы над ней.
Стал мир пред глазами эбена черней!
Я имя свое на ремне начертал —
Стерпеть, чтобы вражьей добычей он стал?*
Заветную плетку искать я готов,
Каких бы ни стоило это трудов.
Не дам я себя опозорить в веках —
Высокую славу повергнуть во прах!»
Ответил Гудерз на бехрамову речь:
«Сын, хочешь себя ты несчастью обречь?
Ужели за палку простую с ремнем
Погибнешь, сожженный драконьим огнем?»
Ответ был: «В роду и в дружине своей
Не выше, не лучше я прочих мужей.
Не раньше умрем мы, чем срок подойдет:
Тебя понапрасну забота гнетет!»
Гив молвит Бехраму: «Останься, мой брат.
Я множество плеток имею, и рад
Расстаться с любой. Хочешь новую взять:
Вся в золоте и серебре рукоять —
Отличная плетка! На диво прочна,
Алмазами, лалами блещет она.
Открыла заветный свой ларь Ференгис,
Просила: — Доспехами ты запасись! —*
Я взял только плетку да эту броню,
Лишь их из сокровищ туранских храню.
Другую мне царь Кей-Кавус подарил;
Вся в жемчуге, ярче небесных светил.
Пять плеток еще, изукрашенных сплошь,
В узорах алмазных — пышней не найдешь.
Все семь подарю я тебе: не ходи,
Зря спора кровавого не заводи!»

Но Гиву на то отвечает Бехрам:
«Сносить невозможно бесчестье и срам.
О пышных узорах ведете вы речь,
Я — в страхе: позору б себя не обречь!
Меня не удерживай, брат мой! Пойду —
Иль честь отстою, или мертвым паду!»
Так видно Йездан всемогущий хотел,
Таков был воителя горький удел!
Коль муж обречен беспощадной судьбой,
Безудержно, слепо стремится он в бой...
Помчался отважный, хлестнув скакуна,
Над полем сраженья светила луна.
Над павшими в битве он горько рыдал,
Всем сердцем он скорби живых сострадал.
Во прахе, в крови, в раздробленной броне
Ривниза он видит, и сердце в огне.
Над юношей храбрым рыдает Бехрам:
«Пал доблестный, горе великое нам!
Царевичи в светлых чертогах живут,
Ты ж — горсточка праха, и прах — твой приют!»
Широкое поле кругом обошел,
Всех братьев, погибших в сраженье, нашел.
Один был изранен жестоко, но в нем
Жизнь все еще теплилась слабым огнем.
Шаги услыхал он и стон испустил,
У витязя имя чуть слышно спросил
И молвил: «О доблестный, видишь, я жив.
Средь мертвых, все силы свои истощив,
Томлюсь на земле обнаженной два дня;
И голод, и жажда терзают меня».
Услышал, и горестью жгучей объят,
На помощь к несчастному кинулся брат,
От жалости плача, рубаху сорвал
И раны воителю перевязал.

«Не бойся,— промолвил он,— рана мала,
Да долго она без повязки была.
Ты в стан свой родной возвратишься теперь,
И рана твоя исцелится, поверь».
К спасению путь обещая найти,
Не ведал, что сам он собьется с пути...
Бойцу говорит он: «С тобой не прощусь.
Я тотчас, о брат мой, к тебе возвращусь.
Вчера, за корону Ривниза в бою,
Здесь на поле плеть обронил я свою.
Ее отыскав, прискачу за тобой,
Мы вместе вернемся в наш стан боевой».
До места сраженья Бехрам доскакал *
И плеть, после поисков долгих, сыскал.
Ее средь убитых, в крови и в пыли,
Воителя зоркие очи нашли.
Он спешился, плеть поднимает... Но вдруг
Послышался издали ржания звук.
Услышал скакун кобылицы призыв,
И, ржаньем ответным простор огласив,
К ней ринулся. Полон досады, боец
За ним устремляется вслед. Наконец,
Измучен,— в шеломе, в тяжелой броне —
Настиг, и опять богатырь на коне;
Его подгоняет, а тот не идет.
Конь взмылен, вогнало и всадника в пот.
Тут меч обнажив, разъяренный ездок
Вонзил в непокорного острый клинок
И пеший оттуда понесся назад,
Как будто он вихрю летучему брат.
А тел окровавленных столько вокруг,
Что вспомнишь усеянный маками луг.
В раздумье Бехрам: «Что постигнет меня
Здесь, в поле широком, без вихря-коня?»

Тем временем в стане туранских бойцов
Забили тревогу, и сто удальцов
Из ратной дружины примчались стремглав —
Бехрама к Пирану доставить, связав.
Воитель свой лук оснастил тетивой,
И хлынули стрелы, как дождь грозовой.
Продлился б тот ливень губительных стрел —
Едва ль хоть один бы из них уцелел.
Он витязей многих в той битве скосил,
Как тигр, нападенье врагов отразил.
В смятенье вернулись воители в стан,
И слышит от них предводитель Пиран:
«Ужасен воителя этого гнев:
Он, пеший, разит, словно яростный лев!»

[СМЕРТЬ БЕХРАМА ОТ РУКИ ТЕЖАВА]

Как только, примчавшись к вождю своему,
О битве бойцы рассказали ему,
Пиран содрогнулся; тревогой пронзен. *
Расспрашивать стал о воителе он.
«Откуда герой устрашающий тот
И как он себя меж бойцами зовет?»
Ответ был: «То тигров разящий Бехрам,
Он свет и отрада иранским бойцам».
Вождь молвит Руину: «Как вихрь, полети,
Бехраму от нас никуда не уйти.
Живым захвати ратоборца в полон,
И край от опасности будет спасен.
С собою возьми, сколько нужно, бойцов:
Он храбр и неистово биться готов».
Руин во всю мочь погоняя коня,
Помчался, злой умысел в сердце храня.
Руина бесстрашный Бехрам увидал,

И стрелам стремительным волю он дал,
Туранцев разил непрестанно, притом
Чело прикрывать успевая щитом.
Вот ранен Руин — разразилась беда.
Другие бойцы устрашились тогда,
Пристыжены крепко, душой омрачась,
К Пирану они возвратились тотчас.
Как вихрем колеблемый лист на суку,
Дрожит он, повергнутый в гнев и тоску.
Велит оседлать своего скакуна
И мчится. Душа возмущенья полна.
Приблизясь к Бехраму, сказал он: «Герой,
Зачем же ты, пеший, кидаешься в бой?
В Туране, когда с Сиавушем ты был,
Разумным и сдержанным мужем ты был.
Нам лучше хлеб-соли вкусить у меня,
Сдружиться, взаимных обид не чиня!
Ужели столь знатного рода боец,
Могучий, воспетый молвою храбрец
Погибнет и будет оплакан страной,
Оплакан своею семьею родной!
Готов заключить я с тобою, Бехрам.
Условье, какое желаешь ты сам.
Захочешь — мы вступим с тобою в родство,
Безмерно возвысишься после того.
Разумно ли жизнью своею играть?
Ведь пеший, один, не осилишь ты рать».
«О витязь,— Бехрам произносит в ответ,—
В душе у тебя справедливости свет.
Измучен и пищи лишен, и питья,
Три ночи, три дня ратоборствую я,
И все же сразиться готов я опять!
Но если коня согласишься мне дать —
Я тотчас к иранскому войску умчусь,

К Гудерзу, седому вождю возвращусь».
«О славный! — Пиран отвечает ему,—
Сам знаешь, нельзя совершиться сему.
Спасешься, когда ты за мною пойдешь.
Ты храбр, но упорствовать зря для чего ж?
Ужель согласится в дружине моей
С бесчестьем таким хоть один из мужей?
Ведь столько прославивших край храбрецов,
Князей венценосных, могучих бойцов
Ты ранил иль с жизнью в бою разлучил,
Их черному праху навеки вручил.
Кто ж ныне — коль он разуменьем богат —
Иранца простит и отпустит назад?
Но если не мысль о владыке, когда б
Не страх, что взъярится, узнав, Афрасьяб,
О витязь, тебе скакуна бы я дал,
И ты бы, вернувшись, отца увидал».
Так молвив, с Бехрамом расстался Пиран.
Задумчив, печален, вернулся он в стан.
К Пирану приблизился, мрачен, суров,
Могучий Тежав, сокрушитель слонов.
Расспрашивать стал и услышал в ответ:
«Бехраму средь витязей равного нет.
Я ласково встретил иранца того,
Ему и почет обещал и родство.
Не хочет и слушать герой ни о чем,
Он только тоскует о стане своем».
На это Тежав отвечает ему:
«С ним ласково речи вести ни к чему!
Он пеш. Скакуна я вдогонку пущу,
Настигну презренного, в пыль обращу!»
С дружиной помчался туда исполин,
Где витязь иранский шел пеший, один.
Приблизясь, копье богатырское он

Занес и взревел будто бешеный слон:
«Куда ты? Бежать от возмездья не тщись!
От конной дружины тебе не спастись.
Задумал вернуться в иранскую рать?
Вновь ратную славу задумал стяжать?
Тобой обезглавлены наши вожди,
Теперь от меня ты пощады не жди!»
Бойцам повелел он: «С мечами вперед!
Пускайте и стрелы и дротики в ход!»
И ринулись на храбреца одного
Сильнейшие витязи войска того.
Свой лук богатырь тетивой оснастил,
День ясный он стрелами в ночь обратил.
Но стрелы иссякли, разит он копьем —
Бушует кровавое море кругом.
Копье расщепив, он разит булавой.
Кровь льется, что ливень порой грозовой;
Той сече кровавой не видно конца,
Но стрелы изранили тело бойца.
Когда ослабел он, подкрался Тежав
И меч, за спиною воителя встав,
Занес, и Бехрама в плечо поразил,
Тот рухнул, лишившись сознанья и сил.
С могучей десницей расстался боец.
Не встанет он больше, сраженью конец!
Тежав содрогнулся, жалея о нем,
Охвачено сердце убийцы огнем,
В мозгу — клокотанье и гул, и злодей,
Стыдясь, отвернулся от жертвы своей.

[ГИВ УБИВАЕТ ТЕЖАВА В ОТМЩЕНЬЕ ЗА БЕХРАМА]

Уж ночь надвигается, Гив удручен,
О брате Бехраме тревожится он.
И слышит Бижен: «Утешенье души!
Мой брат не вернулся. Со мною спеши
На розыски. Дольше не в силах я ждать.
Ужель доведется над павшим рыдать?»
И оба воителя в путь собрались,
На поле сраженья, как вихрь, понеслись.
И долго, блуждая на месте войны,
Бехрама искали, смятенья полны.
Увидели, кинулись в горе, в слезах:
Лишившись десницы, повержен во прах
В крови утопающий, полуживой,
Воитель могучий, воспетый молвой.
Гив славный низвергся с коня, побледнев,
От боли взревел, словно раненый лев.
Донесся к Бехраму тот горестный зов,
Очнулся герой, украшенье бойцов,
И Гиву промолвил: «Боец удалой!
Как только сокроешь меня под землей,
Тежаву отмсти ты, о брате скорбя;
Ты — тигр, и быку не осилить тебя.
Пиран-предводитель со мною вступил
В беседу: когда-то мне другом он был.
И прочие, помня о дружбе былой,
Войны не искали; Тежав только злой
Булатом удар мне решился нанесть;
Презрел он и род мой и славу, и честь».
На этом бехрамова речь прервалась.
Гив реки кровавые пролил из глаз.
В свидетели он призывал небеса,

Днем светлым и темною ночью клялся:
«Доколь не отмщу за Бехрама, с главой
Моей не расстанется шлем боевой!»
И вот уж в седле разъяренный седок,
В руке у него закаленный клинок.
Меж тем, под покровом ночной темноты,
Спеша по дороге расставить посты,
Явился вдали предводитель Тежав.
Безмолвно, за повод коня придержав,
Воинственный Гив дожидался, пока
Отъедут бойцы от того ездока.
Сорвал он с луки богатырский аркан...
Мгновенье — и схвачен петлей великан.
Тут витязь аркан накрутил на луку,
Туранца стащил он с седла на скаку.
Простерт на земле побежденный Тежав.
Гив спешился; пленнику руки связав,
Вскочил на коня и летит, за собой
Врага волоча, словно он неживой.
Мольбою равнину Тежав огласил:
«О витязь, последних лишился я сил!
Что сделал тебе я, узнать был бы рад,
За что среди ночи низвергнут я в ад?»
Гив плетью раз двести Тежава хлестнул,
Промолвив: «Ты лучше уста бы сомкнул!
Презренный, тебе не избегнуть беды!
Посеял ты новое древо вражды,
Что к самому небу главу вознесет.
Кровь корни вспоила, возмездие — плод.
Бехрама в добычу себе захотел?
Увидишь, как черен твой будет удел *
За то, что Бехрам недвижимый лежит,
А Гив обездоленный горем убит!»
Ответил на это туранский боец:

«Ты — сокол, а я беззащитный птенец,
Но, право, Бехраму я зла не желал,
Не я заносил над отважным кинжал.
Я позже примчался, еще до того
Воители Чина убили его».
Гив молвит на это: «Замолкни, злодей!
Не верю я выдумке жалкой твоей».
И снова он скачет вперед, волоча
К страдальцу Бехраму его палача.
Примчавшись, воскликнул: «О брат мой, Бехрам!
За зло недостойному злом я воздам.
Творца всемогущего благодарю:
Дожить мне дозволил он, богатырю,
До мига возмездья: пусть ныне во прах
Убийца падет у тебя на глазах!»
Тежав продолжает стенать и взывать,
Он жизнь умоляет ему даровать.
«Таков был небес приговор роковой.
Что пользы меня разлучать с головой!»
К Бехраму воззвал, припадая к ногам:
«Помилуй меня, благородный Бехрам!
Весь век твою память я стану хранить
И стража твоей усыпальницы чтить».
И Гиву сказал благородный боец:
«Для всех, кто рожден, неизбежен конец.
Он дал в мое сердце вонзиться мечу,
И все же я смерти его не хочу.
Сей грешник, главу на плечах сохраня,
Пусть в мире добром поминает меня!»
Брат глянул: страдающий брат перед ним
И в путах тугих супостат перед ним.
Взревел он, Тежава за бороду взяв —
И, словно птенец, обезглавлен Тежав.
Тут слезы горючие пролил Бехрам;

Дивясь самовластного рока делам,
Воскликнул: «При свете дневном иль во мгле
Кто чудо такое видал на земле:
Кто б ни был повержен при мне или мной,
Убитый — мой ближний, он брат мой родной».
Замолк благородный, с душой разлучен...
Таков бытия непреложный закон. *
Коль жаждой величья и власти горишь,
Знай, руки не раз ты в крови обагришь:
Убьешь, или будешь убит. Если б мог
Ты быть вдалеке от тщеславных тревог!..
Гив горько заплакал, пеняя судьбе
И прахом главу посыпая себе.
Вот конь, на котором сражался Тежав:
Бехрамово тело к нему привязав,
Рыдая без удержу, громко стеня,
Гив, скорбью терзаемый, сел на коня.
Доставив убитого богатыря,
Его схоронил он как будто царя.
Мозг амброй и мускусом он уберег
От тленья, китайской тафтою облек.
На троне из кости слоновой боец,
Над бледным челом — драгоценный венец.
Багрянцем покрытая дверь заперта,
И нет уж Бехрама — исчез, как мечта! *
Оплакала рать, окружавшая склеп,
Воителя славного, жертву судеб.

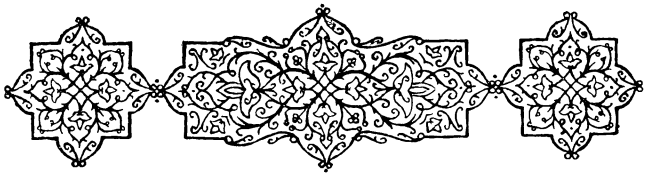
[ВОЗВРАЩЕНИЕ ИРАНЦЕВ К КЕЙ-ХОСРОВУ]

Лишь солнце над горною цепью взошло
И ясного дня заблистало чело,
Сомкнулся дружины рассыпанный строй,

Воители держат совет меж собой:
«Немало здесь наших легло храбрецов,
Покинут звездой предводитель бойцов.
В боях торжествует туранская рать,
Здесь нечего медлить, пора отступать!
Вернемся к владыке, окончив поход.
Посмотрим, что время еще нам пошлет.
Когда не стремится владыка к войне,
В бой рваться к чему же тебе или мне?
Отцы без сынов, сыновья без отцов,
А сколько несчастных, увечных бойцов!
Коль царь пожелает войну продолжать,
Пусть вновь снаряжает могучую рать.
Для брани и мщенья назад мы придем,
На горе и гибель врагов обречем».
На том порешили и двинулись в путь,
У каждого скорбью истерзана грудь.
Рыдает о брате утраченном брат,
И каждый печалью о близких объят. *
Их памяти честь воздавая хвалой,
Бойцы к Касеруду несутся стрелой...
Примчались туранцы, как ветер, быстры,
И видят: пусты боевые шатры.
И слышит известье Пиран, сын Висе:
Исчезли Ирана воители все.
Когда предводитель о том услыхал —
Лазутчиков тотчас окрест разослал.
Желанная весть подтвердилась, и вот
Избавил он дух от тревог и забот.
Возглавил дружину и с первым лучом
Примчался, и стан объезжает кругом.
В степи неоглядной, на склонах горы —
Куда ни посмотришь — повсюду шатры.
Добычу собрал и бойцов одарил,

Дивился изменчивой воле светил:
То в бездну низвергнут, то ввысь вознесут, *
То ласков привет их, то грозен их суд.
Не лучше ль сверкающий кубок вином
Наполнить и так проводить день за днем!..
Царю Афрасьябу спешит он послать
Известье: бежала иранская рать.
Он духом воспрянул от вести такой,
Обрел, наконец, долгожданный покой.
И рать Афрасьяба веселья полна.
Украсилась в честь победивших страна.
Встречают их ливнем монет золотых,
Все кровли и двери в покровах цветных.
Вождь рати царю возвестил торжество,
Щедротами царь осыпает его
И молвит, восславив питомца побед:
«Тебе средь воителей равного нет!»
Четырнадцать дней пировал Афрасьяб,
Звенели для витязей чанг и робаб.
И после того, торжеством осиян,
Решил восвояси вернуться Пиран.
Так щедро владыка его одарил,
Что ты от рассказа лишился бы сил.
Немало динаров и царских камней,
Уборов с алмазами ярче огней,
Арабских коней, золотых чепраков,
Сверкающих ножен, индийских клинков,
Венец и престол драгоценный, резной,
Ковчег, изукрашенный весь бирюзой,
Сосуд, затаивший дыханье духов,
Китайских рабынь и румийских рабов
Послал он Пирану, и много других
Пленяющих взоры даров дорогих.
С Пираном прощаясь, сказал властелин:

«Совет мой запомни, о друг-исполин!
Дружину заботы своей не лишай,
Себя мудрецами всегда окружай.
Ко всем рубежам, ограждающим край,
Почаще лазутчиков ты посылай,
Ведь царь Кей-Хосров — предводитель дружин,
Могучей, богатой страны властелин.
Род славный, величье, престол и венец —
О большем мечтать и не мог бы юнец!
Он может в Туран воротиться; о нем
Известия ты собирай день за днем.
Ростем ведь на страже Ирана — беда,
Коль помнить об этом не станешь всегда!
Другой нас не мог бы никто устрашить;
Он только и знает, что мстить и крушить.
Боюсь, не задумал бы витязь собрать
И двинуть на нас многомощную рать».
Склонился покорно Пиран пред царем:
Вождем был и родичем царским притом.
С владыкой простившись, на быстром коне
Понесся к Хотену, к родной стороне.
С ним войско, победно окончив поход,
Стремительно, радостно мчалось вперед.
На том о Форуде кончается сказ;
О битве с Камусом послушай сейчас.



[СКАЗ О КАМУСЕ КЕШАНСКОМ]

Во имя владыки небесных светил —
Не разум ли сердцу о нем возвестил?
Он мира создатель и правды оплот, *
Порока и кривды от смертных не ждет.
Он солнце зажег и Кейван, и Бехрам,
Он страх и надежду внушает сердцам.
Преследует душу сознанье одно:
Его мне достойно воспеть не дано.
Все сущее он, вездесущий, творит,
О нем даже след муравья говорит.
Все в мире — от блеска взошедшего дня
До воздуха, праха, воды и огня —
Тебе подтверждает творца бытие,
К нему приближает сознанье твое.
Йездана величье постигни: он чужд
Любых, искушающих смертного, нужд.
Не чает он благ, не страшится он зол.
Везир с казначеем, венец и престол
Йездану не надобны: и без того
Мы — слуги, покорные воле его.
Им созданы звезды, луна, небосвод
И дух, что к добру человека зовет.
Он милость и гнев, день и ночь сотворил,
И пищей, и сном он людей одарил,

Он властен над горем и счастьем твоим,
Тобою да будет он пламенно чтим.
Бессмертны деянья Ростема-бойца, *
Хранят о них память людские сердца.
Слонов боевых и чудовищ морских
Не встретишь — могучих и грозных таких.
И зоркость, и мудрость герою даны,
В нем доблести витязей воплощены.
Я битву с Камусом теперь воспою,
Оправлю предание в песню свою. *
Послушай дехкана премудрого сказ, *
От древних времен донесенный до нас.

[*Кей-Хосров хулит Туса*]

Бойцы с Фериборзом, главою дружин,
Гудерз престарелый и Гив-исполин,
Познав пораженье, покинув Туран,
В печали, в слезах возвращались в Иран.
Вот снова пред взорами горный Черем,
Келат и струящийся в долах Меем.
С Форудом припомнили витязи бой
И каются горько, да прок в том какой!
Их гнев властелина безмерно страшит,
Сознаньем виновности каждый убит.
Себя укоряя, палимы стыдом,
Вступили бойцы к повелителю в дом.
Его неповинного брата убив,
Короны и перстни врагам уступив,
С руками скрещенными, словно рабы,
Склонили к земле запылавшие лбы.
Рыдая от горести, мрачен, суров,
Взор гневный метнул и воскликнул Хосров,

К Йездану взывая: «Благой судия!
На трон возведен не тобою ли я? *
Ты видишь и дальше меня, и ясней,
Карать я не смею без воли твоей,
Не то среди площади в этот же миг
Я б тысячу виселиц грозных воздвиг,
Казнить бы презренного Туса велел
И прочих постиг бы такой же удел.
О павшем отце сколько пролил я слез!
От гнева и горести сердце рвалось.
К двойному сегодня я мщенью стремлюсь:
Лишь смерти достоин неистовый Тус!
Сказал я: не езди дорогою той,
Хотя б над Черемом лил дождь золотой!
Там царствует с матерью славный Форуд,
Чью доблесть повсюду воители чтут.
Кто Тус недостойный, куда свою рать
Ведет он — откуда царевичу знать!
Завяжется бой, без сомненья, в горах,
И многих царевич повергнет во прах...
Но ярый безумец, не знаю зачем,
С дороги свернул, устремился в Черем.
За то покарал и его и бойцов
Создатель. Отныне своих удальцов
Оплакивать старый Гудерз обречен.
И Тус, и литавры злодея, и слон
Да сгинут, из памяти стершись людской!
Не нужен войскам предводитель такой! *
Я щедро его, одарил, наградил,
И что ж?— Против брата на брань отрядил!
Владетель меча, боевой булавы,
Пал доблестный сын Сиавуша, увы!
Повержен вослед за родителем сын,
И кем?— Предводителем наших дружин!

Кто в мире грязней и презренней, чем Тус?
Оков и тюрьмы заслужил он, клянусь!
И чести и разума низкий лишен,
Поганому псу уподобился он!»
Жгла сердце Хосрову и гибель отца,
И жажда отмщенья за брата-юнца.
Кровь сердца струилась из скорбных очей,
Вождей провинившихся рати своей
Прогнал он, не стал допускать до себя,
О брате утраченном тяжко скорбя.
Великой печалью объяты мужи,
Вступают к Ростему в палаты мужи
И молвят: «Небесный то был приговор.
Кто ждал, что с Форудом завяжется спор!
Внезапно затмились от гнева умы,
Ведь мертвым Зереспа увидели мы,
Пал доблестный Рив — предводителя зять...
Каких только бед не пришлось нам узнать!
Не знали мы имени богатыря,
Не думали в горе повергнуть царя.
Его умоляй: да простит он бойцов
И с ними не будет отныне суров!
В сраженье погиб и другой властелин,
Кавуса последний возлюбленный сын
Ривниз, затмевавший сиянье луны,
Герой, закаленный в горниле войны.
Таков неизбежный сражений конец:
Гроб ждет одного, а другого — венец».

[*Кей-Хосров прощает иранцев*]

Вот солнце весь мир позлатило, и ночь,
В борьбе побежденная, кинулась прочь.
Слышны голоса у дворцовых ворот:

«К престолу владыки Могучий идет!»
И слушает царь увещанья бойца:
«О гордость престола, надежда венца!
Прогневали Тус и дружина тебя;
Даруй им прощенье, Ростема любя!
Вождя довела до безумия боль:
Утратить и сына, и зятя легко ль!
Нрав Туса, ты знаешь, несдержан и яр,
К тому же постиг его тяжкий удар —
Пал юный Зересп у него на глазах,
Отважный Ривниз был повержен во прах,
И гнева не смог исполин укротить.
Ему, о владыка, не следует мстить!
Быть может, не знали Форуда: ведь он
Еще не являлся к царю на поклон.
Не гибнет никто раньше времени, знай.
Ты горестью душу свою не терзай!
Муж сам ли угаснет, иль в битве падет,
От смерти он, как ни хитри, не уйдет!»
Хосров отвечает: «Свершенное зло,
О доблестный, сердце мое потрясло.
Горюя о брате, лишился я сил,
Но дух наставленьем ты мне исцелил».
Так вымолвил царь, и, склонившись затем,
Дворец властелина оставил Ростем...
Блестящие копья из тьмы вознеслись,
Торопится солнце в небесную высь;
И прорван покров темно-синий, и лал,
Красой ослепляющий взор, запылал.
Вождь рати предстал пред владыкой своим,
И Гив, и другие воители с ним
Явились. Хвала у вождя на устах:
«Весь век благоденствуй, о доблестный шах!
Всю землю подножьем престола считай,

Равно с небесами величьем блистай!
Я тяжкой виною своей удручен,
Я горьким уделом своим омрачен.
Терзает меня пред владыкою стыд
И душу содеянный грех тяготит.
О славном Форуде, Зереспе родном
Горюю, палимый жестоким огнем.
Пусть больше других я виновен мужей —
Нет меры зато и печали моей!
Скорбит о Бехраме и Риве душа...
Верь, жизнь для меня не дороже гроша!
Когда прощены мы — и я, и мужи —
Ты милость великую мне окажи,
Дозволь, чтобы плечи расправил я вновь,
Смыв подвигом славным бесчестье и кровь.
Труд ратный один на себя возложу,
Паду иль победу в бою одержу.
Венец и престол позабуду, с челом
Моим неразлучен отныне шелом!»
Той речью доволен владыка, и зла
Не помнит он, темная туча ушла.
Он Туса в Туран согласился послать, *
С ним грозных слонов и литавры, и рать.
И долго еще совещался о том
Владыка с вождями, с могучим бойцом.
С мужами другими простился сперва,
А после с Ростемом державы глава.

[*Кей-Хосров посылает Туса в Туран*]

Блеснула, сиянием землю даря,
В изгибе небесного лука заря.
Распахнута дверь озаренных хором,

Вождь рати с мужами предстал пред царем.
Сказал властелин: «Вековечной вражды
Не скрыть, не стереть роковые следы.
Тур с Сельмом вначале войну разожгли,
Отмстил им владыка иранской земли —
Герой Менучехр, и не знала страна
Позора, в крови не тонула она.
А ныне Гудерза почтенного дом
Столь многих лишен, что кровавым жгутом
В Иране и дол опоясан, и склон;
По краю немолчный разносится стон.
Скорбят неутешно о павших во прах
И в воздухе птицы, и рыбы в водах.
Иранцы, покинув Турана предел,
Немало безглавых оставили тел.
У вас на уме лишь веселье одно,
Не жаждою мщения сердце полно!»
И руки покорно скрестив на груди,
Пред ним, солнцеликим, склонились вожди:
И Тус, и Гудерз, и Роххам, и Горгин,
Зенге, Шаворана прославленный сын,
Бижен, и Хоррад, и воинственный Гив.
В смущенье, смиренно глаза опустив,
Мужи восклицают: «Ирана глава!
Отвагою ты устрашил бы и льва.
Готовы мы прах целовать пред тобой,
Готовы исполнить приказ твой любой.
Пошлешь на войну — под началом вождя
Сразимся мы, жизни своей не щадя.
Погаснут скорее и солнце с луной,
Чем мы опозоримся новой виной!»
Тут Гива к себе подозвал властелин,
С почетом усажен на трон исполин.
Ласкает Хосров, восхваляет его,

Обильем даров наделяет его
И молвит: «Служить мне всегда ты готов,
Наград не прося, не жалея трудов.
Не следует Тусу, без толку ярясь,
В сраженье кидаться, тебя не спросясь.
Припомни как, в руки попавшись врагам,
Погиб раньше срока отважный Бехрам.
Сам смерти навстречу в тот горестный час
Он ринулся, вечного срама страшась».
Дирхемы велел принести для бойцов *
И с Тусом беседовал долго Хосров.
Но вот уже войско готово в поход,
Избавлено сердце вождя от забот.
И утро благое, чтоб вывести рать,
Светила его научили избрать.
Тус к шаху явился; вождю вручены
Иранское знамя, литавры, слоны.
Владыка напутствует Туса тепло.
Клич грянул, и ржание даль потрясло;
Пыль тучею встала от конских копыт,
Труба боевая призывно звучит.
От стяга Каве, от булатных кольчуг
Все мраком лиловым окуталось вдруг.
Сказал бы ты: солнце — в пучине морской,
А небо и звезды ушли на покой.
Шагает **в** убранстве сверкающем слон,
На нем бирюзою блистающий трон,
На троне — Хосров с булавою своей,
В поход провожающий ратных мужей.
С владыкой Ирана расставшись, полки
Без отдыха мчались до Шехда-реки.

[*Переговоры Пирана с иранским войском*]

Гонец верховой, легче ветра помчась,
Пирану известье доставил тотчас:
«Иду я войною! Над Шехдом-рекой
Шатры уж раскинул мой стан боевой».
Пиран омрачился: ужель не сдержать
Врага, и бесславно придется бежать?
В путь выступил вождь и за ним храбрецы,
Туранской земли удалые бойцы —
Спешили взглянуть, велико ли число
Иранцев, и витязей много ль пришло?
И вот уж войска за рекою видны,
Державное знамя, литавры, слоны.
Рать выстроив, издали Туса Пиран *
Приветом встречает; к иранцам во стан
Примчался владеющий словом посол
И речь от Пирана такую повел:
«Хосрову и царской вдове Ференгис
Немало я сделал добра, согласись.
Казнен Сиавуш был, рыдал я о нем,
Печалью палимый и ночью, и днем.
Дарил я бальзам, а достался мне яд;
Творил я добро, мне же беды грозят».
Был тронут, услышав такие слова
Тус-витязь, иранской дружины глава.
«В душе у тебя да затеплится свет! —
Посланцу он молвит.— Пирану в ответ
Скажи: коль правдивые речи ведешь,
С тобою мне в битву вступать для чего ж?
Легко преградишь ты опасности путь:
Вдали от кровавого спора пребудь!
К Хосрову без войска явись, и тебя

Щедротами вмиг он осыплет, любя.
Иранским вождем он тебя наречет,
Добудешь и княжий венец и почет.
Умеет он благодеянья ценить,
Тебе не захочет страданья чинить».
И так же Гудерз и воинственный Гив
Ответили, речи вождя подтвердив.
Помчался посол, огневого коня
И ночью и днем что есть мочи гоня.
Примчавшись, вождя и Гудерза наказ
Пирану-вождю передал он тотчас.
Пирана ответ был: «И ночью и днем
Я славлю царя, вспоминаю о нем.
Отправлюсь я — родичей с места поднять,
Желающих голосу разума внять.
Иран назову я отчизной моей:
Мне жизнь — и венца, и престола милей!»
Но сердцем от этого был он далек —
Искал одоленья, оттягивал срок.

[*Афрасиаб посылает войско к Пирану*]

Известье Пиран, возглавляющий строй,
Послал Афрасьябу ночною порой:
«Кимвалов иранских разносится гром,
С Гудерзом и Гивом, и Тусом-вождем
Нагрянуло войско. Поймал я врагов
В силки назидательных вкрадчивых слов.
Пришли мне дружину бойцов удалых,
На славу попотчуем недругов злых!
На стан их нежданной грозой налетим,
Их землю набегом в пустырь обратим.
Иначе — за смерть Сиавуша-царя

Мстить будут нам вечно, враждою горя».
Владыка встревожась от этих вестей,
Призвал предводителей рати своей,
Пирана-вождя передал им слова.
Окончен совет, и Турана глава
В поход снаряжает столь мощную рать,
Что солнцу уж сумрак невмочь разогнать.
Нет воинам счета, не видно земли.
В пути девять дней и ночей протекли.
Примчались к Пирану; им вождь раздает
Динары, и войско выводит в поход.
Обет примиренья коварно поправ,
Он к Шехду с бойцами несется стремглав. *
С известьем дозорные к Тусу пришли:
«Кимвал водрузить на слона повели!
Одну только ложь говорил нам Пиран:
Страшась пораженья, задумал обман.
Уж виден вождя вероломного стяг,
Уж войско вдоль берега выстроил враг».
И Тус-предводитель, к сраженью готов,
С кимвалом на поле выводит бойцов.
Сошлись, двум горам необъятным подстать,
Иранская рать и туранская рать.
Чуть виден за пылью небесный кристалл —
Так пламень бы в водной пучине мерцал.
Секиры и копья сверкают в пыли —
Сказал бы, тюльпаны вокруг расцвели.
Мелькание шлемов, щитов, кушаков,
Украшенных золотом... Блеск их таков,
Что кажутся тучей они золотой,
Заспорившей вдруг с темнотою густой.
Бойца булавой поражает боец —
Так молотом бьет в наковальню кузнец.
Ты скажешь, вина заструилась река,

А копья встают, как стена тростника.
Немало арканами схвачено шей,
Немало зарублено славных мужей.
Ты саваном панцири их назови,
А ложе им — прах, обагренный в крови.
Во мраке эбеновом пурпур цветет
И грохот кимвала летит в небосвод.
Венец ли добыть меченосцу дано, *
Погибнуть ли в жарком бою суждено,
Пить мед иль отраву — различия нет:
Покинет он — рад иль не рад — белый свет.
Для блага иль зла мы из жизни уйдем —
Не знаем, но плачем при мысли о том.

[*Битва Туса с Эрженгом*]

Эрженга Туран восхвалял, ездока,
Чья слава, как небо, была высока.
Пыль тучей вздымая, Эрженг-исполин
Соперника ждет из иранских дружин.
Лишь всадника издали Тус разглядел,
Клинок обнажил он и грозно взревел.
Сын храбрый Зереха услышал: «Скажи
Мне имя, сородичей мне укажи!»
Ответ был: «Эрженг я, чей гибелен гнев,
Воинственный, страха не знающий лев.
Прах тотчас я кровью твоей орошу,
Без жалости войско твое сокрушу.»
Угрозой противника Тус пренебрег, *
Рукой богатырскою острый клинок
Занес над главою противника он,—
Ты скажешь, безглавым Эрженг был рожден!
Смутились туранцы: другой ни один
Сразиться с вождем не дерзнул исполин.

Тогда занесли булавы и мечи
Герои Турана, бойцы-силачи,
Друг другу кричат, словно львы разъярясь:
«Все разом мы станем разить в этот раз!
В бой ринемся, страх на врагов наводя,
В глазах потемнеет у Туса-вождя!»
Но молвил Хуман: «Нынче в бой не пойдем,
И вы, храбрецы, не тужите о том!
Коль мужа, который бесстрашен и лют,
На поле сраженья иранцы пошлют —
Соперника вышлем навстречу ему,
Увидим, судьба улыбнется кому.
Нам первым не должно на них нападать,
Разумней теперь на спешить — выжидать.
Когда же иранский поднимется стан
И грянет у ставки вождя барабан,
Тогда, ухватив рукояти булав,
Подальше от берега место избрав,
Нагрянем, и пусть разгорится борьба,
И нам да помогут творец и судьба!»

[*Битва Хумана с Тусом*]

И вот уж Хуман разъяренный в седле —
Ты скажешь: летит богатырь на орле.
С Эльборзом-горой под покровом брони
Иль с башней железной его ты сравни.
Оставив дружину, вперед он летит,
Секира в руке богатырской блестит.
Навстречу, исполнившись жаждой борьбы,
Тус ринулся яро при звуках трубы.
Презрительно Тус восклицает: «Так вот
Твой отпрыск, Висе злополучного род!
Повержен был мною Эрженг-исполин,

Сильнейший из витязей ваших дружин.
Ты мстить за него собираешься мне,
С секирой примчавшись сюда на коне!
Главою иранского шаха клянусь:
Без панциря, шлема и палицы Тус
Средь поля сейчас на тебя налетит
Злей горного тигра, что жертву когтит.
Узнаешь, каков исполина удар,
Когда нападу я, неистов и яр!»
Тут слово ответное богатыря
Послышалось: «Полно, бахвалишься зря!
Пускай одного ты бедняжу легко
Осилил — не мни о себе высоко.
Эрженга припомнил! Ему ли со мной
Равняться? Я хваткой владею стальной.
Воители ваши не знают стыда,
Течет у них в жилах не кровь, а вода!
Иль сил недостало у тех воевод,
Что в бой вместо них предводитель идет?
Где Гив и Бижен, украшенье дружин,
Где славу стяжавший Гудерз-исполин?
Возглавлена войска средина тобой —
Зачем безрассудно стремишься ты в бой?
Мудрец как чужого тебя отметет,
Разумный тебя одержимым сочтет!
Вернись, предводитель, под знамя Каве,
Тебе ли сражаться — дружины главе!
Найди награжденного шахом бойца,
Такого, что княжьего ищет венца;
Пусть он в удалой поединок идет,
Искусством искуснейших здесь превзойдет!
Ведь если повержен ты будешь — беда
Воителей ваших постигнет тогда.
Дружина, оставшись безглавою вдруг,

Погибнет иль тяжких натерпится мук.
В Иране я после Ростема-бойца
Не знаю другого, как ты, храбреца.
Цари миродержные — предки твои,
Один ты выигрывать в силах бои.
Правдивому слову внемли моему,
В свидетели душу и сердце возьму:
Любой из мужей, закаленных войной,
Страшится вступить в поединок со мной».
Но Тус восклицает: «Прославленный муж!
Я вождь, но и мощный воитель к тому ж.
Ведь рать и тобой, именитым, горда —
Зачем же сражаться пришел ты сюда?
Коль хочешь совету разумному внять,
Коль дружбу мою согласишься принять —
С Пираном, главою отважных, вдвоем
Предстать поспеши пред иранским царем.
Доколе не будет в бою сметена *
Туранская рать — не утихнет война.
Словами моими страшись пренебречь,
Чтоб участи горькой себя не обречь!
Пусть в бой против нас устремляется тот,
Кого по заслугам возмездие ждет;
Пролившие кровь, да погибнут они!
Ты к голосу разума слух преклони.
Мне тот повелел, кем возглавлен Иран:
—Не должен в сраженье погибнуть Пиран!
Я тем добродетельным мужем любим,
Кормильцем, наставником был он моим.
С ним в битву не рвись; все усилья к тому
Направь, чтоб совету он внял твоему».
Туранец на это промолвил в ответ:
«Царю своему — будь он прав или нет —
Во всем повинуется каждый из нас:

Священный закон — властелина приказ.
Пиран воевать против воли пришел;
Велик он душою и сердцем не зол».
Меж тем как воителя Тус убеждал,
Гив гневный, лицом пожелтев, как сандал,
Примчался, всклубив темной тучею прах.
«О Тус именитый!— вскричал он всердцах.—
Коварный воитель туранской орды,
Что гневом пылая покинул ряды,
О чем это втайне так долго с тобой
Толкует? Когда же начнете вы бой?
Не вздумай искать примирения! Меч
Один пусть ведет с неприятелем речь!»
Хуман, к удальцу гневный лик обратив,
В ответ восклицает сурово: «Эй, Гив,
Из витязей-персов злочастнейший перс!
Да сгинешь и ты, и отец твой Гудерз!
Давно ли в Ладене ты видел меня?*
С индийским булатом вскочив на коня,
Разя без пощады в кровавом бою,
Гошвадову всю истребил я семью.
Как лик Ахримана, твой век омрачен,
И в доме твоем — несмолкаемый стон.
Пусть буду я Тусом в сраженье убит —
Ужели кимвал боевой замолчит?
Отмстят за меня Афрасьяб и Пиран —
Грозой на иранский обрушатся стан!
Но если я Туса повергну сейчас,
Ирана никто не увидит из вас.
Ты здесь пререкаешься с Тусом-вождем —
О брате бы лучше лил слезы дождем!»
Тус молвит Хуману: «Кичиться к чему?
На поле борьбы горячиться к чему?
Морщинами гнева изрезав чело,

Сойдемся! Сразиться нам время пришло».
«Что ж,— слышит он,— смерть предназначена всем!
Царю и герою, носящему шлем.
Коль время угаснуть по воле судьбы —
Не лучше ль погибнуть на поле борьбы
От мощной руки удалого бойца,
Искусного в битве вождя-храбреца!»
Сжав тяжкую палицу мощной рукой,
Тут стал нападать то один, то другой.
Земля задрожала, и солнечный день
Внезапно окутала мрачная тень.
Ночь будто нависла над полем, исчез
Лик солнца, не видно высоких небес.
Бьют, лязгают палицы, сделалось вдруг
Железо — что Чача изогнутый лук. *
Как в бурю, река взволновалась, металл,
Казалось, уже в небесах грохотал.
От этих ударов и смерть задрожит.
Сказал бы: не головы в шлемах — гранит.
Огонь высекая, гранит и булат
Сшибаются. Вот уж мечами разят
Соперники. Сила их столь велика,
Что вдребезги оба разбились клинка.
Уста пересохли. В поту и пыли,
Бойцы к рукопашной борьбе перешли.
Но сколько ни гнут, упершись в стремена,
Не клонится долу глава ни одна.
Вот лопнул Хумана кушак, и с коня
Он спрыгнул, его на другого сменя.
Тус руку тогда в свой колчан запустил,
И лук тетивою тугой оснастил.
Посыпался стрел сокрушительный дождь,
Их яростно шлет во все стороны вождь.
По воздуху носится перьев орла

Так много, что солнце окутала мгла.
А стрел наконечники на поле том,
Как будто алмазы во мраке ночном.
Пал, раненный насмерть пернатой стрелой,
Хумана-воителя конь удалой.
С ним рухнул боец, но поднялся потом,
От гибельных стрел прикрываясь щитом.
Бойцы верховые туранских дружин.
Увидя, что спешен Хуман-исполин,
Что поле сраженья покинуто им,
К нему поспешили с конем боевым.
В тузийском седле очутившись, ездок *
Сжимает индийский булатный клинок.
Но тут меченосцы туранских дружин
Воителя стали просить, как один:
«Довольно, о доблестный! Близится ночь,
Сегодня уж больше сражаться невмочь».
И внял им Хуман. Вот он в стане своем.
Приветствует брата воздетым копьем
Пиран. Оглашается кликами стан:
«Да здравствуешь, доблестный витязь Хуман!
Во прах да повергнешь врага своего, *
Да будет уделом твоим торжество!»
Воители просят: «Скажи, не тая,
Чем с Тусом окончилась битва твоя?
Кто ведает, кроме благого творца,
Как наши тревогой терзались сердца!»
И слышен Хумана ответ: «Удальцы,
В боях закаленные други-бойцы!
Ночь минет — нам день улыбнется тогда.
Для нас засияет победы звезда,
Великое вас ликование ждет,
Мне счастье ниспослано будет с высот!»
А в стане иранском воинственный Тус

Не спал до зари, возглашая: «Клянусь,
В бою не Хуману сравниться со мной,
Лишь тигру под силу сразиться со мной! *
Надвинулся вечер, в агатовой тьме *
Рассыпало небо свои шемаме.
И стража у каждого встала шатра,
И конным дозорам не спать до утра.

[*Второе сражение иранцев с туранцами*]

Вот солнце в созвездии Рака взошло, *
И мир побелел, как румийца чело.
У ставок обеих кимвалы гудят,
И слышен трубы громозвучной раскат.
Стемнело вокруг от знамен боевых —
Лиловых, багровых, стальных, голубых.
Сверкают в руках булавы и клинки.
Готовы уж ринуться в бой седоки.
Весь мир от земли до седых облаков,
Казалось, оделся в железный покров.
От пыли, конями вздымаемой, мгла
Лик солнца завесой густой облекла.
Ржут кони, грохочет огромный кимвал:
То небо обрушилось, ты бы сказал!
С блестящей секирой глава силачей —
Хуман предстает пред дружиной своей
И молвит: «Как только помчусь я, крича,
Подобного вихрю коня горяча —
Пусть каждый, булат с булавою схватив,
Щитом из Китая чело защитив,
К поводьям пригнувшись, помчится вперед!
Ни копий, ни стрел не пускайте вы в ход,
Лишь сталью мечей и железом булав
Разите, как учит могучих устав.

И каждый пусть бросит поводья, готов
Удары встречать, нападать на врагов».
Так молвив, Хуман, исполинов глава,
К Пирану понесся стремительней льва.
«О витязь,— воинственный брату сказал,—
Открой поскорее заветный подвал.
Расстанься с казною богатой своей,
Доспехов, оружья бойцам не жалей.
Коль наша дружина в бою победит,
Нас небо щедротами вознаградит».
А в стане иранском Тус храбрую рать
Построил — фазаньему оку подстать.*
Мужи славословьем встречают его,
Храбрейшим бойцом величают его:
Ведь он победил во вчерашней борьбе,
Хумана обрек незавидной судьбе.
Гудерзу сказал возглавляющий рать:
«На правду глаза нам нельзя закрывать.
Коль выведу в поле дружину свою,
Нас полчища вражьи осилят в бою.
Во прах упадем, умоляя творца,
От зла и гордыни очистив сердца,—
Быть может, всевышний протянет нам длань,
Иначе — грозит нам погибелью брань.
Обутые в злато с тобой во главе
Пусть ныне пребудут под стягом Каве.
Сегодня спускаться не следует с гор,
Вступать нам не время в воинственный спор.
Две сотни врагов на бойца одного —
Ужели в сраженье нас ждет торжество?»
Ответил Гудерз: «Коль захочет — от нас
Несчастье Йездан отвратит в этот час.
Не в численном, знай, превосходстве тут суть.
В воителей должно надежду вдохнуть!

А если погибнуть назначил нам рок —
Поверь, не продлим осторожностью срок.
Построй же, как должно, для битвы войска,
Пусть душу твою не терзает тоска».
Тус войско в порядке повел боевом.
С кимвалом, слонами мужи за вождем
Помчались. За гору обоз отошел,*
Строй правый Гудерз именитый повел.
На левом крыле повели храбрецов
Горгин и Роххам, украшенье бойцов.
Грохочет кимвал, трубный слышится стон,
Сказал бы ты, купол небес потрясен.
Растерзано сердце вертящихся сфер,
Лик солнца от пыли туманен и сер;*
Такою громадой она поднялась,
Что ратное поле сокрыла от глаз.
Мечи и шеломы огнями горят,
Ты скажешь,— алмазный посыпался град.
Не счесть смертоносных булав и клинков
В руках у вождей и простых ездоков.
Скажи: вся земля из копыт или лат,
А воздух — железо и медь, и булат.
Кровь морем простор затопила, мечи
Блистают, как факелы, в темной ночи.
Всех медь оглушила, гремя и трубя,
От шума бойцы уж не помнят себя.
Гудерзу сказал предводитель тогда:
«Удачи моей угасает звезда.
Недаром предсказывал мне звездочет:
Сегодня, полночи едва протечет,
Обильнее тучи нагрянувшей, вновь
Прольется иранских воителей кровь.
Страшусь: принесет нам несчастье война,
Победа враждебным войскам суждена».

Но Гив и Роххам, Гостехем и Ферхад,
Шейдуш и Борзин, и отважный Хоррад
Помчались вперед, возмущенья полны,
Безудержной жаждою мщенья полны.
Раздался воинственных возгласов гром.
Что лютые дивы, во мраке густом
Навстречу несется воителей строй,
Хуман возглавляет их, сходный с горой.
Мечи и секиры, и палицы сплошь:
Где повод, где стремя — уже не поймешь.
Храбрейших бойцов из обеих дружин
Избрали, чтоб биться один на один.
С Нехелем сын Гива, герой Горазе,*
Два витязя мощных, подобных грозе.
Роххам с Фершидвердом, отважен любой;
С Леххаком Шейдуш бурно ринется в бой.
С кипучим Биженом — бесстрашный Гольбад,
Тот — вихрю степей, этот пламени брат.
Шидрох против Гива — воинственный вождь,— *
Прославлены в мире их доблесть и мощь.
С Пираном — Гудерз, против Туса — Хуман;
Нет места уловкам, отвергнут обман.
Хуман возглашает: «На поле войны
Не так, как вчера, мы сразиться должны:
Сегодня и след их должны мы стереть,
Чтоб с нами тягаться не вздумали впредь!»
Вот Тус-предводитель выходит вперед,
С литаврами пешее войско ведет;
Пред конницей встав, у передней черты
Построились; копья у них и щиты.
«Не двигайтесь,— учит он войско свое,—
Пусть каждый поднимет и щит и копье!
Увидим, у них каковы удальцы,
Как в битве разят булавою бойцы».

[Туранцы колдуют
над иранской ратью]

Туранец Базур жил в ту пору, молва
Гремела о силе его колдовства.
К злым чарам тайком прибегать он привык,
Знал Чина язык, пехлевийский язык.
И слышит волшебник Пирана приказ:
«На гору подняться ты должен сейчас.
Колдуй, заклинай, а заклятия цель —
Наслать на иранцев мороз и метель».
И вот на вершину взошел чародей,
И стужа иранских бойцов и вождей
Сразила. Напрасно грохочет кимвал —
Злой холод воителям руки сковал.
Средь снежного ада клич ярый взгремел,
Посыпался ливень губительных стрел.
Туранцам Пиран повелел наступать,
И ринулась грозной лавиною рать.
Пред ней беззащитны иранцы в бою:
У каждого руки примерзли к копью.
Тут с яростным воплем, как злой Ахриман,
Примчавшись, напал на иранцев Хуман.
Казалось, кровавое море текло,
Так много иранских бойцов полегло.
Повсюду лежат недвижимы они,
Снег с кровью смешался. Куда ни взгляни —
Сугробы и груды поверженных тел.
Стал тесен для воинов поля предел.
Тут к небу высокому руки с мольбой
Простерли иранцы и вождь боевой:
«О ты, вознесенный над знаньем людским!
Все видишь, хоть сам ты для смертных незрим!
Рабы твои слабые, грешные мы,

Взываем к тебе, неутешные, мы.
Над лютою стужей и жарким огнем
Ты властен: смиренно мы помощи ждем!
Лишь ты к избавлению знаешь пути,
Других избавителей нам не найти!»
Тут сведущий некий воитель призвал
Роххама, и место ему указал,
Где злобный Базур колдовал той порой,
Сокрывшись от глаз за крутою горой.
И поле сраженья покинув, Роххам
Помчался стремительно к тем высотам,
Кольчугу свою подвязал и взошел
На гору. Виновник страданий и зол,
Роххама на круче завидев едва,
В бой ринулся грозно. Его булава,
Из стали китайской, готова крушить.
Меч острый Роххам поспешил обнажить
И руку отсек чародею. Тотчас
Грозящая смертью метель улеглась,
Очистилось небо от гибельных туч.
Иранский воитель, удал и могуч,
С добычей своею — рукой колдуна,
Спустился в долину, погнал скакуна.
Как будто ни вьюг не бывало, ни бурь;
Вновь солнце сияет и блещет лазурь.
Отцу он поведал о злом колдуне,
Что мукам обрек их в кровавой войне.
Взирают иранцы, печали полны:
Их кровью затоплено поле войны.
Завален широкой равнины предел
Телами без глав, головами без тел.
Гудерз предводителю Тусу сказал:
«Теперь не нужны ни слоны, ни кимвал.
Пусть каждый сразится булатным мечом:

Иль будем убиты, иль их перебьем.
Что проку от луков, арканов и стрел?
День гибели нашей, как видно, приспел!»
Ответ был: «О доблестный, видевший свет!
Ненастья и вьюги уж более нет.
Помог нам создатель, воспрянула рать.
К чему же на гибель себя обрекать!
Не должно идти в наступленье теперь:
На нас нападут они сами, поверь.
Ты здесь оставайся у войск во главе,*
С мечом закаленным, под стягом Каве.
На правом крыле Гив с Биженом пойдет,
А левое пусть Гостехем поведет.
Пред войском помчатся Роххам и Шейдуш,
Еще Горазе, многодоблестный муж.
Коль в этом сраженье мне смерть суждена,
Дружина с тобою вернуться должна
К владыке. Не лучше ль главу мне сложить,
Чем сдаться врагу, обесславленным жить!
Влекомый тщетою, о доблестный, сам
В тиски сгоряча не кидайся к врагам.
Мир полон страданий и бед, оглянись;
За блеском все новых побед не гонись.
Страданья в грядущем доставят они
И веку тебе не прибавят они».
Вновь слышен кимвала воинственный зов,
Бой гонгов и труб оглушительный рев.
Вновь клики бойцов распаленных звучат,
Бряцают мечи и секиры стучат.
От копий и стрел, и булав — темнота,
Ты скажешь, смолою земля залита.
Голов окровавленных груды кругом
И палиц немолчный разносится гром.
Мрак черный иранцев звезду поглотил,

Их в бегство бесславное враг обратил.
Лишь Тус и Гудерз, многодоблестный муж,
Гив храбрый с Биженом, Роххам и Шейдуш
Да горсть окружающих Туса мужей,
Героев прославленных, знатных вождей,—*
По-прежнему бьются, отваги полны.
Искатели славы на поле войны
Льют кровь неустанно, их гнев не утих,
Но войско бежало, покинуло их.
Тогда предводителю некий мобед
Сказал: «Оглянись, уж воителей нет.
В кольце очутившись, от вражьей руки
Погибнуть не должен ведущий полки».
Тус Гиву отважному молвил тогда:
«Знать, разум у войска отшибла беда!
Воители, с поля трусливо умчась,
Врагам на расправу оставили нас.
Скачи, да напомни им, гневен, суров,
О чести царя, о насмешках врагов».
И Гив обратившимся в бегство бойцам*
На поле вернуться велит. Беглецам*
Сказал с укоризной дружины глава:
«Так вот ваша доблесть в бою какова!
Но лик светозарного дня потемнел,
В крови утопает равнины предел,
Для отдыха должно приют отыскать,
Коль нам суждено в эту ночь отдыхать.
Негоже в степи оставлять мертвецов,
Из праха под ними воздвигнем мы кров».
Рыдая, стыдом и печалью полны,*
Иранцы покинули поле войны.

[*Иранцы уходят на гору Хемавен*]

Вот месяц над горной вершиной взошел,
Как царь-победитель на гордый престол.
Пред войском своим возглашает Пиран:
«Немногих сберег неприятельский стан!
Едва, темноту разгоняя, восход
Топазовым морем зальет небосвод,
Мы всех истребим уцелевших врагов,
Чтоб сердце себе истерзал Кей-Хосров».
Весельем объяты, все двинулись в путь
И сели, примчась, у шатров отдохнуть.
Робабов и ченгов послышался звон,
Туранское войско забыло про сон...
А в стане иранском в тот горестный час
Рыдали отцы, над сынами склонясь.
Убиты и ранены сотни бойцов,
Струится потоками кровь храбрецов.
Уж мертвых равнина успела скопить
Так много, что негде меж ними ступить.
Всю ночь подбирали иранцы своих,
На волю судеб оставляя чужих.
И тех сожигали, что были мертвы,
Живым — налагали повязки и швы.
Из рода Гудерза на радость врагам
Немало погибло воителей там.
И каждый иранец бедой потрясен,*
Гудерза звучит раздирающий стон.
Усыпал седины воителя прах.
Одежды свои раздирая, в слезах,
Взывает: «О кто же на старости лет
Был жертвою столь сокрушительных бед?
Зачем, седовласый, остался я жив,
Сынов ненаглядных в земле схоронив?

С рожденья — с того злополучного дня —
Никто без кольчуги не видел меня,
И рядом со мною кидались в бои
Сыны удалые и внуки мои.
Немало их в первом сраженье с врагом
Погибло: совсем обезлюдел мой дом!
Тогда и Бехрам несравненный угас:
Сказал бы ты, солнце померкло для нас!
Теперь и других я утратил сынов,*
Прославленных, полных отваги бойцов».
При вести печальной и Тус зарыдал,
От горя лицом пожелтев, как сандал.
Он тяжко вздыхает, из скорбных очей
На грудь проливает кровавый ручей
И молвит: «На гòре в саду бытия
Новзером прославленным выращен я!
На свет не родись я — не знал бы в боях
Стыда и печали о павших во прах.
С тех пор как сражаюсь, я светлого дня
Не видел, хоть смерть пощадила меня...
Спешите собрать мертвецов дорогих,
Сыщите снесенные головы их,
Предайте земле, где молчанье и тлен...
И после к соседней горе Хемавен*
Везите и ратную кладь, и шатры;
Становищем станут нам склоны горы.
Пошлю донесенье владыке царей,
Пусть нам подкрепление шлет поскорей.
Гонца уже раз посылал я, и весть
Он, верно, успел властелину отвезть.
К нам скоро, быть может, дружины оплот,
Сын Заля — Ростем на подмогу придет».
Так молвив, повел он бойцов и обоз,
И горесть о павших с собою унес.

[Туранское войско осаждает
гору Хемавен]

[Вот мир лучезарным венцом озарен,
Кафуром осыпан эбеновый трон.*
Спит недруг. Усталость бойцов велика:
Прошли уж десяток фарсангов войска.]
Шли ночью и днем, выбиваясь из сил;
Воителей голод жестокий томил,
Душили их слезы, страдание жгло,
И лица черны, как воронье крыло.
И вот до горы Хемавен добрались,*
Ряды за рядами к подножью сошлись.
И Гиву сказал предводитель бойцов:
«О витязь мудрейший, глава храбрецов!
Три дня и три ночи наш длился поход,
Без пищи, без сна мы стремились вперед.
Ты снедью себя подкрепи, отдохни,
На ложе походном спокойно усни.
Пиранова рать, в том сомнения нет,
Немедля за нами помчится вослед.
С Биженом оставь невредимых, а сам
Спастись помоги изнемогшим бойцам».
Истерзан тоскою и жизни не рад,
Гив двинулся в гору, возглавив отряд.
Увечных укрыл от грозящей беды
И молвил, построив здоровых в ряды:
«Горé суждено нам убежищем стать,
Здесь плечи расправит усталая рать!»
И тотчас посты он велел отрядить
К подножью горы — за врагами следить.
Гул, клики дозорных и топот, и звон...
Из сердца горы словно вырвался стон!
Лишь солнца лучи засияли светло,
Туранское войско в движенье пришло.

Клич грянул у ставки Пирана, как гром:
Ты скажешь, земля закипела кругом.
На поле войны, погоняя коня,
Вождь рати помчался быстрее огня.
Сказал он Хуману: «Теперь воевать
Недолго осталось. Враждебная рать
Разгромлена. Многих лишился Иран
И полон увечными вражеский стан».
Грохочут литавры, кимвалы гремят,
Как буря, помчался передний отряд.
Туранцы, достигнув подножья горы,
Увидели только пустые шатры.
Слух новый тогда до вождя долетел:
«Иранцы бежали, их стан опустел».
И клики веселья вокруг разнеслись,
И воины слушать Пирана сошлись.
Так вымолвил вождь: «Удалые бойцы,
Стяжавшие славу мужи-мудрецы!
Как действовать нынче, совет ваш каков?
Безлюдье, безмолвие в стане врагов».
Торопят вождя меченосцы, стрелки,
С юнцами твердят заодно старики:
«Иранское войско в смятенье бежит,
В бою победили мы, недруг разбит.
В их стане — лишь кровь, обагрившая прах;
Уместны ли ныне сомненья и страх?
В погоню теперь поспешим за врагом,
Мы проку не видим в решенье другом.
Где скорость нужна — колебаться и ждать
Безумней, чем в воду от бури бежать».
Пиран отвечает: «Порою в войне
Терпенье — поспешности лучше вдвойне.
Узнайте: как море, безбрежную рать
Успел повелитель Турана собрать.

Той рати дождемся — так будет мудрей,
Немало в ней доблестных богатырей.
Тогда мы Иран обезлюдим вконец!
Лишь так, не иначе рассудит мудрец».
«О витязь! — на это Хуман отвечал,—
Ты б сердце заботой себе не терзал.
На что уж иранцы в сраженье смелы,
На что мастера и меча, и стрелы,
А все ж боевые шатры в эту ночь
На месте оставили, ринулись прочь.
Уход их, пойми, безысходности знак!
Бежали они поневоле. Итак,
Не надобно мешкать, покуда придут
К Хосрову, и новую рать соберут,
Ростема призвав из Забула. Поверь,
Бедою грозит промедленье теперь!
Бежавшему недругу вслед я пущусь,
К уловкам и хитростям я обращусь.
Гудерза и Туса — вождя удальцов,
Державное знамя, литавры, слонов
Захватим в сраженье. Врага побеждать
Не лучше ли в битве, чем медлить и ждать?»
Ответил Пиран: «О могучий герой,
Будь радостен сердцем и ясен душой!
Свершай, что рассудком тебе внушено,
Ведь небо само пред тобой склонено».
В дорогу пустились, готовые в бой,
Пиран-полководец и воинов строй.
Леххаку Пиран повелел: «Верховых
Две сотни веди на конях вихревых,
Нигде остановок не делай в пути —
Ты должен стоянку иранцев найти».
И тот полетел на ретивом коне,
Ни разу не вспомнил о пище и сне.

Уж за полночь было, когда часовой
Увидел туранский отряд боевой.
Гора встрепенулась, крик, звон поднялся.
Лехxак убедился, что медлить нельзя.
Помчался, к Пирану вернулся с пути,
Известье принес, где иранцев найти:
Гора Хемавен, мол, дала им приют,
И зорко стоянку посты стерегут.
Вождь кличет Хумана и молвит: «Скачи,
Не зная покоя ни днем, ни в ночи.
Бери сколько надо с собой удальцов,
На быстрых конях закаленных бойцов.
Иранцы бежали со стягом своим,
Хребет Хемавена — убежище им.
Теперь ты мгновенной победы не жди,
Отточенным разумом средство найди
Отнять кавеянский наследственный стяг,
И света не взвидит измученный враг.
Внезапно с мечом закаленным нагрянь,
В куски изруби ты и древко и ткань.
Победа такая тебе по плечу.
Я вслед за тобою как вихрь полечу.»
Мужей боевых тридцать тысяч потом
Избрали, и каждый — с мечом и щитом.
Лишь выплыло солнце в сиянье лучей
И мир осчастливило лаской своей,
Столб пыли густой в отдаленье возник
И с вышки донесся дозорного крик:
«Туранская рать приближается к нам,
Вздымая чернеющий прах к облакам».
Тус это услышал и панцирь надел;
Литавры забили, кимвал загудел.
Уже наготове стоит под горой
Иранских бойцов устрашающий строй,

Дивится туранский боец, увидав
Сверкание копий, мечей и булав,
Отважных, взъяренных, как львы, удальцов
И знамя Каве над главами бойцов.
Гударза и Туса окликнул Хуман:
«С кимвалом, слонами, покинув Иран,
Давно ли войною сюда вы пришли,
Ища разоренья туранской земли?
А ныне сражаться вам, видно, невмочь:
Как серны пугливые, кинулись прочь!
Приютом нагой вы избрали гранит:
Ужели вас, витязи, стыд не томит?
Лишь только заря над горою взойдет,
Кровавой рекой затоплю ваш оплот.
Тебя, предводитель, с вершины стащив,
Без жалости руки арканом скрутив,
К царю Афрасьябу отправлю. С тобой
Тогда распростятся и сон, и покой!
Себя не спасете уходом своим,
Вам впору рыдать над исходом таким!»
Меж тем, он Пирану известие шлет:
«Свершился нежданный судьбы поворот.
Иначе все вышло, чем я полагал,
Когда за иранцами вслед поскакал.
На склонах — иранская рать. Во главе —
Тус вместе с Гударзом под стягом Каве:
Едва на востоке забрезжит рассвет
И будет светилом весь мир обогрет,
Будь рядом со мною у склонов крутых,
Чтоб степь почернела от полчищ густых!»
К Пирану с известьем гонец подоспел.
Услышал Пиран и душой закипел,
Средь ночи помчался, не ведая сна;
И хлынула рать, как речная волна.

[*Пиран приводит войско*
к горе Хемавен]

Лишь солнце, прорвав темно-синий шатер,
Победно взошло над вершинами гор,
Пыль ратная миру окутала лик,
Горы Хемавен предводитель достиг.
Он брату сказал: «Здесь удерживай рать,
Нам этого поля нельзя покидать.
Помчусь, полководцу скажу: не кичись!
Зря стяг кавеянский возносишь ты ввысь!
Ужели спастись понадеялся, в плен
Себя заточив на горе Хемавен?»
К иранскому стану направился он,
Враждою и жаждою мести зажжен.
«Эй, Тус!— закричал он, угрюм и суров,—
Владелец литавр, булавы и слонов!
Пять месяцев ныне минуло с тех пор,
Как с нами ты начал воинственный спор.
Из рода Гудерза храбрейших мужей
Немало повержено ратью моей.
И что же? Настал поражения день,—
На кручу теперь, как пугливый олень,
Гонимый дружиною нашей, бежишь,
Но тщетно! Ты скоро в капкан угодишь».
Ответил Хуману воинственный Тус:
«Речам столь бесстыдным и лживым дивлюсь!
Оставь недостойные богатыря*
Увертки. Хитришь и клевещешь ты зря!
Средь славных мужей, закаленных в борьбе,
Сан витязя не подобает тебе!
Не ты ль, Сиавуша повергший в беду,
Разжег средь мужей именитых вражду?
Твоим увещаниям внял он, и что ж?

Его погубила изменника ложь!
Остался в Туране, доверясь тебе,
И пал Сиавуш, и кровавой борьбе
Положено в мире начало с тех пор...
Жаль шаха, пленявшего сердце и взор!
Напрасно коварство пускаешь ты в ход,
Разумный и праведный ложь отметет.
Ушли мы, становищем гору избрав
Затем, что не стало близ прежнего трав.
Теперь уж известья до шаха дошли,
И, верно, герои иранской земли
С Дестаном, с Ростемом, подобным слону,
Примчатся, готовы продолжить войну.
Как только придет подкрепление к нам,
Туран я сожгу, разоренью предам.
Ты здесь — так воюй, как воюют мужи!
Не время теперь для уловок и лжи».
В ответ предводитель дружину созвал,
И гору бойцам окружить приказал.
И вот за громадой громада пошла;
Сказал бы ты, гору гора облегла!
Отрезано войско Ирана от трав,
Тус мыслит о битве, в смятение впав...
Пирана торопит Хуман-удалец:
«Пора нам на гору взойти, наконец!
Сраженье такое иранцам я дам,
Что впредь не посмеют противиться нам».
Ответ был: «Наш враг не сильней ветерка —
Кто с ветром сражаться послал бы войска?
Лишь голод в глазах белый свет помрачит,
Не станет дружина за голый гранит
Держаться, и слушать не станет вождей.
Без трав для коней, без еды для людей,
На милость нам сдастся иранская рать,

Не вздумает впредь против нас воевать.
Не время сражаться — их впору жалеть!
Без боя легко их теперь одолеть».

[*Ночное нападение иранцев*]

До Туса с Гудерзом те речи дошли,
В печаль и тревогу вождей привели.
Сказал полководцу воитель седой:
«Теперь неизбежным становится бой.
Дня за три, не больше, иссякнет еда,
Дороги закрыты, нависла беда.
Здесь нет ни шатров, ни обоза, и рать
Слабеет. Доколе бойцам голодать?
Лишь солнечный лик над вершинами гор
Поблекнет и скроется в темный шатер,
Избрав ездоков, что отваги полны,
Мы спустимся с кручи на поле войны.
В кровавую ночь, опрокинув дозор,
Узнаем всевластной судьбы приговор:
Поляжем ли в поле на радость врагам,
Иль вражьи короны достанутся нам?
Сражений таков неизбежный исход:
Тот славой увенчан — тот в прахе гниет».
Тус внемлет, и жажда отмщения в нем
Опять разгорается жарким огнем.
Угас, между тем, над вершинами день,
Окутала землю вечерняя тень.
Лишь сделалась тьма глубока и густа,
И люди сомкнули глаза и уста,
Тус начал готовиться к битве ночной.
Созвав храбрецов, закаленных войной,
Бижену крыло поручил он одно,
Другое — Шейдушу с Хоррадом дано,

Он знамя Каве Гостехему вручил,
И долго вождей наставлял и учил.
А сам с удальцами, Роххам с ним и Гив,
Взяв палицы тяжкие, в седла вскочив,
Как пламя помчались, напали на стан,
Где был предводителем витязь Пиран.
В кровавое море был стан обращен,
На поле стоял несмолкаемый стон.
Разрублено знамя вождя пополам,
Сражаться невмочь устрашенным бойцам.
Хуман, пробудившись, еще в полусне
Примчась на своем вороном скакуне,
Немало увидел безжизненных тел
И многих, в смятенье бегущих, узрел.
Кровавые слезы пролив из очей,
Во гневе он крикнул дружине своей:
«Иль здесь не стоял ни один часовой?
Знать, вовсе покинул вас дух боевой!
Постыдно на поле сраженья дремать!
Но втрое ведь больше, сильней наша рать.
Вперед! Выставляя китайский свой щит,
Пусть палицей каждый разит и крушит!
Врагов ненавистных ничто не спасет.
Лишь месяц клинок над горой занесет —
Мы всех истребим до единого тут —
И тех, что воюют, и тех, что бегут!»
Раздался трубы угрожающий вой,
Стремительно всадники ринулись в бой.
В тисках у врагов, не склоняя главы,
Иранские витязи бились, как львы.
Клинки — ярче молний порою ночной,
А палицы хлещут, как дождь проливной.
Потемки — ни звездных, ни лунных лучей,—
Лишь черная пыль да сверканье мечей.

Уж тяжкою ношею стала броня;
Во мраке сражаются, жребий кляня. *
Приказу Хумана туранская рать
Внимает: «Знатнейших нельзя убивать!
Пусть пленными станут и витязь, и вождь.
Уймите же стрел истребительный дождь!»
И клики несутся к иранским бойцам:
«Смиритесь, ведь худо приходится вам!
Когда не хотите, чтоб ваших вождей
Мы кровью венчали,— сдавайтесь скорей!»
Рохxаму и Гиву тут вымолвил Тус:
«Нам гибели здесь не избегнуть, боюсь.
Надежда одна, что с небесных высот
Творец милосердный нам жизни спасет.
Иначе поглотит нас вечная мгла
В пучине морской иль в когтях у орла».
Вновь ринулись витязи в гущу врагов,
Все трое напали свирепее львов.
Вновь грянул кимвал, трубный слышится зов,
И гонгов гуденье, и колоколов.
Никто уж поводьев не видит; свое
Воителю в глаз попадает копье.
«Ни с места!— Хуман восклицает, грозя,—
Ни битвой, ни бегством спастись вам нельзя.
Вас, видно, злосчастье сюда привело;
Добром не кончает свершающий зло!»
Горсть воинов, трое лишь витязей с ней...
Сжимает их вражье кольцо все тесней.
И вспомнился каждому славный Ростем,
В бою не слабевший нигде, ни пред кем.
И мчатся призывы истерзанных душ
Туда, где Бижен, Гостехем и Шейдуш.
«О если б явился на горестный зов
Хотя бы один из иранских бойцов!

Увы, не врагам суждено было пасть —
Мы смерти безжалостной кинулись в пасть.
Что будет с державой, с престолом царя?
Нас в путах сегодня застанет заря.
В далеком Забуле Ростем и Дестан,
Нагрянут враги, разорят наш Иран».
Бой длится, и палицы тяжко разят,
И вождь с удальцами не скачет назад.
Напрасно их ждут на горе Хемавен
Шейдуш, Горазе и бесстрашный Бижен.
Сказал Гостехем удрученный: «Ужель
Ночное сражение длится досель?»
Эбен под ногами, а воздух — смола.
Ночь грохот литавр до мужей донесла.
И видят они, устремившись на зов:
Струится потоками кровь удальцов,
Дружине измученной гибель грозит.
Напали, и палицей каждый разит.
Тус видит пришедших на помощь друзей,
Клич витязя грянул кимвала грозней.
Ослабив узду, отягчив стремена,
Не глядя, холмиста земля иль ровна,
Несутся Роххам и воинственный Гив;
Вернул им отвагу Бижена призыв.
Кипел до рассвета неистовый бой.
Когда же светило взошло над горой,
Вождь кликнул дружину, и вот уж назад,
На гору к себе меченосцы спешат.
Промолвил бойцам предводитель их Тус:
«До этого дня не слыхал я, клянусь,
Чтоб бились так доблестно богатыри,
Как бились вы нынче с зари до зари.
Злой глаз от героев да будет далек!
В бою торжество да подарит нам рок!

С надеждой взываю к Йездану, чтоб вас
От бед оградил он, от гибели спас.
Я верю: придет избавление к нам,
Примчится, как вихрь, подкрепление к нам.
Ведь я посылал к властелину гонца,
И, верно, теперь уж достиг он дворца.
Как только посланье к Хосрову дойдет,
В нем новое пламя оно разожжет.
Примчится на помощь могучий герой,
С ним храбрых, прославленных воинов строй.
С победой вернемся, весельем горя,
Душой возликуем, увидев царя.
Как наши сраженья с врагом протекли,
Тогда расскажу властелину земли,
И с нами разделит Хосров торжество,
И нас осчастливят щедроты его».
Окончен о схватке ночной разговор,
И каждый к себе воротился в шатер...
К равнине, где битв разносился раскат,
Дозорные станов обоих спешат.
Уж негде ступить между грудами тел;
На поле сраженья Хуман поглядел
И молвил вождю: «Было тяжко бойцам.
Удача досель улыбалась не нам.
Но лишь отдохнут от борьбы храбрецы,
Туранской земли удалые бойцы,
Дам новую битву, какой никогда
Не видело солнце, не знала звезда».
Беседу окончили, врозь разошлись
И думам тревожным в тиши предались.

[*Кей-Хосров узнает*
о положении рати]

Доставили шаху известье в Иран:
В боях победителем вышел Пиран.
Вождь рати к горе Хемавен отступил,
Враг множество витязей храбрых сгубил;
Лишился мужей, обезлюдел вконец
Гударза — Гошвадова сына — дворец.
Льет слезы о павших звезда в небесах,
И розы в тоске не цветут на кустах.
Иранскою кровью поля залиты,
Низвергнуто счастье вождя с высоты...
Лишь весть нежеланная эта пришла,
Властителю сердце печаль обожгла.
Могучего царь призывает, и с ним
Явиться велит исполинам другим.
Толпою старейшины края сошлись,
Познавшие мир мудрецы собрались,
И слушают все Кей-Хосрова слова.
Известье поведал Ирана глава
И молвил Ростему: «О доблестный, знай,
В великой опасности древний наш край!
Стоит перед бездною гибельной он,
Грядущим невольно мой дух устрашен.
Ты — царства опора, надежда мужей,
Держава цветет под защитой твоей.
Клинок твой до сердца небес достает,
У ног твоих — время, земля, небосвод.
Ты сердце у Белого Дива исторг, *
В сердцах зажигаешь любовь и восторг.
Прославился Рехша стремительный бег,
Тебя, словно первенца, пестует век.
Твой меч даже солнце огнем опалит,

А палица плакать заставит Нахид.
Стрелу богатырскую только пусти —
Спасенья и лютому льву не найти.
Иран неприступен с тех пор, как шелом
Сверкнул над твоим богатырским челом.
А ныне постигло нас бедствие: Гив
С Гудерзом и Тусом, врага не сломив,
Бежав от бойцов Афрасьяба-царя,
Льют слезы горючие, сердцем горя.
Немало потомков Гудерза в боях
Погибло, и ложе их смертное — прах.
А прочим бойцам, натерпевшимся бед,
Убежищем стал Хемавена хребет.
Взор каждого с жаркой мольбой обращен
К создателю звезд и пространств, и времен.
Все ждут: подоспеет глава силачей
По милости божьей, по воле моей.
В ночи мне посланец известье принес,
И много кровавых мной пролито слез.
Я тайны печальной три дня никому
Не сказывал, только творцу одному.
Теперь переполнены чаши края,
От горя душа истерзалась моя.
Тебя призывают дружина с вождем —
Иди ж, неизменной удачей ведом!
От вражеской злобы храним будь судьбой,
И радости свет да пребудет с тобой!
Всего, что желаешь, проси у меня:
Динары, бойцов, снаряженье, коня...
Дружину готовь для решительных сеч —
Опасностью этой нельзя пренебречь».
Ростем властелину промолвил в ответ:
«Да будет престол твой избавлен от бед!
Ты праведен, мудр и душою велик,

Как ты, небосвод не припомнит владык.
С тех пор — повелитель мой слышал о том,—
Как царь Кей-Кобад был украшен венцом,
Боям за Иран я себя посвятил,
Сражался, трудов не жалея и сил.
В глуши нападения львов и слонов,
Чудовищ и дивов, и злых колдунов,
Туранцев и мазендеранцев мечи,
Их тяжкие палицы, битвы в ночи,
Труды и лишенья далеких путей,—
Вот повесть о жизни суровой моей!
Немало я тяжких невзгод претерпел,
Для битв и трудов наслажденья презрел.
Ты — славный владыка, я — верный слуга.
Приказывай, двину я рать на врага.
Тоской о погибших не мучайся так,
Пусть лучше от страха бледнеет твой враг! *
О роде Гудерза печалью томим,
Я движим отныне стремленьем одним:
На помощь бойцам осажденным спешить,
За павших иранцев безжалостно мстить!»
Царь, слушая слово главы силачей,
Потоки от радости лил из очей.
Воскликнул он: «Свет без тебя бы померк!
Я трон и венец без тебя бы отверг!
Пусть небо дрожит пред арканом твоим,
Главы венценосцев опутывай им!»
Ключи от сокровищ, алмазных венцов,
Шеломов, арканов, мечей, поясов
Принес Кей-Хосрову хранитель казны,
Раскрылись набитые златом мошны.
Всего в изобилье дал витязю шах
И молвил: «О муж, закаленный в боях!
С собой копьеносцев Забула веди,

Воителей храбрых Кабула веди.
Как буря, дружину вперед увлекай,
Не медли и медлить другим не давай.
Сперва отбери среди рати моей
Разящих мечом тридцать тысяч мужей.
Назначь Фериборза дружины главой,—
Пусть первым на месть устремится герой!»
Могучий пред шахом склонился тогда:
«Друзья мне давно — стремена и узда,
Не медля, готовиться станем к войне,
Помчимся, забыв о покое и сне».
И золото стал он бойцам раздавать,
И двинулся в поле, и выстроил рать.
«С зарей,— Фериборзу наказ он дает,—
Ты выступи с первым отрядом в поход.
Не знай передышки, скачи день и ночь,
К воителю Тусу лети во всю мочь.
Скажи от меня,— не спеши нападать,
Ты должен оттягивать время и ждать,
А я с удальцами вослед поскачу,
К тебе на подмогу, как вихрь, прилечу.
Советником, разумом славных дружин
Пусть будет сын храбрый Милада — Горгин».

[*Фериборз просит в жены Ференгис мать Кей-Хосрова*]

Сказал Фериборз: «О даритель венцов,
Владеющий Рехшем, боец из бойцов!
Томлюсь я, желание в сердце тая.
Другому ни слова не молвил бы я,
Тебе лишь откроюсь, верховный боец,
Достойный носить властелина венец!
Ты — войска опора порою беды,

Ирана герои тобою горды.
Да будет к тебе благосклонен Йездан!
Ты знаешь, о муж, озаривший Иран,
Что я Сиавушу достойному брат,
И общий у нас прародителей ряд.
Мне ту, что оставил вдовой Сиавуш,
Взять в жены пристало, о доблестный муж!
О том от меня Кей-Хосрову скажи,
Мне светлый венец на главу возложи!»
«Приказывай,— молвит Могучий ему,—
Я внять повеленью готов твоему».
Отправился тут же к царю исполин
И молвил: «О, славный, царей властелин!
Я просьбу имею, к ней слух преклоня,
До неба главой ты вознес бы меня.
У просьбы моей — благородная цель,
Создателю мира угодная цель.
Как небо, ты милость мужам даровал,
Длань царскую щедро для всех раскрывал.
А кто же достойнее ласки твоей,
Чем князь Фериборз, украшенье князей?
По воинской доблести, чести, уму,
Не видел я витязей, равных ему. *
Дозволишь ли, царь,— это жаждет он знать,—
Ему Сиавушево место занять?
Пока на туранских он ищет полях
Отмщенья за брата в кровавых боях,
Пусть дочь Афрасьяба, став князю женой,—
Так солнце могло б сочетаться с луной! —
Усилья отважного мстителя чтит,
И замок его, и богатства хранит».
Как только услышал державы глава
Из уст исполина такие слова —
Помочь именитому дал он обет.

«О славный,— промолвил владыка в ответ,—
Кто б слов твоих мудрых ослушаться мог?
Его растоптал бы безжалостный рок.
Ко благу твои наставленья ведут,
Пусть дни твои радостью вечно цветут!
Мать свято я чту, не во власти моей
Свои пожеланья навязывать ей,
Но стану просить, чтоб согласье дала,
Чтоб голосу разума сердцем вняла».
И оба пришли к луноликой затем —
Хосров благородный и славный Ростем.
И мать услыхала от шаха-юнца:
«О память живая героя-отца!
Ты в горе и счастье опора моя,
Владычица — ты, твой наместник лишь я.
Ты знаешь о битвах и горькой судьбе
Иранской дружины. Известно тебе,
Что многие витязи нашей земли
В Туране на поле войны полегли.
Я новую рать посылаю вослед,
Сын Заля — Ростем — ей защита от бед.
Он витязь верховный, боец-исполин,
А князь Фериборз — предводитель дружин.
Сын Заля тебя призывает, о мать,
Вождю Фериборзу супругою стать.
Каков твой ответ, повеленье твое?
Да будет счастливым твое бытие!»
Но мать побледнела от этих речей,
Минувшее живо припомнилось ей.
И гневом пылая, печали полна,
В слезах отвечала на это она:
«С Ростемом я дружбу страшусь разорвать,
Не то бы сказала: тому не бывать.
Кто просьбу Ростема отвергнуть дерзнет?

Его бы ослушался лишь небосвод!»
Речь выслушал витязь, участливо он
В ответ произносит: «Владычица жен,
Чья дивная прелесть воспета молвой!
Да будет раздавлен враг дерзостный твой!
Скажу, коли внять пожелаешь ты мне:
От мужа беды не бывает жене.
Ужели грозить тебе может бедой
Кеянского рода супруг молодой?
Для мужа супруга нужна, для жены —
Супруг: друг для друга они созданы.
Герой Фериборз, сын Кавуса-царя,
Сам царствовать мог бы, престол озаря.
К тому ж Сиавушу ведь брат он родной,
Из рода того же и крови одной.
Иран на две трети стал частью его,
Селенья и степи под властью его,
И я с одобренья владыки страны
Счел князя достойным супругом луны.
Готова ли, ныне должна ты сказать,
Свой жребий с судьбой Фериборза связать?
Разумно поступишь, сомненья в том нет,
Коль примешь ты мой и сыновний совет».
Но та, что сияет средь жен, как луна,
Молчанье хранит, неутешна, бледна.
Лишь тяжко вздыхает, ответить нет сил,
Стыд жгучий пред сыном ее охватил.
Ростему сказала она, наконец:
«Храбрейший из витязей, первый боец!
Пусть он меж иранцев достойнеший муж,
Как может им быть замещен Сиавуш?
Но воля тобой у меня отнята,
Ты речью своею замкнул мне уста.
Приказ повелителя дело решит:

Всему подчинюсь я, что он повелит».
Мать шаха, лицом, словно роза, ала,
На брак с Фериборзом согласье дала.
За дело взялся тут усердно Ростем, *
И долго не медлили с таинством тем.
Союз освятили, мобеда призвав,
Во всем соблюдая обряд и устав.
Могучий не ведал покоя и сна,
Пока не вступила в дом князя луна.
Стал князь новобрачным — поистине тем
Его осчастливили шах и Ростем!
Ростему пожалован новый венец,
И щедро дарами осыпан боец.
Трехдневное время меж тем протекло,
И все, наконец, к завершенью пришло,
И славный Ростем, жаждой мести гоним,
Готов понестись по просторам степным.
С дружиной вперед Фериборз ускакал;
Как в небе звезда, предводитель сиял...
Вот солнце взошло, ликованья полно;
С красавицей любящей схоже оно.
Раздался трубы оглушительный зов,
Ростем-предводитель повел удальцов.
Невольной тревогою втайне томим,
Хосров два фарсанга скакал вместе с ним.
Расстались. Летя по раздолью равнин,
В день два перехода свершал исполин.

[*Тус видит во сне Сиавуша*]

Ночь тает, и скоро уж грянет кимвал.
Сон грустного Туса под утро сковал.
И видит он в грезах, волнения полн:
Сияющий светоч явился из волн,

Из кости слоновой престол, и на нем
Герой Сиавуш в ореоле своем.
Смеется он, ласково речи звучат,
Лик — солнца светлей. И восторгом объят,
Тус слышит: «На месте удерживай рать!
Победу тебе суждено одержать.
Не плачь о потомках Гудерза, узнай:
Их ждал благовонный, сияющий рай.
Здесь, в розовых зарослях пьем мы вино,
И это блаженство навек нам дано».*
Проснувшись, от страхов избавился вождь:
Веселье в душе, в дланях — прежняя мощь.
Представ пред Гудерзом, так вымолвил он:
«О витязь, мне вещий привиделся сон.
Настанет конец испытаниям всем,
Как буря, к нам скоро примчится Ростем».
Знак подал — и грянули звуки трубы,
Построилось войско на поле борьбы,
Готовы бойцы к смертоносной войне,
И стяг кавеянский сверкнул в вышине.
Навстречу выводит Пиран удальцов,
Пыль солнце окутала в черный покров,
Шум, грозные клики окрест разнеслись,
Свистящие стрелы дождем полились.
Стоит против строя воинственный строй —
На бой ни один не выходит герой.
Торопит Хуман предводителя: «Ждать
Доколе ты хочешь? Пора нападать,
Сюда не охотиться войско пришло!
Под ношей и нам, и коням тяжело».
«Горячность оставь,— услыхал он в ответ,—
Сегодня в сражение рваться не след.
Три витязя с малой дружиной на нас
Нежданно и яро в полуночный час

Напали, что лютые тигры, а мы
Метались, как стадо средь бури и тьмы.
Я поле в крови, войско в страхе нашел,
Вождей именитых во прахе нашел.
Иранцы — на кручах; колючки кустов,*
И те недоступны для их скакунов.
Их смертью голодной оставь умирать,
Средь камня нагого от жажды сгорать.
Чтоб их, осажденных, на гибель обречь,
Нам надо лишь зорко все тропы стеречь.
Без боя, поверь, покорится нам враг,
Зачем же сражаться торопишься так?
На бой не веди удальцов верховых,
Лишь десять на поле поставь часовых!
Недолго, поверь, доведется нам ждать,
Запросит пощады иранская рать.
А если не сдастся — ей гибель грозит:
Воды и кормов не заменит гранит!»
Расставили всюду дозоры, а там
Покинули поле, вернулись к шатрам,
Уселись бойцы, пояса распустив,
Пирам и дремоте досуг посвятив...
Тус в лагерь вернулся, тревогой объят;
Изранено сердце, лицо — что агат.
Сказал он Гудерзу: «Нависла беда,
Померкла иранской дружины звезда.
Смыкается вражье кольцо все тесней,
Колючки — единственный корм для коней.
Иссякли у рати еда и питье;
Нет средства иного, как меч и копье!
Мечи обнажим, лишь светило взойдет,
Дружину к подножию двинем с высот —
Быть может, благою звездою ведом,
Победу смогу одержать над врагом.

А если творца приговор не таков,
Погибнем на поле от вражьих клинков.
Нам волю творца преступить не дано,
Лишь то совершается, что суждено.
Не лучше ль со славою лечь нам во прах,
Чем жить у страданья и страха в тисках!»
И все, как один, согласились на том,
Что сказано доблестным было вождем.

[*Афрасьяб посылает хакана и Камуса на помощь Пирану*]

Достигшее Рака, сверкнуло сквозь мрак *
Дневное светило, как пламенный стяг.
К Пирану пришла от властителя весть: *
«К нам прибыли рати, которых не счесть.
И первым хакан величавый идет, *
Чей трон — вся земля, а венец — небосвод.
Чин-море пустынею сделал бы прах, *
Вздымаемый ратью хакана в боях!
Из Мавераннахра тот вождь боевой, *
До туч возносящийся гордой главой.
Он сотни свирепейших тигров сильней,
Слонов сокрушает он мощью своей.
Герой, покоритель бессчисленных стран,
Он месяц обличьем, а станом — платан.
Там витязь невиданной силы Фертус, *
Его и Гудерз устрашится и Тус.
Там грозный Меншур, метким взмахом меча *
Повергнувший не одного силача.
Мужи из Кешана: свирепый Ашкбус *
И воин сильнейший из сильных Камус,
Колдун, поражений не знавший досель,
Он гневом своим нагоняет метель. *

От Рума до врат Сепиджабской земли *
Всех стран обитаемых рати пришли».
Туранцам промолвил Пиран: «Храбрецы,
Царя Афрасьяба лихие бойцы!
К вам ныне веселые вести летят;
Внимая, воспряньте душой, стар и млад!
Забуду теперь о заботе былой,
Иран разорю и сравняю с землей.
Отныне за ратью огромную рать
Царю не придется в поход собирать.
В Иране, в Туране, на суше, воде —
Владыкою быть Афрасьябу везде! *»
И снова к Пирану один за другим
Гонцы прибывают с известьем таким:
«О славный воитель, о вождь-исполин,
Весь век благоденствуй, не зная кручин!
Избавься от тяжкой тревоги своей,
Встречай, торжествуя, союзных царей!
От склонов Кашмира до Шехда-реки *
Повсюду знамена, слоны и полки.
Кондор — из Соклаба, известный храбрец;*
Из Ката — Бивер, несравненный боец;
Герче — из Сегсара, из Хинда — Шенгул...
Не молкнет их полчищ воинственный гул;
Фертус — из Чегана, краса храбрецов;
Кехар — из Гехана, гроза удальцов;
И в мире прославивший племя шугнан,
С отравленной сталью герой Шемиран.
Пусть в душу твою возвратится покой.
Стал юным бы старец от вести такой!»
Избавилось сердце Пирана от мук,
Ты скажешь, был мертвым и ожил он вдруг.
Хуману сказал он: «Помчусь я встречать
Ко мне на подмогу прибывшую рать.

Спеша к моему ополченью примкнуть,
Владыки неблизкий проделали путь.
Владетели тронов, земель и казны,
Величьем они Афрасьябу равны.
Отправлюсь, увижу бойцов и вождей,
Узнаю, как много там ратных людей.
К престолу властителя Чина пойду,
С почтеньем к ногам властелина паду,
Каков, погляжу, знаменитый Камус,
Сравню, кто сильнее: Шенгул или Тус. *
Вернусь я, и тучею мы грозовой *
Нагрянем на вражеский стан боевой!
Теперь им со мною тягаться невмочь,
Их день обращу я в глубокую ночь,
Надену всем витязям вражьих полков
На руки и ноги железо оков.
К царю Афрасьябу пошлю их в полон,
Забуду для этого отдых и сон.
А ратников, сколько смогу залучить,
Я тотчас велю с головой разлучить.
Страну разорю и сожгу я дотла,
Забудут, что в мире такая была!
Я на три дружины всю рать разобью,
День шаха иранского мраком залью.
И первый я к Балху направлю отряд,
Чтоб жребий иранцев стал горше, чем яд.
Вторую дружину пошлю я в Кабул,
Смешаю с землею Кабул и Забул.
А третью дружину, которой Туран
Гордится, я тотчас направлю в Иран.
Из жен и младенцев, юнцов и седых
Единой души не оставлю в живых.
Набегом страну ненавистную ту
Я с лика земли беспощадно смету.

Пока не вернусь я, бойцам выжидать
Вели. Не спеши на врага нападать!»
Так молвил и вышел стремительно прочь:
От злобы неистовой стало невмочь.
Дружине Хуман возвещает: «Мы страх
Забудем теперь. Лишь стоять на часах
Две ночи нам надо — за кручей следить,
С противников наших очей не сводить,
Не дать им с гранитной нагой высоты
Бежать под покровом ночной темноты.
Уж скоро и путь, и долина, и склон —
Все сплошь запестреет от ратных знамен».

[Прибытие хакана
к горе Хемавен]

Достигнув стоянки прибывших дружин,
Несчетных коней увидал исполин.
Пурпурны, янтарны, лиловы, пестры
Раскинулись в поле широком шатры
Из чинской парчи, из шелков дорогих,
Стяг воинский поднят над каждым из них.
И долго стоял в изумленье Пиран,
Взирая на тот ослепительный стан
Не зная, то к пиру готовый чертог
Иль рай, иль сияющий месяца рог?
Приблизясь к шатру и покинув седло,
Склонил до земли пред хаканом чело.
Тот ласково встретил и обнял вождя,
От силы его в изумленье придя,
Высокой хвалой исполина почтил
И рядом с собой на престол усадил.
Сказал он: «Мне радостна встреча с тобой,
Воистину я осчастливлен судьбой!»

Спросил: «Из дружины иранской, скажи,
Какие владеют венцами мужи?
Какие в сраженьях искусны, храбры,
И что привело их на склоны горы?»
Ответил Пиран: «До конца бытия
Пусть радостно жизнь протекает твоя!
Мне сердце согрел ты приветом своим,
Да будешь творцом неизменно храним!
По милости царской и здрав я, и цел,
Я мыслью к тебе, о великий, летел!
Скажу не тая: средь иранских мужей
Не видно прославленных богатырей.
Не раз против нас выходили на бой,—
В добычу им камень достался нагой.
Поняв, что грозит им бесчестье и плен,
Разбиты, бежали к горе Хемавен.
Водитель их — Тус, он с отвагой знаком,
Сразится, не дрогнув, с неистовым львом.
Но с ним лишь немногие витязи там:
Гудерз, сын Гошвада, и Гив, и Роххам.
Поклясться твоею звездою готов:
Других не найдется меж них смельчаков.
Приютом избрали бесплодный гранит,
Спуститься не смеют, их битва страшит».
Промолвил хакан: «В мой шатер приходи,
Пусть явятся также другие вожди.
Сегодня заботы потопим в вине
И думать не станем о завтрашнем дне».
И в вешний цветник обратился шатер,
Роскошным убранством ласкающий взор.

[Иранцы держат совет]

Лишь солнечный диск над вселенною встал,
Встревожился Тус и Гудерзу сказал:
«У недруга в стане движения нет:
Вином упились или держат совет?
Но весел заклятый наш враг иль угрюм —
Недобрые мысли приходят на ум.
Коль недругу войско в подмогу пришло —
Нам время изведать тревогу пришло.
Знай, будет иранская рать сметена,
Коль бегством спастись не успеет она.
Быть может, на помощь примчится Ростем,
Не то суждено здесь погибнуть нам всем.
Умрем без могил и надгробных камней,
Нас в поле растопчут копыта коней».
Гив Тусу на это промолвил в ответ:
«Что сердце терзаешь предчувствием бед!
Напрасно отчаяньем ты обуян:
В беде не покинет иранцев Йездан.
Ему поклоняясь во все времена,
Мы сеяли в мире добра семена.
Во имя Хосрова, царя-мудреца,
Престола его и меча, и венца
От участи злой нас избавит творец,
Во власти врага не оставит творец.
Примчится Могучий на поле войны —
От гибели будем тогда спасены.
Хоть ночь среди белого дня воцарись,
Верь в милость Йездана, с унынием борись!
Один только день без сраженья протек,
А сердце твое уж во власти тревог.
Иль мир опрокинулся? Зла в эти дни *
Сам, раньше чем недруг, себе не чини!

А если всевышний владыка светил
Нам здесь не победу, а гибель судил —
Напрасны тогда осторожность и страх,
Беды не избегнем, поляжем во прах...
Мы рвом окопаться глубоким должны,
Как учит устав и обычай войны.
Должны мы оружье из ножен извлечь
И головы вражьи без промаха сечь.
Увидим, что недруг готовил для нас,
Он тайну свою обнаружит тотчас.
А там и отчизна известье пришлет,—
И древо надежды для нас расцветет!»
Гудерз престарелый, покинув шатры,
В смятенье спешит на вершину горы.
Уж ясное солнце, минуя зенит,
На запад свой бег величавый стремит...
Вдруг с вышки донесся дозорного зов:
«Час горя настал для иранских бойцов!
Вдали, на востоке, от пыли густой *
Земля облачилась ночной темнотой.
Лиловое солнце чуть видно сквозь прах —
Так много слонов и знамен на слонах».
И молвил Гудерз, престарелый герой:
«Знать, время в земле мне укрыться сырой!»
От горести лик потемнел, что смола;
Сказал бы, его поразила стрела.
«С тех пор,— говорит он,— как свет я узрел,
Сражаться с врагами дано мне в удел.
Злой рок расправляется круто со мной —
Все потчует только отравой одной!
Я пестовал внуков, растил сыновей,
Что славились в мире отвагой своей,—
Все пали в недавнем кровавом бою!
Несчастье звезду погасило мою,

Надежда утрачена, мрачная тень
Окутала мглою сиящий день.
Уж лучше на свет не рождался бы я,
И свод не вращал надо мной Судия!»
Дозорному витязь промолвил потом:
«О зоркий воитель с пытливым умом!
На нашу и вражью дружину взгляни:
На поле сраженья сошлись ли они?
Найди полководца иранского стяг,
Кто справа, кто слева, сражаются как?»
И слышит: «Я сколь ни гляжу с вышины,
Не вижу и признака жаркой войны.
Движенье, волненье на той стороне,
На этой, сказал бы ты — войско во сне».
Боль сердце вождю обожгла горячей,
И хлынули слезы из скорбных очей.
Воззвал он, стеная: «Седлайте коня!
Могила отныне приют для меня.
Хочу наглядеться на славную рать,
Шейдуша и Гива в объятия взять,
Бижена, Роххама и Туса и всех
Отважных и славных воителей тех.
Прощальным лобзанием к ним припаду,
Слезами в смертельной тоске изойду».
Спешат для него скакуна оседлать.
Вдруг возглас послышался с вышки опять:
«О доблестный витязь, расстанься с тоской
И сердцу даруй долгожданный покой!
Прах встал на пути из Ирана столбом,
День ясный во мраке топя смоляном.
К нам движется рать, и знамена над ней
Сияют, луны светозарной ясней.
Вот первое знамя, волк вышит на нем,
Серебряный месяц — на стяге другом,

А далее — знамя, где вышит дракон,
На древке же лев золотой водружен».
«Будь счастлив! — Гудерз восклицает в ответ,—
Да будешь храним от несчастий и бед!
Коль правда открылась тебе в вышине
И сбудется все, что поведал ты мне,
Тебя одарю, чтоб лишений вовек
Не знал ты, живя средь довольства и нег.
И после, когда возвратимся в Иран,
К престолу Хосрова, властителя стран,
Тебя поведу я: великий почет
Тебе по заслугам на долю падет!
Прошу я, теперь с этой вышки спустись,
К водителю рати иранской помчись,
Известье благое спеши отнести,
От каждого помощи требуй в пути».
Но молвил боец: «На часах я стою, *
Не вправе покинуть я вышку свою.
Но только на землю опустится ночь
И даль различать уже станет невмочь —
Как птица Симург, с этой вышки слечу,
С известьем к иранским бойцам поскачу».
Дозорному молвил воитель седой: *
«Будь счастлив, не знайся вовеки с бедой!
Вглядись и ответствуй мне с вышки своей,
Чтоб войску дойти, сколько надобно дней?»
И слышит в ответ: «Хемавена с зарей
Достигнет иранских воителей строй».
И радостью старый воитель объят;
Он словно воскрес, силы снова кипят...
Пиран, между тем, точно буря, на бой
Несчетные полчища вел за собой.
Гонца расторопного выслал, и вот
Рассказ о событьях посланец ведет.

Услышал Хуман и промолвил, смеясь:
«Удача нам другом теперь назвалась!»
Поведал известье туранским бойцам;
Клич радости дружный взлетел к небесам...
Иранцы в унынье, от злой маяты
Уста почернели и лица желты;
Смешались ряды, удрученная рать
О доле своей принялась толковать.
Теснятся в смятении толпы мужей,
Все плачут о гибели близкой своей,
И сетуют витязи царских родов:
«О нас позабыли Иран и Хосров!
Нам здесь суждено, обездоленным, пасть,
Не прах нас поглотит, а львиная пасть».
Услышал Бижен полководца приказ:
«Поведай нам то, что сокрыто от нас.
С вершины на полчища вражьи взгляни,
Откуда идут, и сильны ли они,
Какою дорогою движется рать,
Да княжьи шатры не забудь сосчитать».
И тотчас воитель отважный, Бижен,
Взошел на вершину горы Хемавен,
Взглянул и увидел: несчетны, грозны,
Несутся бойцы, выступают слоны.
Бегом к предводителю кинулся он.
С тревогою в сердце, душой удручен,
Воскликнул: «К нам движутся столько дружин,
Что с Нилом сравнялись просторы равнин!
Лес копий, знамен нескончаемый строй,
И солнце померкло от пыли густой.
Отступишься, витязей не сосчитав,
Оглохнешь от грома огромных литавр!»
Скорбь Туса объяла при этих речах,
И слезы невольно сверкнули в очах.

Воителей славных призвал он к себе,
Поведал о черной грозящей судьбе.
Промолвил: «Я ныне в преклонных годах,
Вся жизнь в боевых миновала трудах,
Падений и взлетов я много знавал,
В подобной беде никогда не бывал.
Да, выход один перед нами сейчас,
Хоть мало бойцов и оружья у нас.
Ночное сраженье туранцам дадим,
И землю в кровавый Джейхун обратим.
Пусть гибель сулит мне соперника мощь,
Жив был бы владыка — отыщется вождь!
Коль пасть суждено нам в объятья земли,
Не скажут: бесславно мужи полегли!»
И все, как один, согласились на то,
Из витязей сердцем не дрогнул никто...
Мир словно густою смолою облит,
Не светят ни Тир, ни Бехрам, ни Нахид.
Но месяц над Рыбою встал, и тотчас *
Разорван ночного покрова атлас.
Примчался дозорный, пред Тусом предстал,
От бега лицом пожелтев как сандал,
Вскричал он: «Возрадуйся, славный герой!
Спешит к нам иранских воителей строй».
Ликуя, сказал полководец бойцам,
Отважным, прославленным тем удальцам:
«Сражение лучше теперь отложить,
Разумней порой выжидать, не спешить.
По воле Йездана Ростем-исполин
Несет нам спасенье от бед и кручин.
Сегодня удача к нам лик повернет,
И слава Ирана, как солнце, сверкнет».
Бойцы, услыхав о герое родном,
Забыли и думать о бое ночном.

И каждый желанному вестнику рад,
И щедро его одарил стар и млад.
Спустились на бранное поле посты,
Их клики звучат средь ночной темноты.
Толкуют в шатрах про Ростема-бойца,
Весельем и счастьем объяты сердца.

[Хакан обозревает иранское войско]

Лишь двинуло солнце победную рать,
И ночь без оглядки пустилась бежать,
Мужи боевые туранской земли
Толпою к властителю Чина пришли.
Он молвил Пирану: «Сегодня мы в строй
Не встанем, отложим решительный бой.
Ведь надобно этим мужам боевым,
Разящим врагов удальцам верховым,
Скакавшим сюда по степям и горам,
Дать отдых себе и своим скакунам.
Теперь же скорее отправимся в путь:
На войско иранское должно взглянуть».
Ответ был: «Исполнен величья хакан,
Рассудок ему проницательный дан.
Как сердце подскажет, пусть действует он,
Стан воинский ныне ему подчинен».
В дорогу вожди и бойцы собрались,
И трубные вопли окрест разнеслись.
На мощных слонах — пять сидений златых,
Из ткани китайской покровы на них;
На золоте той бирюзовой парчи
Искрятся, сверкают алмазов лучи.
Лоснятся тигровые шкуры попон,
Златых колокольцев разносится звон.
В богатых уборах, в венцах седоки,

Блестящие серьги на них, кушаки.
Колышутся стяги: тот — зелен, тот — ал,
Ты в Чине на торжище будто попал!
Так блещет дружина, что пышный чертог
В час пира сравниться бы с нею не мог;
При громе кимвалов, пестра и стройна,
Подобна фазаньему оку она.
Летят копьеносцы, их клики грозны,
От полчищ степные просторы черны.
Их издали Тус увидал и тотчас
Построиться ратникам отдал приказ.
Готовы иранцы рвануться вперед,
Гив славный державное знамя несет.
С вершины к подножью, сходящему в степь,
Иранской дружины протянута цепь.
Могучий Камус и Меншур, и хакан,
И зоркий Биверд, и Шенгул-великан
Дивятся тому, что увидели там:
Не ждали того, что предстало очам!
Клич витязей слышен — что гром над горой.
Взирает хакан на воинственный строй
И молвит: «Да это сильнейшая рать,
Привыкшая все на пути сокрушать!
Не то нам туранский рассказывал вождь,
Скрывать неразумно противника мощь!
Муж, вздумавший яму прикрыть камышом,
По ней на охоту помчаться верхом,
Не столь безрассуден, как тот, кто готов
Мощь вражью замалчивать в пору боев.
Я ранее, сколько в боях ни бывал,
Наездников столь удалых не знавал».
Вождь вымолвил: «Так малочисленна рать,
Что нечего, право, о ней толковать!»
«Когда же пойдем,— вопрошает хакан,—

На поле войны?» Отвечает Пиран:
«В пути одолел ты долин и холмов
Немало: и долог был путь, и суров.
Три дня и три ночи в покое пребудь
И рати измученной дай отдохнуть.
Затем я бы надвое рать разделил,—
Ведь час не таков, чтоб опасность сулил!
С зарею пускай половина бойцов,
Услышав кимвала воинственный зов,
По ратному полю помчится верхом,
То луком иранцев губя, то клинком.
С полудня, пока не погаснет закат,
Бойцы остальные пусть грозно разят.
А темною ночью, врагам на беду,
Я всех, кроме раненых, в бой поведу.
Врагам ни на миг отдохнуть не дадим;
Борясь непрерывно, в бою победим».
Промолвил Камус: «Не по мне твой совет,
Откладывать битву желания нет.
С такой многочисленной ратью к чему
Искать промедления нам? Не пойму!
В бой ринемся разом, иранцам на страх,
Чтоб тесно им стало в полях и горах!
Отсюда войска на Иран поведем,
Престол и венец, и державу сметем,
От края до края страну разорим,
Бойцам-удальцам на расправу дадим.
Повергнем владыку и рать, и вождей,
И старых, и юных, и жен, и детей.
Все сгубим, чтоб всюду была пустота:
Ни сел, ни дворцов, ни людей, ни скота.
К чему опасения в сердце таить,
Тоской и сомнением душу томить?
Всю ночь простоим, охраняя пути,

Во тьме не дадим супостатам уйти.
А там, лишь рассеется сумрак ночной,
Рать хлынет бурливой морскою волной.
С индийским воителем кинусь вперед,
Мой стяг на вершине горы зацветет.
Увидишь ты, завтра до этой поры
Тел вырастет груда у этой горы,
И весь зарыдает, застонет Иран
О павших, смертельной тоской обуян».
Хакан откликается: «Быть по сему!
Умом не сравниться с тобой никому».
И спорить не стали мужи против слов,
Что молвил Камус, повергающий львов.
Сказали и встали, и врозь разошлись,
И к битве готовить войска принялись.

[Прибытие Фериборза
на гору Хемавен]

Лишь солнце, взойдя на лазурный простор,
Воздвигло из желтого шелка шатер,
Донесся к Гудерзу дозорного зов:
«О доблестный муж, предводитель бойцов!
Приблизилось войско, уж рядом оно,
От пыли клубящейся стало темно».
Воитель, услышав отрадный призыв,
Тотчас полетел, на гнедого вскочив,
С волнением в сердце и дрожью в руках,
Туда, где вставал над дорогою прах.
И вот он дружину отчизны своей
Увидел и стяг Фериборза над ней —
Венчанного мужа, героя того,
Которого с шахом связало родство.
Спустился с коня престарелый боец,

Светило дружины, почтенный мудрец.
Ему предводитель объятья отверз,
И слезы кровавые пролил Гудерз.
Сказал Фериборз: «О воитель седой,
Постигнутый в битвах жестокой бедой!
Ты, мстя за царя Сиавуша, печаль
Изведал; жаль витязей доблестных, жаль!
Но скоро, поверь, мы отплатим за них,
Повергнем обидчиков злобных своих!
Хвала основателю ночи и дня,
Что жив, невредим ты встречаешь меня!»
В тоске зарыдал престарелый герой
О тех, что в земле почивали сырой.
Вождю отвечал он: «Безжалостный рок
Меня злоключеньям несчетным обрек.
И внуков война отняла, и сынов,
И стяг, и литавры, и храбрых бойцов.
Но думать не время о брани былой;
Бой новый здесь грянет, невиданный бой!
Сегодня земля, что воронье крыло:
Великое множество полчищ пришло.
Что наша дружина средь них! Волосок
На белом быке так чернеться бы мог.
Возьми ты Саклаб, Индостан и Китай,
И Рум — просвещенный ли, дикий ли край —
Нигде ни души не осталось одной,
Что против иранцев не шла бы войной.
Но где же Ростем, говори поскорей,
Чтоб с плеч моих рухнуло бремя скорбей!»
И слышит: «Прибудет он следом за мной,
Исполненный мщения жаждой одной.
Ночами, доколе заря не взойдет,
Могучий без устали мчится вперед.
О, славный, мне место теперь укажи,

Где ставку раскинуть могли бы мужи».
Но тот: «Повтори мне Ростема слова;
Знать должен я, воля его какова».
И слышит вождя Фериборза ответ:
«„Бои отложить“»— вот Ростема совет.
Он молвил: «На месте иранская рать
Должна вдалеке от туранцев стоять.
Вовлечь вас не должен в сражение враг,
Доколе вы мой не увидите стяг“».
И двинулся в путь, и Гудерз вместе с ним,
Спеша к Хемавену, к отрядам своим.

[Пиран совещается с хаканом]

Прибывшее войско с высот увидав,
Туранский дозорный помчался стремглав
И молвил, представ пред туранским главой:
«Пора; приготовься к страде боевой!
Стан недругов ныне весельем объят,
На помощь к ним движется новый отряд!»
К хакану в шатер устремился Пиран,
Сказал он: «Прислал подкрепленье Иран.
Не знаю, их сколько и кто их глава;
Что делать нам, воля твоя какова?»
Воскликнул испытанный в битвах Камус:
«Тебе, предводитель туранцев, дивлюсь:
Не ты ли войска Афрасьяба-царя
Привел, необъятные, словно моря;
Пять месяцев долгих минуло — каков
Твой подвиг в сражениях с горстью бойцов?
Теперь наводнил наш воинственный стан
Всю землю, Меншур здесь и я, и хакан.
Дай нам отличиться, мы в битву пойдем,
Ключ сыщем, утерянный робким вождем.

Стань мир даже стали китайской темней
От хиндских, кабульских, забульских мужей —
Им всем не сравниться со мною одним.
Стан вражеский сгинет, покончу я с ним!
Страшить именитым Ростемом к чему?
С ним первым расправлюсь я, горе ему!
Пусть только он в сеть попадется мою,
Его уничтожу в кровавом бою.
Ты, витязь, трепещешь при слове Систан,
Тоской и смятеньем твой дух обуян.
Увидишь, как в битве, свиреп и могуч,
Я темную пыль поднимаю до туч —
Узнаешь тогда, чья десница сильна,
И что есть отвага, и что есть война!»
«Будь счастлив!— Пиран восклицает в ответ,—
Не знай никогда поражений и бед!
Благою звездою будь вечно храним, *
Не станем перечить желаньям твоим».
Тут Чина властитель Пирану сказал:
«Не сам ли на помощь Камуса ты звал?
Все то, что сулил, многомощный свершит:
Повергнет он гору, слона сокрушит!
Не так уж опасны иранцы, к чему
Стращаешь ты ими бойцов, не пойму.
Грозой по иранскому краю пройдем,
Мужей боевых не останется в нем.
Знатнейших, носящих величья печать,
В тяжелые цепи велю заковать,
К царю Афрасьябу с позором пошлю,
А прочих мечом обезглавить велю.
Листка не оставлю я там на ветвях!
Все сгинет — и трон, и корона, и шах».
Услышал и радостью вновь осиян,
Мужей и хакана восславил Пиран;

В свой стан воротился, и тотчас пришли
Вожди боевые туранской земли —
Хуман, Фершидверд и свирепый Леххак.
Пирану воители молвили так:
«К иранцам пришли на подмогу войска,
Стяг черный у них над главой вожака.
Разведчик проворный, навстречу помчась,
С известием к нам возвратился тотчас:
Вожак — Фериборз, сын Кавуса; сильна
Дружина его и владыке верна».
На это Пиран говорит им в ответ:
«Сегодня причин для смятения нет.
Когда не Ростем он, страшиться к чему ж?
Другой не спасет их от гибели муж. *
Хотя и сулит нам Камус торжество,
Твердит, что Могучий — ничто для него,
Хоть чудищу вод не уступит храбрец,
А все ж от Ростема храни нас творец!»
«О доблестный,— молвил воитель Хуман,—
Напрасно тревогой твой дух обуян.
На нас не Ростем из Систана идет;
То князь Фериборз,— гибель дерзкого ждет!»
Сказал предводитель: «Поверишь иль нет,
Постыл мне венец и престол — целый свет!
С тех пор как известие мне принесли,
Что войско пришло из иранской земли,
Меня опасения стали терзать,
Я горьких стенаний не в силах сдержать».
Промолвил Гольбад: «Убиваться зачем?
Иль плакать заставят нас Тус и Ростем?
Оружья немало у нас. Ветерок
Меж наших рядов проскользнуть бы не смог.
Я с горсткою пыли сравнил бы врагов.
Не страшен ни Тус, ни Ростем, ни Хосров!»

Поднявшись, на этом закончили спор,
И каждый к себе возвратился в шатер.
Тем временем Тус-предводитель узнал,
Что грохотом землю наполнил кимвал,
И славный герой из Ирана идет,
Послав Фериборза с дружиной вперед.
Забили в литавры, гора Хемавен
От пыли густой обратилась в эбен,
И склоны от ржанья коней затряслись,
И воинов клики вокруг разнеслись.
Бойцам предводитель в немногих словах
Напомнил о мазендеранских боях. *
О том, как исполненный сказочных сил,
Злоказненных дивов Могучий косил,
Как бился он, жизни своей не щадя...
И воины радостно славят вождя.
«Твои да умножатся слава и честь!
Не жаль и души за отрадную весть.
Когда на подмогу Могучий придет,
Не сломят нас даже чудовища вод!*
Сражаться мы будем с врагом до тех пор,
Покуда с Ирана не смоем позор.
Мы знамя хакана, венец вырезной,
Щиты золотые и трон костяной,
Убранство слонов и венцы вожаков,
Их серьги и золото их кушаков,
И те колокольцы, что, дух веселя,
Трезвонят,— таких не видала земля,—
И царский из перьев павлиньих навес,
Где камни бесценные — чудо чудес —
И много захватим добычи другой,
С отвагой невиданной ринувшись в бой!»
В раздумье промолвил воителям Тус:
«Страх тяжек, позора нам тягостней груз.

Подножье горы обступила орда,
Над славной дружиной нависла беда.
Страшусь я услышать суровый укор,
Увидеть Ростема разгневанный взор.
Он скажет:—Как жалкий птенец, в западне
Сидел ты, побед не добился в войне!
Какой предводитель, такая и рать.
Здесь, верно, никто не дерзал нападать!—
Нагрянем на недруга, схватимся с ним,
Его от подножья горы оттесним!»
«Опомнись!— бойцы восклицают в ответ,—
Не время теперь добиваться побед.
Нам дальше горы не ступить ни на шаг,
Лишь силой Ростема сражен будет враг.
Всевышнему должно мольбы вознести,
Ведь он указует ко благу пути.
По воле создателя звезд и луны
Примчится Могучий на поле войны.
Свой дух для чего омрачаешь ты сам?
Будь радостен, злато даруй беднякам!»
И радости клики несутся с горы.
Бойцы разошлись, веселы и бодры,
И каждый в душе упованье унес,
А Тусу от дум до утра не спалось.

[Гив и Тус бьются против Камуса]

Тельца восходящее солнце когтит,
И пение птичье над степью летит. *
У ставки Камуса послышался зов,
Он первый был витязь, губитель бойцов.
Построил мужей, роздал панцири им,
Безудержной жаждою битвы палим.
Оделся, рубаху кольчугой сменя;

Шлем — шапка ему, одеянье — броня.
Построил отборную рать, сосчитал
Воителей грозных, одетых в металл.
Пыль встала над полем, окутала даль,
Покрыли равнину железо и сталь.
На вышке иранской вскричал часовой:
«Вплотную приблизился строй боевой!
Уж стяг именитого богатыря
Явился очам, словно солнце горя.
А полчища вражьи с другой стороны
Несутся, как тучи, страшны и черны.
Вождь грозен: гора — ты сказал бы о нем,
Трясется земля под его скакуном.
Пред ним копьеносцы, а дальше — войска,
Свою булаву с головою быка *
Вознес на плечо и, очами грозя,
Несется,— ему не дивиться нельзя!»
Лишь с вышки дозорной раздавшийся крик
Ушей предводителя Туса достиг —
От радости лик у него просветлел,
И грохот литавр к небесам полетел.
Гонца расторопного тут же найдя,
Послали в шатер Фериборза-вождя.
Везет он седого Гудерза наказ:
«Напасть приготовился недруг на нас.
Ужели себя мы дадим окружить,
Рассеять, ударом одним сокрушить?
Ты доблесть, достойную рода, яви:
Сын царский, отвагу хранишь ты в крови.
Средь пыли дружина Ростема видна,
На помощь тотчас подоспеет она».
Едва предводитель посланье прочел,
Он к Тусу и Гиву дружину повел,
Построилось войско, вожди во главе,

Над ними — заветное знамя Каве.
Вот правое с левым сравнялось крыло,
И войско могучее в стройность пришло.
Знак подан — пора трубачам заиграть,
И двинулась небу подобная рать.
Навстречу стремительно тою порой
Вел войско Камус, именитый герой.
Неслись удальцы, побеждая простор,—
Так буйный поток низвергается с гор.
И вот уж они под горой Хемавен;
Земля — невидимка, а воздух — эбен.
На гору глядит, усмехаясь, Камус
И рати своей говорит он: «Клянусь,
Все те, с кем сражалась иранская рать,
Ничтожны, нельзя их мужами назвать!
Сегодня пред ней не Пиран и Хуман,
А грозных могучих воителей стан.
Кому по плечу из иранских дружин
Со мною сразиться один на один?»
И крикнул он строю иранских мужей:
«Эй, витязи, гордые силой своей!
Взгляните на мощь этих рук, этих плеч,
На палицу эту, на пагубный меч!»
Тот вызов услыша, воинственный Гив
Помчался навстречу, булат обнажив.
К Камусу приблизившись, думает он:
«С ним мог бы тягаться лишь бешеный слон!»
Однако свой лук оснастил, натянул,
Уездана, дарителя сил, помянул
И множество стрел в исполина пустил —
В весеннюю тучу свой лук обратил.
Кешанец не дрогнул при натиске том,
Копье выставляя, прикрытый щитом,
Грозней носорога он ринулся вдруг —

Пыль встала столбом, смерть витала вокруг.
Приблизился к Гиву, с размаха всего
Копьем в поясницу ударил его,
И доблестный Гив покачнулся в седле,
Мгновенье — и был бы простерт на земле,
Но силы собрал и не рухнул седок;
Он вырвал из ножен булатный клинок
И, громко назвавшись, уменье свое
Явил: расщепил исполина копье.
Тут издали глядя на бой удальцов,
Встревожился Тус, предводитель бойцов.
Подумал он: «Гиву не сдастся Камус!
Для битвы подобной пригоден лишь Тус».
Клич грянул, и вождь покидает ряды,
Чтоб выручить Гива из тяжкой беды.
На руку поводья Камус намотал
И разом сражаться с обоими стал.
Под Тусом коня поразил он мечом;
Вождь рати, чернее эбена лицом,
С коня соскочить невредимым успев,
Взревев от досады, что яростный лев,
Стал, пеший, с огромным копьем наступать,
Над недругом лютым победы искать.
Но как ни разили копьем и мечом,
Не справились двое с одним силачом!
Кипел среди поля неистовый бой,
Пока небеса не окутались тьмой.
Когда ж затопила равнину смола,
Борьба исполинов конец обрела.
И сном уж объяты два войска в шатрах:
Одно — на равнине, другое — в горах.

[Прибытие Ростема к иранцам]

День гаснет, и светоч ночной не зажжен.*
Дозорные вышли с обеих сторон.
Вдруг с вышки иранский дозорный вскричал:
«Прах черный в просторе темнеющем встал!
Равнина и горы движенья полны,
Свет факела виден и речи слышны.
То, верно, Ростем — несравненный герой.
С ним храбрых забульских воителей строй».
Гудерз, сын Гошвада, услышав о том,
Спустился к подножью, помчался верхом.
Сквозь павший на землю ночной полумрак
Увидел драконом украшенный стяг.
Навстречу Гудерзу, быстрее огня,*
Ростем устремился, покинув коня,
И обнял вождя престарелого он.
У каждого вырвался горестный стон
О чадах Гудерза, которых уж нет,
О бедах, нагрянувших вместо побед.
Промолвил Гудерз: «О великий герой,
Боец прозорливый, с отважной душой,
Ты лживых речей не ведешь никогда,—
Тобою держава безмерно горда.
Иранцу милей ты, чем мать и отец,
Казна и алмазы, престол и венец.
Как рыба — без влаги, мы все без тебя,
Главою на плахе мы все без тебя.
Едва я увидел твой ласковый лик
И слово услышал приветное, вмиг
О павших сынах перестал я рыдать,
И смех на уста возвратился опять».
«Будь радостен,— молвит в ответ исполин,—
И сердце храни от забот и кручин!

Все в мире земном — суета и обман;
Сулит он добычу — приносит изъян.
На ложе ль недуга, в огне ли войны,
Со славою, или со срамом — должны
Мы все удалиться из мира сего,—
Позорная смерть мне страшнее всего!
Не будь же о близких печалью томим,
Все думы отныне к войне устремим!»
Лишь доблестный Гив с именитым вождем
И все удальцы услыхали о том,
Что славный Ростем Хемавена достиг
И видел Гудерз ненаглядный тот лик,—
Все двинулись в путь, оседлав скакунов,
Разнесся трубы торжествующий зов,
И спешилось войско с вождем боевым,
Ликуя при встрече с героем родным.
Все думы о мести, и каждый, в слезах,
Горюет о витязях, павших во прах. *
Когда о потерях дружины узнал,
Пронзенный печалью, Ростем застонал.
В нем ярость пылает все жарче, грозней.
Клянясь отомстить за убитых друзей,
Он долго мужей наставлял и потом
Воскликнул: «На смертную битву пойдем!
Сражений таков неизбежный конец:
Тот счастлив победой, а этот — мертвец».*
Воздвигнут шатер именитым вождем,
И все меченосцы Нимруза кругом
Разбили свои боевые шатры,
И знамя вождя — на вершине горы.
Воссел он и кру́гом уселись друзья,
Воителей доблестных, славных семья.
Гив с мудрым родителем справа сидят,
А слева — Тус гордый и витязей ряд.

Свеча восковая пред ними зажглась,
Беседа о том, о другом полилась:
О солнце лучистом, о светлой луне,
О подвигах витязей в долгой войне.
Немало про новую грозную рать
Успели герою бойцы рассказать.
Ашкбус ими назван, Шенгул и хакан,
Меншур и герои, кем славен Туран:
«А что до Камуса — и слов у нас нет!
Нам всем на него и глядеть-то не след.
Он — дуб, на котором булат с булавой
Взрастают, и длит он без устали бой,
Хоть падай горячие камни из туч;
Сразит он и льва — беспредельно могуч.
Меншуром земля, ты сказал бы, полна,
Вождю небывалая сила дана.
От круч Хемавена до Шехда-реки —
Знамена и кони, слоны и полки.
Недаром воителей грусть извела:
Нет шлемам и латам конца и числа.
В широкой степи до подножья горы —
Повсюду парчевые княжьи шатры.
Ты вовремя, славный герой, подоспел,
Иначе наш горестен был бы удел.
Ты с нами, о доблестный! Слава творцу,
Привел он страдания наши к концу!
С тобою дождемся побед боевых,
А то уж не чаяли быть и в живых».
Вождь, плача о павших, главою поник,
Глубокой тоской затуманился лик,
И полные мудрости речи слышны:
«От темного праха до ясной луны —
Везде воздыханья и стоны звучат,
То мира земного обычай и лад.

Нам, смертным, посменно судьба подает *
Яд брани и мира целительный мед.
Мы землю покинем в назначенный срок,
Не нам переспорить изменчивый рок!
На ложе, иль в битве, но каждый умрет.
Сомнения прочь, без боязни вперед!
В бою торжество да пошлет нам творец,
Врагов да постигнет бесславный конец!
Все силы для мщенья теперь соберем,
И недругов с лика земли мы сотрем!»
И слышит хваленья бойцов исполин:
«Воитель венчанный, опора дружин,
Живи, высоко вознесенный судьбой!
Весь век да гордится владыка тобой!»

[Иранцы и туранцы строятся на поле битвы]

Вот землю светильник дневной осветил,
День за косы черные ночь ухватил,
И черный шатер изорвал в вышине, *
Лобзаньем уста окровавив луне.
Пред ставкой вождя загремевший кимвал
На ратное поле дружину призвал.
Стал пристально гору и степь озирать
Хуман-богатырь, и подумал он: «Рать
К иранцам пришла на подмогу — шатры
Не зря запестрели на склонах горы!»
Он видит вдали ослепляющий взор,
Из ткани лазоревой княжий шатер;
Над ним — предводителя знамя с копьем;
Другие шатры — словно звезды кругом;
Поодаль, над черною ставкою,— стяг,
Подобно луне, разгоняющий мрак.

«То рать Фериборза,— услышал Хуман,—
Близ воинов Туса раскинул он стан».
Вернулся к Пирану, душой удручен,
И молвит: «Удел наш с бедой обручен!
Из стана иранского клики вчера
Сильней, чем в другие, неслись вечера.
Я встал на рассвете и долго смотрел,
Внимательно весь Хемавен обозрел.
К иранским бойцам подкрепленье пришло,
И, видно, огромно той рати число.
Парчевый шатер зеленее травы.
На знамени — образ драконьей главы,
Забульские воины встали кругом,
И каждый — с кабульским мечом и щитом.
Сдается мне, это Ростем, не иной,
К ним прислан Хосровом, что правит страной».
Пиран омрачился и молвил: «Беда,
Коль вправду Могучий нагрянул сюда!
Погибнут Камус и Шенгул, и хакан,
И каждый, кем славится в мире Туран».
Поспешно покинул он стана предел,
Примчался и вражьи войска оглядел,
Оттуда к Камусу-бойцу поскакал,
К Меншуру, к Фертусу-бойцу поскакал,
Поведал им: «С первым я встал петухом,
Становище вражье объехал верхом.
На помощь — вершить боевые дела
Огромная грозная рать подошла.
Должно быть, тот самый могучий Ростем,
О ком я уж раньше поведал вам всем,
Узнав, что иранцев постигла беда,
По воле Хосрова примчался сюда».
Воскликнул Камус: «Помышлять о худом
Довольно, о витязь, богатый умом!

Хоть сам Кей-Хосров пусть выходит на бой,
Не должно тебе омрачаться душой.
Всегда у тебя на устах — лишь Ростем!
Пред этим забульцем трепещешь зачем?
Лишь знамя увидит и хватку мою,
Отступит он, страхом объятый в бою.
Рать выстрой, воинственный клич возгласи,
Над полем сражения стяг вознеси!
Когда поведу в наступление рать,
Не должно и вам от меня отставать.
Увидишь, как яро врагов мы разим,
В кровавое море мы степь обратим!»
Пиран позабыл беспокойство и страх,
Душою воспрянул при этих речах;
Отвагою сердце свое укрепив
И в ставку свою боевую вступив,
Доспехи воителям роздал глава,
И все вспоминал исполина слова.
К хакану в шатер поспешил он потом,
К земле пред владыкой склонился челом
И молвил: «О царственный, доблестный муж, *
Чья мысль — насыщенье для праведных душ!
Путь долгий, большой ты прошел ради нас,
Труд тяжкий за праздник ты счел ради нас.
Спеша на призыв Афрасьяба-царя,
На быстрых судах пересек ты моря.
Ты — рати опора. В решающий миг
Так действуй, как должно потомку владык.
Кимвал водрузить на слона поспеши
И мир завыванием труб оглуши!
Сегодня в сражение двину я рать.
Ее середину — тебе возглавлять.
Защитой надежною будь удальцам,
Главу вознесу я тогда к небесам.

Великий воитель Камус приказал,
Чтоб я на противника первым напал.
Он, тяжкую палицу ввысь занеся,
Священными клятвами долго клялся:
Сегодня, мол, палицей этой сражусь!
Хлынь дождь огнекаменный — не устрашусь!»

[Туранская и иранская рати
сходятся на поле битвы]

Знак подал хакан — трубы подняли стон, *
Прах вздыбился, словно от сна пробужден,
Им ясное солнце укрыто от глаз,
Свод неба затрясся, земля затряслась.
Возглавил хакан многомощную рать,
И неба за пылью уже не видать,
Мир — Нила темнее; надвинулась ночь,
Звон, грохот, гуденье — терпеть уж невмочь!
Шагают, трубя, боевые слоны,
Златыми ковчегами отягчены.
И этих слонов, что идут чередой,
Ковчегов, украшенных сплошь бирюзой,
Так много, что меркнет в глазах белый свет;
Никто уж не знает, он жив или нет.
Пыль к небу несется, черна и густа,
Затмив ему очи, засыпав уста. *
И месяц смутился и сбился с пути.
Хакан середину готов повести:
На правом крыле — многомощный Камус;
В глубь степи обозом отправили груз;
На левом — Пиран, сокрушитель преград
Хуман и бесстрашный воитель Гольбад.
Как только увидел Ростем-великан,

Что войско туранское строит хакан,
Велит он кимвалом бойцов созывать.
Фазаньему оку подобную рать
Построил и молвил: «В бою небосвод,
Кто знает, победу кому ниспошлет,
Кому из воителей жизненный срок
Пресечь замышляет безжалостный рок.
Меня мой чубарый без отдыха мчал, *
С тройной быстротой переходы свершал.
Камнями копыта изранены, он
Насилу ступает, разбит, изможден.
Дам отдых сперва своему скакуну,
А там с супостатами биться начну.
Сегодня еще продержитесь в бою,
Туранцам явите отвагу свою!»
И вот повелел предводитель трубить
И в бронзовый гонг оглушительно бить.
Гудерзом возглавлена правая рать,
На гору отправлена ратная кладь,
На левом крыле — Фериборза войска,
И кажутся копья стеной тростника.
Тус вывел средину, суров и могуч.
Пыль, ветром гонимая, встала до туч;
Весь мир, ты сказал бы, сокрылся в пыли.
И видеть друг друга бойцы не могли.
Ростем-богатырь на вершину взошел
И строй неприятельский взором обвел:
Румийское море в сравнении с ним
Казалось бы взору кружком восковым.
Кешанцев, шугнан и зехрийцев полки —
Другие шеломы, не те кушаки.
Чеганец, китаец, румиец и хинд,
Геханец, соклабец, нахриец и синд —
На разных наречиях все говорят,

И разные стяги над ними парят;
Престолы из кости слоновой, и взор
Слепит самоцветами каждый убор.
Ты скажешь: то райские кущи в цвету.
На рать разноликую, пеструю ту
С вершины взирал в изумленье Ростем
И вниз он спускался и думал меж тем:
Какое сыграет здесь игрище рок?
К нам милостив будет иль будет жесток?*
С тех пор, как в броню я себя заковал,
И года на месте одном не бывал,
Каких только орд не видал на войне!
Грознее доселе не встретилась мне».
Однако Могучий душой не смущен,
К дружине, к вождю не направился он.
Дал знак, чтобы грянул призывно кимвал,
Чтоб Тус-предводитель свой стяг поднимал.
Спустилась к подножию грозная рать,
Готовая копья в крови омывать.
Окончилось к полдню движенье дружин,
Меж них — два фарсанга в просторе равнин.
От копий стемнело вокруг. Темнотой
Окутался солнечный диск золотой.
Гул, клики наездников, ржанье и стон
В горах отдаются, летят в небосклон.
Секиры, крича, седоки занесли —
Сказал бы ты: камни крыла обрели.
Кровь воинам руки по локоть багрит,
И стонет земля под напором копыт.
Трусливый трепещет, мечась и стеня,
Отважному саваном стала броня.
Камус-богатырь в наступленье зовет:
«Хотя бы преградою встал небосвод —
Смелей заносите мечи, булавы,

Кидайтесь вперед, словно лютые львы!
Пожертвовать жизнью готов удалец,
Не то — неизбежен бесславный конец».

[Бой Ростема с Ашкбусом]

Воитель Ашкбус перед строем воззвал,
Как будто взгремел перед боем кимвал.
Он витязя ждал из иранских рядов,
Сильнейших бойцов ниспровергнуть готов.
Кричал он: «Эй, храбрые, в честном бою
Кто явит сегодня отвагу свою?
Кто выйдет помериться силой со мной?
Чья кровь здесь прольется горячей волной?»
Как море, вскипела Роххама душа,
И с кличем ответным навстречу спеша,
Героя кешанского взяв на прицел,
Его осыпает он тучею стрел.
Но всадник воинственный — в латах стальных,
И стрелы, что веянье ветра, для них.
Стал тяжкою палицей биться Роххам,
Борьба затянулась, нет мочи рукам;
Не смог он пробить исполина шелом,
Хоть пылко победы искал над врагом.
Тогда размахнулся Ашкбус булавой,
И мир стал железом, а небо — смолой.
От этого взмаха могучей руки
Роххама шелом разлетелся в куски.
Объятый смятеньем и жизни не рад,
Роххам обессиленный мчится назад.
Разгневан, хотел уже ринуться Тус
Туда, где горой возвышался Ашкбус.
Ростем удержал возглавлявшего рать:
«Роххаму бы только вино попивать!

За чашей сопернику спуску не даст,
Меж витязей удалью хвастать горазд —
И что же? Лицом пожелтев, как сандал,
Взять верх над собою Ашкбусу он дал!*
Держи наготове дружину свою,
Я, пеший, врага испытаю в бою».
Он на руку лук оснащенный надел,
За пояс засунул он несколько стрел
И крикнул: «Эй, муж, вызывавший на бой!
Пришел твой противник. Куда же ты? Стой!»
Кешанец коня придержал, изумясь,
И смех исполина просторы потряс.
Спросил он: «Тебя, злополучный, как звать?
Кто будет над телом твоим горевать?»
Ответил Могучий: «Что имя тебе?
О горькой своей поразмысли судьбе!
Мать смертью твоею меня назвала,*
Тебя сокрушить мне звезда предрекла».
Воскликнул кешанец: «Смотри, без коня
Мгновенную примешь ты смерть от меня!»
На это ответ он услышал такой:
«Безумец ты, жадный до крови людской!
Иль пеших не видел, как в битву идут,
Как головы вражьи под камень кладут?
А тигры и барсы в твоей стороне
Сражаются разве верхом на коне?
Победа и пешему мне по плечу,
Я пешим сражаться тебя научу!
Мне пешим сразиться приказывал Тус,
Чтоб отдал коня боевого Ашкбус,
Чтоб спешил я в битве врага своего,
Чтоб все посмеялись над спесью его
Ведь стоит здесь каждый из пеших стрелков
Трех сотен подобных тебе седоков!»

Воскликнул Ашкбус: «Где доспехи твои?
Иль шуткой да ложью ведешь ты бои?»
Ростем отвечал: «Видишь стрелы и лук?
Поверь, от моих не спасешься ты рук,
Хоть гордо глядишь, быстроногим кичась!»
Он лук исполинский напряг, и тотчас
Каленой стрелою коня поразил,
Скакун зашатался и рухнул без сил.
Ростем засмеялся и крикнул: «Ну, что ж
Ты слез над своим драгоценным не льешь?
Близ милого друга, усядься в тени,
От жаркого боя часок отдохни.
Ты чванился этим ретивым конем,—
Кто ж, если не ты, будет плакать о нем?»
От злобы всем телом Ашкбус задрожал,
Схватился за лук, пожелтев, как сандал,
В Ростема он мечет стрелу за стрелой.
Но молвит Могучий: «Напрасно устать
Придется, боюсь, этим хищным очам
И черному сердцу, и жадным рукам!»
Он мощную руку за пояс продел
И выбрал одну из самшитовых стрел.
Блистал, как вода, наконечник стрелы,
Ссудили ей перья степные орлы.
Рукой по чачийскому луку скользнул,
Упругую кожу к себе потянул,
И правым коленом на землю он стал,
А левую ногу опорой держал.
Сильнее натянута кожа, и тут
Чачийского лука послышался гуд
Когда же зарубка до уха дошла,
Пронзительный звук тетива издала.
Чуть к пальцу приник наконечник стальной,
Уже очутился за вражьей спиной.

Лишь витязь Ашкбуса стрелою пронзил,
Колена пред ним небосвод преклонил.
Рок вымолвил: «Жить!», ангел вымолвил: «Цвесть!» *
Мир вымолвил: «Слава!», бог вымолвил: «Честь!».
Упал бездыханным кешанский дракон,
Как будто на свет он и не был рожден.
Глядят, онемев, изумленья полны,
Воители с той и с другой стороны.
Дивятся Камус и китайский хакан:
Кого не дивил бы такой великан?
Вот поле сраженья покинул Ростем,
Хакан верхового отправил затем,
Извлек он из тела стрелу, и была
Кровавой по самые перья стрела.
Пред строем бойцов положили ее,
И думают все: не стрела, а копье!
При виде стрелы удивительной той
Хакана состарился дух молодой.
Спросил у Пирана: «О, кто он, скажи,
И как величают героя мужи?
Мне горстью ничтожной представил их ты,
Слабейшими в мире ославил их ты,
И что ж? Их стрела не уступит копью,
Гора содрогнется пред ними в бою!
Нас верить заставил ты лживым речам,—
Иное сегодня предстало очам!»
А тот: «Я не знал средь иранских мужей
Владельца стрелы столь чудовищной: с ней
Ствол дуба, и то бы сравниться не мог.
Кто ведает, что предназначил нам рок!
Лишь Туса и Гива мужами я звал,
Их ратную доблесть и мощь признавал.
Но в битвах не раз, добиваясь побед,
Пред Тусом Хуман омрачал белый свет.

Не знаю, как имя иранцу тому,
И есть ли меж нами соперник ему.
В шатер возвратиться к себе поспешу,
Об имени том ненавистном спрошу».

[Пиран расспрашивает о Ростеме]

Вернулся, задумчив и бледен лицом,
Расспрашивать стал о воителе том.
Промолвил Пирану Хуман-удалец:
«Бессильным врага не считает мудрец.
Веселье в сердцах у иранских бойцов,—
Ты скажешь, любой гнуть железо готов!
Немолчные клики в их стане звучат
С тех пор, как пришел из Ирана отряд».
И слышит: «К иранцам, не ведаю с кем
Пришло подкрепленье. Коль то не Ростем,
Поверь, не грозит он погибелью нам,
Не ранят мне сердца Горгин и Роххам.
Силач у иранцев единственный — Тус,
Горгин с Фериборзом — не то, что Камус.
К большому сраженью готовьте войска,
Да будет их слава в бою высока!»
Оттуда к Камусу Пиран поспешил,
Меншура, Фертуса шатры посетил
И молвил: «Явили сегодня бойцы —
Кто волка сильней, кто слабее овцы».
Камус отвечает: «В минувшем бою
Стыдом запятнали мы славу свою.
В кровавом сраженье повержен Ашкбус;
Гив ныне ликует, злорадствует Тус!
Теперь поразмыслим, как боль исцелить
И мщения жажду нам как утолить.
Тот пеший воитель мне сердце разбил,

Он воинов наших оставил без сил.
Не сыщешь такого, пройди хоть весь свет,
Средь нас исполину соперника нет.
Чудовищен лук, непомерна стрела,
Мощь львиную сила его превзошла.
Должно быть, систанец воинственный тот, *
Что столько тебе причиняет забот,
Иранским бойцам подкрепленье привел
И пешим на поле сраженья пришел!»
«О нет,— услыхал он,— Ростем не таков,
Искусней, отважней он всех ездоков».
Сказал проницательный муж боевой,
Томимый загадкою той роковой:
«Систанского витязя ты опиши,
Приметы его и черты опиши:
С оружьем каким в поединок идет,
Какие с противником речи ведет.
Поведай про силу, осанку и вид,
И как состязаться мне с ним надлежит.
Коль витязь прибывший — Ростем, то к войне
Сегодня готовиться надобно мне».
Ответил Пиран: «Да минует он нас,
Прибытья ростемова гибельный час!
Муж, статный, как тополь, обличием он *
Прекрасен, и полон величием он.
Пред ним не однажды и сам Афрасьяб
В боях отступал, беззащитен и слаб.
Привержен Хосрову, средь грохота сеч,
Он первым заносит отточенный меч.
Поныне им царь Сиавуш не забыт,
За гибель питомца Турану он мстит.
Бесстрашно схватившись один на один,
Свирепого льва сокрушит исполин!
Доспехов его не поднять никому, *

Хоть витязей много стремилось к тому.
Коль палицу в битве он бросит, вовек
Не сдвинет ее и чудовище рек.
Сетиров с десяток в стреле; тетива — *
Из кожи дубленой могучего льва.
Верь, твердости меньше, чем воск, сохранит
В деснице его богатырской гранит.
Могучий, кольчугу надев пред войной,
Затем облачается в панцирь стальной,
Поверх — одеянье из барсовых кож,
Которому равных нигде не найдешь.
Та барсова кожа в военные дни
Дороже кольчуги ему и брони.
Ее ни вода, ни огонь не берет,
В ней, словно на крыльях, летит он вперед.
Чубарый его — небывалый скакун,—
Ты скажешь: несется гора Бисотун.
Не молкнет в сраженьях тот яростный конь,
Из камня ногой высекает огонь.
И все же Ростем не сравнится с тобой,
Твоею победой окончится бой.
Такая осанка и сила, и стать —
Тебе ль победителем в битве не стать?»
Хоть разумом острым Камус наделен,
Охотно внимал предводителю он;
Те речи для слуха приятными счел,
От них возгордился и сердцем расцвел.
Пирану Камус отвечает: «Герой,
Будь радостен сердцем и ясен душой!
Все клятвы, какие захочешь ты сам,
Какие давать подобает князьям,
Я ныне готов пред тобой принести,
Чтоб душу твою от унынья спасти.
С коня до победы не сброшу седла,

Всей силой, какую судьба мне дала,
Врагов сокрушу, и вздохнешь ты легко,
Земля им с игольное станет ушко».
Камуса Пиран славословит, склонясь:
«Правдивейший муж, прозорливейший князь!
В бою торжество обретешь ты, поверь!
Недолго сражаться осталось теперь».
По стану Пиран неустанно ходил,
И ставку вождя, и шатры посетил;
Такие же речи услышал хакан,
Пред каждым воителем вел их Пиран.

[Иранцы с туранцами сходятся на поле брани]

Лишь в небе заря заалела, и ночь,
Смятеньем объятая, кинулась прочь,
Пришли к властелину Китая в шатер
Вожди боевые, чей разум остер,
Известные ратным искусством своим;
Воинственной яростью каждый палим,
Камус, победитель слонов боевых,
Меншур — небосвод меж бойцов верховых,
Шугнан предводитель и Хинда глава,
Герой из Саклаба и Синда глава.
Друг другу поведали думы свои,
Решили: пусть новые грянут бои!
Вновь руки в крови омывать поклялись,
И, кончив совет, по шатрам разошлись.
Но вот, чернокудрою ночью смущен, *
Стал месяц небесный и худ, и согбен,
И солнце победно над ним вознесло
Омытое утренним блеском чело.
Стан каждый поднялся, волненьем объят,

И клики бойцов к небосводу летят.
Промолвил хакан: «Наступать нам пора,
Сегодня уж медлить нельзя, как вчера!
Иль, кроме Пирана, мужей не сыскать,
Достойных вести против недруга рать?
На помощь туранцу из дальних земель
Сошлись мы: победа — единая цель.
Коль медлить мы станем в борьбе удалой,
Позор обретем вместо славы былой.
А если врага бы сломили. тогда б *
Нас щедрой рукой одарил Афрасьяб.
Все двинемся разом громадой-горой,
Нагрянем внезапно на вражеский строй!
Здесь собраны рати десятка держав,
Не время теперь для пиров и забав».
Хакана мужи окружили потом,
Все витязи просят его об одном:
«Сегодня воителей ты возглавляй,
Прими под начало Туран и Китай!
Пусть битву твоя направляет рука,
Чтоб ливень мечей лили тучи-войска».
Дружине иранской великий Ростем
Такие слова говорил, между тем:
«В бой смертный пора! Среди наших дружин
Убитых немного — на сотни один.
Забудьте тревогу, не должно тужить!
Без чести и славы нам незачем жить.
Лишь тело Ашкбуса земля приняла,
Умчались туранцы, черны, как смола.
Изрезав чело бороздами морщин,
Все яростно риньтесь вперед, как один!
Я Рехша теперь своего подковал,
От крови зардеет мой меч, словно лал.
В бой! Новая ныне восходит заря!

Мир будет во власти Хосрова-царя!
Смелее вперед, удалые бойцы!
И серьги достанутся вам, и венцы,
Тончайшие ткани — Кабула дары,
И злато в мошнах и Забула дары».
Все славят Могучего наперебой:
«Да будет венец неразлучен с тобой!»
Спешит облачиться в доспехи герой,
Готовый стремительно ринуться в бой.
Оделся в кольчугу и панцирь, затем
И барсову кожу накинул Ростем.
Надвинул из стали китайской шелом,
И недруга смерть уж коснулась крылом.
Так волей создателя, в бой снаряжен,
На Рехша вскочил он, могучий, как слон.
Помчался, весь мир повергая во тьму,
И небо дивилось герою тому.

[Битва Камуса с Алвой]

Литавры неистовый подняли шум —
И времени нет для сомнений и дум.
Колеблются скалы, равнина дрожит,
Земля застонала от конских копыт.
На правом крыле — именитый Камус,
Слоны позади, дальше — воинский груз.
На левом — воитель из Хинда с полком,
Закованный в латы, с румийским клинком.
Хакан середину дружины ведет,
От пыли густой потемнел небосвод. *
Пред строем иранцев под тяжестью лат
Шел справа Гудерз, чей родитель Гошвад,
А левая часть Фериборзу дана,
Он светит, как солнце в созвездье Овна.

Гус, отпрыск Новзера, возглавил войска,
Труба заревела, грозна и громка.
И клики со всех раздаются сторон
Такие, что мог бы оглохнуть и слон.
Уж пламя вставало из сердца волны...
И в снах не видали подобной войны!
И первым, от ярости пеня уста,
Туда, где легла меж войсками черта,
Помчался Камус, многомощен, суров,
Владетель кимвала, дружин и слонов.
Огромною палицей вооружен,
Вскричал полководец, как бешеный слон:
«Где пеший воинственный тот исполин,
Соперника звавший средь наших дружин?
Пусть выйдет на битву стрелок удалой!
Покончу я с луком его и стрелой».
Но Гив и Роххам, и воинственный Тус
Все знали, как грозен в сраженьях Камус.
Недвижны они, на воинственный зов
Не вышел никто из иранских бойцов.
Сражаться невмочь с великаном таким,
Он тигр, а воители — лани пред ним.
Во гневе, Камуса услышав слова,
Свой меч обнажил лишь забулец Алва.
Вослед за Ростемом скакал он с копьем,
В боях неразлучный с великим вождем.
Учился он долго искусству езды;
Немалые также затратил труды,
Учась у Ростема врагов побеждать,
Сражаться булатом и стрелы метать.
Мудрец говорил в стародавние дни — *
Его поучение в сердце храни:
От блеска своих совершенств не хмелей,
Страшись обольщаться отвагой своей.

Возможно ль родник против моря вести?
Безумной затею такую сочти!
Как вздумал не знающий страха Алва
Напасть на Камуса, кешанского льва,—
Вкруг поля воители встали стеной.
Помчался Камус будто хищник степной,
Копьем он Алву приподнял над седлом
И сбросил, о землю ударив челом;
Наехав, так яростно тело топтал,
Что прах стал от крови краснее чем лал.

[Поединок Ростема с Камусом]

Могучий утратой Алвы разъярен,
За длинный аркан свой хватается он,—
Когда выходил против недруга в бой,
Лишь петлю и палицу брал он с собой...
Взревел, точно слон, исполинов глава,
При нем и аркан, и его булава.
Воскликнул Камус: «Не кичись, удалец,
Сей нитью, в которой десятки колец!»
Ответ был: «С рычаньем воинственный лев
На жертву кидается, рассвирепев!
В бой первым ты ринулся, злобой горя,
Убил ты иранского богатыря.
Ты нитью зовешь мой аркан: погоди ж,
Ты мертвую хватку его ощутишь!
Недаром судьбина сюда привела:
Тебя здесь, кешанец, могила ждала!»
Камус вороного хлестнул, разозлен.
Противник с арканом страшнее, чем слон.
Взлетел над Ростемом блистающий меч,
Готовый главу исполину отсечь,
Но шею задеть лишь успел он коню,

Рассекши на нем боевую броню.
Остался стремительный Рехш невредим.
Ростем замахнулся арканом своим,
Метнул, и петлею Камуса настиг;
Он Рехша-громаду погнал в тот же миг.
И слон полетел, обратившись в орла.
Ростема нога на аркан налегла,
Витками себя обмотать он спешит.
Камус, что есть мочи, коня горячит,
Всем телом налегши, он рвется вперед,
Надеясь, что путы свои разорвет.
В беспамятство впал, а петли не порвал
Могучий тогда скакуна удержал,
Напрягши поводья, мгновенно совлек
Кешанца с седла, повалил на песок,
Плененному руки арканом связал
И молвил: «Отныне безвреден ты стал!
Заклятья свои позабудь! Отдаю
Злым дивам нечистую душу твою».
И, пеший, доставил он в стан силача,
Под мышкою, в путах его волоча.
На землю швырнул и воскликнул: «Итак,
Повержен опасный и мстительный враг!
Сей мир переменчивый смертному шлет
То горечь паденья, то радости взлет.
Сегодня ликуешь, а завтра — в тоске,
Тот в небе главой, тот главою в песке.
Смотрите, пред вами могучий герой,
Вступавший со львами свирепыми в бой,
Ирану грозил он мечом и огнем,
Хотел, чтобы хищники рыскали в нем,
Клялся города и селения сжечь,
Кабул и Забул разоренью обречь,
Покоя, твердил, до тех пор не найдет

Доколе сын Заля Ростем не падет...
Но прах злополучному станет венцом,
И саваном станут броня и шелом!
Вольны вы теперь супостата казнить,
Камусовой жизни оборвана нить!»
Врага пред вождями поверг он во прах.
Спешат к исполину с мечами в руках
Иранцы, и вот он изрублен, убит,
И кровь обагрила песок и гранит.
Таков уж обычай небес и времен:*
Тот — счастлив, тот — горестью обременен.
Немало нам бедствий сносить суждено,
И доблестью их отвратить не дано.
О смертный, средь шума мирской суеты
Тщеславною думой преследуем ты,
Отвагой своей обольщенный, ты слеп,—
Увы!— не уйдешь от десницы судеб!
Добру будь привержен, противься ты злу,
Ведущему нас воздавая хвалу...
Здесь сказ о Камусе кончается: он,
Всем смертью грозивший, был сам умерщвлен.
Начну я теперь о хакане рассказ, *
[32472] О мести, о битвах в Туране рассказ.

ПРИЛОЖЕНИЯ

КОММЕНТАРИИ

При комментировании второго тома «Шахнаме» остались в силе принципы, положенные в основу комментариев к уже вышедшему первому тому: это — прежде всего комментарий к оригиналу поэмы Фирдоуси, а не только переводу. Таким образом, комментарий закономерно появляется иногда там, где в переводе, казалось бы, все ясно. Когда в комментарии отмечаются неточности перевода, это не указание на «ошибки» переводчика, а стремление донести до читателя то или иное место оригинала во всех деталях, что не всегда позволяет поэтическая форма перевода. Равным образом нередкие случаи перестановки стихов оригинала или их опущение, оговариваемые в комментарии, не должны рассматриваться как произвол переводчика, а являются либо результатом критического отношения к тексту Вуллерса — Нафиси, либо вызваны особенностями строя русского языка.

При работе над данным томом, кроме основного текста Вуллерса, использовалась также старейшая Лондонская рукопись поэмы (см. том I—Вводный очерк, стр. 475 и 481), при спорадическом обращении к другим оригиналам, в частности к вариантам Парижского издания (сокращенно.— Пар. изд.— имеется в виду знаменитое издание J. Mohl'a, см. том I, стр. 477) и Калькуттского издания (сокр.— Кальк. изд., Turner Macan'a, см. том I, стр. 476).

Как и в томе I, на наличие комментария указывает звездочка (*) в конце стихотворной строки. Примечание дается под порядковым номером соответствующего стиха. В отношении транскрипции, условных сокращений и других моментов оформления см. том I, стр. 599—600.

Нумерация стихов перевода дается в томе II заново, т. е. с первого стиха. В квадратных скобках при первом и последнем стихах перевода даны цифры, отражающие суммарное (по I и II томам) количество переведенных строк («полубейтов») поэмы.

1—2962 [Сказ о Сохрабе] — в тексте Вуллерса — Нафиси просто «Сохраб». Некоторые рукописи, в том числе Лондонская, дают «Сказание о Ростеме и Сохрабе». В большинстве переводов, в том числе

и в первом русском переводе В. А. Жуковского, именуется «Ростем и Сохраб». Несомненно, что этот развернутый эпизод «Ростемиады», законченный и с большим мастерством и внутренней силой оформленный Фирдоуси, принадлежит к числу наиболее известных и прославленных в литературах почти всех народов мира. Он пользуется особой популярностью и в родной иранской среде. В этом смысле из эпизодов огромной поэмы с ним может, бесспорно, соперничать лишь сказание о восстании кузнеца Каве.

В поэме Фирдоуси «Сказание о Ростеме и Сохрабе» — только эпизод «Ростемиады». В эпосе иранских народов известен цикл сказаний о Сохрабе, его сыне (Барзу) и внуке (Шахриаре), оставшихся вне поэмы Фирдоуси.

Мотив смерти неузнанного сына от руки неопознанного отца известен преданиям почти всех народов мира. Нет оснований, да и просто необходимости, объяснять аналогичные сюжеты исключительно «влиянием»—заимствованием из иранского эпоса вообще, из «Шахнаме» Фирдоуси в частности, но, с другой стороны, многие (народные в своей основе) предания в процессе живого общения переплетались, наслаивались друг на друга и, как правило, подчинялись основному — национальному ядру эпоса, арменизировались, тюркизировались и т. п. Наконец, не исключен, а вполне закономерен, и факт прямого литературного влияния.

Важно отметить, что сказание о Сохрабе не входило в состав основного источника версификации Фирдоуси — «Мансуровского» (точнее: «Абу-мансуровского») прозаического «Шахнаме» (см. том I, стр. 473) и было внесено автором из другого источника. Фирдоуси органически сливает привнесенный эпизод с общей линией повествования, делает его даже известной кульминацией всего «Ростемовского цикла».

1—28 Знаменитое лирическое «отступление» Фирдоуси. Иногда оформляется подзаголовком «Начало сказания о Сохрабе».

2 Ростем — иранский богатырь (см. прим. 7902—7903 в томе I). Сохраб — сын Ростема и Тахмине. Имя Сохраб (Сухраб) носили и многие другие исторические и эпические персонажи, в том числе и в поэме Фирдоуси. Само имя Сохраб— составное: из *suhr*>*surh* (др. перс. *thuhra*) красный и *âb* — сияние, блеск. Оно означает примерно: «Обладающий красным блеском» (как вино, рубин и т. п.), т. е. вариант общего значения «прекрасный».

5 Невызревший плод — в подлиннике *торондж* — переводившееся иногда как «апельсин», «померанец» и другие из семейства цитрусовых, что ближе к оригиналу.

14 Но дверь ни пред кем не открылась досель.— Мысль о непостижимости закона смерти с большой глубиной и силой выражена многими мыслителями и поэтами Ирана, близкими к эпохе создания «Шахнаме». Так, в одном четверостишии Абу-Али-Сина (Авиценны) находим горестное признание, что все загадки мироздания раскрылись перед его пытливым умом, «кроме тайны смерти» (*Хăр бăнд гошаде шод мăгăр бăнд-е ăджăл*). Четверостишие это приписывали Хайяму. Как «общее место», ставшее просто традиционным выражением, эта мысль встречается у многих позднейших поэтов Восточного Средневековья.

26—36 Здесь в десяти строках перевода отражены восемь бейтов оригинала по тексту Вуллерса. Переводчик опустил в общей сложности шесть строк (три бейта), по существу варьирующих кое-что из сказанного выше. На наш взгляд, весь конец носит следы интерполяции (ср. след. прим.).

34 Благие деянья с собой унести.— Мысль о вечности доброго имени, добрых дел, разумеется, характерна для автора, что не раз уже было нами отмечено. В основу перевода данного бейта положена Лондонская рукопись. Но в оригинале Вуллерса вместо «благих деяний» стоит слово «Ислам», что подтверждает высказанную нами мысль о следах мусульманской обработки (интерполяций).

37—39
Поведаю сказ миновавших времен,
Который дехканом до нас донесен.
Дехкану рассказывал старый мобед...

Поэт ссылается на «слова дехкана» (*зе гофтар-е дехкан*), возможно содержащиеся в какой-то книге, но эта книга — не Мансуровское «Шахнаме» — основной источник версификации Фирдоуси (см. Вводную статью, том I, стр. 473—474).

50 Даритель венцов — характерный для Ростема эпитет подлинника *тадж-бăхш*, т. е. венчающий на царство.

83—86 Эти четыре строки введены переводчиком из вариантов Калькуттского издания поэмы (Turner Macan). Они исключены из основного текста Вуллерса — Нафиси как «явная интерполяция». В то же время они уточняют развитие сюжета.

92 Семенган — древний город в плодородной долине р. Хульм (в верховьях Аму-Дарьи). Название засвидетельствовано китайским путешественником VII в. н. э. Сюань-Цаном (Хэлусиминь цзянь) и сохранялось до XV в. Семенган — некогда важный стратегиче-

ский и торговый пункт на путях в Индию. По указанию В. В. Бартольда («Иран», стр. 15), его местоположение совпадало с современной крепостью Хейбак (близ города Баглана в горах Гиндукуш).

96 Барсова шкура — в тексте обычное «*бебр-е бейян*». Так в эпосе назывался панцирь Ростема.

139—140

Спеша, не добьемся удачи ни в чем,
Терпеньем — из щели змею извлечем...

Терпенье, как основная практическая добродетель человека неизменно рекомендуется и книжно-религиозной (традиционно зороастрийской и мусульманской), и народной мудростью (ср. такие популярные арабские изречения-пословицы, как: «терпение — ключ радости», «поспешность — от шайтана» и т. п.).

Второй стих представляется одним из вариантов народной иранской поговорки: «Сладким языком и змею из норы вытащишь».

157 И руд сладкозвучный в руках у певца...— Здесь в рукописях поэмы много несущественных вариантов с перестановкой бейтов. В переводе три бейта оригинала (указанные стихи) даны вольно — по общему смыслу.

181 Техмине — женское имя, пожалуй, уникальное. От иранского корня *tahm*, *tam*, *taxm* — крепкий, мощный (ср. Техемтен — эпитет Ростема). Дочь царя Семенгана, жена Ростема мать Сохраба.

204 Душой изнывала в тоске по тебе.— В подлиннике здесь специфичный образ — нередкий в классической и народной поэзии: «... кусала (зубами) губы». Кусать губы, руку, палец — выражение не только скорби, боли, тоски, но и досады, изумления.

207—208

Твоя, коли хочешь, я с этого дня;
Другому вовеки не видеть меня.

В оригинале дословно: «Я твоя теперь — если ты захочешь [иметь] меня.* Не увидит меня [никогда] ни птица [в воздухе] ни рыба [в воде]» — тоже традиционный образ.

237 Здесь переводчиком — не без основания — пропущен бейт оригинала (кстати отсутствующий в Кальк. изд.): «Когда лучезарное солнце с высокого небосвода хотело набросить (черно-) мускусный аркан...», что логически не увязывается с последующим изложением. В старом переводе С. Соколова дано иное толкование пропущенного бейта: «Когда ж на высь небес блистательное солнце *

Взошло, отбросил он [Ростем] из мускуса аркан [черные косы возлюбленной]». Это более обосновано логически, но грамматически сомнительно.

247 Сам — дед Ростема, богатырь Сам-Нериман (см. прим. 4537—4538 в томе I).

266 Здесь пропущен бейт, имеющийся в тексте Вуллерса, но явно дублирующий уже сказанное.

306 Афрасьяб — Афрасиаб — владыка Турана (см. прим. 8829 в томе I).

323—326 Из перечисленных героев поэмы многие уже встречались в томе I нашего издания: шах Ирана Кавус — см. прим. 11004, шах Ирана Новзер — 8668—8669, его сыновья Тус — 9181 и Гостехем — 9181, иранские витязи Бехрам — 12140 и Горгин — 12634; Гудерз — лишь упоминавшийся в томе I, на страницах данного тома часто играет активную роль. Впереди описание его единоборства с Пираном — одна из замечательных страниц поэмы. Гудерз (Gōtarzes) — по эпической генеалогии потомок кузнеца Каве (см. прим. 1629 в томе I), родоначальник многочисленной семьи («Шахнаме» и предания говорят о семидесяти и более сыновьях Гудерза, павших в боях с туранцами). Уже были названы его сыновья: Шейдуш, Нестух, Бехрам, Роххам, Ферхад, Хеджир, Ноузад. Дочь его—Шехр-бану была женой Ростема, а Гив, наиболее значительный из сыновей, был женат на дочери Ростема от той же Шехр-бану, т. е. на своей племяннице — Бану-Гошесп (обычные в зороастрийской среде браки между близкими — кровными родственниками). Активный борец с Тураном, близкий к новому владыке Ирана Кей-Хосрову, Гив представляется одной из основных фигур в сонме богатырей Ирана — сподвижников величайшего из них — Ростема. Гив (*G·w* пехл. *Wēw*) часто встречается у пехлевийских и арабоязычных авторов, в том числе в сонме «бессмертных» из окружения Саошианта — грядущего в веках «спасителя мира» зороастризма. В «Шахнаме» Гив — отец Бижена, героя известного романтического сказания «Бижен и Мениже».

375 Кит — в подлиннике *гав махи*. По-видимому, речь идет о космогонической исполинской рыбе, плавающей в безмерном океане и несущей быка, который, в свою очередь, поддерживает землю.

412 ... спущены в воду Сохраба челны.— Примерно так и в подлиннике: *ке афгäнд Сохраб кäшти бäр аб*. Нет необходимости видеть в этом образе реальное отражение похода на судах (скажем, для

переправы через Джейхун, т. е. Аму-Дарью). По-видимому, здесь просто выражение готовности к походу. Ведь дальше о судах и реке нет и помину.

427 Барман и Хуман — туранские витязи Барман — брат знаменитого Пирана. У арабоязычных авторов иногда именуется Бехрамом. Хуман — сын Висе (см. прим. 8825—8827 в томе I), сражавшийся с иранцами — Тусом и Биженом. Интересно отметить, что имя туранца Хумана может быть сопоставлено с названием обожествленного хмельного сока иранской религии Хаома.

488 Хеджир — *хäджир* (форма в изв. степени традиционная, засвидетельствована, в частности в «Ферхенге Джехангири»). Этимологически правильно: Ходжир (авест.— Hučithra, пехл.— Hūčihr) со значением, примерно, «обладатель прекрасного облика». Сын Гудерза возглавлял оборону Белой Крепости при Гождехеме.

490—491
А княжил над краем и городом тем
Муж славного рода седой Гождехем.

Гождехем (этимологически более правильно Геждехем). В «Шахнаме» — правитель пограничной с Тураном области и города-цитадели Белая Крепость, отец Фируза и героической Гордаферид... У некоторых авторов — князь из рода Гивеган или сын Гивегана.

Формально эти два стиха не опираются на текст Вуллерса. Там в соответствующем бейте говорится о Гостехеме — малолетнем сыне Гождехема, но с противоречием именования Гордаферид (см. ниже) — дочерью последнего (в примечании в вариантах есть правильное «сестра». Поскольку дальше Гостехем не появляется в Сказании — было бы непонятно его сохранение в переводе, где соответственно введен связанный с контекстом Гождехем. Во всяком случае точность текста Вуллерса здесь под сомнением.

503 Не хочешь ли имя и род свой назвать?—Эпическая традиция опроса противника и самовосхваления-устрашения перед началом боя.

513—516 Здесь в переводе допущена перестановка смежных бейтов.

543 Гордаферид — правильнее Гордафрид, дочь Гождехема, иранская героиня и один из пленительных женских образов «Шахнаме». Имя Гордаферид — составное из *gurd* (герой) и *afriti* (благословенная).

566 Китайский шелом — в оригинале *торг-е чини* (в вариантах — *руми*). Таким образом, туранец Сохраб надевает китайский шлем, а иранка Гордаферид — румийский. Жители Средней Азии (ту-

ранцы) географически ближе к Китаю, чем персы Запада (иранцы), которые ближе к Руму. Но едва ли боевое одеяние героев здесь — результат особой бытовой точности автора (в других случаях туранцы носят румийские шлемы, иранцы — китайские и т. д.). Скорее это «счастливая» случайность.

580 Как птица взвилась...—В подлиннике дословно «ее (Гордаферид) скакун поднялся над высоким облаком».

585 ...с быстротой грозового огня.—В подлиннике: «подобно Азер-Гошеспу [гению огня и молнии]».

592 Так мяч похищает проворный човган.— Здесь, конечно, известные термины игры в поло: мяч и клюшка (*Гуй-о чоуган*).

680 ... и грянет возмездия гром! — В оригинале дословно: «Когда вращающееся небо похитит твой головной убор-венец» (идиома).

731 Здесь пропущен сомнительный бейт: *чо авав-е у рä'д-е горрäнде нист* чо базуйе у тиғ-е боррäнде нист*, т. е. «гремящий гром не таков, как его голос [клич], секущий меч не таков, как его рука». (Кстати этот бейт отсутствует в Калькуттском издании.)

759—762 В переводе допущена перестановка двух смежных бейтов.

803—862 Здесь в издании Вуллерса—Нафиси оговаривается пропуск 54 бейтов Калькуттского издания, как «явной интерполяции». В нашем переводе из этих бейтов использованы 30, включенных в общий текст, как естественное — по мнению переводчика — развитие сюжета. Действительно, стих 802 («О горе, за тучами скрылась луна») без последующего дополнения как бы оставляет эпизод незавершенным. С другой стороны, отвергнутые Вуллерсом бейты — сомнительны, по меньшей мере. Но без них остается впечатление лакуны. В виду изложенного переведенные бейты включены в общую нумерацию.

906 Твой меч и с Бехрамом бы мог совладать.— Здесь Бехрам — иранское название планеты Марс, соответствующее арабскому — Мирих (см. прим. 6115 в томе I). Так в старом переводе С. Соколова и сказано: «От твоего меча сожмется даже Марс». В основе новоперсидского имени Бехрам — авест. Verethragna — гений победы.

907 Пыль стычек твоих даже Нила темней.— В оригинале: *чо гäрд-е пей-е рäхш-е то нил нист*—т. е. «нил не бывает подобным праху (поднятому от) ноги Рехша твоего». Но слово *нил* имеет два смысла: это и индиго, и название реки Нил (*руд-е нил*).

С какой же точки зрения характеризуется «пыль, поднятая на бегу Рехшем»? Говорит ли поэт о том, что она темная, как краска индиго,

или сильная, как река Нил? Так или иначе перевод отражает двойственный по существу образ подлинника (обычный у поэтов классиков).

963 Будь он из иранцев, дивиться б не след.— В подлиннике «из благородных» (*азадеган*). Имеются в виду благородные (в сословном смысле) иранцы—«азадан» (=азаты), т. е. военная землевладельческая каста Сасанидского Ирана.

986 Теперь мы к почтенному Залю пойдем.— Напомним, что Заль-Дестан, владетельный князь Систана-Забула, уже при жизни своей (как это было с Феридуном и Менучехром — см. в томе I) предоставляет фактическую власть сыну своему Ростему, но, естественно, сохраняет положение главы рода.

1023—1024
Наполнились чаши во славу царя
И Заля, достойного богатыря.

Здесь *Дестан* понимается как имя Заля. В подлиннике: *бе мей дäст бордäнд о мäстан шодäнд* зе йад-е сепäхбäд бе дестан шодäнд*, — что в переводе С. Соколова дано как:

«Так, взявшись за вино, они беспечно пили
И к песням перешли от мыслей о царе.

Здесь *дäстан* понимается как сказ, былина, т. е. *дастан*

1054 Зеваре — сводный брат Ростема (см. прим. 14193 в томе I).

1068 Вскричал без стыда повелитель держав.— В оригинале: «Сначала он [Кавус] закричал на Гива * Потом оба глаза омыли от стыда», т. е. на Гива еще кричать можно, но на Ростема — нельзя!

1093—1094 Здесь Ростем перечисляет свои главные подвиги (см. примечания к тому I): Сегсар — 6253, Мазендеран — 5235, Рум — 413, Мыср — 13044, Хамаверан — 13063). Упомянут и Чин-Китай, но подвиги Ростема в Китае — не прошлое, а дело будущего (см. «Сказ о Ростеме и хакане Чина» в следующем томе).

1127 Кобад — Кей-Кобад — владыка Ирана (см. прим. в томе I 10522—10523).

1162 У нечисти мазендеранской в плену. (См. в томе I эпизод пленения Кавуса демонами Мазендерана, стр. 359 и след.)

1219 ...умом Кей-Кавус небогат.— В подлиннике даже более резко: *магз нист* — «нет ума» (букв. мозга).

1280 Сравнишь мое сердце с ущербной луной. — Под ущербной луной мы обычно понимаем луну, уменьшающуюся после полнолуния, узкий серп в последней четверти. В оригинале говорится о «новой луне», т. е. о серпе, появляющемся после новолуния. Таким обра-

зом, «ущербная луна» перевода и «*мах-е ноу*» подлинника диаметрально противоположны и, в то же время, дают по существу один и тот же образ — узкого серпа луны, как символа печали, стеснения сердца, ущербности (независимо от фазы).

1290 Этим выступлением Ростема повествование возвращается в законное русло. Покорность суверену — обязанность подданного, его долг и ценимая добродетель феодала. На этот путь повиновения возвращает своего героя автор. Но Ростем покоряется суверену во имя защиты родины и своего народа. Так Фирдоуси вносит патриотические идеи в традиционное сложившееся сказание.

1331—1332 Раскинули стан. Столько конских копыт,
Что степь неоглядная будто кипит.

Этот бейт — в тексте Вуллерса стоит после стиха 1316. Переводчик, перенося бейт, следовал Калькуттскому изданию текста (отмеченного в вариантах Вуллерса). Отметим, что старейшая Лондонская рукопись, не использованная, как известно, Вуллерсом, дает этот бейт выше.

1381 Жендерезм — или (дальше) просто Женд — туранский витязь брат Техмине (матери Сохраба). Имя составлено из слов: *рäзм*— бой и *жäнде* — огромный, и означает примерно «страшный в бою».

1383 Он с нею из царской семьи был одной.— В подлиннике: «был он сыном шаха Семенганской земли».

1390 Последние двенадцать стихов (шесть бейтов подлинника) входят в основной текст Вуллерса, но в Калькуттском издании отмечены звездочкой как сомнительные. Интересно сопоставить с отмеченными выше строками 83—86 и соответствующим примечанием.

1446 Я свой подымать не устану фиал! — Дословно: «Душа моя еще не пресытилась пиром» — *нäйäйäд хäми сир джанäм зе бäзм*»—.

1477—1478 Заря запылала, слепя красотой,
И подняло солнце свой щит,золотой. В оригинале: Вупперса «Когда солнце подняло (свой) золотой щит, судьба подняла голову из небосвода». Перевод дан по вариантам, где вместо *зäмане* — судьба стоит *зäбане* — язык (племени).

1480 Сохраб выезжает на резвом коне.— Дословно: «Сохраб сел на темно-серого, цвета индиго коня» —*джäрмейе нильрäнг*—.

1537—1540 Здесь в переводе допущена перестановка бейтов.

1545—1548 Тоже перестановка бейтов.

1552 Стяг Каве — см. прим. 1770 в томе I.

1574 На помощь Кавусу прислал его Чин.— По оригиналу: «... из Чина

(Китая) один доброжелатель недавно явился к шаху Турана и Чина. Можно отметить, что Чин — обычно в сочетании с Тураном противопоставляется Ирану.

1599 ...Ростема великого зять.— Гив по преданию был мужем Бану-Гошесп (бану-Гошасп). — дочери Ростема от Шехр-бану-Ирем.

1621 Гораз—большею частью Горазе,витязь Ирана (см.прим. 12753—12754 в томе I). Но, возможно, Гораз и Горазе — это разные лица.

1722 Семьдесят шесть сыновей Гудерза. Число сыновей Гудерза варьируется как у Фирдоуси, так и в других источниках.

1725 Шейдуш — сын Гудерза (см. прим. 3743 в томе I).

1765 Здесь допущена перестановка бейтов.

1812 В бой ринуться гневно бойцам повелел.— Дословно: «[Приказал], чтобы всадники-рыцари нахмурили брови» — *сäваран бäруха пор äз чин конänд* —(*бäру* старая форма *äбру*—«бровь»).

1824 Покрепче стянул он кушак боевой.— В оригинале: «повязал свой стан царским (*кейани*) поясом».

1849—1500 Кто резок и сух — тех равняют с землей; Будь мягок, и будешь, как небо, герой! В тексте дословно: «Земля сухая и холодная, воздух — нежный и теплый». Возможно и толкование этой строки: «Воздух-то [которым ты дышишь, живешь]—горяч и приятен, а вот земля, которая скроет тебя, убитого мною, холодная и сухая». Здесь одна строка оригинала выражена двумя — перевода.

1878 Здесь в тексте Вуллерса следует подзаголовок, отнесенный переводчиком на один бейт ниже.

1901—1908 Лирическое отступление Фирдоуси.

1905 От буйвола до обитателя вод.— В оригинале: «Будь то рыба в море (реке), будь то онагр в степи».

1911 Белый Див — владыка дивов Мазендерана (см. прим. 12029 в томе I).

1941 Предшествующий у Вуллерса этому стиху бейт опущен в переводе, как явно сомнительный.

1977—1978 Мы снова сразимся: кому здесь полечь —
Рассудит всесильный карающий меч.

В оригинале этим двум стихам соответствует бейт Калькуттского издания: «Завтра на рассвете мы продолжим бой. Посмотрим, кого же будет оплакивать войско». В основном тексте имеется вариант: *бедин дäшт хäм дар о хäм менбäр äст* ке роушäн джäхан зир-е тигändäрäст*, что в переводе С. Соколова,

например, звучит: «Иль виселица здесь, иль трон на поле будет: Ведь этот светлый мир покорствует мечу».

1980 Но дружен ты с верным булатом — хвала! — Этому восклицанию: «хвала!» в оригинале соответствует: *то хäргäз мämир*, т. е. «никогда не умирай».

1991 Вместо 12 стихов оригинала (6 бейтов) в переводе — 10 стихов.

2009 В переводе пропущен один бейт текста Вуллерса: «Со всех сторон поднял прах боя * Многих мужей из нашего стана убил * А после этого (*во ван пäс...*) скакуна повернул...» и т. д. (стих 2009). Казалось бы противоречие: Ростем убил многих, и тут же Сохраб спрашивает: «Так в нашей дружине из витязей славных никто не убит?» Думается, что можно согласовать эти бейты, допустив, что Ростем поразил многих рядовых бойцов, но никто из славных витязей Турана не погиб от его руки.

2047 К тому же я старый обычай берег.— В древности бой начинали с вызова и единоборства (ср. поединок Давида и Голиафа в Библии, Пересвета с богатырем-татарином в «Сказаниях о Куликовской битве» и многие другие). В единоборство двух витязей обычай не позволял вмешаться другим бойцам — это было делом феодальной (и даже античной) доблести, законом чести.

2131 Джемшид — царь древней династии пишдадидов (см. прим. 815 в томе I); Тахмурес — третий царь той же династии (см. прим. 715 в томе I).

2144 После этого бейта в основном тексте Вуллерса следует заголовок, перенесенный переводчиком ниже. Пять бейтов, идущих у Вуллерса после заголовка, отражены в переводе, с изменением последовательности: 2147, 48, 49, 50, 45, 46, 51, 52, 53, 54.

2180 Бой в мыслях, но к миру стремится душа. — В оригинале бой (*рäзм*) противопоставлен пиру (*бäзм*), т. е. занятию мирному.

2231—2232 Здесь допущена перестановка и пропуск повторяющегося ниже бейта.

2242 Выпущен повторяющийся бейт.

2256 Совет простодушному в сердце проник.— Здесь переводчик следует варианту Парижского издания, данному Вуллерсом в примечании. В тексте Вуллерса так: «Юный храбрец к речи старца * Склонился, но не были эти слова впечатляющими», а в Парижском издании в конце бейта وبمود آن سخن دلپذیر, т. е. «эти слова были впечатляющими».

2275 Я помню властителя мудрую речь.— «Властителю» перевода

оригинале соответствует «шахриар», т. е. государь. Но кто он, этот «властитель»-«государь»? Может быть царствующий (в Туране!) Афрасиаб, или под «государем» разумеется вообще какой-то общеизвестный венценосный мудрец?

2305—2314 Есть основание считать эти десять бейтов оригинала позднейшей вставкой. Их, например, нет в старейшей Лондонской рукописи поэмы, как и в некоторых других.

2349—2350 Эти стихи в подлиннике следуют за лирическим отступлением (стихи 2351—2354). В переводе они переставлены.

2442 Невзгоды пойдут у туранских мужей.— Здесь, как и вообще в большей части случаев, туранцы именуются «тюрками» (см. прим. 2908 в томе I и Вводную статью).

2445—2450 Здесь в переводе допущена перестановка бейтов оригинала.

2585—2586
То, силы великой набравшись, затем
Меня ниспровергнет, погубит Ростем.

Этим стихам в оригинале соответствует следующий, не вполне ясный бейт: *Конäд пäст Ростäм бениру тора* хелак аварäд би гäман мäрмäра* — (с отвергнутым Вуллерсом вариантом Пар. изд.: *шäвäд пошт[е] Ростäм...* и далее сходно с Кальк. изд.). Полагаем, что наиболее близкий перевод бейта был бы таков: «Ростем силою [своей и обретенного сына] унизит тебя [как мою главную опору, а потом] приведет к гибели, без сомнения, [и] меня». Только так представлялось бы нам возможным осмыслить это противопоставление: «тебя» и «меня». Но перевод основан на переосмыслении варианта — с чтением конца *бенирутара*, т. е. дословно «Спина Ростема станет сильнее!», что подкрепляется и Лондонской рукописью.

2609—2610
Сказал: «Что анчар — повелителя нрав;
Он — вечный источник все новых отрав».

Слову Анчар в оригинале соответствует термин «ханзаль». Это — известное на Востоке растение с небольшими арбузоподобными плодами (колокинт — cucumis colocynthus), горькими, но не смертоносными. Дословный перевод бейта: «Сказал ему [=Ростему]: Злой нрав государя — это дерево *ханзäл*. Оно всегда с грузом плодов».

2677 Заль-Зер — отец Ростема (см. прим. 4708—4709 в томе I).

2751 Сын Сама седой.— В оригинале просто: «Дестан, сын Сама».

2789 К Кейвану тот плач непрестанный вставал.—В оригинале «*Фäганäм зе эйван бе Кейван рäсид* — «Вопли ее от эйвана (дворца)

достигали Кейвана (планеты Сатурн)» — т. е. до последней сферы неба (см. прим. 1929 в томе I).

2817—2818

Из крепкой породы воздвигнули склеп.
От слез не один горевавший ослеп.

В подлиннике оригинальное сравнение: *йäки дäхме кäрдäм чо сомм-е сотур*, т. е. он соорудил для него гробницу, как «копыто коня» (прочную?).

2849—2852 Здесь в переводе допущена перестановка бейтов.

2942 Окутана в траурно-синий покров.— Синий цвет, наряду с белым, желтым и черным, на Востоке — цвет траура.

2947 Учил златоуст несравненный Бехрам.— В оригинале: «Так сказал доброречивый (*нику сохон*) Бехрам». И дальше следует до стиха 2958 включительно дидактическое отступление — как бы цитата упомянутого Бехрама. Бехрам,— вероятно, имя одного из мобедов —знатоков преданий о старине. Рассказ или, книга Бехрама, до нас не дошедшая, была основным источником этого сказания, как известно, не включенного в Мансуровское «Шахнаме». Кроме Бехрама, наряду с многочисленными безличными «мобедами» и «дехканами» Фирдоуси на страницах своей поэмы упоминает еще четыре имени сказителей (авторов книг?).

2957 Здесь в переводе пропущен один бейт, явно нарушающий единство отрывка и к тому же сомнительный.

2959—2960

Душа к Сиавушу теперь повлеклась.
Пора, приведу к завершению сказ.

Эти завершающие строки сказа дословно переводятся так: «От этого сказания мы отвратили лицо* Занялись деяниями Сиавуша».

2961—2962

Без слез эту повесть кто б выслушать мог?
Чье сердце бы гневом Ростем не зажег?

Последний в издании Вуллерса бейт, который точно повторяет второй бейт (стихи 3—4 перевода), открывающий сказ о Сохрабе (кольцевое обрамление). Если и не все, то почти все рукописи поэмы дают этот бейт только в начале, но не повторяют его дважды.

В нашем переводе, как было указано выше, изменен порядок стихов внутри бейта 2959—2960; благодаря этой перестановке последние четыре стиха естественно связываются между собою. Если бы такой перестановки переводчик не сделал, но точно следовал изданию Вуллерса, то повторный бейт служил бы не «кольцевым

обрамлением», а просто повис бы в воздухе, не связанный ни логически, ни сюжетно, ни синтаксически с предшествующими и последующими стихами. На наш взгляд, этот бейт — бесспорно позднейшая вставка.

2963—8470 «Сказ о Сиавуше», как и предшествующее сказание, внесено Фирдоуси в «Шахнаме» дополнительно, а не взят из основного источника версификации — Мансуровского «Шахнаме».

Цикл сказаний о Сиавуше неразрывно связан с общим циклом древнейших иранских (это означает — восточноиранских, среднеазиатских) мифов, легенд, эпических преданий.

В «Шахнаме» Сиавуш — эпический (с отдельными мифологическими чертами) герой, наследник и сын Кей-Кавуса и таинственной красавицы. Не дождавшись престола, Сиавуш погиб по воле Ахримана от руки Афрасиаба. От брака дочери Афрасиаба Ференгис и Сиавуша родился Кей-Хосров — мститель за смерть отца.

По первосвидетельству знаменитого Бируни, Сиавуш выступает мифическим основателем древнейшей династии хорезмийских царей, так называемых «Сиавушидов» — факт исторически относимый к XIII в. до нашей эры.

Образ Сиавуша и мифологически, и легендарно-исторически связывается с Хорезмом — наиболее вероятной реальной основой авестийской Айрианы (Эран-Веж), прародины арийцев-иранцев. Отражение образа Сиавуша, всадника на черном коне, скачущего невредимым сквозь пламя, мы находим в памятниках культуры древнего Хорезма. Так, эмблему коня — своего рода символа Сиавуша — можно встретить на хорезмийских монетах мусульманского периода в истории Ирана, Хорезма и Средней Азии. В образе Сиавуша не трудно обнаружить черты, роднящие его с мифологией древних греков, вавилонян, фригийцев, с культом «умирающих» богов растительности, подземного царства (Озирис, Аттис, Адонис). Имя Сиавуш в «Шахнаме» встречается в двух чередующихся формах: Сиавуш и Сиавахш (более древняя, восходящая к авест. Syavaršan). В переводе это чередование не отражается и дается ставшая уже традиционной форма имени — Сиавуш. Нарицательное значение имени Сиавуш — примерно «чернокудрый».

2963—3000 Развернутое лирическое вступление, зачин, вводящий в основное повествование.

2965—2966

Поэту гордиться твореньем дано,
Которое разумом озарено.

В оригинале: «Когда слово сравняется с разумом * Душа певца обретет веселье».

2969—2970

Хотя б распинался, трудясь без конца,
Себя опозорит в глазах мудреца.

В оригинале: «Всегда себя самого крестом делает [т. е. распинается]. Делает [себя] опозоренным перед мудрецом».

2976 Достиг благодатного ты родника.— В подлиннике: *бе джуйе то дăр аб чун диде гăшт*. Здесь собственно даже не игра, а намек на игру слов (понятный иранцу): «диде» (глаз) — то же, что *чăшм*, имеющие два значения: глаз и источник. Другими словами здесь образ: в твоем ручье вода подобна глазу (роднику).

2977—2978

Поведаю сказ миновавших времен,
Который дехканом для нас сохранен.

Обычный приступ к сказанию, что не исключает и книжного оформления источника Фирдоуси.

2983 Такую смоковницу выращу я...— Смоковнице в подлиннике соответствует слово «мейведар» — дословно плодоносящее дерево.

2985 Без малого мне шестьдесят уже лет.— В подлиннике «пятьдесят восемь». Одно из многочисленных и не всегда согласующихся упоминаний о возрасте автора (см. Вводную статью в томе I, стр. 485).

2986—2988

Я многое видел, но все еще свет
Душе не постыл. Жаждой жизни горю.
Гадаю по звездному календарю...

В оригинале: *хăми аз кăмтăр нăгăрдăд бесаль* хăми руз джуйăм бе тăквим-о фаль*, что дословно переводится: «жадность [к жизни] не уменьшается с годами * Постоянно ищу [счастливого] дня по календарю и гаданию».

3000 Послушай, о чем повествует мудрец.— В оригинале сказано (не мудрец, а певец, сказитель *сăрайăнде мăрд*). Имеется в виду, разумеется, также дехкан.

3001 Такое преданье сберег его слух.—В оригинале прямая ссылка на повествующего мобеда: *ченин гофт мубăд ке...* («так сказал мобед...»).

3004 К равнине Дагуй поскакали...— Так и в оригинале: равнина или степь Дагу́й (*дăшт-е дăгуй*). Сопоставление с реальной местностью затруднительно.

3006 Борзые — в оригинале *йуван*, (см. прим. к 14064 в томе I).

3024 Красавицей витязи ослеплены.— В оригинале: «невозможно кинуть па нее взгляд» (*нä шайäд кäрдäн беду дäр негах*).

3035 Герсивез — брат Афрасиаба (см. прим. 8825—8827 в томе I).

3036 Феридун — владыка Ирана (см. прим. 2321 в томе I).

3108 О царь, ты не чадо, а чудо обрел!— Подлинник не дает оснований для звуковой игры слов в переводе, но подобная игра (зрительно-звуковые повторы) нередко встречается в стихах поэмы, как и классической поэзии Средневековья вообще.

3134 Жилище воздвиг для него среди роз.— В оригинале: *нешäстäнгäхи сахтäш дäр гол[е]стан* — «устроил для него место пребывания в голестане (цветнике)». Здесь, возможно, имеется в виду княжеский дворец, окруженный деревьями и цветами (ср. прим. 7097—98 в томе I).

3174 И мускус на гривах коней, и шафран.— В оригинале наряду с мускусом и шафраном назван и еще один обычный компонент умащивания коней — вино (*мей*): *бäр äндуде мошк-о мей-о заʿфäран.*

3181—3182 «Дорогу! Дорогу!»— глашатай кричит;
И путь им широкий к престолу открыт.

Дословно: «Когда он [Сиавуш] прибыл во дворец шаха Кавуса * Раздался громкий крик (*хоруши амäд*) и очистили путь (*о гошадäнд рах*)». Фирдоуси неоднократно в подобных случаях точно передает ритуал встречи высокого гостя. Сравните, например, прибытие Мехраба в шатер Заля (стр. 177 тома I) и т. п.

3190 На царском престоле, в сияньи венца...—В подлиннике традиционно: «на троне из слоновой кости, с венцом из блистающих рубинов».

3195 С собой усадив на сапфировый трон...— В оригинале трон назван бирюзовым (*täхт-е фирузе*).

3225 Арабские кони — в оригинале *äспан-е тази.* Выше (стих 3177) то же сочетание переведено как «лихие» кони, в других местах — «бо́рзые» и т. п., что более правильно, но не исключает и верности перевода в данном стихе.

3240 Кухистан — дословно «горная страна» в нарицательном смысле слова, но иногда является именем собственным.

3242 Мавераннахр — арабское *ма вараʾан-нахр*, «заречье» (то, что за рекой) — территории, расположенные по правому берегу Аму-Дарьи, т. е. именно «за рекой» (на востоке) для завоевателей арабов, пришедших с запада. Установившееся в Средние века назва-

ние одной из основных территорий Востока Ирана и Халифата. По существу это еще ираноязычная в раннее Средневековье и тюркоязычная (позднее) территория Средней Азии.

3245 С престола вскочил он, душой удручен.— В оригинале: «Сиавуш вскочил с престола, словно див» (*Сиавош зе гах ӓндӓрамӓд чо див*).

3257 Гив, Тус и Гудерз и другие друзья.— В оригинале упомянуто еще имя Фериборза.

3276 Судабе — жена Кавуса, дочь хамаверанского царя (см. прим. 13186 в томе I).

3283 Гарем — в оригинале здесь и в ряде других мест стоит иранское слово «шабестан» — ночной покой, опочивальня (от *шӓб* — ночь и *...стан* — известный суффикс места) по существу с тем же значением, что и арабское (и общемусульманское) слово «харам», т. е. интимный, запретный для чужих, внутренний покой. Гаремом называлась также часть шатра кочевника, отделенная завесой. Отсюда часто выражение «за завесой» является синонимом гарема.

Русское «гарем» воспринимается конечно в более узком и конкретном смысле как женская половина дворца, «сераля» с женами и одалисками под надзором обязательного евнуха.

3289 Всю ночь пролежала царица без сна.— В подлиннике: «На следующий день к вечеру Судабе пошла [к шаху Ирана...]»

3291 Вождь рати — в оригинале: «повелитель (государь) войска (*шӓхриар-е сепӓх*)».

3308 Здесь в переводе пропущен бейт текста Вуллерса, отсутствующий в Калькуттском издании на том основании, что он явно дублирует уже сказанное.

3350 Переводчик опустил следующий у Вуллерса бейт, который отсутствует и в Калькуттском издании.

3353 Хирбед — пехлев. Hêrpat, авест. aethrapaiti. По-видимому, скорее титул (должность), чем личное имя. Пехлев. Hêrpat — жрец низшего ранга.

3393 ...блистая красой неземной.— В оригинале: *бе сан-е бехешти пор ӓз рӓнг о буй*, т. е. «как бы некий райский сад, полный красок и аромата».

3395 Светила Йемена — в оригинале обычное сочетание *Сохейл-е йӓмӓн*, т. е. «счастливый (йеменский) Сохейль (Канопус)» — известная звезда (см. прим. 2878 и 5762 в томе I).

3411—3412 Но чует смущенный царевич: грешны
Объятья горячие царской жены...

В переводе по существу точно передана мысль бейта: «Сиавуш понял (узнал), что такое эта любовь * Ведь такая дружба не на пути [указанном] Йезданом».

3427 Джемшид, Феридун и Хушенг — имена прославленных владык Ирана (см. соответственно примечания 815, 2321 и 625 в томе I).

3475 Пешин, Ареш — в оригинале Кей-Ареш и Кей-Пешин (Пишин) — сыновья владыки Ирана Кей-Кобада (см. прим. 10975—10976 в томе I).

3499—3450

Вновь свод повернулся и ночь протекла,
И снова земля молода и светла.

В оригинале: *бäр ин дастан низ шäб гозäшт* * *сепäхр äз бäр-е хак-е тире бегäшт.* Дословно: «За этим сказом также ночь прошла. * Небосвод совершил оборот над темным прахом».

3527—3528 Прекрасным кумирам Тераза равны.— Традиционное сравнение, Тераз — город в Средней Азии, славящийся своими красавицами.

3550 О хамаверанском владыке рассказ.— См. в томе I, стр. 410—420.

3553—3554

И дочери сердце коварства полно,
Ей славный наш род ненавистен давно.

В оригинале дословно: полна хитростей (*кейд*) Судабе, так как она дочь его. * Не хочет этому [нашему] роду сердцевины и оболочки (*мäгз-о-пуст*).

3583—3584

Он думает: «Сети раскинул мне бес.
Храни мою душу владыка небес!»

В оригинале: «Так сказал [Сиавуш] про себя (букв. сердцу), от дела дива * Да удалит меня владыка Кейвана», т. е. Сатурна как самой высокой планеты. В оригинале вместо владыка сказано *хäдив* — слово, впоследствии известное как специальный титул правителей Египта — вассалов бывшей Турецкой империи (Хедив).

3775—3776

О муже тогда Судабе лишь одна
Пеклась, и без жалоб страдала она.

Дословно: «Судабе [тогда] заботилась днем и ночью. * Извивалась от этой беды и молчала (букв.: губ не открыла)». Об этих, пришедших на память Кавусу событиях см. в томе I стр. 420—421.

3898 Ахриман — дух зла, Сатана (см. прим. 520 в томе I).

3927 Ответил владыке верховный мобед.— В оригинале просто «мобед».

3937—3938

Кто зла не свершил, на костре не сгорит —
Так небо высокое нам говорит.

Здесь прямая аналогия с узаконенным в средневековом праве Западной Европы «божьим судом», в узком смысле с «очищением» водой или огнем.

3967 Везир — в оригинале «дастур» — иранский эквивалент общеизвестного арабского слова везир.

3977—3980 Дидактическое отступление с обычной для того времени моралью. То ли имевшаяся в оригинале версификация, то ли вставка Фирдоуси — сказать трудно.

3986 Горючею нефтью полили дрова.— В оригинале: *ке бар чуб ризанд нафт-е сиах* — «черная нефть».

3993 Явился в степи Сиавуш. .— В оригинале Вуллерса этим стихам предшествует бейт, отраженный в переводе ниже (стихи 3997—3998).

4001—4002 Этот бейт, имеющийся в Калькуттском издании, в издании Вуллерса дан в примечаниях как сомнительный.

4003—4004 На гордом своем вороном скакуне...— Этот бейт равным образом перенесен переводчиком. В тексте Вуллерса он предшествует стиху 3999.

4021 Стремительно, словно клубящийся дым...— В оригинале: *сиахра бар ангихт бар сан-е дуд*— «[Сиавуш] погнал вороного (черного) по образу дыма». В персидской поэзии «как дым» (*чо дуд*) — сравнение, призванное выразить быстроту движения.

4072 Кеянский венец — здесь царский венец, наследственная корона Кеянидов.

4078 ...с бычьеглавой своей булавой.— Бычьеглавая булава Феридуна (см. прим. 1458 в томе I).

4100 Но знаешь причину? То Заль колдовал! — В подлиннике: *хаме джадуйе заль кард андар ин*. Речь идет неожиданно о «колдовстве Заля». Вероятно, Заль, воспитанник Симорга, обладающий его чудесными перьями, мог вмешаться в дело ради Сиавуша — воспитанника Ростема. Но слово «заль» может быть и не собственным именем, а просто означать «старик», «старуха». Допустимо, что Судабе ссылается на старую колдунью. «арестованную» Кавусом (см. выше стихи 3877 и след.).

4159—4160 Речь с сердцем в разладе у женщин: ты ждешь
Добра, но одно лишь коварство найдешь.

Отражение идиомы с раскрытием оригинала: *зäбан дигäр-о дел'ш джайи дегäр * äз у пай йаби ке джуйи то сäр* — дословно: «язык — это одно, а сердце — другое. Найдешь ногу (основание), когда ищешь голову (вершину)».

4170 Из воздуха, праха, воды и огня.— Здесь перечислены четыре элемента — основные стихии средневековой космологии (см. прим. 77—78 в томе I).

4205 Пришел опоясан... Опоясывание себя — реальное и в то же время символическое выражение готовности к делу, к работе, выполнению приказа и т. п. Фраза «завязать пояс» (*кäм'ïр б'ст'ïн*)—обычна и в обиходе и в литературе.

4238 Живу я, царевича славой дыша! — В оригинале: «венец его — мое небо» (*сäр-е тадж-е у асман-е мäн äст*).

4257—4258 Прислали в подмогу Белудж кочевой
И Парс, и Сорудж, и Гилян боевой

Здесь перечисляются области, представленные в войске Сиявуша избранными витязями (отрядами): *хäм äз пäхлäви парс кудж о бäлудж * загилан-е джäнги во дäшт-е сорудж* (*сäрудж* سرود): пехлевийский (или богатырский?) Парс, т. е. Фарс Персида; Белудж — Белуджистан); Гилян — Прикаспийская провинция современного Ирана и равнина Сорудж, географическое местоположение ее не ясно.

4263—4266 Здесь допущена перестановка смежных бейтов оригинала.

4264 Знамя Каве — государственное знамя Ирана (см. прим. 1770 в томе I).

4265 Шаворан, Зенге, Бехрам — витязи Ирана (см. прим. 12752, 12140 в томе I).

4275 Здесь в переводе пропущен бейт, отсутствующий и в Калькуттском издании: «Он увидал войско убранное, как невеста, * С боевыми слонами, со звуками литавр...»

4311 Талкан — точнее Талекан — в древней Маргиане область Мерва (есть и другой Талкан — на западе Ирана, близ Казвина), и близ него Мервруд — город на р. Мургаб.

4314 Балх — один из древнейших городов Средней Азии, очагов иранской культуры в цветущей долине р. Балхаб (греч. Бактрос) — притока Аму-Дарьи. Балх — древняя Бактриана, ныне расположен в пределах современного Афганистана.

4317 Сепехром — этимологически правильнее Сипехрам (пехл. Spahram) вождь туранцев, брат Афрасиаба.

4353 Создателю солнца и звезд, и луны.— В оригинале: «Владыке солнца и вращающегося месяца».

4367 Термед—так и в оригинале: „далъ“ в конце. В других местах «Шахнаме» и обычно — Термез — важнейший в древности и в средние века пункт переправы через Джейхун. Современный город в Средней Азии.

4369 Джейхун — Аму-Дарья, основное в Средние века арабское и персидское название реки.

4371 Согдиана — в оригинале Согд — древняя территория Самарканда

4403—4404

Но если он первым Джейхун перейдет —
Кровавая кара безумного ждет.

Стих, наглядно свидетельствующий о роли Джейхуна (Аму-Дарьи) как границы Ирана и Турана. Второй стих бейта переведен по общему смыслу. В оригинале: «Он полу свою будет влачить в крови».

4420 И все с булавами навстречу летят.— В оригинале: «[Все] гордо поднявшие головы с булавами баранобычьими (*горзейе гавмиш*)», т. е. с булавами, украшенными головой быка-барана — символом мощи и силы.

4431—4434

Во гневе вскочил повелитель, едва
От брата услышав такие слова.
Так грозно взглянул, будто меч обнажить
Хотел и на месте его уложить.

Эти два бейта в оригинале звучат так: «Вспыхнул, словно огонь, Афрасиаб,* Вскочил с места отдохновения и сна.* Он так взглянул на Герсивеза,* сказал бы ты, что он рассечет его стан».

4440 Одеть Согдиану в китайский убор.— Согд издавна был связан с далеким Китаем. Китайская культура и техническое мастерство (наряду с греческим) считались во времена Восточного (мусульманского) Средневековья непревзойденными.

4445 Лишь первая треть ночи темной прошла.— В оригинале: «Одна часть (*чо йāк бāхре*) ночи прошла». В Парижском издании вместо «одна часть» сказано «одна стража» (*йāкпас*). Второй вариант уточняет понимание первого, т. е. прошла не какая-то часть ночи, но определенная, соответствующая смене ночной стражи. «Треть ночи», как сказано в переводе,— по существу точное определение (в течение ночи стража менялась трижды).

4463 Воссел он, как ивовый лист трепеща.— В оригинале вместо «ивовый лист» сказано «ветвь дерева» (*чо шах-е дерäхт*).

4472 Коршунам перевода соответствуют в оригинале орлы, дословно: «Земля — полна праха, небо — орлами» (*зäмин пор äз гард асман пор окаб*).

4474 Не знавших улыбки небес никогда.— В подлиннике: «[Ты сказал бы — небо]* не явило им своего лица с начала мира».

4485—4486

Сто тысяч воителей, каждый в броне,
Весь в черном, на вихреподобном коне.

Эти стихи не имеют опоры в соответственно расположенном бейте оригинала, а взяты из одного полустишия ниже (см. след. прим.).

4489—4490

Примчались и, с трона совлекши меня,
Связали, помчали быстрее огня.

Здесь в переводе рассказа Афрасиаба о своем сне переводчик допустил перестановку и дробление двух бейтов оригинала с переносом части бейта.

4511—4512

Клич кликни мобедам, которым ясны
Небесные знаменья — вещие сны.

В подлиннике: «позовем бодрствующих сердцем мобедов, звездочетов и мудрецов». «Бодрствующие сердцем» (*бидардель*) — здесь проницательные, мудрые. Мобеды вообще выступали в качестве мудрецов-советников, в частности, в роли толкователей снов.

4528 ...Мобедов премудрый глава.— В оригинале просто «мобед», вместо «мобед над мобедами» (*мобедан мобед*), но вполне естественно предположить, что от имени всех говорил некто, имеющий на это право по своему положению.

4550 В переводе пропущен следующий за данным стихом бейт оригинала: «Не оставит из туранцев (*торкан*) никого на троне.* Опечалится от войны с ним государь» (Афрасиаб).

4575—4578

Был мир Менучехром-царем разделен
Не поровну: долю взял меньшую он.

Точно по оригиналу Вуллерса: *Мänучехр гити нä бäхшид раст* * *хäман бäхрейе хвиштän кäм бехваст*, но о каком делении мира именно Менучехром идет речь?— В томе I повествовалось лишь о раз-

деле мира между сыновьями Феридуна (см. стр. 99—100 и прим. 2899—2900 в томе I). Таким образом, бейт в оригинале непонятен и даже предположение о случайной замене имен Феридуна на Менучехра не устраняет сомнений, так как «удел» Иреджа (и самого Феридуна) — Иран может быть и был меньше по территории, но, бесспорно, был лучшей долей в разделе, что и послужило поводом к раздорам и братоубийству.

4610 Отныне мы праведный путь изберем.— В оригинале: «я хочу искать божеского пути (*рах-е Изади*) — пути Изеда-Йездана.

4617 Две трети земли — в оригинале «две части» (*до бахр аз джахан*).

4636 Булаты из Хинда — т. е. из Индии; они славились на всем Востоке, как и йеменские клинки, румийские шлемы и т. п.

4645—4646 О Туре и Сельме см. прим. 2851, 2859 в томе I.

4659—4660
Не лучше ль раздел совершить нам, как встарь
Свершил Феридун, прозорливейший царь?

О Феридуне и разделе им мира между сыновьями см. прим. 2899—2900 в томе I.

4670 Иметь не пристало Могучему трон.— В подлиннике: «тело (простого?) богатыря не достойно (царского) трона» (*тан-е пахлаван аз дар-е гах нист*).

4677 И волны реки пересек на челне.— В оригинале говорится не о переправе через Джейхун, а о движении по реке на судне в течение дня (разумеется на левый берег в направлении Балха).

4690 Приветствовал, об Афрасьябе спросил.— В оригинале: *зе афрасйа баш бепорсид сахт*. Обычное значение слова *сахт* — грубый (грубо), крепкий и т. п., но едва ли можно допустить, чтобы Сиявуш спрашивал об Афрасьябе грубо. Это не вяжется с общим тоном встречи. Скорее слово «сахт» употреблено в значении усиленно, т. е. «и много расспрашивал об Афрасьябе», что вполне согласуется с этикетом.

4701—4704 Здесь допущена перестановка двух смежных бейтов.

4721—4722
...И вот средь ночной темноты
Расставлены всюду дозорных посты.

В оригинале отсутствует образ «ночной темноты», а дана просто оговорка, что «сделали все как было надо», т. е. «приняты были все меры предосторожности».

4799 Чач, Согд, Самарканд, Бухару, Сепиджаб.— Перечисляются владения Афрасиаба. Чач— вернее Шаш — современный Ташкент

(ср. прим. 3580 в томе I). Самарканд — древнее Мараканда, столица Согда, ныне городище Афрасиаб (!) — на окраине нового (с середины XIII в.) города — Самарканда. Сепиджаб — город в Мавераннахре.

4802 Канг — см. ниже прим. 5651—5652.

4832 Искать уж не стал он другого посла.— В оригинале *хäдис-е ферестадеган йад* (Вариант *бад*) *гäшт* (*шод*), дословно: «рассказ о посланных (прежде) воспоминанием (ветром!) сделался».

4853—4854 Вдруг сделалось в чаше хрустальной черно.
От вести такой Афрасьяба вино...

— В оригинале: «черной стала в его чаше светлая вода [вино]»— *сиäх шод беджам äндäрäш роушäн аб*. При варианте Парижского издания: «потемнело в его глазах солнце» (...*бечäшм äндäрäш афтаб*).

4861—4862 Твое признает превосходство над ним.
Довольствуясь царством туранским одним.

В оригинале точнее сказано, что Афрасиаб отныне будет доволен своим уделом (*мäрз* — пограничная область — см. прим. 7100 в томе I), и далее: «будет [отныне] знать свое место и значение [как вассала]».

4898 ...тучи темнее он стал.— В оригинале сравнение со смолой (*рох-е шах-е Кавус шод хäмчо кир*).

4951—4952 К тому же верны обещаньям князья,
Поправшего клятву осудят друзья.

В оригинале: *во дигäр ке пейман шекäстäн зе шах * нäбашад песäндидейе никхах*, дословно: «и еще разрыв договора со стороны шаха не будет одобрен доброжелателями», т. е. Ростем призывает шаха Кавуса к соблюдению условий договора, заключенного его сыном Сиавушем.

5001 Тус, правда, Ростема воинственней... В образе Ростема (следуя, вероятно, народной основе и даже усиливая этот момент) Фирдоуси подчеркивает сочетание силы непомерной с мирными стремлениями, любовью к миру.

5021 Бехрам, Кейван — Марс и Сатурн—планеты, определяющие по астрологическим представлениям Средневековья судьбы людей

5162 Суд рока всевластного будет суров.— В оригинале: «Какой плод принесет [мне] круговращение времени (изменчивая судьба)».

5276 Товорг — с эпитетом «воинственный» (*джäнги Товорг*). Здесь — имя туранского витязя из окружения Афрасиаба. Имя Товорг в источниках иногда переплетается с Турак, Турек — легендарным предком Наримана. В исторической — сасанидской части поэмы тоже встречается это имя.

5280 Приветствовал, рядом с собою сажал.— Обращает на себя внимание тонкость этикета и его оттенки. Сиавуш, принимая брата владыки Турана, как победитель, сажает его ниже себя. Афрасиаб в положении добровольного вассала, принимая простого иранского витязя (посла «сюзерена»), отводит ему место рядом с собой.

5289 Пиран — один из первых — по доблести и знатности рода — богатырей Турана. Пиран — прямой потомок Тура из знаменитого рода Висе, брат Пешенга — отца Афрасиаба. В событиях, изложенных в томе I, активное участие принимали братья и сыновья Пирана. В данном и последующих сказах активная роль принадлежит уже самому Пирану, занимающему особое место в повествовании. Фирдоуси наделяет Пирана чертами особого благородства и мудрости. Как и Ахрирес, он выступает в роли «доброго гения» Сиавуша, Кей-Хосрова и иранцев вообще. Образ Пирана мастерски обрисован Фирдоуси, а его последний бой с Годерзом — один из лучших по драматизму эпизодов поэмы Фирдоуси.

5346 Чтоб войнам пришел долгожданный конец.— Фирдоуси вкладывает в уста благородного туранца Пирана свою и общенародную любовь к миру.

5378 Амбра—благоухающее вещество. Здесь в значении изысканных чернил.

5505 Качар-баши — точная транскрипция подлинника: تا بقاچار باشی «кипчакский» камень, т. е. половецкий камень.

5590 И, грустно умолкнув, главою поник.— «Главою поник» передает идиому оригинала «положил зубы на губы», т. е. закусил губы.

5644 Кто ведает, что провиденье сулит?— В оригинале: «Не знает никто тайны высокого Колеса (небесвода)».

5651—5652

И вскоре достигли, веселья полны,
Цветущего Канга — столицы страны.

Канг — в оригинале Вуллерса «*гäнг, гäнг-деж*», как и в большинстве рукописей «Шахнаме», т. е. گنگدژ, گنگ но иногда и کنگ— с начальным «к»?). Мы приняли этимологически обоснованное написание Канг (вм. Ганг, Генг, что создавало бы возможность

смешения с р. Ганг—в Индии и крепостью Гангдеж, Гангдежгухт—в повествовании тома I).

Рассказ о городе-крепости, построенном фактически Сиавушем, имеет в основе мифологические сказания Авесты, где упоминается «кангха» («высокая», «священная»), сопоставляемая с китайскими свидетельствами о государстве-стране Кангюй (путешественник Чжан-цянь 126 г. н. э.) и с реконструкцией доахеменидской государственности Хорезма (Айрианы Авесты), а также со свидетельством Бируни, династии Сиавуша в Хорезме (ср. сказанное выше, в прим. 2963). Разумеется, предания и известия о Канге-Хорезме и о Гангдеже-Гангдежгухте (крепости близ Вавилона) в сказаниях переплетаются и нередко смешиваются друг с другом

5662 Отныне забудут о горе и зле.— В оригинале: «...зло в мире отошло ко сну».

5665—5666 Тур начал воинственный спор в старину,
В пучину несчастия ввергнул страну.

В оригинале: «Заволновался мир от отважного Тура.* Теперь лицо страны пресытилось войной...»

5742 Что в поле човган твой невидим для глаз.— В оригинале: «...твой човган * не увидят вращающимся на арене твоей» — т. е. так быстры твои движения, что их не заметят.

5766 Царь более слушать не стал никого.— Дословно: «речь каждого ветром стала (ушла на ветер)».

5775—5782 В числе витязей Турана, избранных Афрасиабом для соревнования в игре в поло с Сиавушем, упомянуты братья Пирана: Гольбад, Хуман, Нестихен и его сын Руин; сыновья Афрасиаба: Шиде и Джехен (Джахн —جهن), брат Афрасиаба — Герсивез и племянники: Эрджасп, Эндериман и Пулад (ср. прим. 10926 в томе I).

5838 И так на родном языке им кричит.— В подлиннике сказано о «богатырском языке»—*пäхлäвани зäбан*, что этимологически соответствует *пäхлäви* «парфянскому» т. е. пехлевийскому языку. Напомним, что речь идет о периоде, «исторически» предшествующем и Заратустре, и ахеменидам, и парфянам, и периоду не только пехлевийского (среднеперсидского), но и известных древних языков Ирана.

5889 Для пышного пира чертог уж готов.— В подлиннике сказано не о «чертоге», а о «накрытом столе»— *хван*.

5956 Прославленный доблестью богатыря.— Дословно: «от множества талантов (доблестей) вознесенный главою до луны».

5981 Джерире — дочь Пирана.

5994 Гольшехр — имя жены Пирана, матери Джерире.

6030 Алмаз, Афрасьябом взлелеянный, взять. — В оригинале: «...более достойно для тебя,* чтобы ты искал жемчуг от полы шаха».

6031 Ференгис — дочь Афрасиаба, жена Сиавуша (впоследствии Ферибборза).

6037 Кашмир — город в Индии, славившийся красотой женщин и чудесной природой. Кашмирские «кумиры», кашмирская «весна» — обычные стандарты в языке поэтов-классиков. Кабул — ныне столица Афганистана (см. прим. 5191 в томе I), также славился красотой женщин, в частности Рудабе — возлюбленной Заля, матери Ростема.

6195—6196 Здесь допущена перестановка бейтов.
«Нош тридцать верблюжьих»— *шоторб[в]ар* — груз, который способен поднять верблюд — нередко мера большого веса в Средние века.

6265 Здесь переводчик выпустил один бейт, предшествующий в издании Вуллерса этому стиху (отсутствует также и в Калькуттском издании).

6283—6284
Той речью обрадован царь молодой.
Литавры и трубы запели..

В оригинале: «Сиавуш обрадовался его словам, повелел бить (букв. ударил) в литавры, играть на свирели и заготовить [к походу] обоз».

6291 Хотан — Хотен (*Хотăн*) — город в Восточном (Китайском) Туркестане (см. прим. 9953 в томе I).

6337—6338
Вновь двери сказания растворены,
Спою о деяниях седой старины.

Этот вступительный бейт как бы разделяет сказания о Сиавуше на две части; вторая повествует о событиях, связанных с постройкой чудесного града-твердыни и трагической гибелью юного героя.

6341—6347 Одно из больших лирических, философских «отступлений» Фирдоуси.

6344 Лишь он, вседержитель, миров властелин.— Следующий в издании

Вуллерса бейт, как явная и по существу и по форме интерполяция, выпущен в переводе (ср. прим. 185—248 в томе I).

6381 Лежит за рекою безбрежный простор:
Пустыня, куда бы ни кинул ты взор.

Этому бейту в Лондонской рукописи предшествует бейт, не отмеченный в вариантах Вуллерса: *бейäк мах зе руйе дäрйай-е чин.* * *Ке бинам гäшт ин зäман ан зämин*, т. е. «на расстоянии месяца пути за рекой (озером?) — Чин,* Земля, ставшая ныне безымянной» и т. д. Здесь *дäрйай-е Чин* разумеется не «море Чин» (см. прим. 1219 в томе I), а река (м. б. Аму?) или озеро (Арал?).

6386 Возносится горная цепь в облака.— В оригинале: «После того увидишь высокую гору, вершина которой выше, чем „как" и „сколько"» (т. е. невозможно измерить) *бäртäр äз чун-о чänд.*

6387—6388 Узнай же: там крепость на круче стоит,
И город она за стенами таит.

В подлиннике: «...Посреди этой горы [и находится] Гангдеж. * Узнай [это], чтобы тебе не было ущерба в знании».

389 Фарсанг (*фäрсäнг*), или фарсах (*фäрсäх*) — расстояние, обычно покрываемое, в данной местности, за один час пути. Средняя величина фарсанга — так сказать «нормальная» для караванных путей скорость движения, равна, примерно, шести километрам. В таком значении и употребляется обычно этот термин в описаниях географов и путешественников Средневековья.

6393—6394 Здесь перевод бейта дан по варианту Лондонской рукописи.

6409—6410 Здесь в переводе допущена перестановка смежных бейтов.

6425 Раш — мера длины, столь же малоопределенная, как русский локоть или охват.

6443—6450 Здесь переводчик ввел в текст данные у Вуллерса в сноске четыре бейта Калькуттского издания, как естественно связанные с последующим рассказом о беседе Сиавуша с Пираном. В переводе к тому же допущена перестановка вносимых бейтов.

6470 Всесильный раздавит меня небосвод.— В переводе этого стиха использован вариант Калькуттского издания (*сепäхрäм хämи зир-е пей беспäрäд*).

6476 Первин — созвездие Плеяды (см. прим. 461 в томе I).

6482—6486 Здесь допущена перестановка бейтов.

6493—6494 Надежна, как царского перстня печать,
Властителя дружба...

Дословно по оригиналу: «Ведь Афрасиаб в беде — опора твоя, * В царствовании — перстень (м. б. талисман) на пальце твоем» (*бе шахи нагин андар ангоште-то*).

6535 Весь предшествующий фрагмент — живое предвидение ужасов войны и разорения страны — явно подсказаны Фирдоуси окружающей его действительностью: смутами и войной за Хорасан (см. Вводную статью, стр. 573 в томе I).

6548 Снова пропуск бейта Вуллерса, явно дублирующего переведенные стихи.

6570—6574 Пирану приказ посылал властелин.— В приказе Афрасиаба Пирану объехать подвластные владыке Турана владения указан маршрут: до «моря Чин», отсюда до Индии — *та сар-е марз-е хенô* (см. прим. 414 в томе I), а далее до «моря» или «реки» Синд (*та бе дарйайе сенд*), и, «собрав там должную дань», «займи своими войсками хазарские владения» букв.: расстели в пределах хазар (*-бе марз-е хазар дар*) войско, как в переводе.

6595 Ты, доблестный, этой земли падишах.— В оригинале: *бедан падшахи конун баз гард*, т. е. направься теперь в это (свое) царство.

6601—6604 Здесь в переводе допущена перестановка смежных бейтов.

6611 Мыср — т. е. Египет (см. прим. 13044 в томе I).

6614 Хоррембехар — название города (нарицат. значение: «цветущая весна»), которое затруднительно уточнить.

6679—6680 От снеди бесчисленной ломится стол.
Вино и певцы... пир горою пошел!

В оригинале бейт звучит так: *во ван пас бехордан герафтанд кар.* * *мей-о хван-о рамешгар-о мейгосар*, т. е. «После этого приступили к еде. * Вино и накрытый стол [и] музыкант [и] виночерпий...» — перечислены обычные атрибуты пиршества.

6696 Резван — в Коране страж райских садов, охраняющий вход в рай

6699—6704 Здесь в переводе допущена перестановка бейтов.

6729 Соруш — имя ангела-вестника в пантеоне зороастризма (см. прим. 533 в томе I).

6792 Родился младенец, хорош, как заря.— В оригинале «как блистающий месяц»— *чо табанде мах.*

6793 Форуд — сын Сиавуша от Джерире (дочери Пирана), впоследствии падет от руки Бижена.

6797—6798 Еще возлежала на пышном одре
Младенца светлейшая мать Джерире.

В оригинале: *хäман мадäр-е кудäк-е äрджоманд * Джäрире сäр-е банован-е болäнд*. Дословно: «Мать драгоценного ребенка — Джерире, * глава высоких [родом] [знатных] женщин».

6883 Гилянский щит — в оригинале «гильский» (от имени народа — гилы, см. прим. 4513 и 4520 в томе I) (*сиавäш сäпäр хваст гили чäхар*).

6914 Мне светит твой шлем, как священный огонь.— «Священному огню» перевода в оригинале соответствует *Азäргошäсп* — гений огня и молнии (см. прим. 5047 в томе I).

6942 Горуй-Зерех — имя туранского богатыря сына Пешенга — в недалеком будущем убийцы Сиавуша. Позднее пленен Гивом и казнен Кей-Хосровом; часто именуется просто Горуй (گروی)
В основе этого имени авест. Warôê, *а зерех*, новоперс. zirih, пехл. (пазенд) — zareh (арабск. zarad) — панцирь.

6953 Демур — туранский богатырь; имя, по-видимому, восходит к тюрко-монгольскому *демир-темир* — железо.

6974 Ты скажешь, на небо вознес их творец!— «На небо»— в оригинале точнее «над зенитом или превыше (*бäр аудж-е кейван*) Кейвана».

7019—7020 Ты вспомнил о Туре: себя уберечь
Хотел он; погиб не безвинно Иредж.

Здесь Герсивез напоминает брату о далеком прошлом — начале вражды Ирана и Турана.

7039 Пешенг — общий родоначальник туранских царей, отец Герсивеза, как и самого Афрасиаба.

7064 Здесь в переводе допущена перестановка смежных бейтов.

7108 Владыка правдивый, любимец небес!— «Любимец небес» не имеет основания в оригинале.

7118 Погибнешь, как пастырь, лишенный паствы!— Дословно: «не будет пастыря, когда не будет стада» (*набашäд шäбан чун нäбашäд раме*).

7121—7122 ...ты останешься наг,
А он будет гордым владетелем благ.

В оригинале переводу соответствует стих: *Нä хахänд äз ан пас бешахи тора* * *берäх* (или *барä*) *гах ура во махи тора*, т. е.

«после этого не захотят [увидеть] тебя на царстве * на [этом] пути [суждено]: ему — престол, или: ему престол — созвездие Тельца, тебе — Рыба» [на которой покоится земля], т. е. тебе — смерть, могила.

7138 Кто тверд и спокоен — к победе придет.— Словам перевода «кто тверд и спокоен» соответствует *ходавänд-е сäнг*, дословно: «обладающий (качествами) камня» (тяжелый — устойчивый и т. п.).

7141—7142

Лишь ветер шальной выжидать не привык,
Он с места сорваться готов каждый миг.

Перевод дан по общему смыслу контекста. В оригинале дословно: «Если бы ветер без смысла не срывался с места,* может быть обретал бы (букв. лицо, руки и ноги?)» (*мägäр йафти чехре во дäст-о пай*), т. е. «не терял бы своего лица и обрёл бы форму»

7151—7152

Плел сети коварства, а время все шло —
В душе у царя озлобленье росло.

Здесь Афрасиаб — туранец, о котором по существу в пределах сказания Фирдоуси не сказал ничего дурного, обнаруживает свою истинную природу «слуги Ахримана»: неспособность полного различения добра и зла. Он идет по пути зла, как бы в заблуждении (ср. в прим. 520 в томе I).

7254—7256

С Ираном Туран, словно пламя с водой,
Столкнулись, забыли согласия дни
И разума голос отвергли они.

Здесь перевод отражает общий смысл бейта—*бе йäк джай хäргäз нäйамихтäнд* * *зе бänд-е херäд дур богирихтänд*, т. е. дословно: «В одном месте они никогда не смешаются (т. е. очевидно огонь и вода) * От [сдерживающих] оков разума они [Иран-пламя и Туран-вода] далеко убежали». О событиях, на которые указывает Герсивез —см. том I (глава «Феридун делит мир между братьями»).

7258 Не то еще будет! Смятеньем объят...— В оригинале: *конун гав-е бише бечäрм äндарäст*. Дословно: «теперь [пока] бык леса — в шкуре». По-видимому, поговорка.

7292 И дух его мрачный лучом озарю.— В оригинале: «блестящей сделаю темную луну его» (*дерäхшан конäм тирегун мах-е уй*).

7299 Не кинусь опасности в пасть...— Здесь в оригинале: *käси ке дом-е эждеха беспäрäд*—«тот, кто наступит на хвост дракона» (поговорка).

7360 Сам гаснуть своей помогаешь звезде.— Дословно: «...смеющееся счастье приводишь ко сну». «Бодрствующее счастье»— *бахт-е бидар* и «уснувшее» — *бахт-е хофте* — обычные в народной и классической поэзии иранцев выражения-образы.

7394 Тотчас приступить повелел он к письму.— В оригинале: «он рассыпал [там] слова» (кто «он»— писец, или сам Сиавуш?).

7463—7464
Коль речь Герсивеза правдива — мой путь
Окончен, круг жизни пора мне замкнуть.

Дословно: «...от циркуля доля моя — центр», т. е. круг судьбы очерчен; замкнулся вокруг меня, находящегося в центре (во власти неотвратимой судьбы).

7480 Один лишь создатель — опора твоя.— По оригиналу: «Прибежищем тебе [только] владыка Солнца и Луны».

7516 Расставить вели средь ночной темноты.— Точнее: «он расставил их вокруг и во дворце» (*бе дәргах о эйванешан бәр нешанд*).

7526 По-прежнему яростью лютой палим.— Дословно: «От огня не вижу я ничего, кроме темного дыма», т. е. я не жду от всего этого ничего, кроме плохого.

7553 Его Кей-Хосровом благим назови.—В подлиннике: *сәрәфраз Кей-хосроу* — т. е. горделивый-величественный Кей (царь). Хосров — в позднейшем—средневековом и современном понимании тоже царь, т. е. назови его двойным, царственным именем.

7561—7562
Веленье всевластных судеб таково!
Век прожит — назад не воротишь его.

В оригинале: *Ченин гәрдәд ин гонбәд-е тиз рәу* * *Сәрай-е кохонра нә хванәнд ноу*. Дословно: «Так вращается этот быстро бегущий [небо]свод * старый дом (дворец) не назовут новым».

7592 Следующий в тексте Вуллерса бейт оригинала пропущен в переводе (как непужное повторение ясного обращения к Ференгис). Бейт отсутствует и в Калькуттском издании.

7601 Здесь допущена перестановка смежных бейтов.

7618 Будь стойким, врагу не служи моему!— Дословно: «Будь бодрствующим в сердце и ни с кем не ладь» (*ке бидар дель баш-о ба кәс мәсаз*).

7630 Здесь тоже переставлены последние бейты.

7707 Их тысяча было, иранских бойцов.— Здесь тысяча иранцев разумеется горсть в реальном плане. Ср. выше стих 5475 перевода, где говорится о трехстах иранцах в свите Сиавуша.

7746 Пильсом, или Пильсем — туранский витязь, брат Пирана, см. прим. 14279 в томе I.

7794 Тебя на безумство толкает юнец! —В оригинале: «При словах юноши ты воздух не вяжи (идиоматическое выражение: *бе гафт-е джäван то хäвара мäбänд*).

7895 Где клятва, повергшая в дрожь небеса. — В подлиннике: «...затрепетали Солнце, Кейван (Сатурн) и Луна».

7899 Ферамарз — сын Ростема (от Шехр-бану-Ирем) — герой одной из примыкавших к «Шахнаме» «рыцарских» поэм XI в.(см.том I, Вводный очерк, стр. 584). На основании этой поэмы написано либретто известной оперы А. Рубинштейна «Фераморс».

7929—7930 За кудри схватил Сиавуша—о стыд! —
Палач венценосца во прахе влачит!

По оригиналу Вуллерса: «Протянул руку и схватил Сиавуша за бороду. * II — удивительно! — в унижении протащил его по земле (или поверг во прах)». Переводчик использовал вариант Парижского издания (в примечаниях), где вместо бороды сказано о волосах.

7938 Отвагой людские сердца привлечет!— В оригинале: «Отвагой весь мир положит к ногам».

7942 Мир долгие годы собой освещай!— В оригинале: «Мир — уток, а ты вечной основой будь». Это — обычное в классической поэзии образное выражение (*тар-о пуд*), многообразно применяемое поэтами, вероятно народного происхождения.

7946 А стал я злосчастней листка на ветру.—В оригинале: *хäми пänд-е у бад шод мäн чо бид*, т. е. «советы его ветром стали, а я, словно ива, [колеблемая этим ветром]».

7975—7976
На месте, где пролит был жизненный сок,
Взошел небывалого вида цветок.

В оригинале: «Некая трава (растение) тотчас же поднялась из крови * Там, где была опрокинута чаша».

7977 Зовется он «Кровь Сиавуша»...— Растение так и называемое в народе «Кровь Сиавуша» — *хун-е сиавäшан* (*хун-е сиавäш*).

7988—8000 Лирическое философское отступление Фирдоуси.

8029 Фершидверд — здесь туранский витязь из рода Висе, брат Пирана. Позднее в «Шахнаме» встретится другой Фершидверд — сын Вистаспы-Гоштаспа. Имя Фершидверд восходит к авест. Фрашхамва-

рета (пехл. Фрашаварт) и, по-видимому, вначале просто олицетворение «мужской силы» (*хамварети*). Леххак (или Лехак) в «Шахнаме» другой брат Пирана, с именем, восходящим к авест. Lawahak, с нарицательным значением, примерно, «не имеющий цены», «бесценный» (ср. новоперсидск. *бäха*).

8034 Как бедную жертву от смерти спасти!— В оригинале: *бе тимар-о дäрд-е äсиран шäвим* — т. е. «позаботимся, посочувствуем пленникам».

8057 Руин — тоже брат Пирана (впоследствии падет от руки Бижена). Нарицательное значение «медный», «бронзовый» (новоперс. *руй*, этим. *рōй*).

8132 Увидим, что роком назначено ей.— Следующий после этого стиха бейт (отсутствующий в Кальк. изд.) пропущен в переводе как, очевидно, интерполированный.

8153—8154

Вбежала и видит: царицей-луной
Царевич рожден красоты неземной.

В оригинале: «Бегом отправилась Гольшехр (жена Пирана) к луне-красавице * Увидела отделившегося от луны шаха».

8200 Так было предсказано годы назад.— В оригинале: «[Подобные] речи слышал я от каждого».

8201 Провидец поведал мне в те времена.— В тексте: «Я помню от наставника-учителя (*амузгар*), что...»

8205 Он будет народами всеми любим.— В оригинале: «миру будет нужда в любви к нему» (*джäхан ра бе мехр-е вей айäд нейаз*).

8227 Колу (كُوه) — гора. Определить точное географическое местоположение затруднительно.

8244 Он доблестью славный свой род затмевал.— В оригинале: *хонäр ба нäжадäш хäми гофт рав*. Дословно: «Его талант (доблесть)» соответствовал его происхождению.

8256 Не стал подчиняться юнец пеступу.— Здесь переводчик с полным основанием предпочел перенесенный Вуллерсом в примечание вариант Парижского издания, так как он дает необходимое согласование с последующим текстом.

8286 И кровь прилила от волненья к лицу.— В оригинале: «подобно пламени загорелось его лицо».

8295—8296 Стал юноша витязю светом очей;
Любя ненаглядного все горячей...

В оригинале: «Он [Пиран] воспитывал его в объятиях [своих] * Радовался ему и [своей] судьбе».

8299—8300 Питомцу все силы души посвятил.
Шли дни, продолжалось вращенье светил...

В переводе переставлены полустишья этого заключающего главу бейта. Сам бейт дословно переводится так: «В этом так же немного обернулся (букв. прошел) небосвод. * В сердце он (Пиран) имел спокойствие и любовь», а вариант Парижского издания уточняет: «любовь к шаху» (т. е. к юному царевичу — *аз шах мехр*).

8339 Задшем, иначе Заэшм — легендарный предок — отец Пешенга, т. е. дед Афрасиаба (см. прим. 7902—03 в томе I).

8371 Дед глянул — и пот проступил на челе.— В оригинале: *нейара рох äв шäрм-е у шод пор аб*, дословно: «у деда от стыда перед ним лицо стало полным блеска» (или воды).

8417 «Скорей!»— Кей-Хосрова торопит мудрец...— В оригинале сказано не мудрец, а военачальник — *сепäхбäд* — т. е. Пиран.

8442 Где сорные травы — встает кипарис.— Следующий в тексте Вуллерса бейт, отсутствующий и в Калькуттском издании, в переводе опущен.

8444 Смоковница стройная ввысь вознеслась.— В оригинале просто дерево, ствол (*нäрд*).

8447—8448 Смоковница та зеленела весь год,
Под ней о царевиче плакал народ.

Дословно: «Она (Смоковница) в месяц Дей (т. е. зимой—см. прим. 110736 в томе I) была весной * Она была местом поклонения печальных (*сугваран*)».

8448 Далее, до конца главы следует лирическое отступление.

8471—11366 «Месть за Сиавуша» — по существу особый сказ о событиях после гибели Сиавуша и до воцарения Кей-Хосрова. Здесь повествуется о кровавых войнах. Иранцы, и прежде всего Ростем, ведут их, мстя за Сиавуша. Туранцев также воодушевляет месть за павших близких. Тесная связь этой группы сказаний с трагической эпопеей о жизни и смерти Сиавуша настолько очевидна, что иногда она относится к основному сказанию о Сиавуше как его продолжение.

В тексте Вуллерса — Нафиси, собственно говоря, нет выделения «дастана» (сказания) о «Мести за Сиавуша»: в рамках того же сказания о Сиавуше продолжается рассказ о событиях после гибели последнего. Но в ряде рукописей (в Пар. изд., например) заключительный бейт элегии Фирдоуси (стихи 8469—8470 перевода) начинает новое повествование.

8471—8504 [Жалоба Фирдоуси на свою старость] — лирическое отступление, открывающее очередной сказ; один из лучших образцов лирики наряду со знаменитой «Элегией на смерть сына», которая будет позднее.

8471—8476 Этим шести стихам перевода в оригинале соответствуют два бейта (т. е. четыре стиха).

8483—8484
Мой певчий, без устали певший досель,
Охрип: не поймешь, где рычанье, где трель.

В оригинале: *сäрайанде з аваз бäр гäшт сир * хämäш лäхн-е больболь хäм авайе шир*. «Поющий [м. б. голос его] пресытился пением *. Все у него (на один лад), что трели соловья, что рычание льва».

8485—8486
Я кубок налью пятьдесят уж восьмой,
Тот кубок — в честь близкой могилы немой.

В оригинале: «Когда я поднял чашу пятидесяти и восьми * буду думать только о смерти (дословно: о похоронных носилках) и (погребении) в поле». Здесь Фирдоуси уточняет свой возраст — 58, указав сначала (см. выше) округленно — 60.

8490 Здесь один бейт подлинника передается тремя строками перевода, причем последняя строка: «Увы, не владеет им больше рука» — вольная вставка.

8500 Чье слово и меч — правоверных оплот.— В оригинале Вуллерса. *ке ба зу'льфекар äст о ба менбäрäст* («кто владеет зульфекаром и кафедрой»). «Зульфекар»—меч Али (букв. обладатель позвонков, т. е. в руках Али, поражающий [всегда бегущих врагов] в спину). «С кафедрой», т. е. является имамом на кафедре мечети (так называемой мимбар) — вождем правоверных — шиитов. Таким образом, в переводе не мог быть передан специфически шиитский смысл бейта, особенно в сочетании с последующим (в тексте) подчеркиванием своей верности «Дому Пророка» и его «доверенного» — Али (см. примечание 225 в томе I). Но в вариантах Вуллерса (в Пар. изд.) вместо Зульфекар стоит просто *тиг-е-тиз* — «острый меч» (как и в Лондонской рукописи), что наводит на мысль об интер-

поляциях или заменах руками чрезмерно «благочестивых» читателей, будь то шииты, или сунниты.

8535 Здесь в переводе выпущены два мало обоснованные бейта текста Вуллерса, как очевидная интерполяция.

8604 Хоррад — имя иранского витязя, упоминавшееся и ранее (см. прим. 9759—9760 в томе I). Другие названные в смежных строках имена известны по комментарию I и II томов.

8655 Веразад — назван в тексте царем Сепиджаба (см. прим. 10019 в томе I). Примерное значение имени — «благородный» (авест. *wara* — грудь, сердце, *zad* — рожденный).

8664 Несется навстречу врагу Веразад —
Нахмурены брови и очи грозят. — В оригинале: «Веразад вышел из центра войска* подступил к Ферамарзу».

8685—8686
Сражаясь, он пыль до небес возмутит,
Он край ваш ничтожный во прах обратит!

В оригинале: «Он подымет дым из этой ничего не стоющей окраины [т. е. предаст край огню]. * Воздух не осмелится коснуться праха его (т. е. праха, подымаемого Ростемом в битве).

8736—8740 Здесь допущена перестановка двух смежных бейтов оригинала.

8753 Сорхе — туранский витязь, сын Афрасиаба (впоследствии падет от руки Ростема).

8790—8791
Оставив ряды, Ферамарз удалой
Навстречу противнику мчится стрелой.

В оригинале: «Ферамарз оставил центр войска * Устремился к Сорхе с жаждой мести».

8833—8834
Но стоит булату удариться в бронь,
Наружу вдруг вырвется тайный огонь.

В оригинале речь идет об ударе булата (*пулад*) о гранит (*сäнг-е хара*) и об «обнаружении тайны сердца» — т. е. высечении искры.

8909—8912
Рев трубный просторы степей огласил.
Шагают слоны. Потемнев, словно Нил,
Земля с небесами как будто слилась —
Такая от воинства пыль поднялась.

В переводе дано вольное отображение образов оригинала. Дословный перевод: «На спине слона зазвучала медная труба *

Мир от войска стал словно река Нил * Когда же на седлах слонов укрепили литавры * Небо целовало землю».

Думается, что сравнение с Нилом может быть осмыслено иначе: «Мир от [огромного и живого в своем движении] войска стал подобен [бурно-стремительному, мощному потоку] реке Нил», а «небо, целующее землю»— это скорее не слияние неба и земли в столбах пыли, поднятой войском, но выражение страха, покорности неба перед мощным войском. (Обряд целования земли на служение — *бусидан-е замин-е хедмат*).

8943 Кохрем (كهرم) — туранский витязь, брат Афрасиаба (то же имя будет отнесено позднее и к брату Арджаспа — основного противника Гоштаспа (в период войн за торжество новой религии — зороастризма).

8975—8978 Здесь допущена перестановка смежных бейтов.

8995—8996 То же самое.

9265 Чин и Мачин — стабильное сочетание в значении обширного территориального комплекса стран на Востоке средневекового мира, иногда в значении Китай и Индо-Китай (юго-вост. Азия). Здесь, возможно, в смысле Китайский Туркестан и Дальний Восток — вообще.

9267 И Чин, и Хотен, и Китай покорил.— В оригинале сказано, что Ростем покорил Чин, и Хотен, и Хата. Хотен — город в Восточном (Китайском) Туркестане (см. прим. 9953 в томе I). Термины Чин (зап.-европ. Chine) и Хата (русское — Китай) обозначают часто одно и то же. В целом это условно-традиционное выражение.

9281—9282 ...Но не одному
Сокровища Канга достались ему.

В оригинале просто: *баси гоухар аз гандж-е Ганг амадаш*, т. е. «много ценностей из сокровищницы Канга досталось ему».

9284 Трон костяной — конечно «трон слоновой кости» (*тахт-е ᶜадж*).

9312 Ты сердцу отрадою светлою стал.— Здесь перевод дан по варианту Парижского издания (*равандм*, вм. *равандт*), отнесенного в издании Вуллерса в примечание.

9315 До Гользериюна весь край Сепиджаб.— В тексте Вуллерса собственно не Сепиджаб, а Сепенджаб (سپنجاب).

9338 Зеваре — сводный брат Ростема (см. прим. 14193 в томе I).

9381—9382 Весь край до Саклаба и Рума в пустырь
Набегом одним обратил богатырь.

В оригинале: «От Турана (*туран зămин*) до Саклаба и Рума * Не видели хотя бы одной области или края цветущей».

Саклаб — славяне, земли славян (русов), т. е. территория Восточной Европы (сев.-зап. граница Турана). Рум — Рим, Византия, Малая Азия (см. прим. 413 в томе I). Конечно, здесь, где речь идет о востоке—Туране (Средней Азии), упоминание лежащего на крайнем западе Рума воспринимается как стандартное выражение. Или, может быть, это смутные реминисценции о Сельме, владевшем Западом-Румом (см. прим. 2899—2900 и 2902 в томе I) по разделу земель, произведенному Феридуном.

9402 Качар-Баши — тюркское название города в Средней Азии, реально не сопоставляемого с каким-либо известным географическим объектом.

9427 Здесь пропущен, как излишний, один бейт по тексту Вуллерса.

9431—9434 Здесь один бейт оригинала передан двумя парными стихами перевода.

9465—9466

Сказал он: «Простил бы столь тяжкий урон
Лишь тот, кто сознанья и чувства лишен».

В оригинале: «Ведь всякий, кто забудет это злое [дело],* свою живую душу лишит сознанья».

9493 Иран — под пятою туранских дружин.— В оригинале точнее: «захватил мир тюрк, потрясающий мечом». «Тюрк»— и в позднейшей поэзии — нередко символизировал Афрасиаба.

9577—9578

Взошедшее солнце сердца веселит,
Весь мир уподобив цветку шенбелид.

Дословно: «Когда показалось блистающее солнце * Земля стала подобна цветам „шенбелида“».

Шенбелид—*шăнбăлид*—цветок золотисто-желтого цвета. Нередко упоминается в классической поэзии для сравнения с бледностью — желтизной лица страдающего «влюбленного» по контрасту с алыми щеками цвета эргевана. Но данный бейт и другие места в «Шахнаме» и у ранних поэтов-классиков говорят о возможности сравнения шенбелида с чем-то ярким, радостным. По-видимому, различали оттенки расцветающего (яркого) и увядающего (тусклого) цветка.

9598 Бижен — сын Гива, активный участник последующих войн с Ту-

раном, герой одного из лучших романтических дестанов «Шахнаме» (см. том III).

9611 Здесь пропущен, по-видимому, как интерполированный, бейт, отсутствующий и в Калькуттском издании.

9755 Кто стал бы орехи на купол кидать.— Народная поговорка, символ безнадежного дела: «[Круглые] орехи на [покатой] кровле-куполе». Широко известна в литературе по «Голестану» Саади.

9883 Белый Див — чудовище, умерщвленное Ростемом в походе на Мазендеран (см. прим. 12029 в томе I).

9892 Лежит в стороне от проезжих дорог.— Точнее по оригиналу: *бейäк су зе рах-е сäваран-е тур*, т. е. «[лежит] по одну сторону от пути всадников Тура[на]».

9905 Бехзад — («Благорожденный») — кличка боевого коня Сиавуша.

9953—9954

Страшусь, не постигла бы гибель царя.
О горе, страдал и боролся я зря!

В оригинале: «Страданием (*рäндж*) было в мире мое сокровище (*гäндж*) — * Теперь жизнь Хосрова ушла [как] и мой труд» — с непередаваемой игрой слов *рäндж* и *гäндж*.

10036 Настихен — возможно пехлев. прототип имени Аустихен — Аушахр в «Шахнаме». Отсюда возможность «раздвоения» личности брата Пирана, основанного на смешении фонетики значения одного пехлев. знака. В «Шахнаме» далее оба брата Пирана падут в боях, Настихен — от руки Бижена.

10176 Гользериюн — گلذریون (читаем так по рифме с خون) — название речки. Весь бейт (10175—76) в оригинале (дословно): Название той реке было Гользериюн * Весною, [разливаясь], она бывала речкой крови».

10211 Нас семьдесят восемь его сыновей.— Число сыновей Пирана неоднократно варьируется как в источниках, так и в «Шахнаме».

10224 Вес мир, торжествуя, она осенит.—В оригинале: «Мир — целиком под тенью крыла твоего»— образ, восходящий к представлениям о птице Хомай (см. прим. 4200 в томе I), осеняющей будущего царя.

10235—10236

Ударами копий тебя наградим,
Не праху, а птичьим когтям предадим.

В оригинале: «Теперь пищей тебе будут удары копья, * Саваном для твоего тела — когти сокола».

10249 Исчадие ада, презренный злодей!— В оригинале: «О туранец (тюрок) низкородный (*бӑдгоухӑр*), отродье дива (*диввад*)».

10272 Китая глава и кейсер, и хакан.— В оригинале: *че фӑгфур-о кейсӑр-о хакан-е чин*, т. е. «как фагфур и кейсер, и хакан Чина».

Фагфур — титул владыки Китая («сын бога», популярнее «сын Неба»). Кейсер—повелитель Рума (Запада — см. прим. 5577 в томе I). Как следует из текста, «хакан Чина» — тоже суверенный владыка. По-видимому, под фагфуром мыслится действительно владыка отдаленного (южного) — у «моря Чин»— Китая, а «хакан Чина»— вероятно, повелитель Монголии и Северного Китая или «Китайского Туркестана».

10286 Гошесп-бану — в оригинале с перестановкой Бану-Гошесп, имя дочери Ростема, ставшей женой Гива (см. след. прим.).

10289—10290

Прекрасную деву, чье имя Ирем,—
Сестру мою взял он в супруги затем.

В оригинале: *сопордӑм бе ростӑм хӑми хвахӑрӑм* мӑхе банован-е шӑхр бану эрӑм*, т. е. дословно: «Я вручил Ростему свою сестру, * Луну средь знатных дам [Бану] города — Бану Эрем (Ирем)». В источниках же упоминается о Шехр-бану-Ирем, как о жене Ростема и матери Бану-Гошесп — жены Гива. Брак дяди и племянницы вполне законен и реален для зороастрийского Ирана, но все дело в одновременности свадьбы Ростема и Гива, что исключает возможность считать Бану-Гошесп дочерью Ростема от Бану-Ирем (характерное переплетение в источниках).

10353 Прорвал он противника строй боевой.— В оригинале: «Головы надменных были поражены изумлением от страха» (*сӑр-е сӑркӑшан хире гӑшт ве нӑхиб*), что отражено в переводе выше — стих 10351 (стих же 10351 перевода — вольная вставка при сохранении числа строк с перестановкой полустиший бейта).

10355—10356

Он горы убитых в степи громоздил,
Смертельный на недругов страх наводил.

В оригинале: «От поверженных (врагов) равнина стала подобной горе.* От одного (витязя — вариант: от булавы его) эти отважные стали бессильными».

10459—10460

Убил бы младенцем Хосрова — тогда
Меня б миновала лихая беда.

В оригинале: «Если бы прах был ему (Хосрову) учителем (вар. воспитателем)* Не увидели бы оба глаза мои этой судьбы» (см. в переводе след. стих.).

10548 Без удержу кровь проливая в пути.— Передано по смыслу. Дословно: «В гневе он влачил в крови полу» (*хăми дамăн ăз хăшм дăр хун кăшид*).

10555—10556 Они предсказали: владыка придет,* Что род от Кобада и Тура ведет.

Таким именно «владыкой»— наследником двух династий кеянидов Ирана и потомков Тура, правивших в Туране, и оказывался бежавший Кей-Хосров, родившийся от брака иранца Сиавуша с туранской княжной — Ферангис.

10557—10560 Здесь в переводе допущена перестановка двух смежных бейтов.

10563 Гив славный со стражем вступил в разговор.— В переводе сказано «страж», в оригинале — термин *бажбан* (вариант — *бажжвах*, современная форма: *баджгир*, *баджгах*) со значением сборщик налога. Бажбаны осуществляли также контроль над переправой (река Джейхун — граница Ирана с Тураном, Мавераннахра с Хорасаном в эпоху создания «Шахнаме»). А потому реалистична, понятна и попытка стража задержать «неведомых» людей (включая и попытку «заработать» на этом деле).

10599 Эрвенд — река, см. прим. 1885 в томе I.

10693 Тебе ведь подвластны и Чин, и Мачин.— Дословно: «От этой реки до Чина и Мачина — тебе [принадлежит]».

10699 Зем (*зăм*) здесь населенный пункт, город Ирана близ Джейхуна.

10711 Исфаган — столица Кеянидов Ирана. Раньше в «Шахнаме» столицами Ирана назывались города Востока. Здесь уже проявляется тенденция западноиранская, отражающая постепенный переход политического центра с Востока на Запад, что соответствует историческим фактам — политической гегемонии Запада (Фарс, Ирак) в эпоху Ахеменидов (с которыми соприкасается эпическая история позднейших Кеянидов) и позднее Сасанидов.

10781—10782 Такое вкушаю теперь торжество,
Как будто бы вижу отца твоего!

В оригинале: «Если бы [даже] я увидал живым Сиавуша* Я бы не смеялся так от [всего] сердца».

10874 Разил бычьеглавой своей булавой.— Как известно, «бычьеглавая булава» (палица) — *горз-е гавсăр* — специально выкована для Фе-

ридуна по заказу и по «чертежу» его лучшими кузнецами перед походом на Зохака. Головой быка также была увенчана знаменитая палица Сама — деда Ростема.

10887—10888 Герою-бойцу во владение дан
Рей, Кум с Хорасаном и град Исфаган.

В оригинале точнее: «Написали на шелку указ [*маншур*], [что] Хорасан и Рей, также Кум и Исфаган * Ему дал вождь с ореолом («фарром») Джемшида».

10909 Истахр — греч. Персеполь — резиденция с знаменитыми развалинами дворца исторических Ахеменидов (ср. прим. 10933 в томе I). В Истахре находилось знаменитое святилище огня зороастризма. В народном представлении руины Персеполя, именуемые «Тахт-е Джемшид» («Трон Джемшида»), связаны с мифическим Джемшидом.

10957 Пешенг — здесь сын родоначальника царей Турана, отец Афрамаба (см. прим. 8817, а также 3527 в томе I).

10971 Гудерзову грозную встретив семью. — Дословно: «Когда ты увидишь копья гудерзианцев (*сенанхайе гударзиан*)» может быть воинов Гудерза, но не исключено также сыновей и внуков Гудерза.

11011—11014 Здесь допущена перестановка бейтов.

11055—11058 Здесь также смежные бейты в переводе переставлены.

111109 Ардебиль — город в северо-западном Иране (современный иранский Азербайджан).

11111 Крепость Бехман (Бехмен)—*деж-е бахман, бахмандеж* точно не конкретизируется. У арабского географа Якута (XIII в.) есть краткое упоминание о цитадели «Бахмандаш» у Ардебиля (северо-западный Иран), что не очень увязывается с развитием событий в повествовании Фирдоуси, приурочепных в основном к Средней Азии и востоку Ирана.

11201 Меж Рыбой, держащею мир, и Тельцом.— О рыбе, на которой покоится земля, см. прим. 1360 в томе I. Телец — созвездие Зодиака.

11241 Мир стал эфиопа черней...— Обычное во всей классической поэзии противопоставление черноты эфиопов (вариант негров — суданцев, занзибарцев — *занги*) — белизне римлян (греков-румийцев — *руми*).

11264 Следующий в издании Вуллерса — Нафиси бейт выпущен в переводе, как повторяющий, стоящий выше.

11352 Один ниспровержен — другой вознесен.— В оригинале: «одной рукой она [судьба] берет,— другой дает». Далее до конца главы (и сказа) — лирико-дидактического типа отступление Фирдоуси.

11367 и след. Здесь начинается повествование о царствовании Кей-Хосрова. В тексте Вуллерса лирическому вступлению предшествует подзаголовок «Начало сказа» — *агаз-е дастан*. Начальные строки в переводе: Тут начал дехкан за оконченным вслед другое сказанье исчезнувших лет.

Правлению Хосрова подзаголовок отводит шестьдесят лет, т. е. уже не мифические столетия, а просто долгий исторически реальный срок. Это, конечно, объясняется преобладанием историко-эпического материала над мифическим, хотя сам Хосров — образ, связанный с мифологией.

Имя Хосров (Кей-) встречается (в соответствующих формах) и в Авесте, и в пехлев. книгах, и у арабских авторов. В «Шахнаме» Кей-Хосров — сын Сиавуша и Ферингис, дочери туранца Афрасиаба,— один из основных образов царей-героев, воплощение идеала справедливого царя (наряду с Феридуном и Хосровом-Ануширваном). Все его правление заполнено жестокими войнами с Тураном, закончившимися гибелью основного врага Ирана Афрасиаба. Это — «последние эпические войны», завершающие многовековую борьбу Ирана и Турана. В дальнейшем войны будут продолжены уже на религиозной основе «новой веры» — зороастризма, которую примут иранцы. В личном облике и судьбе эпического (с мифологической основой) Кей-Хосрова многие склонны видеть отражение исторических моментов — ахеменидской истории, в частности, перенос некоторых западноиранских легенд о Кире (его детстве и воспитании при дворе деда — Астиага).

11367—11404 Лирическое вступление к сказанию о Кей-Хосрове.

11425—11426

От разных держав со словами хвалы
Один за другим прибывали послы.

В оригинале: «Прибыли посланцы из каждого *кешвăра* (см. примеч. 632 в томе I)* От каждого именитого, от каждого вельможного».

11427 Нимруз — Систан, наследственное владение Сама, Заля и Ростема (см. прим. 5211 в томе I).

11458 Пыль ратная мир погрузила во мрак. —В оригинале: «... Он поднял до солнца прах войска».

11520 Здесь выпущен один бейт оригинала.

11534 Азерабадган.— Точно по оригиналу: *та дăр-е азăрбадган* — «до врат Азербадгана». Речь, конечно, идет о древней греческой Атропатене, территории Мидии (современного Азербайджана), славящейся древними храмами Огня — очагами горной смолы (нефти).

11536 Храм древний огня перед ними встает.— В оригинале определенней: «Он [Хосров] прибыл к святилищу Азергошеспа» (*суйе хан-е азăргошăсп*).

11585 Здесь при передаче содержания восьми бейтов подлинника в переводе дано восемнадцать строк (вместо шестнадцати), т. е. как бы появился лишний бейт.

11635—11636 Немало сгубил он безвинных людей... — Эта строка перевода отражает сказанное в оригинале ниже (на 8 бейтов), поскольку следующая строка: Из рода нечистого злой чародей — передает в целом содержание двух стихов (бейта) оригинала.

11686 И вот уж над Колосом солнце встает. — В оригинале: *чо ăз хуше бенмуд хоршид чехр* — «когда солнце показало [свой] лик из [созвездия] Хуше [Колос Девы]».

11690 и след. Здесь интересна картина сбора в поход, учета и регистрации дружин, приведенных вассалами владыки Ирана, вассалами, являвшимися на призыв своего «сюзерена», пользуясь выражением русских удельных архивов: «людны, конны и оружны». Разумеется, это факты Сасанидского Ирана, отнесенные к периоду, более мифологическому (эпическому — лучше сказать), чем историческому, что, впрочем, мы уже не раз видели на страницах поэмы.

11709—11710
Со знаменем в бой кавеянским он шел,
Гордился им древний кеянский престол.

Можно понять так, что Гудерзу с сыновьями доверена честь нести и защищать государственное знамя Ирана — «Кавеев стяг».

11715 Тевабе (توابه) — имя иранского витязя (этимол. вариант Теване).

11717 Берте (برته) — имя иранского витязя из рода Тевабе (этимол. вариант Parteh, возможно parthos, т. е.— парфянин).

11721 Рив — здесь (как и в оригинале) сокращение имени Ривниз, Ревниз (Rêwnîz),— витязь Ирана. Но в «Шахнаме» под именем Ревниз (Ревниз) — выступают разные лица: 1) сын Шаворана, убитый Форудом; 2) сын Кей-Кавуса; 3) сын Зераспа.

11771—11772

Сокровищам этим цена такова:
Плашана, туранского тигра, глава.

В оригинале: *Ке инăт бăхайе сăр-е би бăха* Пăлашан-е дăжхим нăрр ăждăха*, дословно: «Вот тебе цена головы бесценной* Плашана — злобного дракона». Плашан — точнее Пелашан, по-видимому, испорченное Balâšân — имя туранского витязя, этимологически близкое к известному имени многих парфянских царей — Волагас.

11774 Доколе он жив — нам покоя не знать.— В оригинале: «Бодрствованием его голова клонится к [вечному] сну».

11778 Бижен; поразить он дракона готов.— В оригинале: «Бижен сын Гива...* Завязал пояс» (см. прим. 10290 в томе I)— приготовился убить дракона».

11788 Двух дев, и на каждой кушак расписной.— В оригинале: «Двух розощеких красавиц, повязавших стан зоннаром». Зоннар — вообще «иноверческий пояс», узаконенный халифом Омаром как обязательный для немусульман (но «людей писания», т. е. христиан, иудеев, гебров-зороастрийцев). В классической поэзии «зоннар» — главным образом символ христианский.

11791—11792

Стяжав средь героев высокую честь,
Тежава-туранца венец нам принесть.

В оригинале: «Кто венец Тежава принесет ко мне,* Или этому именитому собранию [вождей] — я отдам эти сокровища».

11793—11794

Он зять Афрасьяба и грозный боец.
С главы Афрасьяба — тот гордый венец.

Дословно: «Ведь Афрасиаб возложил его [венец] на голову Тежава* Назвал его [своим] высокорожденным зятем».

11796 Для битв сотворили его небеса! В оригинале: «Была в битве [*джăнг*] рука его [*чăнгăш*] длинна».

11812 Движенья газели и тополя стан.— «Тополя стан» — традиционное сравнение, но «движенья газели» — вольность. В оригинале — традиционное же сравнение движений с походкой фазана. Кроме того, в переводе пропущено еще одно традиционное сравнение талии с тростинкой-камышом (*гăрăв* — ?).

11813—11814

Душистей жасмина ее поцелуй,
А имя красавицы той — Эспануй.

В тексте Вуллерса дано написание *эснāпуй*. Но это тоже один из вариантов имени красавицы (Isnapôî, Ispanôî, Ispaknôî). Первому стиху перевода в оригинале соответствует: «Жасминотелая, похищающая сердце, благоухающая мускусом».

11826 Блистательной ты предназначен судьбе.— В подлиннике: «Блистательная душа твоя * без тела да не будет».

1828—11830

Десяток сосудов извлек дорогих.
В серебряных чашах, как месяц во тьме
Блестя, благовония льют шемаме

В оригинале: «Приказал казначею извлечь золото.* Положили ароматы (арб. *шамаме* — ароматные вещества, ароматические брусочки) на золотые чаши.* Десять серебряных чаш также наполнили драгоценностями (или жемчугом — *гохāр*)».

11853 Меха, одеянья, корону к тому ж.— В оригинале: «Две сотни мехов и золототканной парчи. Царский венец, десять золотых царственных поясов».

11857 Касеруд — р. Касе (или р. Касеруд) в Иране.

11859 В оригинале сказано не о стене, а о горе из дров — завале.

11860 В десяток кементов она вышиной.— Кеменд — аркан и мера длины (среднего аркана). Ср. прим. 13797 в томе I.

11878 Пребудь мне кумиром — я верный брахман!— Обычное у классических поэтов Ирана (ср. Саади — «Бустан») смешение: брахман — служитель культа древнеиндийского (ведийского) и позднейшего индуизма, а *бот* (*бут*), с нарицательным значением кумир, идол — будда (будха), т. е. изображение Будды. Статуэтка — предмет культа буддистов, а не индусов-брахманов (ср. прим. 13954 в томе I).

11897—11898

И мир потемнел, как воронье крыло,
Светило ночей над горою зашло.

В оригинале заход солнца описан так: «Когда лицо земли стало подобным перу ворона,* С высоты горы взошел светоч луны».

11901—11902

Лишь утренний крик петуха прозвучал
И гору лучи обратили в сандал.

В оригинале: «Когда от (наступившего) дня гора стала подобной сандараку (*сāндāрус*)* До облака дошел возглас петуха». Сандарак, как и сандал, порода дерева, дающего смолу желтого цвета.

11905 С ним доблестный брат и воинственный сын.— В оригинале имена Зеваре и Ферамарз (брат и сын Ростема).

11921 С туранцами бьются, голов не клоня. — Здесь перевод отражает вариант не Вуллерса, а старейшей Лондонской рукописи.

11955 Сияет величием царственный лик.— Здесь в переводе не вполне сохранен порядок стихов оригинала. Данному стиху в оригинале соответствует не отраженное в переводе *бе бар амäд ан хосрäвани дерäхт*, т. е. «плодоносящим стало то царственное древо» (ср. ниже прим. 12092).

11965—11966

Царь медную чашу и молот берет,
Шум ратный и клики летят в небосвод.

В первом стихе-полустишье оригинала: *йäки мöхре дäр джам дäр дäст-е шах*, для *мохре* имеются значения: «шарик»,— болтающийся в чаше, как в бубенце, или молоток для удара. Во втором полустишье — «клики войска» (*хоруш-е сепах*) достигают до Кейвана-Сатурна.

11971—11972

Свет белый затмился в глазах: не видны
Клинки даже звездам-очам с вышины.

В оригинале: «Светлый глаз не видел мира* Небосвод и звезды не видели копья».

11977—11978

Когда Кей-Хосров на могучем слоне
Ударил о медь, призывая к войне.

В подлиннике: *чо бäр пошт-е пиль ан шах-е намвäр * зäди мохре бäр джам о бäсти кämäр*. Дословно: «Когда на спине слона тот именитый шах ударил в чашу (*мохре*) и завязал пояс»,—т. е. приготовился к бою. Словом, точное повторение сказанного выше о снаряжении боевого слона Хосрова (прим. 11965—11966). Совершенно очевидно, что Хосров дал «звуковой» сигнал к началу боя с помощью «мохре», шара или молота, ударявшего в металл чаши. Ср. удар камня в чашу [котел] — обычный сигнал к отправлению каравана (образ, отраженный у Хайяма, Саади и у других классических поэтов), а также сигнал боевой тревоги, например, в практике янычар в Турции, когда опрокидывание котлов знаменовало начало янычарского бунта.

11979—11980

Узрев миродержца, пред ним ни один
Не мог бы главы не склонить властелин.

Перевод по общему смыслу, дословно: «Не подобало каждому государю* Сидеть (нигде), кроме как у дверей Государя (т. е. Кей-Хосрова)».

11995—11996

Твоя да сияет победно звезда,
Весь век торжествуй, благоденствуй всегда!

Точнее по оригиналу: «В каждом деле да будет победоносным твое счастье* Все время судьба твоя (*рузгар-е то*) да будет „Новым днем“» (праздником весны — см. прим. 156 в томе I).

12018 С ним вождь ни один состязаться не мог.— Дословно: «Головы вождей-витязей — под мечом его» — *сăр-е сăрвăран зир-е шăмшир-е уст*.

12035 Эшкеш (Ашкаш) — племянник Каве, обычно считающийся сыном Кобада (см. след. прим.).

12037 Хомай.— В тексте Вуллерса, использованном переводчиком, сказано: некий булавоносец из рода Хомай. Здесь Хомай — имя, по-видимому, женское (встретится позднее в «Шахнаме»). Может быть, предпочтительнее вариант Парижского издания, где предком Эшкеша назван Кобад?!

12039—12040

Он вел за собою белуджей ряды,
Драчливых, что туры с гранитной гряды.

В оригинале сказано о белуджах и кучах (*гордан-е... куч-о бăлуч*), «думающих всегда о драке, подобно горным баранам (*гуч-куч*)».

12075 и след. Здесь в переводе смежных бейтов допущены перестановки строк оригинала.

12081—12082

А следом — воинственный муж Ферамарз,
Достоинства полный, могучий, как барс.

«Барс» — вольность, дословно в оригинале:
«... Ферамарз* Что обладал величием, ростом и силой» (*ке ба фăр-ро-о ба бăрз-о ба ăрз буд*).

12092 И радуя взоры, как древо в цвету... — Традиционное выражение, дословно: «Как дерево плодоносящее» (вариант — дерево с грузом листвы, в цвету). Здесь отражен образ оригинала, пропущенный выше (прим. 11955). Кроме того, в смежных бейтах перевода даны две строки сверх оригинала.

12163—12181 Сказ о Форуде, сыне Сиавуша. — В оригинале мы находим подзаголовок: «Начало сказания о Форуде, сыне Сиавуша». Следующие восемнадцать стихов — дидактическое вступление Фирдоуси к сказу.

12181 В заголовке сказания о походе Туса на Туран у Вуллерса — Нафиси говорится не о Туране (*Туран*, *Туран зămин* и т. п.), а о «Земле тюрков» — *Торкестан*.

12207—12208

И вся менучехрова племени рать,
Привыкшая Тусу почет воздавать.

В оригинале: «Всякий, кто был из рода Менучехра* Сердце и душа его были полны любовью к Тусу». Этот бейт выпущен в Калькуттском издании, и можно сомневаться в его аутентичности.

12231 Келат — широко известный в Средние века городок и горная крепость на восточной границе Белуджистана, на подступах к Индии (ныне в пределах Пакистана). В XVIII в. Келат был резиденцией и складом награбленных сокровищ знаменитого Надир-шаха.

12262 Другая к Черему, Келату звала.— Дословно: «с другой стороны Келат и путь на Черем» (? Джерем — جرم ‖ چرم), по-видимому, населенный пункт в направлении к Индии (реально не отождествляется).

12274 Мèем (میم) — по контексту название реки, рифмующей с *гăм*, следовательно — *măйăм*.

12295—12296 Лирическо-дидактическое отступление — бейт, подчеркивающий мысль о гибельных последствиях своеволия Туса, которая была развернута во вступлении к сказу.

12314 Сепидкух — «белая [т. е. со снеговой вершиной?] гора» (в тексте سپید کوه).

12317—12318

Грохочет кимвал над рекою Меем,
Пыль черною тучей одела Черем.

В оригинале: «Когда встал (раздался) звук литавров от Меема, * А также прах — словно эбен — из Черема».

12368 Долг мести не должно чужим уступать.— Здесь перевод следует не тексту Вуллерса, а варианту Парижского издания, подтверждаемого старейшей Лондонской рукописью, где вместо همان کین читаем: ممان‌کین а весь стих: *măман кин-о айин бе бигане кăс*, т. е «не оставляй мести и обычая чужому [лицу]», естественный в контексте и корректный по форме вариант.

12387 Тохар — تخوار по-видимому, графическое искажение, вм. نخوار — пехлев. *нахвāр*[*ā*]. Это имя будет встречаться в других частях поэмы (в том числе и «сасанидской»). Здесь Тохар — турапский витязь, спутник Форуда.

12426 Здесь в переводе опущены два стиха (один бейт) текста Вуллерса как сомнительный (бейт отсутствует и в Калькуттском издании).

12446—12447

Вот юноши знамя, там дева-краса
Уста, что рубины, что смоль-волоса.

Дословно этот бейт переводится так: «Знамя за ним (т. е. за Зенге) есть. [На нем] — изображение луны-красавицы,* Тело которой — рубины, а локоны — словно черный мускус». Приводим бейт в оригинальном написании:

درفشی پیش اوست پیکر چو ماه * تنش لعل و جعدش مشک سیاه

12475—12476

Сияя, глядит на воинственный строй,
И знатный его веселит, и простой.

Перевод вольный с перестановкой полустиший бейта. Дословно: «Больших и малых—всех он посмотрел,* Сердце его возликовало, щеки стали [словно] шенбелид» (см. примеч. 9577—78).

12588 Здесь в переводе допущена перестановка стихов.

12634 Здесь в переводе выпала одна строка оригинала: «Чего ради остается на горе кто-либо в такой день!»

12656 Я видел кеянский наследственный знак.—В оригинале: «Он показал тот знак, который в роду* От Кавуса имеют и от Кей-Кобада».

12735—12736

Ривниз меченосный приблизился. Вдруг
Форуд напрягает упругий свой лук ..

В оригинале: *чо ба тиг наздик шод Ривниз* бе зех бāр кāшид ан хāманиде шиз*», т. е. «когда Ривниз с мечом приблизился,* Он натянул изогнутый [лук из дерева] „шиз“» (индийское дерево, из которого делают луки).

12741 Меем — река, здесь, по-видимому, «место», может быть и гора, лучше всего предположить крутой, высокий берег Меема [?]

12743—12744 Снова дидактическая концовка.

12767—12768

Немного ему остается пути.
Прицелься, стрелу поскорее пусти...

Дословно: «Как только он увидит грудь, и руку, и шлем,*

Нужно будет спустить [букв. открыть] стрелу от твоей груди [или: для тебя]».

12786 и 12789 Здесь в переводе перестановка строк подлинника.

12821—12824 Снова авторская сентенция. В данном сказе встречаются особенно часто.

12825—12826

Он в замке своем обитал, окружен
Заботами юных, пленительных жен.

В оригинале: «У юного Форуда крепость была населена (благоустроена).* В крепости было восемьдесят девушек-невольниц (*пярастанде* — наложниц).

12885—12886

Мечом поражу я Форуда! Гранит
В возмездье он кровью своей обагрит.

Эти два стиха (бейт) отсутствуют в тексте Вуллерса (даны по Лондонской рукописи).

12934 Не скрыться Форуду, вновь встретишься с ним. — В оригинале: «Можно [ведь] пойти другой раз — не связан ты».

12982 ... тут надобны крылья орла! — В оригинале сказано о крыле коршуна или птицы Хомай (см. прим. 4200 в томе I). Здесь еще переставлены полустишья бейта.

13093 Нет больше в живых ни единой жены.— В оригинале речь идет о невольницах (наложницах) — *пярастанде*.

13117—13118

В румийские латы, в шелом облачен,
Лук взял и к борьбе приготовился он.

В оригинале: «Препоясал стан под румийским [боевым] кафтаном (*хафтан*),* Вышел с кеянским царственным луком в руке».

13128 Ты скажешь, весь мир почернел, обгорел.— В оригинале: «Вершина горы стала, словно море смолы».

13142 Здесь выпущен один бейт по тексту Вуллерса, отсутствующий также в Калькуттском издании.

13197 До конца главы — философски-лирическое отступление автора.

13274 Кто сеет горячность — раскаянье жнет.— И в оригинале — стиль поговорки. Дословно: «Ведь поспешность — приносит тебе груз раскаяния* Не сажай в [своем] плодовом саду зерен поспешности».

13362 Я львов повергаю, нечистых вяжу! — Здесь «нечистых вяжу» соответствует *дивбанд*—«связывающий дивов», в частности, эпитет Тах-

мурeса (см. прим. 715 в томе I). Интересно постоянное противоречие — общая трактовка туранцев как служителей Ахримана (и дивов) дается туранцем же.

13366 Я — див, недоступный стреле и копью.— Дословно: «я — Бижен. * В пылу боя я— меднотелый див», т. е. яростен и неуязвим словно див (Меднотелый — *руинтäн* — в поэме Фирдоуси — специальный эпитет Исфендиара).

13396 Удача к кому повернется лицом? — Вольная передача, в оригинале: «Кто знает, как повернется тот ветер в день битвы?».

13453—13454
Но это всего лишь начало невзгод.
Кто ведает, что затаил небосвод?

В оригинале: *хänуз äз бäди та че аййäдät пиш* бечäрмändäрäст ин зäман гавмиш*—«[Кто знает]—еще что злого случится с тобой * Еще в [своей] шкуре *гавмиш* горный баран». Ср. прим. 7258, где вместо *гавмиш* дано *гав-е бише* (бык леса, бык в лесу). В данном стихе *гавмиш* — конечное в стихе рифмирующее слово, что позволяет думать о каком-то искажении в предыдущем варианте.

13496 Геругерд—Героугерд (گروگرد) — название города на реке Джейхун.

13509 Кебуде — имя туранца, хранителя табунов и стад Афрасиаба (нарицательное значение имени — голубая ива, в основе *кäбуд* — голубой).

13528 И сразу лицом Кебуде почернел.— В оригинале непередаваемая игра слов в связи с отмеченным выше значением имени: «И становился цвет Кебуде-Голубого — черным» (т. е. постепенно тускнел блеск лица умиравшего Кебуде).

13545 Уж птицы с зарей запевают везде.— В оригинале: «Послышались крики петуха и жаворонка».

13556 А вождь их подобен чудовищам рек.— В оригинале: «Предводитель — водяное чудовище (крокодил-*нäхäнг*) со знаменем в руке».

13571—13574 Здесь допущена перестановка стихов оригинала.

13593—13598 Тоже перестановка стихов.

13613 Туча Бехмена (*äбр-е бäхмäн*), т. е. месяца Бехмен (январь-февраль) - солнечного персидского календаря (традиционное выражение).

13621 Мерду (*мäрдуй*) и Эрженг — здесь имена витязей Турана.

13720 Он львов поражает, как будто овец!— В оригинале: *коджа шир буди бечäнгäш бäре*, т.е. «лев казался (бы) ягненком в его [могучих] руках».

13805—13806 Под ними земля холодна, а мечи
Над ними — как будто огонь горячи.

В оригинале дословно: «Под хмельной головой — мягкая (*нярм*) подушка* Над головой — горячие (*гярм*) острие копья, меч и булава...».

13821—13822 Лирическая вставка (бейт) автора.

13851—13858 Лирическое отступление автора.

13966 Надеждою новой сердца озаря.— В оригинале уже известный нам образ: «Для мира новое дерево принесло плоды» (или покрылось листвой — зазеленело).

13974 О князь, торжествуй, благоденствуй всегда! — В оригинале снова эпический стандарт: «Все время твое да будет Новрузом (весенним, праздничным, радостным)».

13987 Тебе я шелом повелителя дал.— В оригинале более определенно: «Царский [кеянский] венец и пояс дал я тебе», т. е. облек полнотою царских прав.

14082 И ратный опять начинается спор. Одно из самых упорных кровопролитных сражений между иранцами и туранцами, в преданиях известное как «*Джянг-е Пашян*, т. е. «Бой с Пешеном».

Пешен, вероятно, соответствует Пешенгу (многократно комментированному) — эпониму рода Афрасиаба и Висе-Пирана. Некоторые словари упрощенно толкуют Пешен как название места, где был бой.

14100 Ужель не прославит нас больше молва? —В оригинале: «Уменьеспособности наши стали скрытыми».

14149 Все мраком в глазах у бойцов облеклось.— В оригинале: «от несчастного боя глаза их стали лиловыми (*бянафш*) в смысле «стало темно в глазах».

14242 Обильного пира дождался шакал!—В оригинале: *хями горг-е дярряндера сур кярд* — «хищному волку устраивал угощение».

14295 Здесь в переводе пропущен один бейт текста Вуллерса как излишний (его нет также и в Калькуттском издании).

14352 Стерпеть, чтобы вражьей добычей он стал? — Перевод по общему смыслу, в подлиннике: «Чтобы предводитель туранцев [букв. тюрок] взял ее в свои руки?».

14372 Просила: «Доспехами ты запасись!» — В оригинале: «Дала мне столько оружия и [боевых] кушаков».

14427 До места сраженья Бехрам доскакал.— В оригинале: *вованджа суйе кälб-е лäшгäр шетафт*, т. е. «отсюда он поспешил к центру [букв. сердцу] войска».

14465—14466

Пиран содрогнулся; тревогой пронзен,
Расспрашивать стал о воителе он.

В оригинале: «Спросил Пиран: „Кто же этот муж? И как его именуют среди именитых?“». Кроме того, в переводе опущен предшествующий бейт, дословно: «Обильные речи были об этом бое, * О схватке с ним — и тайно и явно...».

14638 Увидишь, как черен твой будет удел.— Перевод по общему смыслу, в оригинале: *бебини конун тäнг кам-е нäхäнг*, т. е. «увидишь теперь тесную пасть крокодила (акулы?)»

14682—14686 Лирико-философское отступление автора.

14700 И нет уж Бехрама — исчез, как мечта! — В оригинале: «Ты сказал бы, что Бехрама никогда не было».

14724 И каждый печалью о близких объят.— В оригинале — идиома: «Язык их о близких полон холодного ветра (*пор äз бад-е сäрд*)»— в смысле горестного вздоха».

14741—14744 По существу лирическое отступление, вложенное автором в уста Пирана.

14799—17964 Сказ о Камусе Кашани (Кешанском) — естественное продолжение и развитие большого повествования о войнах Ирана с Тураном после гибели Сиавуша. Тема та же — месть за Сиавуша и, быть может, кульминационный момент ее. После долгих сражений с переменным успехом, но в целом в пользу Турана, на сцену снова выступает Ростем и снова (в соответствии с общей тенденцией поэмы) в роли спасителя Ирана. Камус выступает в конце повествования, как мощный богатырь, склонивший было победу в сторону Турана, но появление на поле брани Ростема приносит вместе с гибелью Камуса победу иранцам. Таким образом, Камус — лицо эпизодическое в данном цикле сказаний, а не основной герой, как, например, Сохраб. Сказ по традиции начинается развернутым вступлением — хвалою Йездану.

14825 Бессмертны деянья Ростема-бойца.— Это обращение по существу не мотивировано развитием сюжета. Оно лишь предвещает решающую роль Ростема в будущих событиях. Предшествующий бейт в издании Вуллерса — выпущен переводчиком, как шаблонная вставка (бейт отсутствует и в Калькуттском издании).

14832 Оправлю предание в песню свою. Дословно: «Взяв из книги (*дафтар*), введу в свой сказ (*гофтар-е хвиш*)».

14833—14834

Послушай дехкана премудрого сказ,
От древних времен донесенный до нас.

В оригинале непередаваемый оттенок мысли автора, не просто «послушай», а дословно: «вернись снова» (*баз гярд*) и далее: «Посмотри, что скажет видевший мир муж».

14854 На трон возведен не тобою ли я? — В оригинале: «Ты дал мне трон, счастье и доблесть (*то дади мäра тäхт-о бäхт-о хонäр*)».

14880 Здесь в переводе допущена перестановка стихов.

14973 Здесь допущена перестановка стихов.

15025 Здесь в переводе выпущен один бейт, отсутствующий и в Пар. изд.

15059 Здесь в переводе допущена перестановка бейтов оригинала.

15120 Шехд — река. По-видимому, один из притоков Аму-Дарьи, уже упоминалась в поэме Фирдоуси (см. том I, прим. 14084) как пограничный объект.

15149—15154 Лирическое (философское) отступление — нередкая концовка Фирдоуси.

15167 Здесь два бейта оригинала отражены в двух стихах перевода, т. е. как бы выпадает один бейт.

15255—15256

Доколе не будет в бою сметена
Туранская рать — не утихнет война.

В оригинале: *käз ин кине-та венде манäд йäки * нäйасуд хäхäд сепäх äндäки*, т. е. «пока кто-либо останется в живых от этого мщения, * Не будет никакого покоя войску».

15289 Ладен — здесь, по контексту, название места, где не так давно сражались Гудерз с Гивом против Пирана. *Ладäн* (ладан) — в нарицательном значении — известное пахучее вещество.

15320 Чача изогнутый лук.— О знаменитых луках Чача-Ташкента см. прим. 3580 в томе I.

15351 Тузийское седло — в оригинале: *вин-е тузи*, по-видимому, относительное образование от названия города — *туз* (*тӯж*), очевидно, славного своими седлами.

15361—15362 Бейт переставлен ниже, чем в оригинале.

15376 Здесь в тексте Вуллерса стоит заголовок, перенесенный в переводе на два бейта (четыре стиха) ниже.

15377—15378

Надвинулся вечер в агатовой тьме
Рассыпало небо свои шемаме.

В оригинале: «Когда высокий небосвод сделал венец [увенчал себе венцом] из черного камня (*шебех*) * Разбросал ароматную смесь (*шемаме*) на лазурь».
Шäбäх (شبه) — род драгоценного, черного цвета камня (условно — агат), *шäмаме* — ароматические черные от мускуса «таблетки» в золотой оболочке.

15381 Вот солнце в созвездии Рака взошло.— Т. е. солнце достигло созвездия «Херченг» (Рака), а это бывает в разгаре лета.

15416 Построил — фазаньему оку подстать.— В переводе отклонение от буквы оригинала, где, как обычно, проводится сравнение с «глазом петуха» — *чäшм-е хорус* (но, правда, и самца-фазана иранцы именуют петухом).

15445 Помчались. За гору обоз отошел.— В оригинале: «пешим к горе отошел вместе с обозом Тус»— как старший, возглавивший центр, имея на правом крыле Гудерза, на левом — Роххама и Горгина.

15452 Лик солнца от пыли туманен и сер. — В оригинале: «Весь рот (вариант — вся глотка) солнца был полон прахом» (*хäме кам-е хоршид пор хак буд*).

15485 Нехель (نهل) — туранский богатырь.

15491 Шидрох (شيطرخ), —имя не ясно, наиболее вероятное предполагаемое осмысление: «солнцеликий», а написание в оригинале — арабизованное искажение (?). Источники дают варианты произношения: Шитарах, Шейтарах, Шитерах и Ситарах — с неясной этимологией.

15581 Предшествующий бейт оригинала отражен в переводе ниже: стихи 15591—15592.

15610 Здесь допущена перестановка стихов.

15625 В переводе опущена строка подлинника. Дословный перевод всего бейта: «Пошел Гив и все войско вернулось назад * Они увидели равнину и поле, полные убитых».

15626—15628

....Беглецам
Сказал с укоризной дружины глава:
«Так вот ваша доблесть в бою какова!»

Дословно: «Военачальник Тус так сказал, обращаясь к старшим (*мехтäран*) * Это и есть сила и бой вождей (*сäран*)?»

15635—15636 Этот бейт в тексте Вуллерса — Нафиси начинает следующую главу.

15661—15662

И каждый иранец бедой потрясен,
Гудерза звучит раздирающий стон.

В оригинале бейта (с перестановкой полустиший в переводе) дословно: «Когда услышал Гудерз — издал громкий крик * Земля от их воплей (*аз баңг-е ишан*) пришла в содроганье (букв. в кипенье)».

15677—15678 Здесь перевод следует варианту Парижского издания, помещенному у Вуллерса в примечании.

15692 Гора Хемавен — по контексту несомненно гора в пограничном районе. Сопоставление с реальной горой затруднительно.

15704 Кафуром осыпан эбеновый трон. — Дословно: «Солнце разбросало камфору на трон из слоновой кости». Образ оригинала, неясен: камфора-белизна на белой же слоновой кости? — В переводе сказано об эбеновом, т. е. черном (возможно и красном) троне.

15711 Здесь в переводе перестановка стихов, что, в частности, совпадает с Лондонской рукописью.

15895 Здесь в оригинале следует бейт, в переводе переставленный ниже — стихи 15899—15900.

16002 Во мраке сражаются, жребий кляня. — В оригинале: «От темноты — в море смолы они».

16125 О бое Ростема с Белым Дивом см. том I (стихи 12029 и сл.).

16180 Здесь допущена перестановка смежных бейтов.

16256 Здесь также допущена перестановка смежных бейтов.

16333—16334

За дело взялся тут усердно Ростем,
И долго не медлили с таинством тем.

В оригинале: «Завязал туго пояс в этом деле Ростем, * И в этом [деле] не было большого промедления».

16370 И это блаженство навек нам дано. — В оригинале несколько иначе: «Мы не знаем — это вино доколь будем пить».

16399—16400

Иранцы — на кручах; колючки кустов,
И те недоступны для их скакунов.

В оригинале: «У них (иранцев) гранитная бесплодная (букв. сухая) гора. * Их кони вдыхают запах колючек словно мускус». В подлиннике обычная у классических поэтов игра слов: шип, колючка — *хар* и гранит — *хара*.

16437 Речь идет о прибытии союзника (а может быть и вассала?) Афрасиаба́, повелителя Чина, что естественно переводить — Китая, с титулом «хакан». Так в постоянном сочетании — *хакан-е чин* — «хакан Чина», условно: повелитель Китая,— будет встречаться в последующем изложении событий. (см. прим. 10272).

16437—16438

Достигшее Рака, сверкнуло сквозь мрак
Дневное светило, как пламенный стяг.

В оригинале: «Когда Солнце из созвездия Рака подняло руку (здесь игра слов: *зе хӓрчӓнг чӓнг*) Оно разорвало покров мускусно-черного цвета (*мӓшк ранг*)».

16439—16440

К Пирану пришла от властителя весть:
«К нам прибыли рати, которых не счесть».

В оригинале: «К Пирану прибыл от шаха [Афрасиаба] посланный [с извещением],* Что прибыло большое войско [собравшееся] со всех сторон (букв. мест)».

16441—16460 В дальнейшем изложении переводчик отступает от точной последовательности бейтов в издании Вуллерса, использует вариантные разночтения и варианты Лондонской рукописи (что будет отмечено нами соответственно).

Дело в том, что точное воспроизведение оригинала Вуллерса (на наш взгляд, отражающего несогласованные им противоречия — искажения и интерполяции рукописей, Парижского и Калькуттского изданий) привело бы к противоречию в именах и деталях изложения и затруднило бы чтение и понимание перевода. Если «реконструкция» переводчика и может быть оспорена в своих частностях (что и будет в необходимой степени отражено в комментарии), то следует признать, что любое стройное изложение текста Вуллерса, в свою очередь, оказалось бы еще более спорным.

16441—16442

И первым хакан величавый идет,
Чей трон — вся земля, а венец — небосвод.

Эти стихи отражают бейт Лондонской рукописи, следующий там за бейтом, отраженным в стихах 16443—16444 перевода. В тексте Вуллерса данный бейт стоит ниже — перед стихами 16453—16454 перевода и не вполне связан с контекстом. В Парижском издании бейт следует непосредственно за стихом 16440, т. е. в начале сообщения посланника Афрасиаба. Нетрудно убедиться, что варианты местонахождения меняют реальное содержание

известия. Кроме того, самый текст первого стиха, совпадающий и в Лондонской рукописи, и в Парижском издании, может быть прочитан и осознан по-разному: *нāхостин сепāхдар* [или *ар-е*] *хакан-е чин* с вариантами перевода — кто идет?: «первый предводитель — хакан Чина», или «первый предводитель хакана Чина». Сам хакан, или его первый военачальник? Последнее согласовалось бы с ролью Камуса (в сказе ему посвященном), Камуса — как вождя передовых сил хакана. (Самому хакану, его единоборству с Ростемом ведь будет посвящено следующее — см. III том — особое сказание.) Но и тогда остальные бейты не всегда согласуются с этой предпосылкой.

16443—16444

Чин-море пустынею сделал бы прах,
Вздымаемый ратью хакана в боях!

В оригинале нет упоминания о хакане, т. е. речь идет о войсках, рати, идущей на помощь Пирану — вообще. Чин-море — здесь может быть принято или в плане гиперболического сравнения, или речь идет о море-озере Аральском (или другом из озер Центральной Азии).

16445 Из Мавераннахра тот вождь боевой.—В тексте Вуллерса: *йāки мехтāр āз мавераннāхр дāр*, т. е. «один (некий) набольший (вождь, вельможа) из Мавераннахра», т. е. из «Заречья» с территорий по правому берегу Аму-Дарьи, но в варианте Калькуттского издания вместо «из Мавераннахра» сказано «с той стороны реки» (что может быть понято шире, например из-за Сыр-Дарьи и т. п.). И говорится не «один вождь», а просто некий вождь. Переводное же «тот вождь» определенно связывает бейт с предшествующими, чего в оригинале нет.

16451 Фертус — здесь имя дано по варианту Калькуттского издания. В тексте Вуллерса (как и в Лондонской рукописи) назван Камус, что, быть может, и более обосновано, но тогда и все изложенное до сих пор надо относить к нему, а не к хакану (см. разночтения стиха в прим. 16441—16442), что также можно подвергнуть сомнению. Оригинал ниже особо упоминает и Фертуса и Камуса уже конкретно. Далее в оригинале следует бейт, перенесенный в переводе ниже (см. стихи 16459—16460 и прим.).

16453 Меншур — Мāншур, Mansôr (?) — с нарицательным значением: гневный, сердитый. Еще одно имя туранского бойца.

16455—16456

Мужи из Кешана: свирепый Ашкбус
И воин сильнейший из сильных Камус.

Здесь в оригинале вовсе не упоминается Ашкбус. Камус из Кешана — имя случайно напоминает современный Кашан (город в Западном Иране), а вероятнее всего связано с Кушанией — столицей империи кушанов на Заравшане. Камус, по-видимому, предводитель рати, властитель Сепиджаба, где-то в глубинах восточных территорий, тяготевших к Турану и Афрасиабу. Имя Камус (этимологически: Камос) иногда сопоставлялось с Камбизом (варианты: Камисус, Кумбисус).

16458 Он гневом своим нагоняет метель.—В подлиннике: *чо хăшм аварăд бад-о бăрф аварăд*, т. е. «когда приходит в гнев — приносит ветер и снег».

16459—16460

От Рума до врат Сепиджабской земли
Всех стран обитаемых рати пришли.

В оригинале соответствующий бейт дан выше, следом за бейтом, отраженным в стихах 16455—16456 перевода, причем в Лондонской (только) рукописи за ним непосредственно следует бейт: *ферестадăм анк суйе карзар* берарăд ве Тус о зе Хосроу дăмар*, т.е. «я послал того, чтобы в сражении он уничтожил бы совсем (с корнем) Туса и Хосрова». (Переводчик толкует это «послал» как веленье хакана.) Вот здесь и выявляется реальное содержание термина (если оно есть!): «хакан-повелитель Чина, прибывший из Заречья, обладал территорией от Рума до Сепиджаба (*зе мăрз-е сăиăджаб та мăрз-е рум*). Второй стих оригинала — *сепахи ке буд ăндăр абад бум*?, т. е. «войско, которое было в населенной стране». Может быть, смысл тот, что все войска-рати, которые собрались здесь — в населенной — оседлой земле,— пришли из окружающих Туран степей, кочевых территорий (отражение борьбы кочевников с оседлым насслением?). Но как бы ни понимали второй стих, первый дает границы кочевых территорий, совершенно очевидно не охватывающие подлинный, хотя бы и неведомо-таинственный, Чин-Китай.

16477 От склонов Кашмира до Шехда-реки.— Река Шехд, как уже указывалось,— один из притоков Аму-Дарьи, т. е. территории союзников и вассалов Афрасиаба, которые располагались как бы по дуге от Индии (Кашмир) до Аму-Дарьи, т. е. на восток и северо-восток от собственно Ирана с продолжением изгиба к западу вдоль северной границы Ирана, вплоть до Рума ?).

16479—16486 Здесь даны имена богатырей, союзников Турана или вассалов Афрасиаба, с указанием их «уделов» или подвластных территорий,

что помогает несколько уточнить наши представления о территории и «сферах влияния» Турана, а также несколько разобраться в путанице имен и вариантов текста. Кондор из Саклаба, т. е. из страны славян. Биверд из Ката. Кат, Кят — древний город на Аму-Дарье, некогда — до переноса в Ургендж — столица Хорезма. Герче из Сегсара (см. прим. 6253 в томе I).

С возможностью сопоставления с грузинскими — *гордж*, *гордже* (گرجه, گرج). Шенгул, точнее Шенголь (شنگل) из Хинда-Индии (см. прим. 414 в томе I).

Фертус из Чагана, уже упоминался, по-видимому, случайно, выше. Фертус (Fartôs), как имя, может быть сопоставлен с Тус (Taôsa) (см. примечание 9181 в томе I), первая часть имени — «фарр» (?). Чаган *чаган*-город — область на востоке Ирана. И здесь Фертус уже определенно не хакан.

На наш взгляд, все это свидетельствует только о сложности и обилии вариантов текста, имея в виду как варианты стихов, так и варианты их расположения, в которых еще трудно разобраться. Кехар из Гехана [?] (گیهانی کیهار) — витязь, по-видимому, только в «Шахнаме» упоминаемый. Шемиран — женское имя, встретится позднее как таковое и в «Шахнаме», сопоставляемое с Семирамидой греков, но здесь, по-видимому, имя витязя, союзника или вассала Афрасиаба.

16502 Сравни кто сильнее: Шенгул или Тус.— В Парижском издании дан вариант: «посмотрю Гехара Гехани и Фертуса», т. е. сопоставляются друг с другом туранские союзники, а не туранец с иранцем — Тусом.

16503—16504

Вернусь я, и тучею мы грозовой
Нагрянем на вражеский стан боевой!

Дословно: «Когда же я вернусь сюда — затяну пояс (приготовлюсь к бою» (букв. извлеку из иранцев дыханье и дым).

16617 Иль мир опрокинулся?..—В оригинале: «Не заперли для нас дверь неба...»

16637—16638 Здесь в переводе допущена перестановка двух смежных бейтов.

16703—16704

Но молвил боец: «На часах я стою,
Не в праве покинуть я вышку свою».

В оригинале: «Сказал ему [в ответ] дозорный: с дозора * Не

подобает уходить [мне] к иранскому войску». Часовой отвечал, можно сказать, по современным уставам!

16709—16710 Дозорному молвил воитель седой:
«Будь счастлив, не знайся вовеки с бедой!»

Дословно: «Так сказал дозорному богатырь Гудерз * Будь и дальше бодрствующим сердцем и светлым душой».

16773 Но месяц над Рыбою встал...—В оригинале: «Взошел месяц, находившийся в созвездии Рыб» (*äз бордже махи*).

16999 Благою звездою будь вечно храним...— В оригинале: *мäбадахäмавäрд-е то хич käс*, т. е. «никто да не будет противником тебе!».

17030 Другой не спасет их от гибели муж.— Дословно: «Дыхание его [т. е. Фериборза] — не исцеление (противоядие) от этой отравы».

17062 Напомнил о мазендеранских боях — т. е. о неудачном походе Кавуса на Мазендеран и о том, как Ростем спас и легкомысленного шаха, и все иранское войско, одолев страшных врагов (см. том I, стр. 359—410 — О походе Кавуса на дивов Мазендерана). Тут явная аналогия в положении иранского войска,— отсюда и напоминание Туса именно об этом подвиге Ростема.

17070 Чудовища вод — наиболее точный перевод слова *нäхäнг* — обычно — крокодил или акула.

17110 И пение птичье над степью летит.—В оригинале: «С равнины донесся возглас (*хоруш*) жаворонка (*чекав*)», или с равнины донесся звук «мелодии жаворонка», т. е., очевидно, напев особой утренней мелодии. Мелодия «Чекавек» — одна из тридцати знаменитых мелодий Барбеда — великого певца-музыканта сасанидского Ирана (VI век), примерно звук нашей военной «зари» (?)

17130 Свою булаву с головою быка... — Бык — символ мощи, и палицы с изображением его головы, выражаясь военным языком, «состояли на вооружении» знаменитой парфянской (хорезмийской) и сасанидской рыцарской конниц, а ретроспективно, как все вообще в «Шахнаме», и эпической — кеянидской.

17215 День гаснет, и светоч ночной не зажжен.— В оригинале: «Когда от солнца и месяца стали пусты небеса».

17227 Навстречу Гудерзу, быстрее огня.— Дословно: «Пешим приблизился к Гудерзу, словно дующий ветер» (*чо бад-е дäман*).

17264 Здесь в переводе допущена перестановка двух смежных бейтов.

17272 Тот счастлив победой, а этот — мертвец.— Дословно: «Одному — поминки, другому — пир» (*йакираст матäм йäкираст бäзм*).

17315 Здесь в переводе допущена перестановка двух смежных бейтов.

17331 И черный шатер изорвал в вышине — В оригинале: *аз ан чадор-е кир бирун кашид*, т. е. «из того смоляного шатра вытянул наружу».

17399—17400

И молвил: «О царственный, доблестный муж,
Чья мысль — насыщенье для праведных душ!»

Трудный бейт оригинала передан по общему смыслу примерно: «Сказал ему: „О государь! Живи вечно! * Благодаря мысли — для Разума будь всегда достаточной пищей“».

17419 В тексте Вуллерса подзаголовка, предшествующего данному стиху, нет. Условно, как и большая часть таких подзаголовков, здесь он мотивирован содержанием и наличествует иногда в разных рукописях и изданиях поэмы.

17433—17434

Пыль к небу несется черна и густа,
Затмив ему очи, засыпав уста.

В оригинале: *пор аз хак шод чашм-о кам-е сепехр * то гофти бе кир андар андуде чехр*, т. е. «Глаза и рот небосвода наполнились прахом * Ты сказал бы — смолой залито лицо [неба]».

17449 Меня мой чубарый без отдыха мчал.— Словом чубарый переводчик называет коня Ростема Рехша (см. прим. 14469 в томе I).

17484 Далее в оригинале бейт, отраженный в переводе ниже, в стихах 17989—17990.

17513 Эпизод этот — один из наиболее известных и любимых в поэме, что объясняется действительно выдающимся мастерством автора в описании боя.

17540—17541

Рохха́му бы только вино попивать!
За чашей сопернику спуска не даст...

В оригинале: «Ведь Рохха́му чаша вина — чета * За вином он постоянно мечом играет...»

17544 Взять верх над собою Ашкбусу он дал! — В оригинале: «он ведь был не меньшим, чем Ашкебус, рыцарем (всадником)».

17557 Мать смертью твоею меня назвала.— Слова, призванные устрашить противника, обычно предваряли бой (ср., например, русское былинное: «скажи имя твое, назовись, чтобы знать по ком панихиды петь» и др.).

17611—17612 Рок вымолвил: «Жить!», ангел вымолвил: «Цвесть!»,
Мир вымолвил: «Слава!», бог вымолвил: «Честь!»

Эти стихи перевода, точно отражающие форму оригинала, естественно, не вполне точны в передаче содержания. Дословно: «Судьба (*кäза*) сказала: «бери!», рок (*кäдäр*) сказал: „дай!“ Небо (*фäлäк*) сказало: „превосходно!“, ангел (*мäлäк*) сказал: „Отлично“ (*вех*)».

17679—17680

Должно быть, систанец воинственный тот,
Что столько тебе причиняет забот.

Речь идет, конечно, о Ростеме — владыке Систана. Во втором стихе перевода — вольная передача оригинала. Дословно: «Которого подвиги ты столько [раз] перечислял».

17697—17698

Представится взорам твоим великан
Пригожий и статный, как будто платан

В оригинале: «Увидишь мужа подобного высокому (стройному) кипарису (*сäрв-е сäхи*). По облику красив (благороден)» (*ба фäррäхи* — букв. с величием — славой).

17707 и след. Здесь допущена перестановка двух смежных бейтов.

17711 Сетир — мера веса примерно 6 дирхемов (драхм), или $^1/_{40}$ часть «мана» — *мäн* — примерно 3 или 6 кг (варианты по районам).

17767—17768

Но вот, чернокудрою ночью смущен,
Стал месяц небесный, и худ, и согбен.

Дословно: «Когда тонкой и согбенной стала спина луны* От темных локонов черных ночей».

17781—17782

А если врага бы сломили, тогда б,
Нас щедрой рукой одарил Афрасьяб.

В оригинале: «И еще то, что завтра от Афрасиаба * Обретем благодарность и найдем сон», т. е. заслуженный отдых после боя (?)

17833—17834 Перестановка двух смежных бейтов.

17867—17872 Дидактическая вставка — лирическое отступление автора.

17945—17954 Заключающее сказ лирическое, философски-дидактическое отступление автора.

17957—17958

Начну о китайском хакане рассказ,—
О мести, о битвах в Туране рассказ.

Заключительная концовка, как всегда с переходом к следующему сказу «О Ростеме и хакане Чина» (см. след. III том).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абу-Али-Сина (Авиценна) — **563**
Агрирес — 228, 229, **585**
Адонис — **574**
Азер А.— 5
Азергошесп — 420, **567**, **605**
Алва — 554—556
Али — **596**
Арджасп — **598**
Ареш *см.* Кей-Ареш
Астиаг — **604**
Аттис — **574**
Аустихен-Аушахр — **600**
Афрасиаб (Афрасьяб) — 16, 17, 19—21, 48, 92, 134—136, 140—144, 147, 148, 150—153, 155—158, 161, 163, 164, 167, 168, 171, 175, 176, 178—182, 184, 185, 187, 189, 191, 192, 197, 198, 206—210, 212, 220, 221, 224, 227, 228, 232—237, 239—242, 246, 251, 252, 256, 259—262, 271, 272, 278, 279, 285, 286, 288—290, 292, 294, 295, 309, 311, 317, 319, 325—327, 329, 332, 333, 335, 338, 342, 344, 345, 362—364, 369, 372, 373, 384, 387, 419, 425—429, 446, 453, 460, 471, 477, 494, 503, 506, 512—514, 528, 529, 541, 550, 553, 565, 572, 574, 576, 581—591, 595, 597—599, 604, 606, 613, 614, 619, 621, 622, 625
Ахемениды — **602**, **603**
Ахриман — 62, 125, 164, 228, 253, 291, 309, 312, 347, 350, 477, 484, 574, 578, **591**, **613**
Ашкбус — 512, 538, 545—549, 553, **620**, **621**, **624**

Базур — 484, 485
Бану-Гошесп *см.* Гошесп-бану
Бану-Лахути Ц. Б.— 5
Барбед — **623**
Барзу — **562**
Барман — 19—21, 49, 138, 140, 280, 428, **566**
Бартольд В. В.— **564**
Белый Див— 64, 309, 502, **570**, **600**, **618**
Берте — 367, 443, **605**
Бертельс Е. Э.— 5
Бехзад — 239, 310—312, 331, **600**
Бехрам — 17, 33, 34, 42, 53, 59, 96, 137, 160, 162, 165, 173, 174, 191

[1] Жирным шрифтом выделены страницы комментариев.

213, 247, 268, 270, 349, 360, 386, 390, 391, 393, 394, 398, 414, 420, 422, 423, 446—458, 467, 469, 489, **565, 573, 580, 615**
Биверд — 513, 524, **622**
Бижен — 301, 360, 368—370, 390, 405—408, 410—412, 416—419, 421, 425—427, 431, 443—445, 447, 455, 468, 475, 483, 486, 487, 490, 497, 499, 500, 519, 521, 565, 566, 589, **594, 599, 606, 613**
Бируни — **574**, 586
Борзин — 367, 483

Веразад — 272—274, 276, **597**
Висе — 203, 267, 289, 459, 474, **566, 585, 593, 614**
Вуллерс — **561, 563**, 565, **567, 569, 570, 572**, 577, 588, 589, **594, 596, 618**

Герсивез — 99, 100, 138, 139, 141—143, 148—150, 152, 153, 163, 183, 185, 188, 189, 209, 211—221, 223, 225—227, 231, 233—236, 240, 242, 244—246, 248—251, **576, 581, 586, 590—592**
Герче — 513, **622**
Гив — 17, 33—40, 42, 46, 51, 53, 55, 56, 59, 62, 68, 98, 100, 103, 106, 191, 247, 268, 270, 280, 283, 296, 298—301, 303—309, 311—337, 339—342, 349, 350, 358—360, 368—370, 372, 376—378, 390, 393, 395, 403—405, 407, 408, 414, 415, 417—421, 424, 425, 430, 431, 435, **436**, 440—442, 444—446, 448, 449, 455—458, 463, 466, 468, 471, 475, 477, 483, 486, 487, 490, 498—500, 503, 516, 517, 519, 524, 532—535, 537, 548, 549, 555, 565, 568, **570, 577, 590**, 599, **601, 602, 606, 616, 617**
Гивеган — **566**
Гождехем — 22, 23, 27, 29—31, 33, 35, 43, 45, 366, 377, 385, 390, **566**
Голиаф — **571**
Гольбад — 183, 314—316, 327, 483, 530, 542, **586**
Гольшехр — 189, 190, 195, 196, 211, 326, 329, **587, 594**
Гораз — 56, **570**
Горазе — 270, 361, 367, 378, 390, 393, 443, 483, 486, 500, **570**
Горгин — 17, 33, 42, 62, 244, 270, 334, 360, 366, 373, 393, 468, 482, 505, 549, 565, **617**
Гордаферид — 23—28, 31, **566, 567**
Горуй (Горуй-Зерех) — 218—220, 242, 245, 248—250, 267, 271, 410, **590**
Гостехем — 17, 83, 360, 366, 377, 390, 393, 405—407, 443, 444, 446, 483, 486, 498—500, **565, 566**

Гошвад — 33, 39, 54, 281, 307, 322, 341, 346, 349, 351, 360, 366, 477, 502, 516, 536, 554
Гошесп-бану — 321, 335, 565, **570, 601**

Гоштасп — **593, 598**
Гудерз — 17, 33, 39, 41—45, 53—55, 58, 59, 83—85, 98, 106, 165, 209, 213, 244, 268, 270, 281, 283, 291, 296—300, 305—307, 309, 322, 331, 334—336, 340—345, 349, 351, 358—360, 365, 366, 373, 377, 384, 385, 390—393, 395, 396, 414, 415, 430, 431, 433, 435, 436, 438, 441—443, 446, 448, 453, 463, 464, 468, 471, 475, 477, 481—483, 485, 487, 488, 492, 494, 495, 497, 502—504, 510—512, 516—518, 520, 526—528, 533, 536, 537, 543, 554, 565, 566, **570, 577, 585, 603, 605, 616—618, 623**

Давид — **571**
Даритель венцов (корон) *см.* Ростем
Демур — 219, 220, 245, 248, **590**
Дестан — 36, 37, 71, 73, 79, 90, 138, 191, 247, 296, 306, 362, 363, 496, 500, **568**, **572**
Джемшид — 71, 111, 291, 403, **571**, 578, **603**
Джерире — 189, 190, 214, 386, 388, 413, **587**, 589, **590**
Джехен — 183, 188, **586**

Женд *см.* Жендерезм
Жендерезм — 48—51, 61, **569**
Жуковский В. А.— **562**

Задшем — 261, **595**
Заль — 16, 37, 38, 87, 90, 132, 138, 209, 268, 275, 358, 359, 379, 489, 507, 558, **568**, **572**, **576**, **579**, 587, **604**
Заль-Зер *см.* Заль
Заратустра — **586**
Зеваре — 39, 62, 70, 82, 83, 89, 138, 278, 280, 292, **568**, **598**, **608**
Зенге — 137, 138, 162, 164, 165, 167, 168, 171, 191, 247, 361, 378, 388, 390, 393, 414, 443, 468, **580**, **611**
Зересп — 366, 399, 400, 403, 405, 406, 409, 415, 416, 420, 465—467, **605**
Зерех — 473
Зохак — 246, **603**

Изед — 13, 70, 228, 345, 362, **583**
Иредж — 221, 228, **583**, **590**
Ирем — 322, **601**
Исфендиар — **613**
Йездан — 41, 45, 48, 70, 76, 83, 89, 102, 104, 110, 129, 130, 134, 140, 164, 166, 167, 172, 176, 180, 192, 200, 205, 217, 238, 248, 263, 270, 293, 299, 301—303, 311, 312, 315, 322, 332, 337, 349—351, 359, 370, 449, 462, 464, 481, 501, 506, 517, 522, 534, **578**, **615**

Каве — 443, **562**, **656**, **609**
Кавус *см.* Кей-Кавус
Камус — 461—463, 512, 514, 524—526, 528—530, 532, 534, 535, 538, 540, 542, 544, 548, 549, 551, 552, 554—558, **615**, **620**, **621**
Кебуде — 422, 423, **613**
Кей-Ареш — 112, **578**
Кей-Кавус — 17, 19, 20, 22, 28, 29, 33, 37—42, 44—46, 51, 54, 57, 59—61, 66, 69, 70, 80, 84, 85, 88, 103, 104, 107, 111—113, 117, 119, 122, 124, 125, 127, 130—135, 137, 139, 140, 144, 146, 154, 156, 159, 160, 162, 163, 167, 169—171, 175, 180, 183, 188, 190, 191, 207, 209, 212, 221, 234, 244, 247, 267, 268, 295, 296, 299, 308, 321, 335, 337, 340—342, 344, 346, 347, 349, 350, 354, 361, 362, 366, 374, 435, 445, 446, 448, 465, 508, 530, **565**, **568**, **569**, **574**, **576—579**, **584**, **605**, **611**, **623**
Кей-Кобад — 41, 163, 177, 190, 257 298, 307, 330, 334, 378, 403, 504, **568**, **578**, **602**, **609**, **611**
Кей-Пешин — 112, **578**
Кей-Хосров — 237—239, 255, 257, 260—264, 288—290, 297—301, 303—307, 309—316, 318, 321, 322, 324, 326—329, 331, 332, 334—337, 340—346, 349—354, 356—363, 365—370, 375, 376, 378, 380, 384, 386, 387, 392, 397, 401, 404, 414, 419, 433, 436, 458, 461, 463, 465—470, 488, 492, 501, 502, 504—507, 509, 517, 520, 521, 530, 540, 541, 550, 554

565, 574, 585, 590, 592, 595, 600—602, 604, 605, 608, 609, 621
Кехар — 513, 622
Кеяны (Кеяниды) — 357, 579, 602
Кир — 604
Кобад *см.* Кей-Кобад
Кондор — 513, 622
Кохрем — 280, 598

Лахути А. 5
Леххак — 251, 252, 441, 483, 492, 493, 530, 594

Менучехр — 146, 228, 247, 342, 373, 437, 468, 568, 582, 583, 610
Меншур — 512, 524, 528, 538, 540, 549, 552, 620
Мерду — 425, 613
Мехраб — 576
Милад — 366, 373, 505
Могучий *см.* Ростем

Надир-шах 610
Неби — 267
Нейрем — 16, 29, 37, 63, 286, 379
Нериман — 15, 358, 585
Нестихен — 183, 314, 315, 316, 317, 428, 586, 600
Нестух — 390, 565
Нехель — 483, 617
Новзер — 17, 53, 341, 342, 346, 395, 403, 489, 555, 565
Ноузад — 565

Озирис — 574
Омар — 606

Пересвет — 571
Пешен *см.* Пешенг
Пешенг — 221, 342, 367, 585, 590, 595, 603, 614
Пешин см. Кей-Пешин

Пильсом — 243, 249, 251, 281—284, 593
Пиран — 168, 170, 171, 174—180, 183, 188—192, 194—196, 198—200, 203—207, 209—212, 214, 237, 238, 243, 244, 249, 251—256, 258—263, 282, 284, 288—290, 304, 305, 313, 314, 316—318, 320, 322—329, 338, 339, 386, 404, 409, 419, 428—430, 437, 438, 441, 442, 445, 446, 451—453, 455, 459—461, 470—472, 476, 477, 479, 481, 483, 484, 488, 491—496, 498, 502, 510, 512, 513, 515, 516, 520, 523, 525, 528—530, 534, 540—542, 548—553, 565, 566, 585—589, 593—595, 600, 614—616, 619, 620
Пишдадиды — 571
Плашан — 368, 416—418, 428, 606
Пулад — 183, 586

Резван — 211, 589
Рехш — 9, 10, 11, 13, 14, 15, 18, 39, 40, 61, 62, 72, 81, 238, 280, 281, 284, 502, 505, 553, 554, 557, 567, 624
Ривниз (Рив) — 367, 390, 397—400, 403, 406, 415, 416, 421, 445, 446, 449, 450, 465, 466, 467, 605, 611
Ростем — 5, 7—9, 11—17, 20, 28, 29, 33—40, 42—46, 48—51, 53—59, 61—94, 96, 102—104, 135, 138, 139, 141, 148—157, 159, 161, 162, 177, 191, 209, 213, 238, 243, 247, 268—272, 274—278, 280—283, 285—288, 290, 292—297, 299, 300, 304, 306, 308, 316, 317, 321, 322, 334, 335, 342, 358—360, 362, 363, 365, 373, 374, 379, 380, 384, 461, 463, 465—467, 476, 489, 492, 496, 499, 500, 502, 503, 505—510, 517, 522, 523, 527—533, 536, 537, 540—551, 553—558, 561—565, 568—573, 579, 583, 584,

587, 595, 597, 598, 600, 601, 603, 604, 608, 615, 618, 620, 623—625
Роххам — 42, 59, 62, 270, 360, 376, 393, 411, 414, 437—439, 468, 482, 483, 485—487, 498—500, 516, 519, 545, 549, 555, 565, 617, 624
Рубинштейн А. Г. — 593
Рудабе — 88, 90, 587
Руин — 183, 252, 451, 452, 586, 594

Саади — 600, 607, 608
Сам — 14—16, 30, 36, 38, 51, 73, 86, 87, 90, 91, 359, 379, 381, 565, 572, 603, 604
Саошиант — 565
Сасаниды — 602
Сельм — 148, 246, 468, 583, 599
Семирамида — 622
Сепехром — 138—140, 327, 585
Сиавуш — 97, 98, 101—103, 105—107, 109, 111, 113—118, 120—123, 125, 127—131, 135, 136, 138—141, 145, 146, 148—160, 162, 165, 168—171, 173, 177—192, 194, 195, 197—203, 206—215, 217—219, 221—227, 230, 231, 233—236, 239—242, 244—248, 250, 254, 255, 259, 260, 264—267, 269, 273, 277—279, 288, 292—294, 298, 303, 305—308, 310—312, 314, 320, 324, 327, 335, 336, 345, 354, 359, 362—364, 372, 381, 383, 386, 387, 394, 396, 397, 403, 404, 407, 413—415, 417, 419, 420, 431, 437, 452, 464, 470, 471, 495, 496, 506, 508—510, 527, 550, 573, 574, 576—580, 583—590, 592, 593, 595, 596, 600, 602, 604, 610, 615
Сиавушиды — 574
Симорг — 579
Соколов С.— 564, 567, 568, 570
Соруш — 212, 297, 299, 346, 350, 589
Сорхе — 274—277, 597
Сохраб — 5, 7, 8, 15, 17—27, 29, 31—33, 36, 41, 43, 45, 47—60, 62—69, 71—80, 83, 85, 86, 88, 90—93, 95, 96, 561, 562, 564, 566, 569, 571, 573, 615
Стариков А. А. — 5
Судабе — 106—111, 113, 116—120, 122, 123, 125, 127, 130—132, 162, 163, 269, 270, 577—579
Сюань-Цан — 563

Тахмурес — 71, 571, 612
Тевабе — 366, 605
Тежав — 369, 370, 422—426, 428, 451, 453—456, 457, 458, 606
Техмине — 12, 15, 562, 564, 569
Товорг — 168, 585
Тохар — 388, 389, 391, 392, 398, 399, 400, 401, 404, 407, 611
Тур — 148, 179, 221, 228, 246, 256, 257, 261, 298, 330, 345, 381, 468, 583, 585, 586, 590, 602
Турак (Турек) 585
Тус — 17, 33, 39, 40, 46, 53, 61, 62, 68, 80, 83, 85, 98—100, 103, 106, 136, 159, 160—162, 165, 174, 175, 244, 247, 268, 277, 278, 280, 285—287, 291, 296, 306, 321, 334, 341—349, 352, 358—360, 365—367, 382—386, 389, 391—396, 398—402, 404, 409, 411, 414—416, 419, 427, 428, 432—436, 439, 463—479, 481—483, 485, 487, 489, 492—497, 499, 500, 503, 505, 509—512, 514, 516, 517, 519, 521, 522, 524, 530—533, 535, 537, 540, 543—546, 548, 549, 555, 565, 566, 577, 584, 610, 617, 621—623

Ферамарз — 247, 272, 273, 275—277, 280, 283, 285, 286, 359, 374, 379, **593, 597, 608, 609**
Ференгис — 190, 191, 193, 195—198, 211—213, 215, 225, 232, 234, 236, 238, 246, 248, 251, 252, 254, 255, 309, 312, 313, 318, 325—329, 332, 340, 448, 470, 505, **574, 587, 592, 602, 604**
Фериборз — 56, 244, 270, 292, 342, 343, 345, 347—349, 352, 366, 378, 389, 395, 434, 436, 437—441, 443, 445, 463, 505—509, 526—528, **530**, 531, 533, 540, 543, 549, 554, **577, 587, 623**
Феридун — 99, 100, 111, 149, 189, 194, 246, 256, 260, 261, 331, 342, 345, 362, 381, **568, 576, 578, 583, 591, 599, 603, 604**
Фертус — 512, 513, 540, 549, **620, 622**
Ферхад — 33, 244, 268, 270, 361, 367, 378, 390, 393, 483, **565**
Фершидверд — 251, 252, 441, 483, 530, **593**
Фирдоуси — 266, 561, **562, 569, 570, 573, 574, 575, 579, 584, 585, 587, 589, 591, 593, 596, 603, 604, 610, 613, 616**
Фируз — **566**
Форуд — 214, 381, 383, 385—389, 391—403, 405, 407—415, 421, 434, 435, 437, 445, 461, 463—467, 589, **605, 610—612**

Хайям — **563, 608**
Хамаверанский владыка — 115, **578**
Хеджир — 22—24, 27, 29, 37, 52, 53, 55—58, 60, 83, 281, **565, 566**
Хомай — 237, 377, 379, **600, 609, 612**
Хоррад — 270, 468, 483, 497, **597**
Хосров *см.* Кей-Хосров
Хосров-Ануширван — **604**
Хуман — 19—21, 23, 32, 47, 49, 67, 72, 75, 82, 83, 89, 92, 183, 286, **287**, 330, 334, 441, 444, 474, 477—481, 483, 484, 491—496, 498, 499, 501, 510, 513, 515, 521, 530, 534, 539, 540, 542, 548, 549, **566**, 586
Хушенг — 111, **578**

Чжан-цянь — **586**

Шаворан — 137, 164, 171, 191, 390, 393, 468, **580, 605**
Шапур — 191, 268, 270, 360
Шахриар — **562**
Шейдуш — 59, 270, 376, 390, 393, 483, 486, 487, 497, 499, 500, **519, 565, 570**
Шемиран — 513, **622**
Шенгул — 513, 514, 524, 538, 540, **622**
Шехр-бану-Ирем — **565, 570, 593, 601**
Шиде — 181, 183, **586**
Шидрох — 483, **617**

Эндериман — 183, **586**
Эрджасп — 183, **586**
Эрженг — 425, 426, 473, 474, 475, **613**
Эспануй — 369, 426, 427, **606**
Эшкеш — 377, 378, 440, **609**

Якут — **603**

Mohl J. — **561**

Turner Macan — **561, 563**

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Азерабадган — 361, 605
Айриана (Эран-Веж) — 574
Аму-Дарья *см.* Джейхун
Ардебиль — 347, 603
Афганистан — 580, 587

Багдад — 379
Баглан — 564
Бактриана *см.* Балх
Балх — 138—141, 149, 155, 159, 163, 175, 514, 580, 583
Балхаб — 580
Белая Гора — 407
Белая Крепость — 22, 31, 34, 47, 48, 566
Белудж, Белуджистан — 137, 580, 610
Белый Замок *см.* Белая Крепость
Бехман — 347—349, 603
Бисотун — 19, 551
Бухара — 153, 583

Вавилон — 586
Византия *см.* Рум

Ганг — 586
Гангдеж (Гангдежгухт) 586, 588
Герат — 138
Геругерд (Героугерд) 422, 429, 613
Гехан — 513, 622
Гилян — 137, 580
Гиндукуш — 564
Гользериюн — 292, 318, 598, 600

Дагуй — 98, 575
Джейхун — 140, 141, 148, 149, 158, 161, 174, 238, 270, 314, 329—332, 334, 339, 345, 404, 522, 563, 566, 576, 580, 581, 583, 602, 613, 616, 620—622

Египет *см.* Мыср

Забул, Забулистан — 15, 34, 35, 38, 57, 71, 73, 89, 90, 102, 103, 138, 177, 271, 296, 297, 300, 373, 492, 500, 504, 514, 554, 557
Заравшан — 621
Зем — 331, 334, 335, 602

Индия — 138 (Индийский край), 207 (Индийская страна), 527, 564, 583, 585, 587, 589, 610, 621
Индостан *см.* Индия
Индо-Китай *см.* Мачин
Ирак — 602
Иран — 16, 17, 19, 20—22, 28—30, 32—37, 41, 43, 44, 49, 53—55, 59, 60, 63, 80, 85, 87, 89, 92, 100, 103,

104, 134, 138, 141, 147—149, 155, 156, 158, 160, 161, 172, 177, 178, 181, 185, 187—189, 191, 192, 194, 205, 208, 209, 212, 220, 223, 228, 232—234, 238, 239, 246, 247, 253, 257, 262, 265, 267, 269, 271, 279, 282, 283, 288, 295—297, 306—308, 313, 318, 319, 322, 329, 330, 334, 335, 337, 339, 341, 342, 345, 353, 357, 360, 361, 363—365, 372—374, 382, 385, 386, 392, 402, 404, 407, 416, 424, 432—434, 436, 444, 445, 459, 461, 463, 468, 469, 471, 476, 477, 491, 492, 494, 496, 500, 502—504, 506, 508, 513, 514, 519—522, 525, 526, 528, 531, 549, 557, 563, 565, 568, 570, 574, 576—578, 580, 581, 583, 586, 590, 591, 599, 601—605, 607, 615, 621, 622
Истахр — 341, 603
Исфаган — 331, 334—336, 340, 602, 603

Йемен — 12, 110, 577

Кабул — 138, 177, 191, 268, 271, 358, 379, 505, 514, 554, 557, 587
Казвин — 580
Канг — 153, 179, 200, 201, 234, 236, 275, 291, 296, 304, 584, 585, 598
Кангюй — 586
Каннудж — 379
Касеруд — 372, 416, 419—421, 432, 459, 607
Кат — 513, 622
Каф-гора — 346, 602
Качар-баши — 175, 177, 294, 585, 599
Кашмир — 191, 268, 379, 513, 587, 621
Келат — 383—385, 409, 414, 419, 435, 463, 610
Кешан — 512, 620, 621
Китай *см.* Чин
Колу — 257, 594
Кум — 340, 603
Кухистан — 105
Кушания — 621

Ладеп — 477, 616

Мавераннахр — 105, 512, 576, 584, 602, 620
Мазендеран — 34, 40, 43, 44, 72, 568, 570, 600, 623
Маргиана — 580
Мачин — 290, 292, 304, 334, 391, 598, 602
Меем — 384, 386, 399, 463, 610, 611,
Мерв — 580
Мервруд — 138, 580
Монголия — 601
Мургаб — 580
Мыср — 40, 208, 568, 578, 589

Нарвен — 271
Нил — 34, 53, 58, 126, 135, 237, 279, 344, 385, 404, 521, 542, 567, 568, 597, 598
Нимруз — 268, 335, 358, 379, 537, 604

Пакистан — 610
Парс — 137, 296, 580
Персеполь *см.* Истахр

Рей — 340, 603
Рим *см.* Рум
Рум — 40, 221, 233, 235, 236, 244, 294, 513, 527, 567, 568, 598, 599, 621
Румийское море — 5 43

Саклаб — 294, 513, 527, 552, 598, 599, 622
Самарканд — 153, 581, 583, 584
Сегсар — 40, 513, 568, 622
Семенган — 10, 11, 19, 21, 36, 92, 563, 564, 569
Сепиджаб — 153, 272, 275, 291, 292, 513, 583, 584, 597, 598, 621
Сепидкух — 386, 399, 410, 414, 420, 435, 610
Сиавушгорд — 208, 209, 212, 242, 263, 309
Синд — 207, 552, 589
Систан — 79, 90, 159, 300, 379, 529, 530, 568, 604, 625
Согд *см.* Согдиана
Согдиана — 140, 142, 148, 153, 163, 291, 581, 583, 584
Сорудж — 137, 580
Сыр-Дарья — 620

Талкан — 138, 580
Тераз (Тараз) — 114, 578
Термед *см.* Термез
Термез — 140, 174, 581
Туран — 8, 13, 16, 21, 28—30, 51, 71, 89, 92, 98, 135, 138, 146, 147, 149, 152, 157, 158, 164, 167, 168, 174, 175, 180, 182, 183, 186—188, 191, 192, 194, 196, 202, 203, 205—209, 212, 217, 220, 223, 228, 230, 232—234, 236, 238, 239, 241, 242, 244, 245, 247, 257, 276, 280—283, 290, 294, 296—300, 303, 304, 308, 315, 318, 321, 322, 327, 330, 334, 345, 356, 367, 372—374, 382, 385, 394, 404, 419, 424, 427, 429, 430, 434, 439, 447, 452, 461, 463, 467, 468, 472—474, 491, 496, 507, 513, 514, 538, 540, 550, 553, 558, 565, 566, 570—572, 581, 585, 586, 589—591, 599, 600, 602—604, 610, 613, 615 621, 622, 625
Турецкая империя, Турция — 578, 608

Ургендж — 622

Фарс — 353, 602

Хамаверан — 34, 40, 42—44, 124, 165, 568
Хейбак — 564
Хемавен — 488—490, 493, 495, 500, 502, 503, 515, 516, 520, 521, 526, 528, 531, 534, 537, 538, 540, 618
Хинд, Хиндустан — 148, 211, 373, 379, 513, 552, 554, 583, 622
Хорасан — 340, 589, 602, 603
Хорезм — 574, 586, 622
Хоррембехар — 208, 589
Хотен (Хотан) — 199, 211, 254, 288—290, 321, 329, 461, 587, 598
Хульм — 563

Чаган — 513, 622
Чанг — 460
Чач — 153, 174, 291, 478, 583, 616
Черем — 384—386, 398, 416, 435, 437, 463, 464, 610
Чин—40, 54, 89, 148, 196, 198, 208, 212, 221, 232, 233, 235, 244, 290, 292, 321, 334, 391, 394, 457, 480, 484, 514, 523, 527, 529, 552, 553, 567—570, 581, 601, 602, 619—621, 625
Чин—море — 172, 197, 207, 288, 290, 512, 589, 601, 620

Шехд — 469, 470, 472, 513, 538, 616 621

Эльборз — 41, 88, 343, 474
Эран-Веж *см.* Айриана
Эрвенд — 331, 345, 602

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Авеста — 586, 604
Агат — 47, 480, 617
Амбра — 103, 110, 124, 171, 177, 196, 235, 337, 349, 370, 384, 416, 458, 585
Анчар — 85, 572
Астролябия — 193

Бейт — 563—567, 569—574, 577—583, 587—592, 595—601, 603, 605, 609—612, 614—625
Бехмен — 425, 613
Бехрам — 34, 462, 522, 567, 584
Библия — 571
«Бижен и Мениже» — 565
Брахман — 372, 607
Буддисты — 607
Бычьеглавая булава — 131, 339, 344, 375, 431, 533, 579, 602

Везир — 128, 251, 374, 462, 579
Вода *см.* Стихии
Воздух *см.* Стихии
Вуллерса — Нафиси текст «Шахнаме» — 561, 563, 565—567, 569—571, 573, 577, 579, 582, 585, 587, 588, 592, 593, 595—599, 603, 604, 607, 608, 612—615, 618,—620, 624

Гарем — 107, 108, 111, 113, 115, 117, 122, 577
Гилянский щит — 217, 590

Дей — 595
Дехкан — 8, 26, 97, 98, 356, 463, 563, 573, 575, 604, 616
Дивы — 13, 42, 60, 63, 71, 123, 253, 272, 288, 305, 327, 333, 341, 351, 418, 422, 483, 504, 531, 557, 570, 577, 578, 601, 613, 623
Динары — 19, 105, 150, 174, 196, 197, 208, 213, 239, 274, 292, 460, 472, 503
Дирхемы — 105, 110, 130, 208, 214, 263, 274, 469, 625

Знамя (стяг) Каве — 54, 137, 280, 286, 341, 343, 347, 348, 352, 353, 366, 382, 383, 393, 434, 435, 443—445, 469, 475, 481, 486, 493—495, 498, 510, 534, 569, 580, 605
Зодиак — 603
Зоннар — 606
Зороастризм — 565, 589, 598, 603, 604

Имам — 596

Кавеянское знамя (Кавеянский стяг) *см.* Знамя Каве
Калькуттское издание

«Шахнаме» — 561, 563, 564, 567, 569, 570, 572, 577, 579, 580, 587, 588, 592, 594, 595, 600, 610—612, 614, 615, 619, 620
Камедь — 47
Камфора — 128, 488, 618
Кафур — 415, 416, 490, 618
Кейван — 91, 160, 334, 349, 462, 572, 578, 584, 590, 593, 608
Кейсер — 321, 601
Коменд — 372, 607
Кеянский венец — 131, 288, 353, 354, 579
Кеянский наследственный знак — 396, 611
Кеянский престол — 188, 306, 366, 368, 605
Кеянский род — 307, 314, 387, 394, 508
Кимвал — 47, 79, 80, 95, 136, 137, 151, 153, 174, 183, 199, 270, 272, 275, 323, 326, 343, 347, 352, 353, 358, 359, 367, 382, 386, 392, 393, 395, 425, 429, 431, 436, 440, 471, 472, 477, 480, 482, 484—486, 491, 493, 494, 499, 500, 524, 525, 531, 539, 541, 543, 544, 555, 610
Кита — *см.* Рыба (на которой покоится земля) — 367
Колос (Колоса Девы созвездие) — 366, 605
Коран — 589
«Кровь Сиавуша» — 250, 593
Лал — 12, 26, 93, 101, 196, 211, 288, 313, 336, 390, 448, 556, 611
Лондонская рукопись «Шахнаме» — 561, 563, 569, 572, 588, 596, 608, 610, 612, 618, 619—621
Льва созвездие — 347, 431
Мансуровское «Шахнаме» — 562, 563, 573, 574
Марс *см.* Бехрам
Мимбар — 596
Мобед — 14, 59, 126, 134, 137, 144, 145, 366, 367, 384, 487, 509, 563, 573, 575, 579, 582
Мускус — 92, 103, 109, 139, 147, 177, 196, 208, 264, 266, 277, 281, 296, 372, 384, 394, 458, 576, 611, 617

Нахид — 196, 275, 503, 522
Новруз — 614

Овна созвездие — 382, 554
Огонь *см.* Стихии
Онагр — 8, 9, 13, 24, 60, 74, 147, 187, 287, 292, 304, 390, 392

Падишах — 208, 589
Парижское издание «Шахнаме» — 561, 571, 572, 581, 584, 593—596, 598, 609, 610, 616, 618—620, 622
Первин — 204, 334, 588
Пери — 100, 101, 114
Пехлевийский язык — 349, 363, 484, 586
Плеяды *см.* Первин
Прах *см.* Стихии

Рака созвездие — 480, 512, 617, 619,
Раш — 203, 588
Робаб — 176, 460, 488
Руд — 12, 38, 51, 72, 105, 131, 138, 181, 215, 564
Рыба (на которой покоится земля) — 350, 367, 591, 603
Рыбы созвездие — 522, 623

Сатурн *см.* Кейван
Сетир — 551, 625
Симург — 520
Сказания о Куликовской битве — 571
Смоковница — 97, 575, 595

Сохейль (Канопус) — 577
Стихии — 133, 580
Стяг Каве *см.* Знамя Каве
Супниты — 597
Сферы небесные — 88, 309, 482, 573

Таблицы звездные — 124
Тельца созвездие — 350, 367, 532, 591, 603
Тир — 522
Тузийское седло — 479, 616

Фагфур — 321, 601
Фарсанг — 71, 97, 202, 203, 208, 231, 239, 287, 294, 336, 380, 430, 490, 509, 544, 588
«Ферхенг Джехангири» — 566
Фиал — 49, 51, 72, 111, 181, 221, 569

Хакан — 321, 512, 514—516, 523, 524, 526, 528, 529, 531, 538, 540—543, 548, 553, 554, 558, 601, 619—622, 625
Халифат — 577
Хирбед — 109, 110, 113, 577

Храм Огня — 361, 364, 605
Чачийский лук — 547, 616
Ченг — 488
Човган — 25, 182,—184, 215, 567, 586

Шафран — 103, 110, 196, 214, 287, 337, 576
Шах — 29, 30, 37, 42, 44—46, 56, 84, 89, 102, 106, 109, 112, 115, 121, 125, 129, 131—133, 141, 150—152, 154, 160, 162—164, 166—168, 172, 174, 175, 190, 209, 221, 243, 296, 306, 308, 311, 331, 338, 340, 352, 354, 365, 374, 375, 378, 395, 421, 424, 436, 444, 466, 469, 475, 496, 502, 505, 507, 509, 514, 526, 565, 569, 570, 576, 577, 584, 587, 594, 595, 619, 623
Шемаме — 370, 480, 607, 617
Шенбелид — 300, 599, 611
Шииты — 596, 597

Эбен — 380, 416, 448, 490, 500, 531, 535
Эдем — 113
Эргеван — 599

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 5

Кей-Кавус 7

Сказ о Сохрабе 7

Ростем едет на охоту 8
Ростем приходит в Семенган 10
К Ростему приходит Техмине, дочь царя Семенганского 12
Рождение Сохраба 15
Сохраб выбирает себе коня 17
Афрасьяб посылает к Сохрабу Бармана и Хумана 19
Набег Сохраба на Белую Крепость 22
Поединок Сохраба с Гордаферид 23
Посланье Гождехема Кавусу 29
Вторжение Сохраба в Белую Крепость 31
Посланье Кавуса Ростему 34
Кавус гневается на Ростема 39
Кавус и Ростем ведут войско в поход 46
Ростем убивает Жендерезма 48
Сохраб спрашивает у Хеджира имена иранских богатырей 52
Сохраб нападает на войско Кавуса 60
Поединок Ростема с Сохрабом 64
Ростем и Сохраб возвращаются в свои станы 67
Сохраб повергает Ростема 72
Ростем повергает Сохраба 77
Ростем просит у Кей-Кавуса целебное снадобье 84
Ростем оплакивает Сохраба 86
Ростем возвращается в Забулистан 89
Мать узнает о смерти Сохраба 92

Сказ о Сиавуше 97

О матери Сиавуша 98
Рождение Сиавуша 101
Возвращение Сиавуша из Забулистана 103
Смерть матери Сиавуша 105
Судабе влюбляется в Сиавуша 106
Сиавуш приходит к Судабе 109
Сиавуш во второй раз приходит в покои Судабе 113
Сиавуш в третий раз приходит в покои Судабе 118
Судабе обманывает Кей-Кавуса 119
Судабе прибегает к помощи колдуньи 122
Кавус расследует дело о младенцах 122
Сиавуш невредимым проходит через огонь 123
Сиавуш просит отца помиловать Судабе 131
Кавус узнает о набеге Афрасьяба 134
Сиавуш выступает в поход 136
Письмо Сиавуша Кавусу 139
Ответ Кей-Кавуса Сиавушу 140
Афрасьяб видит зловещий сон 142
Истолкование мобедами сна Афрасьяба 144
Афрасьяб советуется со знатью 147
Герсивез прибывает к Сиавушу 149
Сиавуш заключает договор с Афрасьябом 151
Сиавуш посылает Ростема к Кавусу 154
Ростем вручает Кавусу послание Сиавуша 156
Кей-Кавус отсылает Ростема в Систан 159
Ответ Кей-Кавуса на послание Сиавуша 160
Сиавуш совещается с Бехрамом и Зенге 162
Зенге отправляется к Афрасьябу 167
Послание Афрасьяба Сиавушу 171
Сиавуш вверяет войско Бехраму 173
Встреча Сиавуша с Афрасьябом 179
Сиавуш отличается в присутствии Афрасьяба 182
Афрасьяб и Сиавуш едут на охоту 187
Пиран отдает свою дочь в жены Сиавушу 189
Пиран беседует с Сиавушем о Ферингис 190
Беседа Пирана с Афрасьябом 192
Свадьба Сиавуша и Ферингис 194
Афрасьяб вручает царство Сиавушу 197
Сиавуш строит город Канг 200

Сиавуш беседует с Пираном о будущем 203
Афрасьяб посылает Пирана в объезд своих земель 207
Сиавуш строит Сиавушгорд 208
Пиран посещает Сиавушгорд 209
Афрасьяб посылает Герсивеза к Сиавушу 212
Рождение Форуда, сына Сиавуша 214
Сиавуш играет в конное поло 215
Возвращение и навет Герсивеза 220
Герсивез снова отправляется к Сиавушу 225
Письмо Сиавуша Афрасьябу 231
Афрасьяб идет войной против Сиавуша 234
Сон Сиавуша 235
Наставления Сиавуша Ферингис 236
Сиавуш в плену у царя Афрасьяба 239
Ферингис умоляет Афрасьяба о пощаде 246
Смерть Сиавуша от руки Горуя 248
Пиран освобождает Ферингис 252
О рождении Кей-Хосрова 255
Пиран вверяет Кей-Хосрова пастухам 257
Пиран приводит Кей-Хосрова к Афрасьябу 260
Кей-Хосров отправляется в Сиавушгорд 263

Месть за Сиавуша 266

Жалоба Фирдоуси на свою старость 266
Кавус узнает о смерти Сиавуша 267
Прибытие Ростема к Кей-Кавусу 268
Ростем убивает Судабе и выступает в поход 270
Смерть Верезада от руки Ферамарза 272
Поход Сорхе против Ростема 274
Афрасьяб мстит за сына 279
Смерть Пильсома от руки Ростема 281
Бегство Афрасьяба от Ростема 285
Афрасьяб отсылает Кей-Хосрова в Хотен 288
Царствование Ростема в Туране длилось семь лет 290
Зеваре посещает места, где охотился Сиавуш 292
Ростем разоряет Туранскую землю 294
Возвращение Ростема в Иран 295
Гудерз видит во сне Кей-Хосрова 297
Гив отправляется в Туран на поиски Кей-Хосрова 300
Гив находит Кей-Хосрова 304

Прибытие Гива и Кей-Хосрова в Сиавушгорд 309
Кей-Хосров ловит Бехзада 310
Бегство Ферингис, Кей-Хосрова и Гива в Иран 313
Гив обращает в бегство Гольбада и Нестихена 315
Пиран отправляется в погоню за Кей-Хосровом 318
Битва Пирана с Гивом 320
Гив берет в плен Пирана 322
Ферингис спасает Пирана от ярости Гива 325
Афрасьяб встречает на дороге Пирана 326
Разговор Гива со стражем судов на реке 329
Кей-Хосров переплывает Джейхун 331
Прибытие Кей-Хосрова в Исфаган 334
Кей-Хосров прибывает к Кавусу 337
Тус отказывается присягнуть Кей-Хосрову 341
Ссора Гудерза с Тусом 343
Гудерз и Тус приходят к Кавусу 344
Тус и Фериборз пытаются овладеть крепостью Бехман 347
Кей-Хосров завоевывает крепость Бехман 349
Кей-Хосров возвращается с победой 352
Кавус возводит на престол Кей-Хосрова 354

Кей-Хосров 356

Вожди присягают Кей-Хосрову 357
Кей-Хосров объезжает свое царство 360
Кавус и Хосров клянутся мстить Афрасьябу 361
Кей-Хосров считает витязей 366
Кей-Хосров одаряет витязей 373
Кей-Хосров посылает Ростема в Хиндустан 375
Кей-Хосров строит свое войско 381

Сказ о Форуде, сыне Сиавуша 382
Тус отправляется в Туран 385
Форуд узнает о прибытии Туса 388
Форуд и Тохар рассматривают иранское войско 391
Бехрам поднимается на гору к Форуду 396
Бехрам возвращается к Тусу 398
Смерть Ривниза от руки Форуда 399
Смерть Зереспа от руки Форуда 399

Битва Туса с Форудом 400
Битва Гива с Форудом 403
Битва Бижена с Форудом 407
Смерть Форуда 409
Джерире убивает себя 413
Поход Туса на Касеруд и смерть Плашана от руки Бижена 416
Иранцев застигает буран 419
Бехрам пленяет Кебуде 422
Битва иранцев с Тежавом 423
Афрасьяб узнает о набеге Туса и его дружины 428
Ночное нападение Пирана на иранцев 430
Кей-Хосров отзывает Туса 433
Фериборз просит перемирия у Пирана 437
Поражение иранцев в битве с туранцами 440
Бехрам возвращается на поле битвы за своей плеткой 442
Смерть Бехрама от руки Тежава 451
Гив убивает Тежава в отмщенье за Бехрама 455
Возвращение иранцев к Кей-Хосрову 458

Сказ о Камусе Кешанском 462

Кей-Хосров хулит Туса 463
Кей-Хосров прощает иранцев 465
Кей-Хосров посылает Туса в Туран 467
Переговоры Пирана с иранским войском 470
Афрасьяб посылает войско к Пирану 471
Битва Туса с Эрженгом 473
Битва Хумана с Тусом 474
Второе сражение иранцев с туранцами 480
Туранцы колдуют над иранской ратью 484
Иранцы уходят на гору Хемавен 488
Туранское войско осаждает гору Хемавен 490
Пиран приводит войско к горе Хемавен 495
Ночное нападение иранцев 497
Кей-Хосров узнает о положении рати 502
Фериборз просит в жены Ферепгис — мать Кей-Хосрова 505
Тус видит во сне Сиавуша 509
Афрасьяб посылает хакана и Камуса на помощь Пирану 512
Прибытие хакана к горе Хемавен 515
Иранцы держат совет 517
Хакан обозревает иранское войско 523

Прибытие Фериборза на гору Хемавен 526
Пиран совещается с хаканом 528
Гив и Тус бьются против Камуса 532
Прибытие Ростема к иранцам 536
Иранцы и туранцы строятся на поле битвы 539
Туранская и иранская рати сходятся на поле битвы 542
Бой Ростема с Ашкбусом 545
Пиран расспрашивает о Ростеме 549
Иранцы с туранцами сходятся на поле брани 552
Битва Камуса с Алвой 554
Поединок Ростема с Камусом 556

ПРИЛОЖЕНИЯ

Комментарии 561
Именной указатель 626
Географический указатель 632
Предметный указатель 635

Фирдоуси «Шахнаме», том II

*

Утверждено к печати
Редколлегией серии «Литературные памятники»

*

Редактор издательства *В. М Пискунов*
Технический редактор *Ю. В. Рылина*

*

РИСО АН СССР № 7-137В. Сдано в набор 10/III 1960 г.
Подписано к печати 24/VIII 1960 г. Формат 70×92¹/₁₆
Печ. л. 40,25 усл. печ. л. 47,09 уч. изд. л. 33 + 4 вклейки
Тираж 8000 экз. Изд. № 4201 Тип. зак. № 280

Цена 22 руб. с 1/I 1961 г. 2 р. 20 к.

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
35	17 св.	Ведь	Веди
49	14 св.	Увидит властителя гордого стан,	Где шахское войско раскинуло стан,
58	13 св.	Лоев	Лев
100	10 сн.	ловкая	легкая
210	12—13 сн.	Дворец Сиавуша, сад полный чудес И град обозрев, богатырь Герсивез	С восторгом тот сказочный град обозрев, Дворец Сиавуша и сад осмотрев,
390	10 св.	смоль —	смоль — волоса
451	4 св.	ратной	вражьей
568	17 сн.	омыли	омыл
578	9 сн.	вместо	в значении
583	1 сн.	вернее	вариант
586	10 св.	Бируни,	Бируни о
603	16—17 св.	Афрамаба	Афрасиаба

ФИРДОУСИ · ШАХНАМЕ

ФИРДОУСИ

ШАХНАМЕ

Цена 22руб